

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЛЯРИС»

WORLDS OF POUL ANDERSON

Volume seventeen

THE TERRAN EMPIRE

**THE DAY OF THEIR
RETURN**

**A KNIGHT OF GHOSTS
AND SHADOWS**

«POLARIS» PUBLISHERS
1997

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Том семнадцатый

ТЕРРАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

**ДЕНЬ, КОГДА ОНИ
ВОЗВРАТИЛИСЬ**

**РЫЦАРЬ ПРИЗРАКОВ
И ТЕНЕЙ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997

Миры Пола Андерсона. Т. 17 / Пер. с англ. — Рига: Полярис, 1997. — 383 с.

В очередной том собрания сочинений прославленного фантаста вошли два романа из цикла «Терранская Империя» — «День, когда они возвратились» и «Рыцарь призраков и теней», — повествующие о непрскрашающей тайной борьбе Земли с ее могущественным соперником — Мерсейей.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

The Day of Their Return
Copyright © 1975 by Poul Anderson
A Knight of Ghosts and Shadows
Copyright © 1975 by Poul Anderson

© Издательство «Полярис»,
перевод, оформление, 1997

© Издательство «Полярис»,
составление, название серии, 1995

ISBN 5-88132-298-3

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

собрание фантастических произведений
в тридцати томах

ТОМ СЕМНАДЦАТЫЙ

Уважаемые читатели!

Издательство «Полярис» благодарит вас
за интерес к нашим книгам

и поздравляет с удачным вложением денег.

В каждом томе «Миров Пола Андерсона»

(кроме последнего)

вы найдете аналогичный призовой купон.

Мы рекомендуем сохранить эти купоны
до окончания выхода в свет всего собрания
фантастических произведений Пола Андерсона.

Потому что...

Внимание!!!

Потому что читатели, которые вышлют нам
29 разных купонов (по одному из каждого тома),
получат последний том «Миров Пола Андерсона»

БЕСПЛАТНО!

Каждому, кто соберет и вышлет
в адрес издательства 29 призовых купонов,
мы гарантируем получение по почте бесплатно
последнего тома «Миров Пола Андерсона».

НАШ АДРЕС:

Латвийская Республика, LV-1039, Rīga, а/я 22

«МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА»

собрание фантастических произведений в тридцати томах

1	«Зима над миром» «Огненная пора»	Терранская империя — 3 Рассказы и повести	16
2	«Победить на трех мирах» «Тау — ноль» «Полет в навсегда»	Терранская империя — 4 «День, когда они возвратились» «Рыцарь призраков и теней»	17
3	«Орион взойдет»	Терранская империя — 5 «Игра империи» «Камень в небесах»	18
4	«Челн на миллион лет»		
5	«Враждебные звезды» «После судного дня» «Ушелец»	«Ночной лик» «Орбита не ограничена» Рассказы	19
6	«Планета, с которой не возвращаются» «Война двух миров» «Мир без звезд» «Самодельная ракета»	«Звездные нивы»	20
		«Звезды тоже из огня»	21
7	«Волна мозга» «Сумеречный мир»	Патруль времени — 1	22
8	«Операция "Хаос"» «Танцовщица из Атлантиды»	Патруль времени — 2	23
9	«Три сердца и три льва» «Буря в летнюю ночь»	«Щит времени»	24
10	«Сага о Хрельфе Жердинке»	Психотехническая лига — 1 «Психотехническая лига» «Снега Ганимеда»	25
11	Торгово-техническая лига — 1 Рассказы и повести	Психотехническая лига — 2 «Бескровная победа» «Звездные пути»	26
12	Торгово-техническая лига — 2 «Сатанинские игры» «Обитель мрака»	Психотехническая лига — 3 «Звездолет» «Планета девственников»	27
13	Торгово-техническая лига — 3 Рассказы и повести		
14	Терранская империя — 1 «Дети ветра» «Мичман Флэндри»	«Аватара»	28
		Рассказы	29
15	Терранская империя — 2 «Все круги ада» «Восставшие миры»	Рассказы	30

**В содержании отдельных томов после двадцатого
возможны незначительные изменения.**

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В очередной том собрания фантастических произведений Пола Андерсона вошли два романа из истории Терранской Империи — «День, когда они возвратились» и «Рыцарь призраков и теней».

Оба романа были добавлены в летопись Технической цивилизации сравнительно поздно — в 1975 году. Вероятно, поэтому изящный и легкий декаданс ранних произведений о Доминике Флэндри несколько поблек, сменившись реальностью суровой и холодной.

В первом из романов Флэндри вообще отсутствует. Героям приходится — каждому по-своему — пожинать плоды его трудов по усмирению мятежа Мак-Кормака. Верховный комиссар системы Вергилия Чандербан Десаи пытается восстановить порядок и закон Империи на родной планете мятежного адмирала, среди людей, которые помнят Мак-Кормака и чтят его имя. Племянник адмирала, Наследник Айвар Фредериксен стремится сломить власть ненавистной ему Империи. В круговорот их судеб втягиваются и другие — возлюбленная Айвара Татьяна Тэйн, ифрианский путешественник Эраннат, бродяги-тинеране, речные торговцы, религиозные фанатики-орканцы... Но за круговоротом событий стоит зловещая золотая тень существа, называющего себя Айхарайхом с затерянной планеты Херейон, и еще более странные тени строителей загадочных монументов, разбросанных по Галактике, но особенно многочисленных на Энее — Древних. Долг комиссара Десаи, по его собственным словам — любой ценой установить мир. Цель жизни орканца Джаана — любой ценой исполнить повеление Древних. Задание мерсейского агента Айхарайха — любой ценой развязать новую гражданскую войну, новый, страшный джихад.

А второй роман, «Рыцарь призраков и теней», вновь сталкивает читателя с Домиником Флэндри, а самого Флэндри — с мерсейской разведкой. Странное полурелигиозное движение на Диомеде оказывается лишь ширмой, скрывающей истинный план Айхарайха, план, касающийся Денницы — планеты, издавна стоявшей на страже у границ Мерсейи, но населенной, кроме землян славянского происхождения, и ящероподобными мерсейцами. Но сталкиваются не только разведки двух воюющих сторон и не только космические крейсера. Ответный удар наносит прошлое Доминика Флэндри.

**ДЕНЬ,
КОГДА ОНИ
ВОЗВРАТИЛИСЬ**

И вот, ко мне тайно принеслось слово, и ухо мое приняло нечто от него. Среди размышлений о ночных видениях, когда сон находит на людей, Объял меня ужас и трепет, и потряс все кости мои. И дух прошел надо мною, дыбом стали волосы на мне. Он стал, — но я не распознал вида его. — только облик был перед глазами моими; тихое веяние, — и я слышу голос...

Книга Иова, IV, 12-16

Глава 1

На третий день он восстал из мертвых и вновь поднялся к свету.

Над морем, что когда-то было океаном, занимался рассвет. На севере синели скалы, встававшие над серо-стальным горизонтом; по лицу утеса низвергался водопад, и гром его разносился в стылом безветрии. Небо на западе было лиловым, пурпурным в зените и сияющим на востоке, где восходило солнце. Но Утренняя Звезда все еще была видна — Утренняя Звезда, планета Избранных Первыми.

«Я первый из Избранных Вторыми, — было известно Джаану, — и глас тех, кто избирает. Быть человеком — значит изливать сияние».

Его ноздри жадно вбирали воздух, его мышцы радовались движению. Никогда еще не было его восприятие столь остро. От радостного лица до попирающих прах ног — он существовал, он был реален.

О великая радость! — сказала та его часть, что была Каруитом.

Она переполняет это бедное тело, — ответил Джаан. — *Воскресение из мертвых мне непривычно. А ты сам — не чувствуешь ли ты себя скованным цепями чужаком?*

Шесть миллионов лет пролетели как одна ночь, — сказал Каруит. — *Я помню блеск солнца на волнах и рокот прибоя — там, где теперь камни у нас под ногами; я помню могучие стены и гордые колонны — теперь это жалкие руины у нашей разверзшейся могилы; я помню плывущие в небе облака, коронованные радугами. Больше всего я хочу вспомнить — и не могу, ибо плоть, которой я стал, не может удержать пламя, которым я был, — я хочу вспомнить полностью своего существования.*

Джаан поднял руки к короне, сжимавшей его виски.

Для тебя это тяжелая ноша, — сказал он.

Нет, — пропел Каруит. — Я ведь разделю все то, что она сулит тебе и твоей расе. Я буду расти вместе с тобой, и ты — вместе со мной, и они — вместе с нами, пока человечество не только станет достойно принятия в Единство, но и даст ему нечто, никому другому недоступное. И наконец мысль создаст Бога. Теперь не медли, нужно объявить об этом людям.

Он/они пошли вверх по склону к Арене. Дидона, Утренняя Звезда, таяла в небе над ними.

Глава 2

К востоку от Виндхоума местность понижалась, пока не достигала подножия Гесперийских холмов. Раннее лето набросило на их суровые вершины покрывало листвы: голубоватой, зелено-серой, пронзительно зеленой там, где росли дубы и кедры, и пурпурной в зарослях расмина. Отдельные деревья, кусты, целые роши привольно раскинулись на живой мантии огненной травы, переливавшейся красными и желтыми оттенками оникса.

С запада потянул прохладный ветерок. Айвар Фредериксен поехался. Ложа карабина показалась его руке особенно холодной. Дерн, на котором лежал Айвар, начал сворачиваться на ночь, превращаясь в упругий войлок. Его дневной запах — запах кремня и искр — уже почти не ощущался. Над Фредериксеном нависало дерево дельфи: его искривленный низкий ствол, переплетение ветвей и густая листва образовывали живой грот. Шелест листьев напоминал шепот на неизвестном языке. Отсюда Айвару был виден склон, усеянный небольшими кустиками и валунами, и долина, полная теней. Идущую вдоль берега дорогу уже скрыли сумерки, и только по воде иногда пробегали неяркие отблески света. Сердце Айвара колотилось громче журчания Вилдфосса.

Никого. Неужели они никогда не появятся?

Краем глаза он уловил промелькнувший отсвет. Затаив дыхание, он присмотрелся внимательнее. Летящий с запада флиттер?

Нет. Блеск последнего закатного луча на взвихренных ветром листьях обманул его. Над хребтом Хорнбек поднималась всего лишь Креуса. У Айвара вырвался смешок — симптом того, как напряжены были его нервы. Словно в поисках лекарства от одиночества, он проводил взглядом луну. Ее блеск усиливался: поднимаясь к востоку, она становилась все более полной. Лучи уже скрывшегося за горизонтом солнца точно так же засияли бы золотом на крыльях летательного аппарата на фоне глубокой синевы неба...

«Полегче! — попытался урезонить себя Айвар. — Ты скоро совсем сойдешь с ума. Ну и что, что это твой первый бой? Это не оправдание. Ты ведь командир, разве не так?»

Хотя разреженный сухой воздух Энея был ему привычен от рождения, Айвар почувствовал, что дыхание разрывает ему грудь, а язык стал шершавым, как подметка. Он потянулся за флягой. Вода, которую он набрал из реки, отдавала железом.

— Ахх... — выдохнул он. И тут увидел имперских солдат.

Именно так они и появились — внезапно, как удар. Какой-то частью рассудка Айвар понял, почему так произошло. Солдаты вышли на дорогу позже, чем ожидалось, их скрыли сумерки, да и рошица прямо перед ним заслоняла их до последнего момента. Но как же получилось, что и остальные не увидели их раньше? Партизаны же рассредоточились на три километра в обе стороны от него. Не очень-то высока их боеготовность...

Однако эта мысль промелькнула где-то на краю сознания. Айвара нес могучий поток. Он не знал, что это так ревет в его ушах — страх, гнев, безумие, — да и не было времени отделить одно от другого. Он лишь со смутным изумлением отметил, что не испытывает ни героической радости, ни железной целеустремленности. Его тело просто выполняло заранее намеченный план, а в голове звучал вопль: «Как я здесь оказался?! Как мне выбраться из этой заварушки?!»

Айвар вскочил на ноги, издал охотничий крик волкопаука, услышал, как такие же крики передали команду дальше по цепи. Натянув капюшон на голову и скрыв лицо под ночной маской, он сжал карабин и выбрался из укрытия под деревом дельфи.

Все его ощущения стали болезненно-яркими. Он видел каждый свернувшийся стебель огненной травы, по которой бежал, чувствовал ее упругость под ногами, ощущал тепло, исходящее от нагретой за день скалы, вдыхал сладкий запах кедра; задев на бегу ствол дуба, запомнил шершавость его коры. Казалось, он мог бы точно назвать число лепестков на цветущем расмине или вычислить скорость, с которой перо-трава складывает листики перед наступлением ночного холода. Однако все это было где-то на окраинах его сознания, как и игра мускулов, напряжение нервов, биение крови в сердце. Его «я», самая суть его существа была сосредоточена на одном — сейчас он сразится с врагами.

Все они были людьми — пешие солдаты, взвод морской пехоты, усиленный полевым оружием. Пушка на тихо гудящем антиграве плыла в двух метрах над дорогой. Хотя солдаты и не сняли касок, они явно не ожидали никаких неприятностей от этого рутинного патрулирования и скорее шли вразвалочку, чем

маршировали. Большинство из них переключили свои наплечные энергопакеты на обогрев мешковатых зеленых комбинезонов.

Это Айвар понял по показаниям инфраскопа на своем карабине. Собственные же глаза сказали ему, что из-за кустов и по склонам холмов бегут его товарищи, как и он, в маскировочной одежде и с ружьями. Он услышал боевой клич и пронзительные вопли попеременно с выстрелами. Энейцы вдвое превосходили противника числом, на их стороне было преимущество внезапности и жажда свободы.

Конечно, у них не было энергетического оружия; но шквал пуль обрушился на артиллериста, и Айвар увидел, как тот вылетел из-за пульта, превращенный в кровавое месиво. *Мы одолеваем!* Айвар тоже выстрелил и снова побежал зигзагом, низко пригнувшись. Цель атаки заключалась в том, чтобы истребить взвод и спрятать захваченное оружие в горах.

Но дуло пушки опустилось, и она стала стрелять. Слишком поздно Айвар понял: *кнопка мертвого человека**. Морские пехотинцы, попадавшие на землю, когда началась стрельба, поднялись и перегруппировались под прикрытием огня. Только несколько раненых и убитых осталось лежать на земле. Вспышки выстрелов из бластеров и гранатометов озарили все вокруг. Ближайший к Айвару энец дернулся, покатился вниз по склону и закричал. Он кричал. Он кричал. Кровь на траве казалась невероятно яркой, она все текла и текла...

Новый стрелок занял место убитого. Из дула орудия вылетела молния, бело-голубой блеск которой превратил реку в поток расплавленного металла. За молнией последовал раскат грома. Там, где проходил луч, не было больше ни растительности, ни нападающих: только дым и пепел.

Оглуший и ослепший Айвар вжался в землю. Его пальцы вцепились в траву — планета пыталась вывернуться из-под него.

Прошла вечность, прежде чем этот кошмар кончился. Его голова все еще гудела, как колокол, ослепительно яркие пятна плясали перед глазами, но теперь он снова видел, слышал, почти что мог соображать.

Куст кинжальника частично скрывал его. Острые как бритва листья вспороли рукав и порезали правую руку Айвара, но в остальном он остался цел. Рядом с Айваром лежал убитый. Лучевой удар вспорол тело, внутренности вывалились на траву. Маска скрывала лицо, и Айвар не знал, кто из его друзей это был. Как

* Кнопка мертвого человека — страховочное устройство, включающееся, когда оператор теряет возможность сознательного управления механизмом (срабатывает под действием веса мертвого тела или при прекращении контролируемого волей человека усилия). (*Здесь и далее примеч. пер.*)

ужасно, как непотребно, что внутренние органы выставлены на всеобщее обозрение, а лица не видно...

Айвар напряженно всматривался в темноту. Враги не развернули орудие в эту сторону. Здесь они применили бластеры — оружие более избирательного действия. По сравнению с солдатами, с их выучкой и дисциплиной, партизаны были все равно что стекло против брони.

«Партизаны! Они же просто дети! И это я повел их на дело», — Айвар изо всех сил боролся с тошнотой и слезами.

Нужно скрыться. Дурацкое везение, ничего более, но все же он жив, и его пока не заметили. Морские пехотинцы многих захватили в плен. Айвар видел, как они сгоняли вместе легкораненых. Еще несколько человек под дулами бластеров подняли руки.

Никто не может скрыть что-нибудь от гипнозонда...

Вергилий опустил за невидимый горизонт. Ночь вступила в свои права.

Период обращения Энея составляет двадцать часов девятнадцать минут и несколько секунд. Рассвет был уже близок, когда Айвар Фредериксен достиг Виндхоума.

Серые гранитные стены окружали наследственную твердыню Архонта Илиона. Она стояла на краю древнего мыса. Террасы, откосы, скалы, кое-где поросшие скудным кустарником, образовывали уступ континентального шельфа, обрывающийся на три километра вниз к равнине Антонина, бывшей когда-то морским дном. Туда же в шуме водопадов устремлялась река, бросавшая отблески на стены замка.

Главные ворота были закрыты — как знак того, что обитатели считают оккупационные войска сборищем бандитов. Айвар, спотыкаясь, приблизился к ним и нажал клавишу сканнера. Где-то внутри уныло прозвонил колокольчик.

Усталость гнездилась в костях Айвара, пронизывала его плоть, заставляла кровь бежать медленнее. Колени его дрожали, зубы выбивали дробь, соленый пот щипал потрескавшиеся губы. Идти по дороге было бы опасно, и его бегство оказалось долгим и трудным.

Айвар прислонился к высокой стальной двери, со свистом втягивая воздух пересохшим ртом. Ветер окутывал его ледяным холодом. И все же никогда еще он так остро не ощущал красоту этой земли, как теперь, когда она была для него потеряна.

Небо казалось кристаллическим черным куполом, усеянным колючими звездами. Они разноцветными алмазами сверкали сквозь разреженный воздух, Млечный Путь тек, как покрытый белой

пенной поток, а в полутора миллионах световых лет была видна его сестра-близнец — туманность в созвездии Юла. Креуса уже зашла, но серп более медлительной Лавинии все еще стоял над горизонтом. Звездный свет серебрился на инее.

На восток простирались поля, лужайки, перелески; на их фоне кое-где темнели контуры спящих ферм. Дальше поднимались холмы. Взгляд Айвара обратился на запад. Там плодородные земли низин, перерезанные каналами, которые ночной мороз обратил в зеркальные поверхности, давали приют садам и плантациям; за ними полированным щитом лежали соленые болота, уходившие в бесконечность. Айвару показалось, что он видит движущиеся огни. Неужели крестьяне уже поднялись? Нет, на таком расстоянии он не разглядел бы зажженные лампы... скорее это фонари кораблей-призраков, бороздивших океан, который исчез три миллиона лет назад...

Ворота широко распахнулись. Сержант Астафф стоял, придерживая створку. Его коренастое тело, в нарушение всех имперских указов, было облачено в илионскую форму, хотя он позволил себе обойтись без капюшона и маски. В призрачном свете звезд его седая голова казалась столь же ледяной, как и его слова:

— Наследник Айвар! Где ты был? Что происходит? Твоя мать совсем измучилась от страха за эти пять дней.

Наследник Айвар, шатаясь, прошел мимо него. За аркой ворот двор замка лежал в перекрестье теней башен и укреплений. Гончая собака, поджарая, с могучими челюстями гесперийская борзая, была здесь единственным живым существом. Ее когти клацали по камням с неестественно громким звуком.

Астафф нажал кнопку и закрыл ворота. Некоторое время он, прищурясь, смотрел на Айвара, затем медленно произнес:

— Лучше отдай карабин мне, Наследник. Я знаю места, куда терране не догадаются заглянуть.

— Я тоже, — вздохнул в ответ Айвар.

— Похоже, твое умение вас подвело — прятались, пока не стали готовы... для той затеи, что... Эй! — Астафф протянул руку и подхватил Айвара.

— Я попал в такую беду, что теперь уже безразлично, даже если они поймают меня с этим. — Айвар крепко сжал карабин. — Разница одна — они дорого заплатят за меня.

Что-то вспыхнуло в старике. Он, как и его предки до него, всю свою жизнь служил Архонту Илиона. Несмотря на это, — а может быть, как раз поэтому, — в его голосе прозвучала боль.

— Почему ты не позвал меня на помощь?

— Ты постарался бы отговорить меня, — ответил Айвар. — И был бы прав, — добавил он тихо.

— Да что же вы затеяли?

— Устроили засаду патрулю. Мы хотели захватить оружие. Не знаю, многим ли удалось спастись. Наверное, большинство убито или попало в плен.

Астафф внимательно смотрел на юношу.

Айвар Фредериксен был высок, 185 сантиметров, и строен, с широкими плечами и типичной для энейцев мощной грудью. Усталость приглушила его обычную живость и сделала хриплым голос. Лицо его казалось очень молодым — курносый покрытый веснушками нос, квадратный подбородок, на котором еще только начинала пробиваться щетина. Белокурые волосы были коротко острижены на северный манер, вечный хохолок на макушке и падающая на лоб прядь придавали Айвару мальчишеский вид. Из-под темных бровей смотрели большие зеленые глаза. Его обычная для походных условий одежда состояла из куртки, свитера с высоким воротом и толстых штанов, заправленных в низкие сапоги. На кожаном ремне висел кошель и тяжелый нож в ножнах. В его внешности было не много такого, что отличало бы его от любого другого молодого человека из высшего сословия.

Однако этого немногого было достаточно.

— Что за пустоголовая вы компания, — наконец произнес сержант.

— Что же, прикажешь сидеть и безропотно терпеть, пока терранс будут помыкать нами, расстреливать наших людей и вообще делать все, что им угодно? — со вспышкой бессильного гнева ответил Айвар.

— Ну, — проворчал старик, — я бы по крайней мере лучше спланировал удар и заранее как следует подготовился.

Астафф взял Айвара за локоть:

— Ты вымотался, как пуля на излете. Вот что, отправляйся ко мне. Ты ведь еще не забыл, где это? Благодарение господу, жена отправилась провести семейство дочери. Прими душ, поешь и заваливайся спать. Я останусь на часах до конца вахты — если вызвать кого-то на смену, посыплются вопросы. А так никто ничего не проведает.

— Зачем это? Есть же мои собственные покои... — удивленно заморгал Айвар.

— Ага, — фыркнул старик, — давай, давай. Разбуди мать, разбуди сестренку. Так они точно окажутся втянуты во все это. Их ведь допросят, знаешь ли, как только имперцы пронюхают, что ты участвовал в заварушке. Допросят под наркотиками, а может, и с психозондом, если решат, что родные могут знать, куда ты делся. Ты этого хочешь? Ладно. Иди простись с ними с любовью.

Айвар сделал шаг назад, с мольбой протянул к старику руки:

— Нет! Я... я не подумал...

— Это точно.

— Конечно, я... У тебя есть план? — покорно спросил юноша.

— Тебе нужно смыться, прежде чем появятся имперцы. Слава Всевышнему, что твой отец был все это время в Новом Риме: теперь он чист как голубь. Может быть, его влияния даже хватит, чтобы защитить семью — *если только* терране не пронюхают, что ты тут появлялся после нападения на патруль. Ясно? Тебе скоро отправляться, наденешь ливрею, которую я стащу для тебя, да еще маску — будто у тебя аллергия на чихальник. Оружие спрячешь под плащом. Сделай вид, что тебя послали со срочным заданием. Поместье велико, народу тут толчется много, никто на тебя и внимания не обратит. Я подумую, кто из йоменов сможет спрятать тебя — Сэм Хедин, Фрэнк Вэнс, — все они надежные ребята и живут далеко от замка. Туда ты и отправишься.

— А потом?

— Кто знает? — пожал плечами Астафф. — Когда шум утихнет, я шепну твоим, что ты жив и на свободе. Может, попозже твоему отцу удастся выпросить тебе помилование. Но если терране схватят тебя, пока их покойники еще не остыли — сынок, они сделают из твоей казни наглядный урок. Я знаю имперцев. Не раз приходилось бывать у них с адмиралом Мак-Кормаком. — Упомянув имя адмирала, старый воин отдал честь. Любой агент Империи, случись ему увидеть такое, немедленно арестовал бы его.

Айвар сглотнул и, запинаясь, проговорил:

— Я... я не знаю, как тебя благодарить...

— Ты — следующий Архонт Илиона, — отрезал сержант. — Может быть, ты — наша последняя надежда, если, конечно, не считать возвращения Старейших. Вот что, пока никто не появился, убери-ка с глаз моих свою задницу — и не забудь вместе с ней убрать остального себя.

Глава 3

Предыдущим назначением Чандербана Десаи было участие в делегации, которая вела переговоры по разрешению джиханнатского кризиса. Однако оно не было заминкой в его карьере, как могло бы показаться. Администраторы его величества должны постоянно торговаться по мелочам, искать компромиссы, нащупывать дорогу, разрешать конфликты между личностями, организациями, сообществами, расами и видами разумных существ. Обладать умением быстро схватывать факты, оценивать ситуацию, твердо противостоять блефующему противнику, если, несмотря ни

на что, неопределенность вторгалась в расчеты, — вот что было самым важным для бюрократа среднего уровня, к которому и принадлежал Десаи. Резидент, имеющий дело с единственной цивилизацией, должен лишь наблюдать за происходящим. Губернатор сектора управляет такими необъятными пространствами, что события в них начинают казаться ему чем-то абстрактным. Однако от специальных уполномоченных разных рангов ожидалось, что они единолично смогут справиться с любой ситуацией, возникающей на больших и беспокойных территориях.

Десаи работал в окрестностях Бетельгейзе, в никому не принадлежащих и плохо исследованных буферных районах, отделяющих владения Терранской Империи от Мерсейского Ройдхуната. Поэтому было совершенно естественно, что на него пал выбор при назначении членом специальной дипломатической миссии. Его обычное спокойствие послужило настолько хорошей опорой для главы делегации, Лорда-Советника Чардона, что Десаи получил повышение в чине и был назначен верховным комиссаром в систему Вергилия в противоположном конце Империи.

Это тоже было естественным. Мятеж в секторе альфы Южного Креста стал возможен потому, что большая часть флота была задействована в окрестностях Джиханната, где возникновение полномасштабных военных действий представлялось весьма вероятным. После того как Терра, несмотря ни на что, успешно справилась с повстанцами, Мерсея заявила, что ее намерения всегда были миролюбивыми, она желает избежать серьезных столкновений и готова начать переговоры.

Когда Политическому Совету понадобился способный администратор в сектор альфы Креста, лорд Чардон с таким энтузиазмом рекомендовал Десаи, что тот оказался назначен комиссаром системы Вергилия, чья колонизированная людьми планета Эней была зачинщицей беспорядков.

Может быть, поэтому-то в памяти Десаи так часто всплывали теперь мерсейцы, как ни далеки от настоящего казались те события.

В один из редких моментов праздности, перед появлением в его кабинете в Новом Риме очередного посетителя, он вспомнил свой последний разговор с Улдвиром.

Они выполняли примерно одинаковые обязанности, каждый в своей делегации, и каким-то странным образом подружились. Когда протокол, после утомительных препирательств, был наконец подписан, Десаи и Улдвир дополнили скучный официальный банкет личной встречей.

Десаи вспомнился отдельный кабинет в ресторане с примитивными движущимися картинами на стенах (нельзя же было

ожидать от ресторана, предназначенного для удовлетворения гастрономических потребностей представителей различных разумных рас, еще и соответствия всем их разнообразным эстетическим идеалам); зато меню представляло собой очень изобретательное сочетание терранских и мерсейских блюд.

— Выпей еще, — предложил Улдвир, берясь за кувшин с крепким мерсейским пивом.

— Нет, спасибо, — ответил Десаи. — Я предпочитаю чай. Да и вообще я полон уже до ватерлинии.

— До чего?.. А, я понял, хоть и не знаю этой идиомы. — Оба они свободно говорили на основном языке государства противника, поскольку голосовой аппарат людей и мерсейцев не так уж отличался, но всегда предпочитали пользоваться каждый своим языком — Десаи англичком, а Улдвир — эрио. — Да, съел ты немало.

— Я всегда этим грешил, к сожалению, — улыбнулся Десаи. — А уж пить больше мне определенно не следует — я потеряю ясность мысли. Масса тела у меня не то что у тебя, я не настолько емок по части алкоголя.

— Какое имеет значение, даже если ты и опьянеешь? Я так намерен напиться. Наша работа закончена. — После мимолетной паузы Улдвир добавил: — На настоящий момент.

Десаи пораженно уставился на него через стол.

Улдвир ответил ему насмешливым взглядом. Лицо мерсейца было почти человеческим, если не считать более массивного черепа и некоторых деталей — мелкой чешуи на зеленой коже, отсутствия волосяного покрова и ушных раковин. Низкий зубчатый гребень, начинаясь на макушке, тянулся вдоль спины до кончика крокодильего хвоста — части тела, придававшей устойчивость большому наклоненному вперед туловищу. Руки мерсейца тоже напоминали человеческие, но плоские когтистые задние конечности могли бы принадлежать двуногому динозавру. Улдвир был облачен в черный с серебром военный мундир и брюки; многоцветные эмблемы на мундире говорили о высоком чине и принадлежности к клану Вах Холлен. На бедре мерсейца висел бластер.

— Что тебя удивляет? — спросил он.

— Э-э... да ничего.

Одновременно Десаи подумал:

«Он сказал это без враждебности — враждебности ко мне лично. Он, как и все представители его цивилизации, не так уж тщательно выбирает слова. Просто их противостояние Терре — имеющий место факт. Ройдхунат готов к компромиссам, когда этого требует дело, но никогда не откажется от своей основополагающей идеи — того, что Империя рано или поздно должна быть

уничтожена. Потому что мы — раса старая, пресыщенная, стремящаяся только к поддержанию мира, чтобы продолжать предаваться своим наслаждениям, — мы препятствие для амбиций их расы. Если только баланс сил не окажется нарушен, мы и впредь будем останавливать их где только возможно; вот они и стремятся подорвать наше могущество, вымотать нас. Но в этом нет ничего личного. Я благородный враг Улдвир, следовательно — его друг. Оказывая ему сопротивление, я придаю смысл его жизни».

Собеседник догадался об этих мыслях и хрипло засмеялся.

— Если ты предпочитаешь сегодня притвориться, что дело улажено навсегда, — пожалуйста. Я предлагаю нам обоим выпить и петь воинственные песни.

— Я не воин, — ответил Десаи.

Улдвир скептически прищурился, хотя его губы продолжали улыбаться.

— Ты хочешь сказать, что тебе не нравится физическое насилие. Ведь то, чем ты занимался за столом переговоров, — это весьма эффективная военная операция.

Мерсец снова приложился к кружке. Десаи заметил, что тот уже слегка навеселе.

— Думаю, что и следующая стадия будет носить вполне мирный характер, — продолжал Улдвир. — Силловые методы последнее время не очень-то срабатывают. Старкад, Джиханнат — нет, я предвижу, что мы попробуем что-нибудь более тонкое и с дальним прицелом. Это ведь и вашу Империю устроит, *крайх*? Вы извлекли немало полезных для вашей разведки сведений из совместных действий на Толвине. — Десаи, который был хорошо об этом осведомлен, промолчал. — Теперь наша очередь.

Ненавидя себя, но выполняя долг, Десаи спросил как можно более небрежно:

— А где?

— Кто знает? — жест мерсейца был эквивалентен пожатию плечами. — Я не сомневаюсь, да и ты, конечно, тоже, что у нас хорошая агентура, например, в секторе альфы Креста. Помимо того, что там спокойно, это близко к Сфере Ифри, — а у них отношения с нами лучше, чем с Террой, — его рука рубанула воздух. — Впрочем, я огорчаю тебя, не так ли? И к тому же всего лишь беспочвенными предположениями. Прости меня. Слушай, если тебе не нравится пиво, почему бы не заказать бренди из ягод арфа? Гарантирую первоклассное опьянение. Ты можешь считать себя мирным человеком, Чандербан, но я кое-что знаю о твоих соплеменниках — я имею в виду, людях особого рода. Как называется эта древняя книга, которую ты так часто вспоминаешь и цитируешь? Риксвей?

— Ригведа, — сказал ему Десаи.

— Ты говорил, в ней есть военные гимны. Ты не смог бы перевести их на англик? Вон там есть компьютерный терминал, — он показал в угол комнаты. — Ты можешь подключиться к нашему главному переводящему устройству, ведь вся официальная часть уже закончена. Мне очень хотелось бы послушать что-нибудь из ваших ритуальных песнопений, Чандербан. Такое множество традиций, творений, тайн — а жизнь так коротка...

Этот вечер запомнился Десаи надолго.

Десаи беспокойно заерзал в кресле.

Он был невысок, с темно-коричневым круглым как луна лицом и выпирающим животиком. К пятидесяти пяти стандартным годам в его черных волосах не появилось седины, но наметилась лысина. Уголки полных губ всегда были слегка приподняты, что в совокупности с грустными глазами придавало лицу выражение задумчивости. Как всегда, сегодня он был одет в свободную белую рубаху и брюки и в туфли на размер больше, чем необходимо, — удобство он ценил.

За исключением оборудования связи и компьютерного терминала, занимавших целую стену, его кабинет был столь же неприязнителен, как и одежда. Единственным предметом роскоши была великолепная голограмма вида на Маунт Ганди на его родной планете, Рамануджане. Комнату оживляли также портреты жены Десаи и их семерых детей с семьями — четверо были уже вполне самостоятельны и обитали на четырех разных мирах. Книжные полки содержали как тома законов, так и фильмокнижки — справочники, поэтические сборники, исторические труды, — авторы большинства которых покинули сей мир много столетий назад. Письменный стол вовсе не отличался аккуратностью, присущей Десаи лично.

«Не надо было мне раньше времени использовать отпуск, — подумал Десаи. — Видит Бог, сейчас мне нужно больше сил, чем у меня есть. Впрочем, так ли это? Не впадаю ли я в столь распространенный грех считать себя незаменимым? Просто кто-то должен занимать этот пост, и так случилось, что это выпало мне.

Да и что значит “должен”? Что на самом деле происходит по моей воле, что — вопреки ей и что — от нее независимо? Сколько и каких событий вообще должно произойти? Боже! Я осмелился взяться за управление целым миром, не зная о нем ничего, кроме названия, да и то только потому, что это оказалась родная планета Хью Мак-Кормака, человека, который чуть не стал императором. И что же я узнал об этом мире за прошедшие два года?»

Обычно ему удавалось сохранять спокойствие, но случившееся в Гесперийских холмах было слишком потрясающим, даже не столько само по себе, сколько из-за возможных последствий, каковы бы они ни были. Как может он предвидеть реакцию местных жителей, когда новости станут им известны, — он, чужеземец, которому ничего не говорит интуиция?

Десаи вставил сигарету в длинный искусно вырезанный из бивня сухопутного кита мундштук (он всегда считал его ужасающе безвкусным, но это был подарок его десятилетней дочери, вскоре умершей). Табак, выращенный на Эсперансе, был дорогим удовольствием, но все-таки напоминал настоящий табак Терры; да и достать его было нелегко в здешних краях из-за застоя в торговле.

Табачный дым не успокоил Десаи. Он вскочил и начал ходить по кабинету. Он все еще полностью не привык к слабой гравитации на Энсе, составлявшей 63% стандартной, и движение не доставляло ему особого удовольствия. Особенно угнетали его нудные гимнастические тренировки каждое утро — необходимые, если не хочешь окончательно заплывать салом. Как несправедливо, что энейцы, почти все без исключения, оказывались в превосходной форме без всяких дополнительных усилий. Впрочем, нет, тут нет несправедливости: на этой отсталой планете немногие могут позволить себе переложить труд на плечи машин; еще и теперь больше приходится путешествовать пешком или верхом, чем в автомобиле, а ручной труд преобладает над управлением автоматами и роботами. К тому же в ранний период — во времена колонизации, сопровождавшейся такими трудностями, что путь обратно к цивилизации из хаоса оказался долгим, — смерть безжалостно отсеивала слабых.

Десаи остановился у северной стены, нажатием кнопки сделал ее прозрачной и стал смотреть на Новый Рим.

Дом Империи, хоть и насчитывал уже двести стандартных лет, все же выглядел инородным телом посреди семисотлетнего города. Все здания вокруг были по крайней мере вдвое старше Дома, да и местная архитектура мало менялась с течением времени. В климате, где дожди были редкостью, а снег и вовсе неизвестен, где врагами человека были сквозняки, холод, ураганные ветры, несущие пыль и песок, где вода для производства кирпичей и цемента, древесины для полов и рам, органика для синтеза были почти недоступны, основным строительным материалом оказывался камень — уж его-то Эней предоставлял в изобилии — и он же определял цвет и текстуру стен.

Типичное здание представляло собой куб высотой в два или три этажа, с плоской крышей, половину которой занимал садик —

в силу чего смотреть на город с высоты было очень приятно; вторую половину занимали солнечные батареи. Узкие окна закрывались железными или медными ставнями, украшенными чеканкой; высокие двери были выполнены в том же стиле. В большинстве случаев серый тесаный камень стен имел тщательно подобранные вкрапления мрамора, агата, халцедона, яшмы, нефрита, а то и более экзотических пород; резные карнизы, гербы, гротескные фигурки, сглаженные выветриванием, придавали старой части города особое очарование. Дома более зажиточных горожан, магазины и конторы располагались вокруг крытых дворов, в которых были бассейны с золотыми рыбками и фонтанами, статуи и растения в горшках.

Улицы были тесными и извилистыми и выходили на расположенные в самых неожиданных местах маленькие площади. Движение не отличалось интенсивностью, по улицам передвигались в основном пешеходы, изредка встречались автомобили и повозки или сельские жители верхом на медлительных энейских лошадях или шестиногих стафах (эти животные были откуда-то завезены, хотя Десаи не смог бы сразу вспомнить откуда). Столица — самый большой город на планете, с населением около трети миллиона — в случае войны пострадала бы сильнее, чем глубинка.

Десаи перевел взгляд дальше. Расположенный на южной окраине университет не был виден с этой стороны. Но зато отсюда открывался вид на широкий изгиб сверкающего Флоуна и древние арки мостов через реку, отходящий от нее Юлианский канал и его ответвления, окруженные зеленью парков, с баржами и прогулочными катерами. Еще дальше — мелкие более новые каналы, высокие современные дома ярких цветов, дымка, скрывающая индустриальный район — Паутину.

Как ни незначителен по терранским меркам этот новейший район, подумал Десаи, на нем сосредоточились все надежды: благодаря ему на протяжении последних десятилетий возникли классы промышленников, торговцев, администраторов, в чьих интересах — заключить союз не с местными учеными мужами и землевладельцами, а с Империей и теми цивилизациями, которые она объединяет.

«Могу ли я обратиться к ним? — гадал Десаи. — Раньше я так и делал; но насколько они надежны? Отдельно взятая планета слишком велика, чтобы я в одиночку мог ее понять».

Справа и слева от Паутины раскинулись сельские угодья. Изумрудно-зеленая растительность покрывала берега величественно струившегося Флоуна, берущего начало от северной полярной шапки. Можно было разглядеть хутора, поместья, суда на

реке. Десаи знал, что по берегам Флоуна лежат поля и пастбища, однако лента плодородных земель имеет ширину всего в несколько километров.

За ней лежали выветренные желтые утесы, черные базальтовые хребты, дюны охряного песка под почти пурпурным небом. Тени имели границы более четкие, чем на Терре или Рамануджане: светило, хоть и меньшего размера, было зато вдвое ближе. Десаи знал, что даже сейчас, летом, в этих умеренных широтах воздух остается холодным; он видел по раскачивающимся ветвям дерева рахаб в одном из садилов на крыше, насколько силен ветер. Стоит солнцу закатиться, и температура упадет ниже нуля. И все же Вергилий был звездой класса F7 — более яркой, чем Сол; в его сторону было невозможно смотреть незащищенными глазами. Десаи в который раз удивленно подумал: как это белокожие земляне решились поселиться на землях, получающих столь мощный поток радиации?

Впрочем, планеты, на которых человек может жить без искусственного жизнеобеспечения, встречаются не так уж часто; к тому же здесь имелся дополнительный соблазн: близость Дидоны. Начало колонизации Энея положило создание на нем научной базы. Это, однако, было второе начало: на Энее оказались руины непонятных зданий, создатели которых были мертвы уже много столетий.

Робот-секретарь доложил по интеркому: «Айхарайх», отчетливо выговаривая звонкие дифтонги и шипящие звуки. Он был запрограммирован на точное воспроизведение любого языка, на котором к нему обращались. Это очень нравилось посетителям, особенно негуманоидам.

— Что? — Десаи заморгал. На экране компьютера у него на столе появилась краткая информация о назначенной встрече. — Ох. Да, конечно.

Десаи отогнал посторонние мысли.

Это то существо, что прибыло на пакетботе «Ллина-тавр» позавчера. Ему нужно разрешение на организацию исследований.

— Пригласите его, пожалуйста. — Соблюдая вежливость в разговоре даже с компьютерной программой, верховный комиссар создавал дружелюбную атмосферу в своем управлении — по крайней мере он на это надеялся. На экране появились сведения о посетителе: самец, как он сам себя называет; родная планета — зарегистрирована как Жан-Батист: скорее всего название присвоено людьми, поскольку у местных жителей оказалось слишком много имен для их планеты.

Дверь скользнула в сторону, и Айхарайх вошел. У Десаи перехватило дыхание: он не ожидал увидеть столь впечатляющее зрелище.

Впрочем, соответствовало ли определение «впечатляющее» действительности? Может быть, точнее было бы сказать «пугающее»? Инопланетяне, похожие на людей, иногда производили такое впечатление: Айхарайх был гораздо более антропоморфным, чем Улдвир.

Айхарайха вполне можно было назвать красавцем. Он был высок и тонок, с широкой грудью и осиной талией. В своем сером одеянии он должен был бы казаться неуклюжим, но его движения оказались плавными и летящими. На босых ногах у него было по четыре длинных когтя, а на пятках красовались шпоры. Изящные шестипалые руки имели скорее не ногти, а втягивающиеся когти. Высоко поднятая узкая голова с острыми ушами, огромные рыжие глаза, тонкий нос, нежные губы, заостренный подбородок и резко очерченные челюсти напомнили Десаи изображения византийских святых. Голову Айхарайха венчал гребень из голубых перьев, и такие же тонкие перышки образовывали брови. Гладкая кожа цвета расплавленного золота обтягивала выступающие кости скелета.

После секундного замешательства Десаи сказал:

— Э-э... Добро пожаловать, достопочтенный. Надеюсь, я смогу быть полезным. — Гость и хозяин пожали друг другу руки. Рука Айхарайха оказалась теплее, чем у Десаи. На ладони чувствовался твердый выступ, который, однако, не походил на мозоль.

«Он принадлежит к птичьему виду, — догадался человек. — Наверное, происходит от аналога земных нелетающих птиц».

Англик гостя оказался безупречным. Музыкальные обертоны, звучащие в его низком голосе, воспринимались не как искажение дикции, а как само совершенство.

— Благодарю вас, комиссар. Очень любезно с вашей стороны принять меня так быстро. Я хорошо понимаю, насколько вы заняты.

— Прошу вас, садитесь. — Кресло перед письменным столом оказалось вполне соответствующим фигуре Айхарайха. Десаи тоже сел. — Не возражаете, если я закурую? И не присоединитесь ли вы ко мне? — Айхарайх с улыбкой отрицательно покачал головой, и снова Десаи подумал о древних изображениях — греческой скульптуре архаического периода. — Мне очень интересно встретиться с вами. Должен признаться, что мне до сих пор не приходилось встречаться с вашими соплеменниками.

— Немногие из нас покидают родной мир, — ответил Айхарайх. — Наше солнце находится в секторе Альдебарана.

Десаи кивнул. Ему никогда не доводилось иметь дело с представителями разумных рас из тех мест. Да и не удивительно: приблизительно сферический участок космоса, на который распространялась юрисдикция Терры, имел диаметр около 400 световых лет и включал около четырех миллионов светил; предполагалось, что люди посетили примерно половину звездных систем хотя бы единожды; по грубой оценке, 100 000 планет формально установили отношения с Империей, хотя для большинства из них это означало всего лишь признание ее власти и выплату умеренных налогов или обязательство предоставить свои ресурсы в ее распоряжение в случае потребности в них. Впрочем, Империя всегда испытывала потребность. Взамен она обеспечивала мир. Кроме того, входящие в Империю миры могли участвовать в космической торговле, хотя чаще всего не имели необходимого для этого капитала, или промышленности, или интереса...

«Слишком много, слишком много... Если проблемы единственной планеты подавляют интеллект, что же тогда сказать об этом крошечном кусочке Галактики на окраине ее спирали, про который мы вообразили себе, что начали его познавать?» — подумал Десаи.

— Вы чем-то огорчены, комиссар, — заметил Айхарайх.

— Вы это заметили? — засмеялся Десаи. — Вы, должно быть, знакомы со множеством людей.

— Ваша раса вездесуща. И удивительна. В этом причина моего сердечного желания побывать здесь, — вежливо ответил Айхарайх.

— Ах... прошу меня простить. Я еще не имел возможности должным образом ознакомиться с вашими документами. Мне известно только, что вы хотите путешествовать по Энею с научными целями.

— Считайте меня антропологом, если хотите. Мой народ пока что мало общался с другими расами, но рассчитывает на более тесные контакты. Вот уже на протяжении многих лет моя миссия — бывать тут и там, изучая обычаи ваших соплеменников, самого многочисленного и самого распространенного разумного вида в пределах Империи, чтобы мы могли действовать разумно при контактах. Мне пришлось наблюдать удивительное разнообразие стилей жизни, более того, мышления, чувств, восприятия. Ваша изменчивость — просто чудо.

— Спасибо, — поблагодарил его Десаи, чувствуя себя не особенно уютно. — Сам я, правда, не считаю наш вид в этом отношении уникальным. Просто так случилось, что мы первые вышли в космос — в должном месте и в должный момент — и что наша доминирующая цивилизация оказалась динамичной и склонной к

экспансии. Вот мы и приспособились ко многим различным местам обитания, часто изолированным друг от друга, и наша культура расширилась... или подверглась фрагментации. — Десаи выпустил дым из ноздрей и, прищурившись, посмотрел на гостя. — Можете ли вы, в одиночку, рассчитывать многое узнать о нас?

— Я не единственный путешественник, — ответил Айхарайх. — Кроме того, мне помогает наличие определенных телепатических способностей.

— Э? — Десаи поймал себя на том, что сразу же начал думать на хинди. Но чего ему бояться? Чувствительность к нервным импульсам другого существа, способность их интерпретировать довольно хорошо изучена — вот уже много столетий. Некоторые виды более одарены в этом отношении, чем другие. Среди людей было несколько хороших телепатов, хотя никто из них не достигал уровня, доступного другим расам. Тем не менее земные ученые изучали феномен, как могли бы изучать световые волны, будучи слепыми...

— Вы найдете сведения об этом в моем досье, — продолжал Айхарайх. — Сотрудники губернатора Муратори приняли необходимые предосторожности против шпионажа. Когда я впервые обратился к ним в связи с моей миссией, в процедуру обследования была включена проверка моих мозговых структур агентом-телепатом, риеллианкой.

Десаи кивнул. Риеллиане были экспертами. Конечно, данный агент вряд ли смог исчерпывающе ознакомиться с мыслями Айхарайха при столь мимолетном контакте, а уж тем более выяснить все его возможности: слишком велики видовые, лингвистические, социальные, индивидуальные различия.

— На что же вы способны в этой области, если мне будет позволено спросить?

Айхарайх пренебрежительно махнул рукой:

— На меньшее, чем мне бы хотелось. Например, вам незачем было менять вербальную форму своих мыслей. Я почувствовал, что вы это сделали, но только потому, что изменился ритм вашего пульса. Я не смог бы прочесть ваши мысли: это было бы возможно, только если бы я знал вас долго и близко, да и тогда — мне были бы доступны лишь отчетливо сформулированные поверхностные мысли. А передавать я и вовсе не умею. — Он улыбнулся. — Наверное, правильное будет сказать, что я обладаю даром сопереживания.

— Этого не следует недооценивать. Хотел бы я обладать им в такой же степени, как и вы, — сказал Десаи.

Одновременно он подумал:

«Я не должен позволить ему околдовать себя. Он необыкновенно привлекателен, но мой долг — оставаться холодным и осторожным».

Десаи наклонился вперед, облокотившись на стол.

— Простите меня за прямолинейность, достопочтенный. Вы прибыли на планету, где уже два года длится вооруженный мятеж против его величества. Местные жители рассчитывали силой посадить на трон одного из представителей своей знати. Когда же это не удалось, они возглавили движение за отделение от Империи всего сектора. Дух противоборства в них все еще силен. Должен вам сказать — все равно это недолго пробудет секретом — совсем недавно произошло нападение на отряд оккупационных войск, с целью захвата оружия. Сведения о волнениях во многих местах поступают постоянно.

Закон и порядок здесь очень хрупки, достопочтенный. В мои намерения входит принятие твердых, хотя и гуманных, мер по интеграции системы Вергилия в жизнь Империи. В настоящий момент любое мелкое событие может спровоцировать взрыв. Если восстание окажется массовым, последствия будут ужасны для энейцев, да тяжелы и для всей Империи. Отсюда недалеко до границы, до Сферы Ифри и, что еще хуже, до баз независимых восначальников, пиратов и фанатиков, имеющих в своем распоряжении космический флот. Эней — наша крепость в этом регионе. Мы не можем себе позволить потерять его.

Определенное число наших врагов и просто криминальных элементов воспользовались здешним неустойчивым положением и высадились на планете. Не уверен, что полиции удалось выловить их всех. Я не допущу, чтобы такие высадки повторились. Именно поэтому на орбите находятся дозорные корабли и спутники-детекторы: сесть на Энее смогут только известные нам космолеты, и притом только здесь, в Новом Риме, а их пассажиры должны зарегистрироваться и не покидать город, если только они не получат специального разрешения.

Десаи почувствовал, как резко прозвучали его слова, и начал извиняться. Айхарайх поспешил его успокоить:

— Пожалуйста, не думайте, что вы меня обидели, комиссар. Я вполне понимаю, насколько непросто ваше положение. Кроме того, я чувствую ваше доброе отношение ко мне. Вы опасаетесь, что я могу ненароком вызвать эмоции, которые спровоцируют толпу на бунт или даже послужат толчком к революции.

— Да, мне приходится учитывать и такую возможность, достопочтенный. Даже среди представителей одного вида вероятность глупой ошибки очень велика. Например, мои собственные предки на Терре, еще до эпохи космических полетов, однажды восстали

против иноземных правителей. Это стоило многих тысяч жизней. А непосредственным поводом послужило то, что туземные войска получили новую разновидность патронов, форма которых оскорбила их религиозные чувства.

— Еще лучшим примером служит тайпинское восстание*.

— Что?

— Это случилось в Китае, в том же веке, что и восстание сипаев**. Народ взбунтовался против иноземной династии, несмотря на то что она правила уже много лет. Началась гражданская война, длившаяся на протяжении жизни целого поколения и унесшая миллионы жизней. Вожаки исповедовали воинствующее христианство — странное приложение учения Иисуса, не правда ли?

Десаи вытаращил глаза на Айхарайха:

— Вы таки изучили нас.

— Немного, о, так огорчительно немного. Больше всего я почерпнул из ваших литературных произведений — Эшила, Ли По, Шекспира, Гете, Старджена, Михайлова... из музыки Баха или Рихарда Штрауса, картин Рембрандта или Хиросиге... Впрочем, довольно. Я был бы готов обсуждать эту тему до бесконечности, комиссар, но не могу отнимать у вас время. Я все же надеюсь убедить вас, что на вашей планете я не окажусь неуклюжим невеждой.

— Но почему именно Эней? — поинтересовался Десаи.

— Именно в силу сложившихся здесь обстоятельств, комиссар. Как люди — гордые и независимые — поведут себя, потерпев поражение? Нам на Жан-Батисте очень нужно понимание этого, если мы не хотим отягчить положение человечества в случае каких-либо будущих неурядиц. Более того, насколько мне известно, на Энее существует несколько культур, помимо основной. Возможность сравнивать их и исследовать их взаимодействие научит меня многому.

— Н-ну...

Айхарайх взмахнул рукой:

— Результаты моей работы не останутся моим личным достоянием. Часто сторонний наблюдатель замечает обстоятельства, которых местный житель, свыкшийся с ними, просто не видит. Иногда чужаку изливают душу, а то и просто бывают менее осмотрительны в его присутствии, поскольку не подозревают его,

* Тайпинское восстание (1850—1864) — крупнейшая крестьянская война в Китае против династии Цин и маньчжурской аристократии.

** Восстание сипаев (1857—1859) — восстание в Индии против английского господства. Его ядром были сипаи — наемные солдаты, вербовавшиеся в английскую колониальную армию из местных жителей.

как могли бы заподозрить человека, в том, что он секретный агент Империи. На самом деле, комиссар, благодаря самой своей чужеродности инопланетянин вроде меня может оказаться весьма полезен в сборе секретной информации.

Десаи напрягся:

«О Кришна! Неужели это невероятное существо подозревает?.. Нет, это невозможно!»

Мягко, чуть ли не виновато Айхарайх сказал:

— Я убедил в этом советников губернатора и в конце концов удостоился разговора с его превосходительством. Если вы посмотрите соответствующие документы, то обнаружите, что я уже получил разрешение на проведение исследований здесь. Но, конечно, я не предпринимаю никаких шагов, которых вы бы не одобрили.

— Простите меня. — Десаи почувствовал, что его перехитрили и загнали в угол. Почему бы это? Айхарайх ведь так вежлив, так старается понравиться... — Я должен был бы ознакомиться с документами заранее. Я бы так, конечно, и сделал, если бы не это прискорбное выступление партизан... Вы не будете возражать, если я посвящу несколько минут просмотру пленки?

— Ни в коей мере, — ответил инопланетянин, — особенно если вы разрешите мне пока познакомиться с книгами, которые я вижу на вашей полке. — Его улыбка стала еще шире и обнаружила совершенно нечеловеческую черту в его внешности — его зубы.

— Да, конечно, — пробормотал Десаи, пальцы которого уже летали по информационной панели.

Экран компьютера осветился. За идентификационной голограммой последовали персональные данные и информация. Подделать ленту было невозможно: помимо того что она имела радиоактивные маркеры, катушка была доставлена на корабль правительственным курьером, помещена в корабельный сейф, а потом доставлена лично капитаном в информационный банк в подвале Дома Империи. Проверка она *fides** Айхарайха была рутинной, поскольку чиновники на Ллинатавре были, как всегда, перегружены, но выполненной добросовестно.

Айхарайх прибыл в столицу сектора на пассажирском лайнере, остановился в отеле, приспособленном для приема инопланетян, зарегистрировался в полиции, как положено, и не сделал ни малейшей попытки избежать наблюдения через сканнеры, установленные властями по всему городу. Он никуда не ездил, ни с кем не встречался, не делал ничего подозрительного. Самым обычным образом он обратился за разрешением на исследования и прошел все собеседования и проверки.

* Добропорядочность (*лат.*).

В Катавраннисе никто не слышал о планете Жан-Батист, но ее описание было в архивах и соответствовало тому, что говорил Айхарайх. Информации было мало; но кому придет в голову хранить подробные данные об отсталом мире на другом конце Империи, никогда не доставлявшем никаких хлопот, в провинциальной библиотеке?

Запрос Айхарайха был вполне обоснованным, его исследования вряд ли могли причинить вред, но зато могли дать полезную информацию. Губернатор Муратори заинтересовался, встретился с Айхарайхом и дал ему требуемое разрешение.

Десаи нахмурился. Его непосредственный начальник был умелым и добросовестным администратором; он должен был обладать этими качествами, чтобы загладить ущерб, нанесенный правлением его жадного и беспринципного предшественника, которое и спровоцировало восстание Мак-Кормака. Однако, оказавшись на вершине власти, человек скоро отрывается от повседневных мелочей, которые и составляют основу политики. Муратори еще слишком недавно занимал свой пост, чтобы почувствовать границы своих возможностей. А поскольку он был суровым человеком, он, по мнению Десаи, слишком буквально понимал аксиому, согласно которой правление есть узаконенное насилие. И вот по приказу сверху комиссару пришлось против воли отдать распоряжение о снос Мемориала после волнений в университете и о тотальном разоружении влиятельных семей землевладельцев — действиях, которые, как думал Десаи, привели ко многим неприятностям, включая и эту безумную вылазку в Гесперию.

«Ну так почему же я тревожусь из-за наконец-то проявленной Муратори гибкости?» — подумал Десаи.

— Я закончил, — сказал он Айхарайху. — Не присядете ли вы снова?

Айхарайх отошел от книжной полки, держа в руках томик Тагора в переводе на англик.

— Пришли ли вы к решению, комиссар? — спросил он.

— К решению пришел не я, вы же знаете, — выдавил из себя улыбку Десаи. — Решение было принято за меня. Мне предписано разрешить вам проводить исследования и оказать всю посильную помощь.

— Надеюсь, мне не придется вас особенно беспокоить, комиссар. Я привычен к разреженной атмосфере и к трудным путешествиям. Моя биохимия достаточно сходна с человеческой, чтобы не возникло проблем с едой. К тому же моя миссия хорошо финансируется — думаю, что энейской экономике не повредят несколько лишних имперских кредитов.

Айхарайх трогательным жестом взъерошил свой хохолок.

— Но только, пожалуйста, не думайте, комиссар, что я намерен навязать себя вам, размахивая губернаторским разрешением как боевым знаменем, — продолжал он. — Вы знаете обстановку лучше столичных чиновников, и, кроме того, именно вам придется расхлебывать последствия любой совершенной мной ошибки. Это не тот путь, которым Жан-Батист сможет войти в имперское сообщество, не правда ли? Я хотел бы руководствоваться вашими советами и учитывать ваши предпочтения. Например, я был бы признателен, если бы перед моим первым выездом ваши сотрудники предложили мне определенный маршрут и дали рекомендации.

Десаи почувствовал, что оттаивает.

— Счастлив это слышать, достопочтенный. Я уверен, что мы сможем сработаться. Знаете что, не присоединитесь ли вы ко мне за обедом, а потом я мог бы перенести некоторые встречи...

Этот день запомнился Десаи надолго.

Но ближе к вечеру, оставшись один в своем кабинете, Десаи снова почувствовал беспокойство.

Ему следовало бы отправиться домой, к жене и детям, которых он видел гораздо реже, чем хотел бы. Нужно бы перестать непрерывно курить: его легкие и так обожжены никотином. Зачем взваливать на свои плечи целую планету? Это на самом деле ему не под силу. Это не под силу ни одному смертному.

Однако, принеся присягу при назначении на должность, он должен сделать именно это — в противном случае он почувствовал бы себя клятвопреступником.

Эта история с Фредериксеном мучила его, как свежая рана. Десаи решительно перегнулся через стол и нажал на кнопку. Аппаратура в комнате делала запись всего, что здесь происходило и говорилось.

Экран ожил, бросая отсветы в темные углы: лампы Десаи не включал, а за прозрачной стеной догорал закат. Десаи не стал увеличивать изображение Питера Джоветта и свое собственное, но усилил звук. В кабинете загремели голоса. Десаи откинулся на спинку кресла и стал слушать.

Джоветт, богато одетый, с изящной вьющейся каштановой бородкой, был одним из представителей Паутины, торговцем и космополитом. Он, однако, не принадлежал к наемным агентам Империи: во времена восстания он искренне, хотя и не громко, осуждал противостояние с Террой, а теперь сотрудничал с оккупационными властями, потому что видел в этом пользу для своего народа.

Джоветт говорил:

— ...Рад предоставить в ваше распоряжение всю информацию, что у меня есть, комиссар. Остановите меня, если я начну говорить то, чего вы уже наслушались *ad nauseam**.

— Это маловероятно, — откликнулся Десаи. — Я на Энее два года, а ваши предки поселились здесь семь столетий назад.

— Да, люди забирались далеко в те давние дни, не правда ли? Их было ужасно мало, они были страшно уязвимы... Ладно. Вы хотели посоветоваться со мной насчет Айвара Фредериксена, верно?

— И всего, что с ним связано. — Десаи вставил в мундштук новую сигарету.

Джоветт закурил сигару.

— Не уверен, что смогу так уж много вам сообщить. Не забывайте, я принадлежу к классу, на который землевладельцы смотрят в лучшем случае с подозрением, а в худшем — с ненавистью. Я никогда не был близок с семьей Фредериксенов.

— Но вы — член парламента. И к тому же весьма влиятельный член. А Эдвард Фредериксен — Архонт Илиона. Вам наверняка приходится часто встречаться с ним, в том числе в обществе: ведь большинство политических решений принимается в кулуарах, а не на официальных слушаниях. Мне известно, что вы хорошо знали Хью Мак-Кормака — зятя Эдварда и дядю Айвара.

Джоветт, нахмурясь, долго смотрел на тлеющий кончик сигары, прежде чем ответил:

— Все это гораздо более запутано, комиссар. Вы позволите мне перечислить некоторые основные факты? Мне хочется упорядочить их — как для себя, так и для вас.

— Пожалуйста.

— Как мне представляется, в истории Энея имеется три ключевых фактора. Во-первых, поселение здесь было создано как научная база, в основном с целью изучения аборигенов Дидоны — сама эта планета является малоподходящим местом для детишек, знаете ли. Это положило начало существованию университета: сообществу исследователей, мыслителей, технического персонала. Он до сих пор окружен почти мистическим ореолом — самый невежественный и тупой энеец преклоняется перед знанием. И к тому же уже во времена Империи университет занял весьма почетное в научном мире положение и стал привлекать студентов — людей и представителей других рас — издалека. Энейцы этим гордятся. Университет располагает значительными средствами, помимо того что имеет авторитет, а следовательно, обладает влиянием.

* До тошноты (*лат.*).

Во-вторых, чтобы поддерживать существование человеческой общины, не говоря уж о работе исследовательского центра, на столь скудной планете требуются огромные сельскохозяйственные угодья, эффективно используемые. Отсюда возникновение класса землевладельцев, а с ними более мелких помещиков, фермеров средней руки, арендаторов. Когда Лига развалилась и наступило Смутное Время, Эней оказался отрезан от других миров. Ему пришлось сражаться, иногда в прямом смысле слова, за свое существование. Основная тяжесть этого легла на землевладельцев. Они превратились в полуфеодалный военный класс. Даже университет в какой-то мере воспринял их дух и ввел военное образование в свои программы. Вспомните, как Эней сопротивлялся в те давние времена присоединению к Империи и сколько крови было пролито, а позднее сколько офицеров имперской армии дал маленький Эней.

В-третьих, тем временем на планету прибывали самые разные эмигранты — кто в поисках убежища, кто — стремясь к новой жизни, кто еще почему-нибудь. Они очень различались этнически. Надменные северяне-первопоселенцы давали им работу, но ассимиляции не происходило. Постепенно новички нашли для себя ниши, все больше отдаляясь при этом от основной цивилизации. Отсюда появление тинеранов, речного народа, орканцев, горцев и так далее. Я подозреваю, что на самом деле эти группы социально более влиятельны, чем это признают горожане и сельская аристократия.

Джоветт умолк и отхлебнул чая, который принесли по распоряжению Десаи. Похоже, подумал Десаи, что Джоветт предпочел бы виски.

— Ваш обзор весьма интересен — он показывает, как интеллигентный энец воспринимает историю своей планеты, — проговорил Десаи. — Но какое отношение все это имеет к стоящей сейчас перед нами проблеме?

— Самое разнообразное, комиссар, если я не ошибаюсь, — ответил Джоветт. — Ну хотя бы потому, что демонстрирует вам, насколько человек вроде меня отрезан... ну, может быть, не от основного фарватера, но от многих притоков наверняка, если сравнить жизнь планеты с рекой.

О, конечно, мы имеем своих представителей в трехпалатном парламенте, но мы — я имею в виду новый, ориентированный на Империю класс бизнесменов и их сотрудников, — мы меньшинство даже среди горожан. Остальные принадлежат к древним гильдиям и прочим цеховым организациям, которые обычно оказываются ближе к землевладельцам и университету, чем к нам. Представители субкультуры могли бы оказаться нашими союзниками,

но они не представлены в парламенте: ценз оседлости, имущественный ценз... ну да вы знаете. И еще: до теперешней оккупации Архонт Илиона автоматически становился спикером всех трех палат парламента. Его первым заместителем был, да и остается, ректор университета, вторым — один из делегатов-горожан. Поскольку вы — очень мудро, как я считаю, — не разогнали парламент, а просто объявили себя верховным правителем, — там сохраняется прежняя расстановка сил.

Ну а я? Я всего лишь один из делегатов-горожан, представляющий к тому же сравнительно незначительную их часть. Мне не становится известно, о чем говорят между собой Фредериксен и его друзья.

— И все равно вы можете мне многое сообщить, поправить меня там, где я ошибаюсь, — настойчиво сказал Десаи. — Теперь позвольте мне, в свою очередь, высказать свои взгляды на некоторые общеизвестные факты. Мои впечатления ведь вполне могут оказаться ошибочными.

Архонт Илиона — *primus inter pares*^{*}, потому что Илион представляет собой важнейший регион планеты, а Гесперия — ее самую плодородную область. Верно?

— Изначально это так и было, — ответил Джоветт. — С тех пор, правда, производство и значительная часть населения переместились в другие места, но энейцы держатся за свои традиции.

— Что за несчастная случайность — эта передача должности по наследству, — несчастная для всех, — сказал Десаи. Теперь, сидя в одиночестве, он вспомнил свои тогдашние размышления:

«Хью Мак-Кормак был офицером Космофлота, профессиональным военным. Он дослужился до звания адмирала флота, когда его старший брат погиб бездетным и Хью унаследовал титул Архонта. Это не имело бы особого значения, если бы его величество (по причинам, которые вслух никто не решался обсуждать) не назначил эту тварь Снелунда губернатором сектора альфы Креста. Его бесчинства так тяжело ударили по семье Мак-Кормака, что тот в конце концов взбунтовался, и одна планета за другой стали провозглашать его императором.

Что ж, теперь Снелунд мертв, Мак-Кормак — в изгнании, а мы пытаемся восстановить оставшиеся после всего этого руины. Но посеянные Мак-Кормаком семена все еще дают странные всходы.

Женой Мак-Кормака была (или есть, если она жива) сестра Эдварда Фредериксена, который, за отсутствием более близких родственников, и стал теперь Архонтом Илиона. Сам Эдвард

^{*} Первый среди равных (*лат.*).

человек мягкий, типичный университетский профессор. Я бы благословлял судьбу за такого спикера парламента, если бы не эта проклятая традиция наследования титула. Его собственная жена — двоюродная сестра Мак-Кормака (и проклят будь этот обычай благородных семейств заключать браки внутри семьи; может быть, это и улучшит породу лет через тысячу, но что делать нам сейчас, чтобы расхлебать всю эту кашу?). Фредериксены — семья, принадлежащая к университетской элите. Даже единственное человеческое поселение на Дидоне названо в честь одного из предков Эдварда Фредериксена.

Население этой проклятой планеты пренебрежительно относится к Эдварду Фредериксену, но только не к традиции, которую он олицетворяет. Скоро всем станет известно, что сотворил его сын, Айвар Фредериксен.

Так что, вероятно, на него будут смотреть, как на своего принца в изгнании, освободителя, мессию, *Шива, смилуйся надо мной*».

— Как я понимаю, — сказала изображение Джоветта, — парень собрал компанию горячих голов без ведома родителей. Ему ведь еще только одиннадцать с половиной... то есть двадцать терранских лет. Идея заключалась в том, чтобы уйти в глушь и партизанить там до... До каких пор? Пока Терра не сдастся? Или пока не вмешается Ифри и не возьмет Эней под свое крылышко, как в свое время Авалон? Все это представляется мне трогательно романтическим.

— Иногда романтикам удается одолеть реалистов, — пробормотал Десай, — неизменно с весьма печальными последствиями.

— Ну, в данном случае попытка не удалась. Сообщники Айвара, которые попали в плен, сообщили о своем предводителе при психозондировании. Не отрицайте: ясное дело, ваши следователи прибегли к психозонду. Айвар скрылся, но его можно выследить. Так о чем же вы хотите со мной посоветоваться?

— Будет ли мудро с моей стороны преследовать его.

— Ох. Ответ положительный. Вы не можете позволить себе оставить его на свободе. Я немножко с ним знаком. Есть шанс, что он превратится в пророка — а многие люди ждут именно этого.

— Таково и мое впечатление. Но как нам его выследить? Как арестовать? И как судить и к чему приговорить? Должен ли суд быть показательным? Мы не можем себе позволить сделать из него мученика. Не можем мы и позволить мятежнику, на чьей совести смерть и увечья имперского персонала — и энейцев тоже, не забудьте, энейцев тоже, — остаться безнаказанным. Я не знаю, что делать, — почти простонал Десай. — Помогите мне, Джоветт.

Ведь вы же не хотите, чтобы вашу планету снова раздирала на части война, правда?

Десаи выключил запись. Прослушанная часть ничего ему не дала. Не даст и остальное — одни «если бы» и «может быть». Единственное очевидное обстоятельство заключалось в том, что Айвара Фредериксена нужно поймать, и быстро.

Следует ли мне послать запрос о том, что делать, когда мы его поймем, на Ллинатавр, а то и на Терру? Право на это я имею.

Формальное право, не более того. Разве им там известно больше, чем мне?

На Новый Рим опустилась ночь. Комната была погружена в темноту, нарушаемую только светящимися клавишами панели и скользящим светом торопливой Креусы: стена оставалась прозрачной, Десаи не позаботился ее затемнить. Десаи на ощупь добрался до нее и взглянул на город.

В свете звезд, лун, Млечного Пути, трех сестер-планет Новый Рим казался городом эльфов. Дома выглядели как черно-белые гравюры, улицы тонули в темноте, река и канал бросали ртутные отблески. Далеко за городом поднималась, как привидение, воронка пыльной бури. Печально завывал ветер. Десаи, в своем отапливаемом кабинете, поежился, представив укусы ночного холода.

Взгляд Десаи скользнул вверх, к сияющим звездам. Слишком много солнц, слишком много...

Да, конечно, он пошлет отчет домой со следующим курьерским кораблем. Домой! Он был на Терре всего один раз, и когда ему удалось выкроить несколько часов, чтобы осмотреть знаменитые достопримечательности, они странным образом разочаровали его. Записи, воздействующие на все органы чувств, оставляли за кадром переполненные аэробусы, высокомерных гидов, убожество лавочек с сувенирами, боль в усталых ногах... Курьерские корабли развивали максимальную гиперскорость: две недели пути до Сола, двести световых лет — радиус подвластного Империи шара, включающего четыре миллиона солнц... К отчету можно присоединить просьбу дать политические рекомендации.

Но полмесяца — это очень много, когда речь идет о волнениях или, хуже того, терроризме. К тому же отчет должен быть рассмотрен, обсужден, снабжен аннотациями и ссылками, он пройдет через несколько комитетов и через руки чиновников разных рангов, прежде чем по нему будет достигнуто решение; на доставку рекомендаций на Эней тоже уйдут недели. А когда документ наконец дойдет до Десаи, у того наверняка возникнут вопросы... Нет уж, хватит с него и директив с Ллинатавра.

Ему, Чандербану Десай, предстоит действовать самостоятельно.

Разумеется, ему положено сообщать в столицу обо всех важных событиях; вылазка Айвара Фредериксена безусловно относится к их числу. Кроме всего прочего, на Терре находится банк данных, настолько полный, насколько это физически возможно.

А раз так... почему бы не сделать запрос об этом Айхарайхе?

Действительно, почему бы нет? Не знаю я, просто не знаю. Он кажется таким добропорядочным, и он взял почитать моего Тагора... И все-таки я запрошу с Терры всю доступную информацию. Хотя придется изобрести убедительное основание для такого запроса — ведь Муратори одобрил его намерения. Считается, что у нас, бюрократов, никаких предчувствий быть не может. Действительно, откуда бы им взяться, тем более что Айхарайх симпатичен мне гораздо больше, чем многие мои соплеменники.

Может быть, опасно симпатичен?

Глава 4

Владения Хедина лежали далеко к востоку от Виндхоума, но все же достаточно близко к границам Илиона, чтобы западные ветры приносили сюда влагу с каналов, болот и соленых озер равнины Антонина: она проливалась дождями два или три раза в год. Хотя Вилдфосс не протекал по землям фермы, благодаря ему грунтовые воды стояли достаточно высоко, чтобы питать несколько колодцев. Семья Хедина могла, таким образом, заниматься земледелием, не говоря уже о том, чтобы пасти скот на более засушливых угодьях.

Так шли дела поколение за поколением; работники давно уже стали скорее членами семьи, они хоть и ждали указаний, но держались как равные, и часто батрак прочил сына или дочь за отпрыска хозяйской семьи. Короче говоря, взаимоотношения работников и фермера напоминали отношение Тома Хедина и других гесперийских арендаторов к обитателям Виндхоума.

Ферма была велика. Дюжина коттеджей окружала хозяйский дом. За ними раскинулся мощный внутренний двор, к нему с трех сторон подступали сараи, мастерские, хлева. За исключением размера, все постройки на первый взгляд казались одинаковыми: побеленные глинобитные стены, резкие очертания которых были смягчены годами выветривания. Однако, присмотревшись, можно было заметить различия — мозаика из камня и стекла отражала индивидуальные вкусы. Росшие вокруг деревья защищали селение от ветра: местные дельфы и рахаб, терранские дубы и акации, ллинатаврский расмин, ифрийские молоточки. На клумбах росли

только экзотические растения: заботливо ухоженные, они в сочетании с камнями и гравием создавали гармоничное целое. Настоящие цветы так и не появились на Энее, но многие виды трав имели ярко окрашенные листья или стебли.

Ферма всегда кипела жизнью: управляющие, домоправительницы, кузнецы и каменщики, механики, сельскохозяйственные рабочие, дети, собаки и лошади, стафы и охотничьи соколы, плуги и сеялки, грузовики и флиттеры, болтовня, крики, смех, ругань, слезы, песни, топот ног, запах скотины и дыма. Айвар страстно желал бы принять во всем этом участие. В своей кладовке на чердаке он чувствовал себя заживо погребенным.

Сквозь щель в ставнях он мог видеть свет нарождающегося дня. Первая ночь его заточения совпала с празднованием дня рождения старейшего из арендаторов. Главный дом сиял; да и весь двор был ярко освещен — там танцевали традиционные илионские танцы с прыжками и притопами. Музыка звучала все громче, по мере того как бутылка переходила от одного музыканта к другому. На следующую ночь, лунную и ясную, во дворе появилась пара влюбленных. Айвар покинул свой наблюдательный пост, как только понял, в чем дело: его учили, что порядочный человек должен уважать право других на уединение. Всю ночь он беспокойно метался в своем спальном мешке, томимый мыслями о Татьяне Тэйн — и, как он обнаружил с некоторым стыдом, — кое о ком еще.

На третью ночь он был разбужен звуком осторожно открываемой двери: пока все спали, Сэм Хедин принес ему еду и воду. Айвар сел. От холодного пола его отделял матрац, но едва он высунулся по пояс из спального мешка, как холод пробрался сквозь одежду. Айвар не обратил на это особого внимания. Тело энейца волей-неволей обучалось извлекать пользу из дрожательного рефлекса. Темнота и запах пыли, однако, угнетали его.

Луч фонарика на мгновение вырвал из мрака чердак — редко используемую технику, ящики, заваленные барахлом полки.

— Тсс, — послышался шепот. — Собирайся в дорогу. Быстро.

— Что?

— Быстро, я сказал. Объясню по пути.

Айвар выбрался из спального мешка и ловко заменил ночную одежду на дорожную. Грязная, запятнанная кровью, она теперь хоть не воняла: сухой воздух унес смрадный запах, как и запах бадьи, служившей ему туалетом. Закатав остальную одежду в спальник, он забросил тюк на плечо вместе с карабином. Хедин передал ему пакет с бутербродами — Айвар сунул его тоже в мешок — и защищенную от мороза толстым футляром флягу с

водой. Юноша прицепил ее к поясу, напротив ножа. Хедин повел его вниз по лестнице.

Его спутник был мрачен, Айвара же переполняло возбуждение. Что бы ни было тому причиной, его заключение кончилось.

Снаружи царила тишина, столь глубокая, что, казалось, было слышно, как потрескивает от холода планета. Две луны выбелили песок и камни, превратили вершины деревьев в снежные сугробы, высекли искры из инея. Из-за восточных холмов вставал до боли знакомый диск Лавинии. Креуса, спешившая за ней по пятам, казалась больше, потому что была близка к полнолунию; она мерцала отраженным от неровной кристаллической поверхности светом. Млечный Путь замерзшим водопадом раскинулся по небу от края до края. Из сестер-планет был виден только ослепительно желтый Анхиз. Среди бесчисленных звезд выделялись альфа и бета Креста — такие яркие, что соперничали с лунами: в их свете предметы отбрасывали тени.

На фоне дома виднелись силуэты двух стреноженных стаф.

«Похоже, нам предстоит дальний путь, — подумал Айвар, — раз быстроте лошадей Хедин предпочел выносливость стаф. Но тогда почему он не взял машину?»

Он вскочил в седло. Несмотря на холод, до него донесся слабый запах пота его скакуна — немного похожий на аромат свежескошенного сена. Айвар поправил капюшон и ночную маску.

Сэм Хедин выбрал тропу через поля, которая вскоре вывела их на грунтовую дорогу, поворачивавшую к югу сквозь заброшенные земли, поросшие куртинами голоствольника и меч-травы. Облачка пыли взлетали из-под мягких лап. Шестиногие скакуны двигались с усыпляющей плавностью. Вскоре ферма скрылась из виду; путники оказались одни под необъятным небом. Вдалеке завыл катавал.

Айвар прочистил горло.

— Э-э... куда мы направляемся, йомен Хедин?

Пар вырвался сквозь дыхательную прорезь маски.

— В самое лучшее место из тех, что мне пришли в голову в спешке и где ты сможешь скрыться, Наследник. Впрочем, возможно, оно не такое уж и хорошее.

Внезапный страх охватил Айвара.

— Что случилось?

— До меня по видео дошли новости, — прооормотал Хедин. Он был неразговорчив, этот сутулый пожилой фермер. — Имперцы повсюду в Гесперии, разыскивают тебя. За твою голову назначена награда. Всех, кто, как им кажется, может что-то знать о тебе, допрашивают под наркотиками. Они так стараются, что доберутся до моей фермы к полудню. — Хедин помолчал. —

Поэтому-то я и держал тебя под замком, чтобы никто, кроме меня, ничего не знал. Это, конечно, не поможет против биодетекторов. Я придумал себе дело, позволяющее отлучиться из дому на несколько дней, и отправился в дорогу один — ведь рабочих рук вечно не хватает, — взяв запасную стафу: все очень правдоподобно. Когда стемнело, я вернулся и незаметно пробрался за тобой. — Он снова помолчал. — Они выслали воздушные патрули. Машину легко выследить и задержать. Именно поэтому мы едем на стафах и не надели одежды с подогревом.

Айвар взглянул вверх, как будто ожидая увидеть пикирующий вражеский летательный аппарат. Только ула неслышно парила в вышине. В юнше гордость боролась с паникой:

— Похоже, я им очень нужен, а?

— Ну, ты же Наследник Илиона.

Айвар закусил губу, чувствуя укоры совести.

— Я... я не представляю серьезной опасности. Как предводитель я опозорился. Надо же было быть таким идиотом!

— Я знаю слишком мало, чтобы судить, — рассудительно ответил Хедин. — Меня просто попросил Фео Астафф, чтобы я спрятал тебя от имперцев, потому что ты и твои друзья подрались с морской пехотой. У нас не было возможности толком поговорить. Когда ночью я носил тебе еду, я опасался засиживаться подолгу. В новостях было короткое сообщение о неудачном нападении на патруль. Твое имя ни разу не упоминалось, хотя, судя по учиненному имперцами переполоху, должно было бы.

Маска скрывала черты лица Хедина, лишь глаза блеснули, когда он повернулся к Айвару.

— Хочешь мне рассказать? — спросил он.

— Н-ну, я...

— Только не сообщай мне никаких секретов. Хотя я и уверен, что замел следы, и вряд ли меня заподозрят и будут допрашивать... Разве в наши времена можно быть в чем-нибудь уверенным?

Айвар понурился:

— Мне нечего особенно скрывать, кроме собственной глупости. Да, я хотел бы рассказать тебе все, йомен.

И, запинаясь, он начал свой рассказ, дополняя то, что Хедин уже знал о своем спутнике.

К тому времени когда он женился на Лизбет Борглунд, Эдвард Фредериксен уже много лет занимался зоологическими исследованиями на Дидоне. Лизбет, как и Эдвард, происходила из старой университетской семьи. Они познакомились, когда он вернулся на Эней, чтобы прочесть курс лекций. После свадьбы она последовала за ним на соседнюю планету. Но даже в Порт

Фредериксене густой воздух был слишком жарким и влажным для нее.

Лизбет стала чувствовать себя лучше, когда они вернулись на Эней, и подарила мужу двух детей — Айвара и Герду. Они жили в скромном коттедже за пределами Нового Рима; оба преподавали; Эдвард нашел себе подходящий, хотя и не особо выигрышный, объект для научной работы. Их сын часто сопровождал родителей во время полевых исследований. Интересы юноши постепенно определились: он занялся планетологией. Возможно, причина этого крылась в строгой красоте пустынь, степей, холмов, сухого дна древнего океана; кроме того, его воодушевляла надежда побывать среди звезд, сиявших с неба в ясные ночи в пустыне.

Хью Мак-Кормак, женившись вторым браком на сестре Эдварда, вошел в семью, и Айвар и Герда стали часто гостить в Виндхоуме. Когда адмирал бывал дома, такой визит превращался в посещение гостеприимного героя древних времен, такого же, как, скажем, Брайан Мак-Кормак, изгнавший захватчиков-негуманоидов с родной планеты, чья статуя на высоком постаменте украшает главное университетское здание.

Эней успел восемь раз обежать вокруг Вергилия с тех пор, как родился Айвар, когда Аарон Снелунд сделался губернатором сектора альфы Креста. А еще через два оборота Энея вокруг светила — или три с половиной терранских года — начались притеснения. Первое время развитые миры не почувствовали ничего особенного: только под полублаговидными предложениями начали повышаться налоги (учитывая размеры Империи, ее правители на местах должны были обладать широкими полномочиями). Потом у правителей появились продажные подчиненные. Потом стали доходить слухи о том, что творится на планетах, неспособных оказать сопротивление или открыто выразить недовольство. Вскоре жители более развитых планет осознали, что их собственные прошення попадают под сукно. Затем начались аресты с конфискацией имущества — «за измену». Агенты секретной полиции рыскали повсюду, а наемники и чиновники творили произвол по отношению к гражданам. Стало ясно, что Снелунд — не просто коррумпированный администратор, ищущий выгоды для себя, а фаворит императора, и за его действиями кроется грандиозный политический замысел.

Все это происходило постепенно, и люди не сразу поверили в реальность перемен. Для большинства из них жизнь текла почти как обычно. Если наступили тяжелые времена — что же, их нужно пережить, а пока есть работа, чтобы ее выполнять, семья, чтобы ее создавать, общество, чтобы его поддерживать, удовольствия, чтобы к ним стремиться, любовь, чтобы ей предаваться, поручения,

чтобы их выполнять, друзья, чтобы приглашать их в гости, недруги, чтобы их ругать, планы, чтобы их обсуждать — детали, детали, детали, словно песчинки в песочных часах. Айвару не было нужно поступать в университет — он принадлежал к потомственным членам университетского сообщества, получающим образование с детства, — но он выбрал область, в которой решил специализироваться, и более тесно стал общаться с однокурсниками-инопланетянами. Интеллектуальные интересы заслонили причины для недовольства.

Затем Кэтрин Мак-Кормак, сестру его отца, забрали во дворец Снелунда. Ее мужа арестовали, но он бежал и возглавил восстание.

Айвар загорелся идеями свободы, подобно большинству молодежи Энея. Военные упражнения, которым до того он изредка уделял внимание, заняли теперь большую часть его времени. Он так и не покинул родной планеты: его учения завершились, когда в небе Энея появился военный флот Империи.

Восстание было подавлено. Хью Мак-Кормак вместе с остатками мятежников бежал в неисследованные районы космоса. Поскольку к этому моменту джиханнатский кризис разрешился, Космофлот снова патрулировал просторы Империи, и повстанцы не могли вернуться, не рискуя быть уничтоженными.

Сектор альфы Креста в целом и Эней в частности были оккупированы и подверглись перестройке.

Хаос, отчаяние, разорение, в некоторых областях — голод были неотъемлемой частью конфликта. Университет был закрыт. Айвар и Герда вместе с родителями переселились в обнищавшую пышность Виндхоума — Эдвард Фредериксен стал теперь Архонтом Илиона. Большую часть времени юноша совершенствовал навыки, помогающие выжить в пустыне. И он пользовался все большим вниманием землевладельцев — ведь он будет их следующим предводителем.

Через некоторое время обстановка изменилась к лучшему, университет открылся вновь, хотя и под негласным надзором; Айвар вернулся в Новый Рим. Вскоре он оказался вовлечен в подпольную деятельность. Сначала все ограничивалось тайными собраниями недовольных. Тем не менее Айвар счел нежелательным оставаться в родительском доме, компрометируя своих близких, и переехал в менее комфортабельную, но дешевую комнату в самой непрестижной части Паутины. Это событие также способствовало увеличению его жизненного опыта. На Энее никогда не было настоящей преступности, но мелкие правонарушения в войну и сразу после нее расцвели пышным цветом. Неожиданно для

себя Айвар столкнулся с людьми, которые не признавали святости законов.

(Мак-Кормак поднял восстание во имя восстановления поправленных прав и статуты. Когда комиссар Десаи прибыл на Эней, он пообещал возрождение законности.)

Благодаря примирительной позиции властей жалобы скоро переросли в требования. Мемориал Брайана Мак-Кормака стал излюбленным местом выступлений, собраний и демонстраций. Правительство шло на уступки по некоторым направлениям — где это было разумно: например, была восстановлена почтовая связь с остальной частью Империи. Это привело к новым требованиям — запрета на перлюстрацию корреспонденции и создания комитета граждан, обеспечивающего тайну переписки. В этом жителям было отказано. Начались волнения. Пожары уничтожали собственность, гибли люди.

Появились грозные указы. Запретить собрания. Снести Мемориал Мак-Кормака. Землевладельцев, еще со Смутного Времени поставлявших офицеров армии и полиции, разоружить: они обязаны сдать все огнестрельное оружие — от дедовского вооруженного пушкой дирижабля до детского малокалиберного пистолета, подаренного на прошлый День Основания.

— Мы — наша группа — решили действовать, пока не поздно, — рассказывал Айвар. — Еще до официальной даты сдачи оружия мы спрятали часть винтовок и боеприпасов, чтобы с их помощью добыть тяжелое вооружение. Я знал окрестности, пожалуй, лучше, чем большинство моих товарищей; к тому же я — Наследник. Короче говоря, меня выбрали командовать этой первой операцией, которая должна была произойти неподалеку от Илиона. Я приехал в Виндхоум, к матери и сестре, будто бы с целью отдохнуть от занятий. У других участников тоже были правдоподобные предлоги, вроде выезда в туристический поход на несколько дней в окрестности каньона Аверна. Мы встретились у Шлема-холма и устроили засаду там, где, как мне было известно, проходил маршрут имперского патруля.

— Что вы собирались делать дальше в случае успеха? — спросил Хедин.

— О, у нас имелся четкий план. Я знаю несколько оазисов в Айронленде, где мы могли бы продержаться: там есть деревья, пещеры, овраги, которые скрыли бы нас от поиска с воздуха. Оккупантов не так уж много, им не по силам прочесать всю планету.

— И вы так и оставались бы всю жизнь вне закона? Вы скоро превратились бы в обыкновенных бандитов.

— Нет, нет. Мы продолжали бы вылазки, пополняли бы свои ряды и добились бы поддержки населения. Мы стали бы силой, с которой враг был бы вынужден считаться. К тому же мы надеялись, что наше выступление получит поддержку в других частях Империи или терранские власти побоятся, что в дело ввяжется Сфера Ифри.

— Это возможно, — согласился Хедин. — Тут ходят слухи, — добавил он после минутной паузы, — что в здешних местах объявился летун с огромными золотисто-бронзовыми крыльями. Может, ифрийский агент? Только они не обязательно хотят того же, что и мы, Наследник.

Плечи Айвара сгорбились.

— Это теперь не имеет значения. Все равно у нас ничего не вышло. У меня ничего не вышло.

Хедин похлопал Айвара по плечу.

— Э-э, так не годится. Во-первых, любой командир неизбежно иногда терпит неудачи и теряет людей. Во-вторых, ты и командиром-то на самом деле не был. Ты просто оказался той картой, которая лежала сверху в колоде Господа Бога. Разве мы всего лишь масть в игре? — тихо добавил он. — Мне в это не верится. — Совсем другим тоном Хедин продолжал: — Наследник, ты не имеешь права позволить терзаниям совести вывести тебя из дела. Ты и твои товарищи совершили грубую ошибку. Прими это как факт и продолжай бороться. Ты нужен Энею.

— Я? — воскликнул Айвар. После его исповеди Хедину его самоуважение пало так низко, что он никак не мог признаться в своих мечтах оказаться Иудой Маккавеем*. — Что, во имя космоса, я могу...

Хедин предостерегающе поднял руку в перчатке:

— Эй, не отставай.

Они повернули своих стаф в поля и только километров через десять вновь вернулись на тропу: нужно было объехать стороной стадо, принадлежащее Хедину. Скот представлял собой генетически модифицированное потомство терранских животных, веками адаптировавшееся к местным условиям и, как и большинство интродуцированных видов, в результате эволюционировавшее в самостоятельный род. Свет сигнальных костров обозначал границы стада. Хедин не сомневался в лояльности своих людей, но, как известно, о чем не знаешь, о том не проболтаешься.

Всадники миновали обломки стены. Ее зеркально-черная поверхность сверкала над залитой лунным светом песчаной равниной, поросшей кустарником. У верхней кромки стены, метрах в

* Иуда Маккавей — вождь восстания в Иудее, захвативший Иерусалим.

четыре от земли, отверстия образовывали замысловатый узор; кто знает, для чего это все было предназначено. Теперь сквозь него лишь мерцали звезды.

Хедин натянул поводья, перекрестился и что-то пробормотал.

Айвар бывал здесь и раньше и знал, что работники с ферм поклоняются руинам. Но ему и в голову не приходило, что йомен — хорошо образованный, много повидавший, практичный хозяин и мудрый советник, — может поступать так же.

На некоторое время воцарилось тягостное молчание. Потом Хедин заговорил, как бы оправдываясь:

— Это вроде символа, знаешь ли.

— Ну... да, — пробормотал Айвар.

— Кто-то побывал здесь до нас, миллионы лет назад. И это не вымершие туземцы. Откуда они пришли? И почему покинули нашу планету? Ты знаешь, ведь и в других мирах нашли их следы. С какой стати думать, будто они вымерли, верно? Многие люди спрашивают себя: а не ушли ли они дальше — туда?

Хедин показал рукой на звезды. Из этого сверкающего множества некоторые светила принадлежали Империи, но большинство — нет. Те, что видел невооруженный глаз, были в основном гиганты, свет которых преодолевал такие космические бездны, где затерялись бы Вергилий или Сол. Между глазами Айвара и красной Бетельгейзе с избытком хватало места для всех владений Империи. За Бетельгейзе сиял Ригель и кутались в дымку Плеяды — регионы, которым Мерсейский Ройдхунат на неизмеримо малое по космическим меркам время сумел дать свое имя. Еще дальше была видна Полярная Звезда, бывшая когда-то путеводной звездой человечества, и туманность Ориона; новые звезды и планеты рождались там в этот самый момент, но пройдут еще миллиарды лет, прежде чем наблюдатель, взглянув на небо, обнаружат их и изумятся чудесам Вселенной.

Хедин повернул к Айвару лицо, скрытое маской. Его голос был тихим, но странно исполненным чувства.

— Вот почему ты нужен нам, Наследник. Как бы безрассудны ни были твои действия, за тобой стоит многовековая история человека на Энее. Нам понадобятся все наши корни в этой земле, когда Древние вернутся.

Айвар удивленно ответил:

— Ты же не веришь в это на самом деле? Мне приходилось слышать всякие разговоры, но ты?..

— Ну, не знаю... — слова Хедина неуверенно донеслись сквозь тьму. — Не знаю. До войны я никогда об этом не думал. Я ходил в церковь, и все. Но с тех пор... может ли так много людей совершенно заблуждаться? А их много, уверяю тебя. Там у себя в

городе, в университете вы, наверное, и не представляете себе, как распространилась вера в то, что Древние скоро вернутся, неся Слово Божие. Люди же не свихнулись, Айвар. Все признают, что это только надежда — никаких доказательств нет. Но не мог ли адмирал Мак-Кормак отправиться к ним? Да и теперь все эти слухи о новом пророке в пустыне... Так что я не знаю. Но я думаю — и скажу тебе, так думаю не я один — что все наши страдания тут и все эти звезды там в вышине не могут быть просто так, ни для чего. Если Бог готовит свое откровение, почему бы не сделать это через избранную расу, более мудрую и чистую, чем мы можем себе вообразить? А если это верно, разве не должен сначала появиться пророк, чтобы подготовить нас к спасению?

Хедин передернул плечами, как будто холод проник сквозь его лишенную подогрева одежду.

— Ты Наследник, — сказал он. — Наше дело — обеспечить тебе свободу. Все эти столетия тоже не должны были пройти напрасно. — Уже совершенно другим — деловым — тоном он продолжал: — Здесь где-то поблизости табор тинеранов — говорят, их видели около Арройо. Вот я и подумал, что ты мог бы скрыться среди них.

Глава 5

Каждый табор кочевников, по сути являясь отдельным кланом, а не только караваном фургонов, путешествует по огромной, но четко очерченной территории. По землям Виндхоума проходили маршруты табора Братство; Айвару иногда случалось видеть разбитый ненадолго лагерь, присутствовать на бесшабашных представлениях. Он знал, что тинераны берутся за поденную работу, слышал полушутливые, полувозмущенные рассказы о мелких кражах и ловких мошенничествах, сплетни о коварных соращениях и колдовских способностях кочевников. Когда же Айвар обратился к книгам, то обнаружил в них по большей части анекдоты, колоритные описания, романтические истории — никакого глубокого анализа. Интеллектуальная элита Энея не проявляла особого интереса к субкультурам собственной планеты. Проходили столетия, а загадки Дидоны по-прежнему делали ее более привлекательным и перспективным объектом изучения.

Айвару было, конечно, известно, что у каждого табора существуют свои обычаи и законы. Вместе с Хедином он пересек границу, которая никем не охранялась и не была известна чиновникам Нового Рима; ее отмечали только ориентиры на местности — скала причудливой формы, овраг, заброшенная ферма... Теперь они были во владениях табора Привал; тут можно было быть в

чем-то уверенным еще в меньшей степени, чем в какой-то мере знакомом ему таборе Братство. Фермер снял комнату в единственной гостинице, которой мог похвастаться Арройо.

— На всякий случай я останусь здесь до твоего отъезда, — сказал Хедин, — но имей в виду, отныне ты предоставлен самому себе. — Фермер откашлялся. — Хотел бы я, чтобы это было не так. Успехов тебе, мой мальчик.

Айвар пошел через поселок к табору. Кочевники собирались в дорогу. Полсотни или около того ярко раскрашенных повозок, пестро одетые люди, суматоха, шум, крики многоцветным шквалом вторгались в унылое однообразие ландшафта. Арройо располагался на склоне возвышенности, поросшем редким кустарником, служившим кормом немногочисленному скоту; километр за километром иссушенная и голая земля тянулась от подножия холмов на восток, где на горизонте виднелись дюны пустыни Айронленд.

В этой на первый взгляд бестолковой суете мужчины, женщины и дети то и дело замирали, глаза на Айвара, и что-то — несомненно, насмешливое, — выкрикивали на своем языке. Ему было неловко, он чувствовал себя совершенно одиноким среди этих невысоких поджарых людей с бронзовой кожей и иссиня-черными прямыми волосами. Кольцо экипажей отгородило Айвара от привычного мира. Некоторые из них были потрепанными грузовиками городского изготовления, расписанными немислимыми узорами, украшенными флажками, амулетами, звенящими на ветру колокольчиками; в основном же это были фургоны, в которые тинераны запрягали несколько пар стаф, — в них-то кочевники и жили. Из полукруглых крыш торчали печные трубы, на окнах развешивались грязные занавески. Ниже флажков и росписи стены фургонов были покрыты искусной резьбой: ухмыляющиеся демоны и магические шестиугольники, скачущие звери и химеры, пляшущие, работающие, охотящиеся, играющие, занимающиеся любовью или уж вовсе эзотерическими действиями мужчины и женщины.

Мимо Айвара прошел парень со связкой ножей и шпаг, завернутых в плащ. Он запрыгнул — лестница отсутствовала — в один из фургонов, отдал свою ношу кому-то и соскочил обратно, оказавшись лицом к лицу с Айваром.

— Эхой, студизус, — довольно дружелюбно обратился он к юноше, — чего тебе нужно? Представление закончилось.

— Я... я ишу место в фургоне, — запинаясь и облизывая пересохшие губы, ответил тот. День выдался жаркий — градусов 25 по Цельсию. В казавшемся отполированным небе, потерявшем свою обычную глубину, нестерпимо ярко сиял Вергилий.

— Деньжата есть? Городской житель не заработает себе на прокорм. Мы ведь двинемся на восток, прямо через Кошмар Айронленда. Это тебе не садик с фонтаном. Нам же еще придется выметать то, что от тебя останется, когда ты рассыплешься. — Парень потер свой острый подбородок. — Конечно, — добавил он задумчиво, — из тебя получится неплохая пудра для наших девчонок.

Шутка не показалась Айвару злой. Он пригляделся к своему собеседнику. Тот был молод, вероятно, не намного старше самого Наследника. Как и у большинства мужчин, его волосы, перехваченные низанной бисером лентой, падали на плечи, в ушах красовались крупные медные серьги. На гладко выбритом узком лице с высокими скулами выделялись блестящие серые глаза. Усмешка не сходила с губ тинерана, и стоял ли он неподвижно или двигался, его фигура оставляла впечатление неподсидливости. Его некогда роскошный наряд — отделанная бахромой разноцветная рубашка, алый пояс, обтягивающие кожаные брюки и высокие шнурованные ботинки — был так поношен, что теперь представлял собой всего лишь рабочую одежду. На шее сверкала золотая цепь, пальцы были унизаны дешевыми кольцами, левую руку охватывал браслет из кожи герпетоида. На каждом бедре у парня висело по ножу — один как оружие, другой как рабочий инструмент; оба выглядели весьма миниатюрными по сравнению с теми мачете, которые обычно носили землевладельцы Илиона.

— Я не... ну да, я из Нового Рима, из университетский семьи, — признал Айвар, — но как ты узнал это — даже прежде, чем я заговорил?

— Ойе, твоя походка, твои повадки. Одежка фермера не спрячет горожанина. — Англик тинерана напоминал автоматную очередь; этот язык использовался в таборе на равных с хайсуном и разновидностями арго. Но это был особый диалект, архаичный с точки зрения северянина: тинераны к месту и не к месту вставляли артикли и глотали окончания слов. — Твоему карабину позавидуешь. Смотри, как бы его не свистнули. Вальдемар десятого калибра с откидывающимися стволами, верно?

— И я умею им пользоваться, — быстро ответил Айвар. — Я достаточно много времени провел в пустыне. Так что на худой конец могу пригодиться вам как охотник. Но в технике я разбираюсь тоже, особенно в электронике; и силой меня Бог не обидел.

— Ла-адно, посмотрим, что скажет король Самло. Кстати, меня зовут Миккал Красная Крыша. — Он кивнул на свой фургон, цвет крыши которого вполне оправдывал это прозвище.

В дверях показалась женщина примерно того же возраста, что и Миккал, по-видимому, его жена. Ее экзотическая привлека-

тельность вполне соответствовала тем рассказам, которые ходили среди оседлого народа о женщинах-кочевницах. Красно-желтое платье с зигзагообразным узором плотно облегло соблазнительную фигуру; Айвара несколько покорило количество дешевых украшений, навешенных на тинеранке. Поймав его взгляд, женщина улыбнулась, подмигнула и кокетливо качнула бедрами. Ее муж не обратил на это внимания: такова была обычная форма приветствия.

— Ты проводишь меня? — поспешно спросил Айвар.

Миккал пожал плечами. Жест, бесконечно более выразительный, чем это было принято среди северян, привел в движение все его тело. Солнечный свет радужно вспыхнул на чешуе герпетоида, из чьей кожи был сделан браслет тинерана.

— Ясное дело. Кто же упустит такой случай бросить работу. — Он повернулся к жене: — Эй, Дулси, сходи-ка за остальным снаряжением.

Женщина ответила ему гримаской, прежде чем скрыться в сумятице табора.

— Огромное спасибо. Я... Меня зовут Рольф Маринер, — представился Айвар. Он долго думал, каким именем назваться, и даже немного гордился своей предусмотрительностью: имя вполне соответствовало его национальности, которую он все равно не мог скрыть, а дурацкая попытка сохранить те же инициалы могла бы его выдать.

— Допустим, раз тебе так хочется, — усмехнулся Миккал и пошел вперед, показывая дорогу.

С пастбища пригнали скот — стаф, мулов, коз, неомоа, — и шум в таборе стал совсем уж оглушительным. Не подавали голоса только пастушеские собаки: хорошо выдрессированные, они, подчиняясь свисту детишек, управляли стадом. Это были высокие черные поджарые животные с мощной грудью и валиками жира — запасом воды — на плечах.

«Золотое Колесо» выделялся своими размерами среди других фургонов, он единственный имел мотор. Рядом с ним приютился вагончик поменьше, черный и без окон, украшенный только немногими красными и серебряными символами.

— Это святилище, — пояснил Миккал, заметив интерес Айвара.

— Ох... да, конечно, — Айвар вспомнил то, что когда-то читал. Король табора одновременно является верховным жрецом; он руководит всеми религиозными церемониями, выполняет тайные обряды вместе с несколькими посвященными. Он должен происходить из определенной семьи (в данном случае семьи Золотое Колесо табора Привал), хотя и не обязательно является старшим сыном. Большинство жен и наложниц короля выбираются за те

качества, которые они могут передать своим детям, и в наибольшей мере обладающий необходимыми чертами сын объявляется наследником; после этого его посылают учиться в другой табор. Таким образом кочевники поддерживают единство между зачистую враждующими кланами; эти связи, как правило, оказываются более надежными, чем возникающие благодаря бракам между представителями разных племен, — свадьбы обычно играют в время Ярмарки, куда собираются все тинераны.

Мужчины, запрягавшие белых мулов в вагончик святилища, похоже, испытывали не больше благоговения, чем Миккал. Они что-то громко крикнули ему, и его ответ вызвал взрыв хохота. Из толпы подростков донесся визг, две девицы захихикали, одна из них сделала явно непристойное замечание...

«Они потешаются надо мной», — понял Айвар.

Это не имело значения. Он улыбнулся девушке и помахал ей рукой, та в ответ встряхнула доходящими до пояса кудрями и кинула на него кокетливый взгляд.

«В конце концов, для них — если я сумею доказать, что я не бессловесная дубина, а уж я постараюсь, — я для них интересная новинка». — Айвар вспомнил, каким безысходным все казалось ему несколько минут назад, и изумился. Он чувствовал себя все увереннее, в нем вскипала радость. Беззаботность, царящая среди кочевников, оказалась заразительной — для него, как и для любого, попадавшего в табор.

Король Самло возвратился к своему фургону — раньше он присматривал, чтобы все работы выполнялись как следует. Тинераны небрежно приветствовали его. Когда король давал себе труд пользоваться своей властью, она была дарованной от Бога и потому абсолютной; но Самло предпочитал, чтобы все делалось само собой — по традиции.

Крупный, ширококостный мужчина с крючковатым носом, Самло не был похож на своих подданных; в отличие от них, он имел пышную бороду и усы. Король слегка прихрамывал. Его белая одежда сияла неожиданной чистотой. Все его украшения состояли из ручной работы туфель, тюрбана с малиновым пером и ожерелья из старинных монет.

Король бросил внимательный взгляд на Айвара и опустился в кресло с искусно вырезанным орнаментом, стоящее рядом с фургоном.

— Хийя, чужеземец, — отратился он к Айвару, — что привело тебя сюда?

Айвар поклонился, не вполне представляя, что он должен делать. К счастью, вмешался Миккал.

— Он называет себя Рольфом Маринером и говорит, что он охотник, мастер на все руки и к тому же — ученый. Он хочет отправиться вместе с нами.

Король не улыбнулся. Своей хмуростью он выделялся из тинеранов еще больше, чем внешним видом. Тем не менее Айвар чувствовал, что бояться нечего. Время от времени северяне — мечтательные беглецы от общества, неудачники, скрывающиеся от властей правонарушители, — просили разрешения присоединиться к табору. Если им удавалось понравиться или просто если им улыбалась удача, их принимали. Они все равно оставались чужаками, и, пожалуй, никто из них не смог продержаться в таборе и года. Как причину изгнания тинераны обычно называли неспособность тянуть лямку тяжелой и опасной кочевой жизни.

Вероятно, это действительно было так. Айвар понимал, что путешествие с кочевниками потребует напряжения всех его сил, хотя и не сомневался, что выдержит. Да и как могло быть иначе — в этом искрометном бурлении жизни?

В его сознании всплыли отголоски давно слышанного или читанного:

«Несмотря на все, что им приходилось выстрадать, эти пришельцы ни за что не хотели уходить, они всегда потом оплакивали утраченное, а те, кто оставался в таборе долго, старались присоединиться к другому племени или кончали жизнь самоубийством, если это не удавалось...» — но что толку беспокоиться о далеком будущем, когда душа ликует?

— Хм-м-м, — пробурчал Самло. — Почему ты просишь об этом?

— Мне надоели здешние места, а это — самый легкий способ их покинуть, — ответил Айвар.

Миккал залился смехом:

— Он знает, что говорит. Намекает на священное для высших классов право держать свои секреты при себе и заодно на удобный фактик: раз мы не знаем, почему ему приспичило попутешествовать, нас не в чем обвинить, если щупальца властей дотянутся до него здесь.

— Имперские агенты — не чета городской полиции или благородной дворцовой гвардии, — сказал король. — Им палец в рот не клади, у них особые методы. И... несколько дней назад кучка пустоголовых революционеров напугала патруль морской пехоты на Вилдфоссе, не забывай. Нескольким удалось скрыться. Если ты в бегах, Маринер, то чего ради мы должны рисковать собственной шкурой, чтобы помочь тебе пересечь Айронленд?

— Я не говорил, что участвовал в мятеже, сэр, — ответил Айвар. — Как я уже пытался убедить Миккала, я могу вам пригодиться. Ну а даже если предположить, что я против терран, что в

этом плохого? Я слышал, тинераны славили императора Хью, когда его войска шли в бой.

— Тинераны будут славить всякого, у кого водятся денежки, — вмешался Миккал. — Впрочем, чего греха таить, большинство из нас не в восторге от того, что на всех планетах хозяйничают эти важные горожане. Начинает казаться, что во Вселенной очень душно. Повелитель, — обернулся он к королю, — дадим пареньку шанс?

— Ты возьмешься за это? — спросил сидящий в кресле человек. — Мы не бросаем людей в пустыне, — обратился он к Айвару, — что бы ни случилось. Твой хозяин должен будет позаботиться о тебе.

— Ясное дело, — ответил Миккал. — По-моему, он должен знать новые песенки и анекдоты.

— У твоего хозяина нет ничего лишнего, — предупредил Айвара Самло. — Так что если ты будешь использовать его припасы и ничего не давать взамен — ну, тогда по возвращении на плодородные земли он душу из тебя вытрясет.

— В этом не возникнет необходимости, — заверил его Айвар.

— Лучше докажи это на деле. Миккал, тир все еще открыт. Посмотри, как он управляется с этой своей винтовкой. Разыщи какую-нибудь сломанную железку — слава Богу, этого добра у нас хватает, — и пусть он ее починит. Пусть пробежится: если через пару шагов он начнет задыхаться, сразу гони его — из Кошмара Айронленда ему живым будет не выбраться. — Вставая, он сказал Айвару: — Если выдержишь испытания, тебе придется оставить свою хлопушку у меня. В таборе могут быть вооружены только те, кто отправляется на охоту — по одному человеку в отряде. Иначе мы потеряли бы слишком много людей. А теперь я должен посмотреть за сборами. Ступай.

Глава 6

Табор тронулся в путь: фургоны образовали длинную изломанную линию, позади брело стадо. Несколько человек ехало верхом, еще несколько — в повозках; большинство шло пешком. Типичный для энейцев быстрый длинный шаг давал возможность не отставать от скрипящих и подпрыгивающих на бездорожье экипажей. Идти было нелегко, и без особой нужды люди не разговаривали. Взгромоздившись на крыши повозок, из своих примитивных инструментов — барабанов, рогов, тарелок, волынок, гитар — извлекали звуки марша музыканты. Айвар заметил, что многие из них были калеками — хромыми, слепыми, изувеченными. Он, наверное, пришел бы в ужас от этого — большинству таких несча-

ствий современная медицина могла бы помочь — если бы калеки не были так же веселы, как и он сам.

К концу дня Привал был уже со всех сторон окружен холмистой равниной Айронленда. Между серо-зелеными куртинами голоствольника и меч-травы проглядывала грубая красная почва, высохшая до того, что уже не давала пыли. Самло остановил караван на отдых у застывшего лавового потока; когда-то, вырвавшись из недр вулкана, он застыл огромной воронкой, а теперь был изъеден эрозией.

— Это Чертова Громадина, — пояснил Миккал своему протезе. — Традиционное место первой остановки после Арройо. Говорят, Громадина защищает от злых духов. Думаю, такой обычай остался еще от Смутных Времен, когда здесь орудовали шайки — оголодавшие местные или кучки захватчиков, отбившиеся от своих, — в этом месте удобно держать оборону. Конечно, теперь мы ставим повозки в круг только на случай песчаной бури, хотя никому еще не вредила лишняя предосторожность. Ведь восстание Мак-Кормака показало, что Смутные Времена могут вернуться, что, без сомнения, и случится... уж это-то не требует доказательств.

— Э-э... прости меня, но ты рассуждаешь так философически...

— Как этого никто не ожидал бы от неграмотного полудикаря? — засмеялся Миккал. — Ну видишь ли, дело обстоит не совсем так. По крайней мере, я грамотен. Некоторые из нас должны уметь читать и писать — это необходимо для общения с внешним миром: как иначе провернешь трюк с древней картой, на которой обозначено, где закопаны сокровища... А кроме того, я люблю почитать, когда удастся выпросить или стянуть книгу.

— Я не могу понять, почему вы... Я хочу сказать, вы же могли бы пользоваться и библиотеками, и медицинской и генетической помощью, и...

— Да только какой ценой? — Миккал презрительно сплюнул (при такой жаре жест был чисто символическим). — Где бы мы брали денежки на это? Пришлось бы пойти на постоянную работу или сесть на шею социальным службам — стало быть, сделаться оседлыми, как и положено законопослушным гражданам. Таборам пришел бы конец, и нам вместе с ними. Разве ты не знаешь, что тинеран не может бросить бродяжничать? Втисни его в городские улицы, запри на ферме — и смерть станет для него желанным освобождением от неволи.

— Я слышал об этом, — медленно произнес Айвар.

— Но думал, что это просто романтическая выдумка, хей? Нет, так оно и есть. Такие случаи бывали. Стоит кому-то из нас

загнать в тюрьму хоть ненадолго — и мы там слабеем и умираем, если только не наложим на себя руки. А если кого-то выгонят из табора и ему придется стать оседлым — «свободным тружеником», — Миккал с издевкой выделил голосом цитату из пропагандистской передачи, — детей у него не будет, да и проживет он недолго. Поэтому-то нам и не нужна смертная казнь. Дважды мне случилось видеть, как король изгонял из табора негодяев за действительно тяжкие преступления; в таких случаях посылают весть во все другие таборы — изгнанника не примут нигде... Так вот, оба раза эти бедолаги умоляли лучше дать им сто один удар кнутом. — Миккала передернуло. — Ладно, за работу. Выпряги стаф, стреножь их и отгони к остальному скоту. Если чего не будешь знать, спроси у Дулси. А я, раз уж у меня появились лишние рабочие руки, заточу пораньше инструмент. — Миккал во время представлений жонглировал шпагами и метал в цель ножи. — Не говоря уже о том, — сообщил он Айвару с непроницаемым лицом, — что был карточным шулером и жульничал в кости.

Мужчины установили брезентовые поилки и наполнили их водой из цистерны, добавив в нее витамины: местная растительность не давала скоту всех нужных веществ. Мальчишкам предстояло всю ночь присматривать за небольшим общественным стадом. Помимо волкопауков и катавалов, животным угрожали разнообразные опасности: расщелины, где легко переломать ноги, зыбучие пески, неожиданно налетающие неистовые песчаные смерчи. При обычной для этих мест мягкой погоде ночной морозец не был опасен для специально выведенного скота — четвероногие и шестиногие имели густой мех, а неомоа — не менее густые перья; вот когда табор достигнет самого сердца пустыни — другое дело.

Конечно, не весь Айронленд был таким безжизненным — в этом случае его было бы невозможно пересечь. На пути каравана лежало несколько оазисов, где тинераны обычно пополняли запасы воды и сена для животных.

Внутри огороженного повозками пространства женщины и девочки занимались ужином. В этих практически лишенных топлива краях приходилось готовить на электроплитках. Аккумуляторы для них были как раз недавно заряжены на силовой станции. Ради этого, а также чтобы заработать деньги на оплату перезарядки, кочевникам и приходилось заходить иногда в цивилизованные земли.

Вергилий закатился. Почти мгновенно наступила ночь. На нескольких фургонах зажглись фонари, но в основном тинераны довольствовались светом звезд, лун и всполохов полярного сияния на северо-восточном горизонте. Из глубины пустыни подул

холодный ветер. Люди жались вокруг котелков, как будто заслоня друг друга от его ледяного дыхания. Эхо разносило веселые голоса, болтовню, смех, обрывки песен.

Еда была простой: густое отчаянно наперченное рагу, разложенное на ломти хлеба. В кружки разлили похожий на деготь чай. Тинераны редко употребляли спиртные напитки, а потому и не возили их с собой. Айвар предположил, что нелюбовь к алкоголю связана с его сильным дегидрирующим действием.

Да и кому нужны спиртные напитки? Айвар никогда не чувствовал себя таким счастливым даже в самых веселых пивных Нового Рима; к тому же и голова оставалась ясной, не то что там...

Он получил свою порцию и уселся по-турецки рядом с Микалом и Дулси, хотя и с меньшим изяществом, чем они. К ним сразу присоединился кто-то еще, потом еще, и вскоре Айвара окружала шумная толпа немых, но приятно пахнущих людей. Со всех сторон на него посыпались вопросы, замечания, шутки.

— Хийя, горожанин, и чего это ты решил прогуляться? На девчонок засмотрелся?

— Посмотрим, будут ли они тобой довольны после дневного перехода!

— Ну-ка, давай спой или расскажи новый анекдот или сплетенку...

— Эй, Банджи, не прижимайся так к мальчугану, пока еще рано!

— Добро пожаловать, приятель! А денежка у тебя есть? Послушай, отойдем в сторонку, и я научу тебя, как удвоить твое богатство...

— Ладно, сиди, я принесу тебе добавку!

Айвар отшучивался, опасаясь раскрыть свое инкогнито. Ему предстоял долгий совместный путь с этими людьми, так что стоило приобрести их расположение. К тому же кочевники просто нравились ему.

Наконец из темноты донесся голос короля Самло:

— Мыть посуду и спать!

Его подданные резво кинулись выполнять первую часть приказа. Айвар подумал, что кавардак, царивший в таборе и утром, и сейчас, — только кажущийся: каждый хорошо знал, что ему делать. Тинераны просто не давали себе труда создавать видимость военной четкости.

Музыканты окружили кресло-трон.

— Я думал, нам приказано идти спать, — пробормотал Айвар.

— Ну, не сразу, — ответила ему Дулси. — Когда удастся, мы стараемся поразвлечься — попеть, потанцевать. — Она стиснула

его руку. — Ты тоже подумай, что сумеешь предложить: может быть, расскажешь новости о своей стране. Король тебе обязательно прикажет. Но только сегодня он выбрал... Да, Фрайну. Фрайну из Шапито. Сестру Миккала... Сводную сестру, по-вашему — их отец достаточно богат, чтобы иметь двух жен. Она хорошо танцует. Смотри.

Тинераны расположились внутри круга, образованного фургонами. Айвар вскоре обнаружил, что не может до бесконечности сидеть на корточках, как все они. Нельзя было и усесться снова по-турецки: после захода Вергилия земля стала ледяной, недолго и отморозить себе что-нибудь. О такой роскоши, как одежда с подогревом, здесь нечего было и думать. Айвар остался стоять, прислонившись к стене Красной Крыши, скрытый темнотой.

Центр лагеря был залит серебряным светом: Лавиния стояла высоко, Креуса почти достигла полнолуния. Вперед выступила молодая женщина, поклонилась королю, выпрямилась и сбросила плащ. Ее наряд состоял из ожерелья и широкого медного пояса с прикрепленными к нему спереди и сзади прозрачными полотнищами.

Айвар узнал ее. Ее тонкие черты и огромные серые глаза не раз за этот день привлекали его внимание. Почти обнаженная, она казалась по-мальчишески тонкой, если не считать округлой груди. Впрочем, нет, решил он, просто ее женственность была более неуловимой, чем у его тяжеловесных соплеменниц.

Раздалась музыка. Девушка притопнула босой ногой — раз, другой, третий — и пустилась в пляс.

У Айвара перехватило дыхание. Ему и раньше приходилось видеть выступления тинеранских танцовщиц, и некоторые из них в своем диком стиле не уступали любой балерине — но все они не могли равняться с Фрайной.

«Лучшее тинераны берегут для себя», — подумал он. Потом он уже ни о чем не думал — только следил за движениями девушки.

Она взлетала над землей — тренированному человеческому телу помогало слабое притяжение Энея, — парила и плыла. Она взмывала в воздух и легко опускалась вниз, ее движения были естественны, как взлет и падение струй фонтана; быстрые пируэты сменялись немыслимым кружением, и вот уже перед Айваром вращается колесо, тут же превращающееся в летящую стрелу, затем — в катавала, увернувшегося от брошенного копья и прыгнувшего на охотника. Девушка подхватила свой плащ, и он превратился в крылья, а потом — в ее возлюбленного, и она танцевала с ним, окутывая своими летящими волосами и легким паром дыхания. Ее танец отрицал холод ночи, лунный свет блестел на ее

разгоряченном теле. Она сама была лунным светом, ветром, растворялась в завываниях волынки и барабанном бое, в ритме, который отбивали сотни рук — и руки Айвара тоже. Потом, взмыв вверх, девушка исчезла в ночи, музыка смолкла, а кочевники взревели от восторга.

Фургон Миккала внутри был неплохо обустроен, но из-за огромного количества в беспорядке сваленных вещей там оказалось довольно тесно. В переднем конце стояла пузатая печка — ее топили, когда удавалось найти топливо. Левую стену занимали две двуспальные койки, одна над другой; под нижней находился выдвижной ящик, а к стене между койками крепился откидной стол. Бесчисленные полки, шкафчики, вешалки на правой стене были заполнены невообразимым числом предметов: припасы и инструменты, костюмы и декорации для выступлений, целый калейдоскоп безделушек и разного хлама. С потолка свисали масляная лампа, несколько амулетов, связки сушеных овощей, колбасы, гирлянды луковиц и плодов драконника и еще множество всякой всячины — все это наполняло воздух своеобразными ароматами.

К двери оказалась приделана клетка. При появлении Миккала, Дулси и Айвара зверек в ней встал на задние лапки. Неужели кому-то может захотеться держать у себя столь непривлекательное существо, удивился Айвар. Четвероногое сантиметров пятнадцати в длину, с передними лапками, похожими на цепкие ручки, было покрыто жесткой серой шерстью; кожистая перепонка тянулась от плеч до задних лап, образуя что-то вроде мантии. Острая мордочка с ушами-воронками, пасть с острыми, как иголки, зубами. Зверек не мог быть представителем фауны Энея: три его маленьких красных блестящих глаза, расположенные треугольником, не выдержали бы света Вергилия.

— Кто это? — спросил Айвар.

— Ну как же, это наша «удача», — ответила Дулси. — Ее зовут Ларзо. — Дулси просунула руку в дверцу клетки, не имеющую запора, и позвала: — Ларзо, моя сладенькая, поди сюда и поздоровайся.

— Ваш... э-э... талисман?

— Наш кто? — переспросил Миккал. — А, понял. Ты думаешь, она вроде тех фенечек? — он ткнул пальцем в болтающиеся амулеты. — Нет. Правда, считается, что «удачи» приносят счастье, но на самом деле они просто любимчики. Пожалуй, ни в одном таборе не сыщется фургона, где не держали бы «удачу».

Айвар припомнил, что где-то читал об «удачах». Большинство авторов лишь вскользь упоминали об этом не особенно привлекательном и незначительном, по их мнению, обычае тинеранов.

Миккал, Дулси и Айвар уселись на нижнюю койку.

Дулси вытащила «удачу» из клетки, посадила себе на колени и, тихо напевая, стала кормить кусочками сыра. Зверек взял еду, но никак не откликнулся на ласку хозяйки.

— Откуда они взялись? — поинтересовался Айвар.

Миккал развел руками:

— Кто знает? Похоже, когда-то иммигранты завезли парочку-другую. Эти зверушки не могут жить тут на воле, но у тинеранов появилась привычка держать их, и... — Миккал широко зевнул. — Пора на боковую. Беда с этим утром — наступает чертовски рано.

Дулси посадила «удачу» в клетку. Чтобы дотянуться до дверцы, ей пришлось перегнуться через Айвара; отстраниться от него она явно не торопилась. Заметив это, Миккал улыбнулся и подмигнул.

— Почему бы и нет? Ты, приятель, будешь с нами еще долго, да к тому же ты нам нравишься. Так что близкое знакомство не помешает.

Смутившись, не зная, как поступить, Айвар пробормотал:

— Ч-что? Я... э-э... не понял...

— Поразвлекись с ней первый сегодня.

— А? Но... но...

— Ты, братишка, застрял на своем «но», — буркнул Миккал, а Дулси захихикала. — Стесняешься? Все вы, северяне, такие, пока не выпьете для храбрости. Брось, ты же среди друзей.

Айвар мучительно покраснел.

— Ладно, милый, — промурлыкала Дулси. — Бедный мальчик, он еще совсем не готов. — Она чмокнула Айвара в губы. — Не переживай, Рольф, времени у нас достаточно. Может, попозже ты и захочешь — но только если захочешь.

— Ясное дело, — подтвердил Миккал. — Да ты не бойся, я не кусаюсь, да и Дулси кусается не так уж больно. Отправляйся на покой, если ты это предпочитаешь.

Безыскусственность их отношения показалась Айвару Божьим даром. Он не мог себе представить, чтобы при других обстоятельствах так быстро сумел преодолеть свое смущение.

— Я не в обиду... Я... ну, у меня там, дома, есть невеста.

— Если передумашь, скажи, — шепнула Дулси. — Но даже если не передумашь, я не усомнюсь в твоей мужской силе. Просто у разных племен разные обычаи. — Она поцеловала его снова, более горячо. — Спокойной ночи, милый.

Айвар вскарабкался на верхнюю койку, разделся и залез в спальный мешок, приготовленный для него Дулси. Миккал потушил лампу, и Айвар всем телом ощутил движения на нижней койке... Потом осталась только темнота, тишина и ветер снаружи.

Айвар долго не мог уснуть. Полученное им приглашение слишком его взволновало. Может, нужно проще смотреть на вещи? Ему во время отпусков с военной службы приходилось иметь дело с тремя-четырьмя доступными женщинами — в компании с приятелями. Тогда он гордился своей удачей. Потом он встретил чистую, как звездный свет, Татьяну и устыдился.

«Я не ханжа, — убеждал он себя. — Пусть они делают что хотят — и на далекой развращенной Терре, и в близком и простом тинеранском фургоне».

У Наследника, отпрыска поколений ученых, другая судьба. Люди на Энее выжили, потому что их предводители были преданы делу: они были цельными натурами, и мужчины, и женщины, подчинялись жесткой дисциплине и всегда требовали от себя больше, чем от других. А самообладание коренится в глубинах души и требует усилий.

Человеку, конечно, свойственно оступаться. Айвар не считал себя таким уж грешником — тогда, во время войны. Но оргии — это все-таки совсем другое дело, особенно если нет ни малейшего оправдания... Так почему же он лежит без сна, стараясь не особенно вертеться с боку на бок, и почему так ужасно жалеет о своем решении хранить верность Тане? Почему, когда он попытался призвать на помощь ее чистый образ, вместо Тани перед его глазами предстала Фрайна?

Глава 7

Расположенный на холме посреди Нового Рима, университет Вергилия представлял собой самостоятельный город в пределах столицы — не говоря уже о том, что был старше ее. Массивная стена с бойницами, окружавшая университет, была покрыта шрамами, оставшимися еще со Смутного Времени.

«Он и на самом деле старше Империи, — подумал Десаи. Его взгляд скользнул по рыжим и серым камням, уложенным руками человека, к переливающемуся всеми цветами радуги фрагменту. Десаи ощутил озноб. — А эта часть — старше человечества».

Войдя в главные ворота, Десаи оказался в лабиринте дворов, проходов, лестниц, маленьких садилов в самых неожиданных местах, мемориальных стел и статуй. Архитектура университетских построек отличалась от городской. Даже самые новые здания — длинные, украшенные портиками, с высокими закругленными окнами и стройными башнями — сохраняли традицию, восходящую к древним университетам человечества.

«Насколько это верно? — задумался Десаи. — Даже если эти строения повторяют постройки древней Терры, все равно они —

мутанты-полукровки. Готические арки, но русские луковки на шпилях; при здешнем низком тяготении своды взмывают ввысь, а купола раздуваются, как мыльные пузыри. И все-таки все эти детали образуют гармоничное целое — по-своему мощное и грациозное, типично энейское... в отличие от меня».

На башне, отчетливо выделяющейся на фоне темнеющего синего неба и рыжей тучи дальней песчаной бури, пробили куранты. Мелодия, которую они вызванивали, была столь же традиционной, как и все вокруг; но для Десаи в ней не было ничего отстраненно-академического — она звучала почти как военный марш.

Университет не был теперь так полон шумными толпами жаждущих знаний, как это было запечатлено на лентах, снятых до восстания. Особенно было заметно почти полное отсутствие негуманоидов и людей из других владений Терры. Но энейцев было по-прежнему много. Почти все они были одеты в университетские мантии, цвет которых различался в зависимости от факультета; под некоторыми были видны белые халаты исследователей. На одежде студентов выделялись эмблемы их колледжей, а у тех, кто был из землевладельцев, — гербы их семей. Под мантиями представители обоих полов носили свитера, брюки и низкие сапожки; лишь в торжественных случаях это заменялось женщинами на такой отголосок древности, как платья и юбки. Десаи заметил, что многие мужчины сохранили погоны — напоминание о воинских или флотских подразделениях, ныне упраздненных.

«Должен ли я объявить ношение погон незаконным? — подумал он. — И что предпринять, если никто не подчинится?»

Недовольство окружающих его людей он ощущал как физическое давление. О, на первый взгляд картина была вполне мирной: несколько молодых людей смеялись шутке товарища, другие запускали огромного воздушного змея, парень и девушка держались за руки, глядя друг другу в глаза, двое профессоров были погружены в ученую беседу. И все-таки напряжение чувствовалось в том, как мало было крутом улыбок, как отдавались на древних камнях шаги — в них угадывалась привычка маршировать.

Десаи случалось посещать университет в своем официальном качестве, и он постарался как можно больше о нем узнать. Это не заставило хозяев оттаять, но по крайней мере теперь он мог не спрашивать, как пройти в нужное ему место, и сохранял надежду остаться неузнанным. Не то чтобы он опасался насилия; что же касается оскорблений — он считал себя достаточно зрелым человеком, чтобы не обращать на них внимания. Однако все возможно... Путь его лежал мимо Рыбниковской лаборатории, мимо

библиотеки Пикенса, через площадь Адзеля — к жилому корпусу Борглунд.

Ее комнаты — в южной башне, сказала Татьяна Тэйн. Десаи помедлил, определяя по высоте Вергилия время. Между часом и двумя... Кришна, он так и не развил в себе чувства направления, хотя компас на каждой планете настраивался так, чтобы точка восхода светила оказывалась на востоке, а наклон оси вращения Энея был невелик — казалось бы, все ясно.

«Становлюсь стар, — подумал Десаи, — все труднее адаптироваться».

Вот и автоматически отводить глаза от этого свирепо сияющего диска он не научился... На целую минуту ослепнув, Десаи забеспокоился, не получил ли он ожог сетчатки. Да нет, ничего. Ведь голубоглазые энейцы-северяне выдерживают...

«Хватит проволочек, — укорил себя Десаи. — Ведь в комиссариате ждет множество дел, и с каждой секундой их становится все больше».

После яркого света снаружи винтовая лестница в башне показалась так плохо освещенной, что Десаи споткнулся, и такой крутой, что его сердце было готово выскочить из груди. Слабое тяготение при здеишем разреженном воздухе не облегчало жизнь человеку его возраста. Пришлось передохнуть на площадке червертого этажа, прежде чем взяться за молоток, за столетия отполированный руками посетителей, и постучаться в дубовую дверь.

— Добрый день, — бесстрастно приветствовала его Татьяна Тэйн, отворив дверь.

Десаи поклонился:

— Добрый день, моя госпожа. Очень любезно с вашей стороны согласиться на разговор со мной.

— Разве у меня был выбор?

— Безусловно.

— Ну так его не было, когда ваши агенты контрразведки потащили меня на допрос. — Голос девушки оставался бесстрастным, и это огорчило Десаи: гнев, по крайней мере, давал бы надежду на установление хоть какого-то человеческого контакта.

— Именно поэтому я хотел встретиться с вами у вас в университете, профессор Тэйн, — чтобы подчеркнуть добровольность беседы. К тому же, как мне кажется, вы не были арестованы — не так ли? Офицеры просто сочли, что вы готовы им помочь, как и положено законопослушной гражданке, — Десаи с трудом удержался, чтобы не сказать «подданной его величества».

— Ну что же, вы можете не опасаться насилия с моей стороны, комиссар. Вы действительно пришли без охраны?

— Да, конечно. Кому есть дело до шоколадного толстячка в мешковатой мантии? Кстати, где я могу ее оставить?

Татьяна показала ему вешалку в передней. Все здесь было невообразимо архаичным. Конечно, первые поселенцы были слишком бедны, чтобы оборудовать свои жилища автоматикой; да и впоследствии жизнь оставалась достаточно трудной, и энейцы сохранили презрительное отношение к «штучкам изнеженных имперцев». По комнате гуляли ледяные сквозняки, которых хозяйка в своем простом легком костюме как бы и не замечала.

Десаи внимательно посмотрел на девушку. Она была высокой и тоненькой, с курносым носиком на овальном лице, тонкими бровями и карими глазами, пухлым ртом, белоснежной кожей, темными волосами до плеч.

«Типичная представительница старой университетской семьи, — подумалось ему. — Рано начала научную карьеру, кажется замкнутой и поглощенной своим предметом, но наверняка не тепличное растение: как и все они, проводит много времени в экспедициях, и в здешних пустынях, и в джунглях Дидоны. Говорят, блистательный лингвист, уже многого достигла в расшифровке языков дидонцев. Конечно, это она пробудила в Айваре Фредериксене интерес к литературе и истории Терры, хотя его явно увлекают в основном подвиги древних борцов за свободу. Девушка как будто имеет больше здравого смысла, такая серьезная, может быть, без особого чувства юмора, — как раз подходящая невеста для сорвиголовы».

Все эти сведения Десаи почерпнул из досье Татьяны. Больше там ничего не было — контрразведке приходилось следить за слишком многими энейцами. Вот ведь и от Айвара Фредериксена, казалось бы, не следует ожидать особых неприятностей — а что он натворил...

Татьяна провела Десаи в гостиную. Каменные стены были украшены выцветшими гобеленами, на полу лежал потертый ковер, большую часть комнаты занимали книжные шкафы, аппаратура для звукозаписи и лингвосемантического анализа. Немногочисленная мебель была старой, но удобной — массивное дерево, кожаная обивка. На письменном столе среди фотографий родных Десаи заметил портрет Айвара с дерзкой улыбкой на лице. Над столом висели две превосходные стереофотографии — на одной был изображен житель Дидоны, на другой — Эней, как он виден из космоса, — смесь рыже-красного, зеленого, голубого, с ослепительно белой полярной шапкой. Ее работа, ее дом.

Раздалась тонкая трель. Татьяна подошла к клетке, в которой сидела мышь-летяга.

— Ох, я совсем забыла — сейчас же время обеда. — Девушка насыпала зверьку семян и погладила его. Ответом была новая мелодичная трель.

— Могу я полюбопытствовать, как его зовут?

Девушка, казалось, была удивлена вопросом.

— Э-э... Злопастный Брандашмыг*.

Десаи снова поклонился:

— Простите меня, моя госпожа. У меня было неверное представление о вас.

— Что?

— Впрочем, ерунда. Когда я был мальчишкой и жил еще на Рамануджане, у меня был любимец — местный зверек по кличке Черепаша Квази**... Скажите, пожалуйста, подходит ли мышьяк для семьи, где есть маленькие дети?

— Ну, это зависит от детей. Зверька нельзя мучить.

— Это ему не угрожает. Наша кошка умерла, не вынесла климата Энея, так и не узнав, что ее могут дернуть за хвост.

Девушка напряглась.

— Эней гостеприимен не ко всякому пришельцу. Присядьте, комиссар, и расскажите наконец, что вам от меня нужно.

Кресло, в которое он опустился, было слишком высоким, чтобы человек его роста чувствовал себя в нем уютно. Татьяна удобно расположилась напротив — она была выше Десаи сантиметров на десять. Десаи хотелось курить, но попросить на это разрешения он считал неуместным.

— Что касается Айвара Фредериксена, — не выдержала девушка, — я могу повторить вам только то, что уже сказала вашим агентам: я ничего не знала о тех действиях, которые ему приписываются, и не знаю, где он может находиться.

— Я знаком с содержанием того вашего интервью, профессор Тэйн, — Десаи тщательно подбирал слова, — и я верю вам. Контрразведка тоже поверила. Они ведь не прибегли к допросу под наркотиками, не говоря уже о психозондировании.

— Ни один энейский полицейский не имеет права даже предложить такое.

— Но на Энее было восстание, и теперь планета оккупирована, — мягко напомнил Десаи. — Как только лояльность Империи будет восстановлена, энейцы получат обратно свою автономию. — Видя, как зажглись возмущением глаза Татьяны, он тихо добавил: — Лояльность, о которой я говорю, означает не больше, чем внешние проявления уважения к трону как символ доброй воли.

* Злопастный Брандашмыг — фантастический зверь, персонаж «Алисы в Зазеркалье» и «Охоты на Снарка» Льюиса Кэрролла.

** Черепаша Квази — персонаж «Алисы в Стране Чудес» Льюиса Кэрролла.

Лояльность к Империи означает прежде всего мир — мир в условиях, когда планета может быть уничтожена целиком, а восстание унесет тысячи жизней. И именно об этом я и хочу поговорить с вами, а вовсе не об Айваре Фредериксене.

Татьяна смотрела на Десаи с удивлением и недоверием:

— И что же, по-вашему, я могу тут сделать?

— Возможно, и ничего. Но надежда на хоть какой-то намек, указание, проблеск света все же есть — ради этого я и обратился к вам с просьбой о конфиденциальном разговоре. Подчеркиваю — с просьбой. Вы не сможете мне помочь, если помощь не будет добровольной.

— Чего же вы все-таки хотите? — прошептала она. — Могу только повторить — я не вхожу ни в одну организацию революционеров и никогда не входила... если не считать секретарской работы в милиции во время борьбы за независимость. О том же, что происходит теперь, я не знаю ровным счетом ничего. — В ней снова заговорила гордость. — А если бы знала, то скорее покончила бы с собой, чем предала бы Айвара или его дело.

— Но ведь вы могли бы просто поговорить со мной об этом — Айваре и его деле?

— Но что?.. — ее голос затих.

— Моя госпожа, — начал Десаи, с беспокойством вслушиваясь в собственные слова: убедительно ли для нее они прозвучат? — Я чужой на вашей планете. Мне, конечно, приходится встречаться с сотнями энейцев, моим подчиненным — с тысячами, но пока что это не привело к взаимопониманию. Мне очень помогли бы ваши история, литература, искусство, но сам я почти не имею для них времени, а обзоры, подготовленные другими, практически бесполезны. Одно из основных препятствий к пониманию — ваша гордость, ваш идеал железной самодисциплины, ваше уважение к собственному внутреннему миру: даже в беллетристике вы избегаете излишней чувств. Я знаю, что энейцам присущи все обычные человеческие эмоции, но мне неизвестно, как здесь, на Энее, они проявляются. Каково ваше самоощущение?

Единственные люди, с кем я хоть в какой-то мере могу найти общий язык, — это некоторые горожане: предприниматели, управляющие, новаторы, — космополиты, которых деловые интересы связывают с наиболее развитыми частями Империи.

— Богатеи из Паутины, — ехидно улыбнулась Татьяна. — Да, их понять легко: они готовы на что угодно ради прибыли.

— Ну, здесь вам изменяет объективность. Да, конечно, некоторые из них беспринципные оппортунисты. Но разве такие никогда не встречаются среди землевладельцев или в университетских семьях? Неужели вы не можете себе представить предприни-

мателя или финансиста, искренне считающего сотрудничество с Империей благом для своей планеты? И почему вы не хотите задуматься: а что, если он прав? — Десаи вздохнул. — По крайней мере признайте: чем лучше мы, имперцы, будем понимать вас, тем больше вы от этого выиграете. Более того, взаимопонимание может оказаться жизненно важным. Если бы... скажу вам откровенно, если бы я раньше знал наверняка то, что мне становится ясно только теперь, — как важны для энейцев Мемориал Мак-Кормака и традиция владения личным оружием, — может быть, мне и удалось бы добиться отмены непопулярных указов губернатора сектора. Тогда, возможно, мы не спровоцировали бы вашего жениха на тот отчаянный поступок, в результате которого он оказался вне закона.

На лице девушки отразилась боль.

— Возможно, — прошептала она.

— Мой долг, — продолжал Десаи, — любой ценой обеспечить мир. Это значит — установить закон и порядок и позаботиться о том, чтобы они сохранились, когда терранские войска покинут Эней. Но что для этого нужно сделать? И как? Следует ли нам, например, полностью изменить существующие структуры? Следует ли лишить всякого влияния землевладельцев, чей милитаризм, возможно, и был причиной восстания, и создать парламент, избираемый на основе всеобщего голосования, без всяких цензов и привилегий? — Наблюдая за сменой выражений на лице Татьяны, Десаи начинал лучше ее понимать. — Вы шокированы? Возмущены? Стараетесь убедить себя, что столь драконовские меры все-таки не будут приняты?

Десаи наклонился вперед.

— Моя госпожа, — произнес он, — среди тех грустных истин, которым меня научила история человечества, да и мой собственный опыт, есть такая: ужасающе легко направить потерпевшее поражение и подвергшееся оккупации государство на любой путь. Это случалось так много раз. Иногда два победителя, исповедующие разные идеологии, делили побежденного между собой, и две половинки начинали ненавидеть друг друга, становились фанатичными в гораздо большей степени, чем их хозяева.

Десаи почувствовал головокружение и должен был несколько раз глубоко вздохнуть, прежде чем смог продолжить.

— Конечно, оккупационные войска могут быть выведены слишком рано или не выполнить свои функции в должной мере. Тогда сохранится прежнее устройство, хотя и в искаженном виде. Но что значит «слишком рано» и «не в должной мере»? И к чему следует стремиться?

Моя госпожа, в окружении губернатора есть люди, считающие, что безопасность сектора альфы Креста достижима только при условии превращения Энея в копию Терры. Я считаю такие взгляды не только ошибочными — ваша культура уникальна и ценна, — но и смертельно опасными. Что бы ни говорили апологиеты психодинамики, я думаю, что, если столь гордый и деятельный народ подвергнется радикальной хирургической операции, последствия могут оказаться непредсказуемыми.

Я хочу ограничиться минимальными изменениями. Может быть, окажется достаточным, если просто укрепить торговые связи с центральными системами Империи — тогда сохранение мира станет для Энея жизненно важным. Я не знаю. Я тону в океане отчетов и статистики, а когда всплываю на поверхность, вспоминаю древнее изречение: «Если народ будет петь песни, сочиненные мной, то совершенно неважно, кто напишет законы».

Так не поможете ли вы мне понять ваши песни?

В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь завываниями ветра за окном и тихими трелями мыши-летяги. Наконец Татьяна стряхнула с себя задумчивость:

— На самом деле вы просите о сотрудничестве, комиссар. О дружбе.

Десаи нервно рассмеялся:

— Я согласен просто на разрешение расходиться во мнениях с вами. Конечно, я и мечтать не могу о таком количестве откровенных разговоров с вами, как мне хотелось бы, — точнее, как мне было бы нужно. Но если вы, молодые энейцы, снизойдете до того, чтобы подружиться со своими ровесниками — морскими пехотинцами, техниками, космонавтами, — вы увидите, что они вполне порядочные люди, страдающие от изоляции, много знающие, много видевшие...

— Ну не знаю, возможно ли такое. И уж точно не по одной моей рекомендации. Да я и не стану это рекомендовать, пока ваши ищейки охотятся за моим любимым.

— Вот как раз это я и хотел с вами обсудить. Не местопребывание Айвара или его планы — совсем другое: как вызволить его из ловушки, в которую он угодил по собственной милости? Я был бы искренне рад даровать ему полное прощение. Остается только придумать, как это осуществить на деле.

Несколько секунд Татьяна ошеломленно смотрела на Десаи, потом медленно произнесла:

— А ведь я верю вам — вы на самом деле этого хотите.

— Бес сомнения. И я скажу вам почему: мы, бюрократы-имперцы, имеем агентов и осведомителей, не говоря уже о разнообразной подслушивающей аппаратуре, так что мы не совсем уж

слепы и глухи; мы способны оценить события и лежащие в их основе скрытые течения. Нечего было и надеяться скрыть от народа, что Айвар Фредериксен, Наследник, будущий Архонт Илиона, возглавил первое открытое и преднамеренное выступление против властей со времен Мак-Кормака. Теперь на его соратников, убитых, раненых или арестованных, смотрят как на мучеников, а на самого Айвара, тем более что ему удалось скрыться, — как на знамя свободы, как на законного правителя, если хотите, — который еще вернется. — Улыбка Десаи была бы мрачной, если бы его пухлое лицо было способно на такое выражение. — Вы, наверное, обратили внимание на то, что его семья выразила лишь формальное сожаление по поводу «прискорбного инцидента». Нам, представителям власти, приходится быть очень осторожными и старательно избегать всякого давления на Архонта.

До Десаи, который так и не привык к разреженной атмосфере Энея, звуки доходили как сквозь подушку. Он с трудом расслышал шепот девушки:

— Что могли бы вы сделать... для Айвара?

— Если он — и так, чтобы никакие сомнения в этом были невозможны — по своей собственной воле заявит, что изменил свое мнение, признает, вовсе при этом не заискивая перед Империей, что Эней только выиграет от сотрудничества с властями, — ну тогда, я думаю, возможна не только амнистия для него и его соратников, но и некоторые изменения в сторону большего самоуправления.

К Татьяне вновь вернулась настороженность.

— Если вы рассчитываете, что это послужит наживкой, чтобы выманить его...

— Нет! — нетерпеливо прервал ее Десаи. — Такого рода предложения не делаются во всеуслышание. Сначала требуется конфиденциальная подготовка, иначе все действительно будет выглядеть как подкуп. К тому же, повторяю, я не думаю, что вам известно, где его найти, или что он вскоре свяжется с вами. — Комиссар вздохнул: — Но, может быть... Я ведь уже говорил вам: основная моя цель — выяснить, в свойственной мне неуклюжей и нерешительной манере, что же все-таки движет им. Что движет всеми вами? Существует ли надежда на компромисс? Каков лучший путь для Энея и Империи из всей этой трясины?

Снова Татьяна долго молчала, обдумывая его слова; потом спросила:

— Не хотите ли перекусить?

Бутерброды и кофе пришлось кстати. Сидя в крохотной кухне Татьяны — витриловом куполе, опирающемся на спины каменных драконов древней башни, — они могли любоваться

несравненным видом на сады, строения, шпиль и укрепления университета, и дальше — на Новый Рим, сверкающий Флоун с зеленью по берегам и уходящую к горизонту рыжую шкуру пустыни.

Десаи вдохнул благоухание кофе — позволения закурить он так и не решился попросить — и вернулся к прежней теме.

— Ситуация с Айваром парадоксальна: по вашим словам, он скептик, и тем не менее вот-вот окажется харизматическим правителем глубоко религиозного народа.

— Что? — Десаи уже потерял счет поворотам их разговора, изумлявшим его собеседницу. — Да нет же. Мы, энейцы, никогда не были религиозны. Не забудьте, сама колония на Энее возникла как научная база для изучения Дидоны. — Татьяна откинула волосы со лба и после паузы продолжала: — Ну конечно, верующие всегда были, особенно среди землевладельцев... Пожалуй, это тенденция возникла давно, еще до Снелунда, как реакция на декаданс Империи, хотя тяготы последних лет ее усилили — люди все больше ищут утешения в церкви. — Девушка нахмурила брови. — Только они не находят там того, что ищут. Вот и Айвар тоже... Он рассказывал, что подростком был очень религиозен, а потом понял, что доктрина церкви несовместима с научным знанием, так что вера не может предложить ничего, кроме набора успокоительных слов, а ему совсем не это было нужно.

— Придя сюда, чтобы вы меня просветили, я не должен был рассказывать вам, что на самом деле представляют собой энейцы, — ответил Десаи. — С другой стороны, у меня такой разнообразный опыт... Ладно, как вы посмотрите на такое объяснение: энейское общество всегда строилось на *вере*: вере в драгоценность знаний, которая и привела к возникновению здесь колонии; вере в право на жизнь и обязанность бороться за нее, ведь в Смутные Времена Энею пришлось особенно тяжело; вере в служение, честь, традиции, которая и сделала энейское общество таким, каково оно есть. Трудные для вас времена вернулись, и люди реагируют на них по-разному: некоторые, как Айвар, отвечают еще большей эмоциональной привязанностью к существовавшей общественной системе, другие ищут убежища в сверхъестественном. Но в любом случае энеец стремится к служению чему-то великому.

Татьяна задумалась.

— Пожалуй, вы правы. Может быть. Я не думаю, правда, что термин «сверхъестественное» здесь применим, разве что только в очень узком смысле. Лучше сказать «духовное». Например, я скорее назвала бы космогнозис философией, а не религией. — Она еле заметно улыбнулась. — Мне положено это знать — я сама поклонница космогнозиса.

— Кажется, я припоминаю... Это учение в последнее время стало ведь очень модным в университетской общине?

— Которая, учтите, включает многих и разных людей. Да, комиссар, вы правы. Это не просто причуда.

— И какова же доктрина?

— На самом деле никакой четкой доктрины нет. Космогнозис не объявляет себя откровением, это просто способ нащупать путь... к пониманию, к единству. Изначально интерес ко всему этому вызвала работа с дидонцами. Вы ведь догадываетесь, почему, не правда ли?

Десаи кивнул. Перед его глазами всплыла виденная им фотография: в рыже-красном дождевом лесу, под вечно затянутым облаками небом стояло существо, которое было триединым. На плоских и широких плечах четвероногой особи, похожей на единорога, восседали покрытый перьями птеронид и мохнатый примат с хорошо развитыми руками. Оба они имели длинные хоботки и соединялись ими с большим животным: у них было общее кровообращение, и «единорог» ел за всех троих.

Но триада не была связана навечно; каждый ее член принадлежал к своему собственному независимо размножающемуся виду и многие функции осуществлял сам по себе. Это касалось и мышления. Дидонец — хищ — не был в полном смысле слова разумен, пока все его три части не соединятся. При этом сливались в единое целое не только системы кровообращения: три нервные системы объединялись тоже, и три мозга вместе оказывались чем-то большим, чем сумма трех составляющих, взятых по отдельности.

Насколько большим — не знал никто; не исключалось, что это и невозможно было бы описать ни на одном понятном человеку языке. Соседствующий с Энеем мир был столь же укутан в покров тайны, как и в облачный покров. То, что общины дидонцев оставались технологически отсталыми, ничего не доказывало: по геологическим меркам, Терра была такой же всего мгновение тому назад, а условия жизни там давали гораздо больше возможностей открыть и использовать законы природы. Невообразимые трудности общения с дидонцами — даже после семи столетий усилий люди не продвинулись дальше пиджин-диалекта — тоже не доказывали ничего, кроме трюизма: что разум дидонцев бесконечно далек от человеческого.

Да и как дать определение такому разуму, если он оказывается результатом объединения трех существ, каждое из которых обладает собственной индивидуальностью и воспоминаниями и может оказываться частью самых разных триад? И что такое личность — или даже душа, — если эти бесконечные перестановки делают

воспоминания бессмертными, передавая их из поколения в поколение, когда тела, испытавшие то, что стало воспоминанием, уже давно мертвы? Как много разных рас, культур, черт личности может существовать в этом мире перетекающих друг в друга на протяжении столетий бесконечно разнообразных мозаик? Чему люди могут научиться у дидонцев, а они — у людей?

Если бы не эта приманка — Дидона — может быть, люди никогда бы и не колонизовали Эней. Он был так далек от Терры, так беден, так суров — хотя и более гостеприимен, чем сестра-планета, но сам по себе малопритягателен. К тому времени когда терране освоили бы все более соблазнительные планеты, Эней скорее всего был бы уже обжит ифрианами, которым он подходил гораздо больше, чем *Homo sapiens*.

А насколько подходил он Строителям, все эти неисчислимые века тому назад, когда еще не появились дидонцы, а на Энее катили волны океаны?..

— Простите меня. — Десаи понял, что замечтался. — Я отвлекся. Да, мне случалось размышлять о... о соседях, — вы ведь так их называете? Влияние такого соседства на ваше общество должно быть огромным — не только в плане неиссякаемых возможностей для исследований, но и как... как пример.

— Верно, особенно в последнее время, когда, как нам кажется, в некоторых случаях удалось достичь настоящего понимания, — ответила Татьяна. В ее голосе зазвучала увлеченность. — Вы только подумайте: такой необыкновенный образ жизни, и мы оказались здесь, чтобы наблюдать... и размышлять. Может быть, вы правы, комиссар: мы здесь, на Энее, стремимся к возможности преодолеть ограничения человеческой природы. Но также возможно, что мы правы в этом своем стремлении. — Татьяна широким жестом показала на небо. — Что мы такое? Искры, разлетающиеся от костра Вселенной, чье возникновение — бессмысленная случайность? Или дети Бога? Составляющие, инкарнации божества? А может быть, семя, из которого Бог еще только должен родиться? — Немного спокойнее девушка продолжала: — Мы, поклонники космогнозиса, считаем — тут вы правы, нас вдохновили дидонцы с их непостижимым единством, с их поверьями, стремлениями, поэзией, мечтами, как ни мало мы можем это все понять, — мы считаем, что Вселенная стремится стать чем-то большим, чем она есть, и что долг тех, кто достиг высшего уровня, помогать своим менее развитым собратьям... — Взгляд Татьяны устремился к фрагменту стены — чему-то, бывшему когда-то чем-то... — сколько столетий ни миновало, это что-то все еще сохраняло свою индивидуальность. — Как это делали Строители, —

закончила она, — или Старейшие, как их зовут землевладельцы, или... Впрочем, у них много имен. Те, кто пришел раньше нас.

Десаи вскинул голову.

— Не хотел бы оскорблять ничьих религиозных чувств, — произнес он с запинкой, — но, если говорить по существу, хотя существование древней космической цивилизации, оставившей следы во многих мирах, несомненно, трудно все-таки переварить энейское представление о том, что ее представители перешли на высшую ступень духовного развития, а не просто вымерли.

— Но что могло бы уничтожить такую цивилизацию? — с вызовом ответила ему Татьяна. — Не кажется ли вам, что даже мы, человечество, со всеми своими слабостями и недостатками, теперь уже распространились так широко, что нас невозможно полностью уничтожить? Или, если мы исчезнем, разве не останется инструментов, произведений искусства, синтезированных материалов, окаменевших костей — следов, по которым нас можно было бы опознать и через миллионы лет? Так почему же Строители должны были нам в этом уступать?

— Ну, — не уступал Десаи, — можно себе представить и такое: короткий период экспансии, когда на чужих планетах создавались лишь научные базы, без настоящей колонизации этих миров, потом упадок материнской планеты...

— Это только предположения, — прервала его Татьяна. — На самом деле вы просто не можете найти черную кошку в темной комнате, потому что ее там нет. Я же думаю, и этот взгляд многие мои коллеги разделяют, что Строителям просто не нужно было больше того, что они уже имели. К тому времени когда они появились на Энее, они уже переросли надобность в материальном могуществе. Думаю, что они перестали нуждаться и в тех строениях, что мы теперь видим, — поэтому они их и покинули. И пример дидонцев — многие в одном — показывает нам путь, по которому пошли Строители; более того, они могли дать толчок такому направлению эволюции на Дидоне. Теперь же, в избранный день, они вернутся — ради всех нас.

— Мне приходилось слышать о таких идеях, профессор Тэйн, но...

Татьяна устремила на Десаи пылающий взгляд:

— Но вы полагаете, что тот, кто это придумал, свихнулся. Тогда как насчет вот чего: на Энее сохранилось больше, чем в других местах, руин сооружений Древних: в окрестностях моря Орка, на Маунт Хронос. Их никогда не исследовали так, как они того заслуживали — сначала из-за того, что преобладали другие интересы, потом из-за того, что они оказались заселены. Но

теперь... ох, конечно, это всего лишь слухи, слухи, вечно приносимые ветром пустыни... но все-таки теперь говорят о предтече...

Девушка почувствовала, что сказала, пожалуй, слишком много, и снова спряталась в свою раковину бесстрастности.

— Пожалуйста, не считайте меня фанатичкой. Назовите это надеждой, сном наяву. Согласна, у нас нет доказательств чего-либо, уж не говоря о божественном откровении. — Десаи почувствовал злорадство в ее улыбке. — И все же, комиссар, что, если существо, опередившее нас на миллионы лет, сочтет, что Терранская Империя нуждается в усовершенствовании?

Десаи вернулся в свой кабинет так поздно — рабочий день уже кончился, — что собрался было отложить все дела и отправиться домой: первый раз за несколько недель ему удалось бы увидеть своих детей еще не спящими. Но только из этого, конечно, ничего не вышло: его ожидало срочное сообщение. Секретарь-компьютер, будучи машиной, не сказал Десаи, что следовало бы оставить, уходя, номер телефона, по которому с ним можно связаться. Вызов исходил от главы контрразведки.

«Может быть, ничего такого уж жизненно важного, — устало подумал Десаи. — Фейнштейн, конечно, знает свое дело, но уж слишком старателен».

Он нажал на кнопку. Капитан ответил немедленно — он явно ждал звонка комиссара. После обычных приветствий и извинений он сообщил о случившемся:

— Этот Айхарайх с Жан-Батиста, вы помните, сэр? Дело в том, что он исчез, и при весьма подозрительных обстоятельствах.

...Нет, ведь вы сами разрешили, да и его превосходительство тоже... У нас не было оснований подозревать его. Он даже отправился в свой первый выезд в пустыню с одним из наших патрулей.

...Насколько можно понять из невразумительного рапорта этого олуха-сержанта, Айхарайх умудрился узнать пароль. Вы же знаете, какие предосторожности мы принимаем со времени инцидента в Гесперийских холмах. Поставые сами не знают пароля — не знают его осознанно: им сообщают его под гипнозом одновременно с командой немедленно забыть и вспомнить только в нужный момент. Чтобы избежать случайностей, в качестве пароля мы используем бессмысленные звукосочетания или слова языков аборигенов с другого конца Империи. Если Айхарайх смог проникнуть в подсознание наших людей — особенно если учесть, насколько отлично строение его мозга от человеческого, — тогда он более сильный телепат, чем это признает возможным наука.

...Так или иначе, сэр, он получил в свое распоряжение флайер, заговорил зубы диспетчеру и скрылся в неизвестном направлении.

...Да, сэр, конечно, я проверил его досье и все, что мог. Его мотивы непонятны. Может быть, это обычное пиратство, но не слишком ли рискованно принять такое простое объяснение?

— Друг мой, — ответил ему Десай, чувствуя, как наваливается на него усталость, — я не знаю ни единого события в этой Вселенной, относительно которого принять простое объяснение не было бы рискованно.

Глава 8

— Хийя! — завопил Миккал, пуская свою стафу плавным галопом. Горный бык развернулся и помчался вбок. Если бы он выбрал другое направление и двинулся вниз по осыпи, охотники не смогли бы его преследовать: их обувь, как и ноги любого животного, не приспособленного эволюцией к этим местам, были бы моментально изрезаны острыми как бритва краями камней, а рыжие скалы, торчащие из стен каньона, заслонили бы быка от выстрела.

Но зверь побежал по горному склону прочь от края каньона. Тут из-за утеса, похожего на слоеный пирог, появилась Фрайна на своем скакуне.

Быку полагалось бы испугаться и ее тоже и рвануться вверх, туда, где его поджидал Айвар, но вместо этого зверь нагнул голову и кинулся на девушку. Его образующие трезубец рога сверкали как сталь. Стафа Фрайны в панике встала на дыбы. Бык не уступал ей размером и к тому же был сильнее и быстрее.

Айвар единственный из охотников имел ружье; остальные были вооружены дротиками.

— Йи-лава! — на хайсуне это означало «замри» — скомандовал Айвар своей стафе. Он вскинул ружье и прицелился. Голые скалы, рыжая пыль, редкие серо-зеленые кусты, единственное дерево рахаб вдалеке были отчетливо видны в ярком свете полуденного Вергилия. На земле лежали короткие пурпурные тени, но небо над острыми горными пиками казалось почти черным. В раскаленном сухом воздухе не разносилось ни звука, кроме топота копыт и криков охотников.

«Если я не убью эту тварь, она может убить Фрайну, — пронеслось в голове Айвара. — Только бы не попасть в горб. Положить его одним выстрелом отсюда — чертовски трудно, и еще Фрайна не попала бы под выстрел...» — эти мысли не помешали ему тщательно прицелиться. На испуг просто не было времени.

Сухой треск выстрела разорвал тишину. Бык взметнулся, замычал и рухнул.

— Рольф, Рольф, Рольф! — пропела Фрайна. Айвар спустился по откосу туда, где лежал бык, с ликованием в душе. Соскочив со стафы, Фрайна кинулась ему на шею и крепко поцеловала.

При всей своей пылкости это был вполне сестринский поцелуй, но тем не менее голова Айвара закружилась. К тому моменту когда он пришел в себя, Миккал уже подъехал и рассматривал добычу.

— Здорово сделано, Рольф, — на его худом лице блеснула белозубая улыбка. — Устроим сегодня пир.

— Мы это заслужили, — засмеялась Фрайна. — Иногда, правда, люди не получают заработанное или их добычу у них выманивают.

— Значит, нужно оказаться выманивающим, — ответил Миккал.

Фрайна ласково посмотрела на Айвара.

— Или достаточно умным, чтобы сохранить то, что сумел заработать, — пробормотала она.

Сердце Айвара заколотилось. Сейчас, в момент победы, он особенно остро ощутил, как она красива в своей чисто символической одежде. Миккал тоже был одет легко — набедренная повязка и портупоя с ножами и флягой. Бронзовая кожа брата и сестры не боялась лучей Вергилия, а ощутить тепло было так приятно. Сам Айвар был в свободной одежде пустыни — рубаха, штаны, бурнус с прорезями для глаз.

Плато, известное как Кошмар Айронленда, было позади. Не нужно больше преодолевать каменистые просторы или обходить трещины; кончилась местность, где кроме них и ветра ничто не шевелилось и где не было других живых существ. Им больше не угрожала иссушающая жажда, когда воду приходилось экономить так, что пищу ели, не варя, а посуду не мыли, а чистили песком. Не будет больше ночей столь холодных, что животные не выжили бы, если бы для них не ставили палатки.

Как всегда, переход через плато довел людей до опасного напряжения. Айвар оценил предусмотрительность вождя, конфисковавшего огнестрельное оружие. И так уже случилось несколько драк с поножовщиной, которые едва не кончились фатально. Путешественникам требовались теперь не просто более легкие условия существования, а что-то, что взбодрило бы их. Эта первая успешная охота на склонах Железных гор пришлась очень кстати.

И хотя местность вокруг была все еще унылой, худшее было позади. Табор Привал направлялся вниз, в долину Флоуна. Скоро они доберутся до реки, ее прохладных зеленых берегов и веселых

городков, уютно устроившихся здесь, к югу от Нового Рима. И если охотники, разделявая тушу горного быка, слишком много смеялись и их голоса звучали слишком громко, достоинство Наследника Илиона не пострадает от того, что он присоединится к ним, подумал Айвар.

К тому же с ним была Фрайна, а работать с ней вместе одно удовольствие... До сих пор они не были близко знакомы. На это не хватало ни сил, ни времени. Кроме того, несмотря на свои самозабвенные танцы, Фрайна была довольно застенчива для тинеранской девушки. Что же касается его дальнейшего пребывания в таборе...

Надеюсь, мне хватит порядочности не соблазнить ее; ведь все равно я бы ее оставил, когда мне придет время покинуть табор. Я теперь начинаю понимать, почему, несмотря на все тяготы, расставание с тинеранами оказывается такой мучительной болью. И Таня... я не должен забывать о Тане.

Но могу же я наслаждаться близостью Фрайны, пока это возможно. В ней столько жизни. Как и во всем вокруг. Я и не подозревал, что смогу достичь такой полноты и свободы ощущений, пока не присоединился к кочевникам.

Он заставил себя сосредоточиться на том, что делает. Его тяжелый нож легко рассекал шкуру, мышцы, сухожилия, даже мелкие кости — гораздо быстрее и эффективнее, чем миниатюрные лезвия его товарищей. Он смутно удивился, почему они не переняли у северян более удобное орудие или по крайней мере не добавили такие ножи к своему арсеналу; затем, наблюдая, как ловко они работают, подумал, что тяжелые лезвия были бы не в их стиле.

Гм, да, я начинаю теперь понимать, какие тонкие различия часто существуют между культурами и сообществами.

Закончив разделять тушу и погрузив мясо на стаф, они втроем расположились на отдых у родничка в низинке. Она была похожа на чашу, восхитительно прохладная и тенистая. Перо-трава кивала своими султанами над мшистыми стенками, стремительные насекомые серебряными искрами мелькали над водой, ручеек журчал по камням, пока не терялся в пустыне. Люди всласть напились и уселись отдохнуть, опираясь на прохладные камни, Фрайна между мужчинами.

— Ахх, — выдохнул Миккал. — Можно не спешить. Я знаю, как добраться до табора в два прыжка, если отправиться коротким путем. Давайте отдохнем перед обедом.

— Хорошая идея, — одобрил Айвар. Они с Фрайной улыбнулись друг другу.

Миккал перегнулся через сестру. В его руке оказались завернутые в кусочки бумаги какие-то коричневые волокна.

— Закурим? — предложил он.

— Что это? — спросил Айвар. — Я думал, что вы, тинераны, избегаете табака. От него больше хочется пить, не так ли?

— О, это марван. — В ответ на вопросительный взгляд Айвара Миккал продолжал: — Никогда не слышал о таком? Ну, не думаю, что твой народ стал бы им пользоваться. Это такое растение, ты его высушиваешь, а потом куришь. Похоже на алкоголь. Лучше, я бы сказал, хотя на вкус и уступает первосортному виски.

— *Наркотик*?! — воскликнул Айвар шокированно.

— Не свирепей, Рольф. Эта штука чертовски необходима, когда ты уходишь из табора, вроде как мы — на охоту или в разведку. — Миккал сморщился. — Эти дикие места не для человека. Когда вокруг друзья, ты защищен. Но когда ты сам по себе, нужно же чем-то притупить мысли о том, что ты одинок и смертен.

Никогда раньше Айвару не приходилось слышать от тинерана признание в собственной слабости. Миккал обычно был жизнерадостен. Даже по пути через Кошмар Айронленда, хотя его нервы тоже были на пределе, он не хватался за нож, используя другое оружие — не менее острый язык; казалось, он меньше, чем его товарищи, страдает от напряжения и ищет разрядки в демонстрации своей мужественности. И вот...

Пожалуй, я могу с ним согласиться. Они дают, эти просторы и тишина. Бесконечное temento mori. Мне это никогда не приходило на ум, там, дома. А теперь... Не будь здесь Фрайны, само присутствие которой — радость, я мог бы поддаться искушению попробовать его наркотик.*

— Нет, спасибо, — сказал он Миккалу.

Тот пожал плечами и протянул марван Фрайне. Девушка сделала отрицательный жест. Миккал поднял брови, изображая то ли удивление, то ли сарказм. Фрайна нахмурилась и еще раз решительно покачала головой. Миккал ухмыльнулся, убрал сигареты, кроме одной, и прикурил от зажигалки. Айвар почти не обратил внимания на эту сцену и тут же выбросил ее из головы, только порадовавшись, что Фрайна избегает этого греха. Он наслаждался ее близостью и сладким запахом — здорового тела, нагретых полуденной жарой волос, пота, выступившего на ее полуобнаженной груди.

Миккал вдохнул дым, задержал дыхание, потом медленно выдохнул. Его веки опустились.

* Помни о смерти (лат.).

— Аах... — пробормотал он, — и еще раз ах... Я обретаю способность думать. Особенно о том, как приготовить эти бифштексы. Женщины вечером сварят похлебку, конечно. Я прослежу, чтобы остальное мясо было как следует промариновано. Если понадобится, позову на помощь короля. Уверен, он меня поддержит. Хотя он и уксусная душа, наш Самло — все вожди такие, — но он обладает здравым смыслом.

— Это точно, он не ведет себя как остальные тинераны, — съязвил Айвар.

— Короли всегда так. Для того они нам и нужны. Я не отрицаю, мы легкомысленный народ, — если уж на то пошло, я этим горжусь. Ну вот и получается, что нам нужен кто-то, кто будет за нас осторожен и предусмотрителен.

— Да, я слышал о том, что ваши вожди проходят специальную подготовку. Должно быть, в них здорово вдальбливают дисциплину, раз им хватает благонравия на всю жизнь — да еще среди таких, как вы.

Фрайна хихикнула. Миккал, который тем временем сделал несколько затяжек, задрогал ногами и захохотал.

— Что я такого сказал? — удивился Айвар.

Девушка потупилась. Айвару показалось, что она покраснела, хотя сказать точно при ее бронзовой коже было невозможно.

— Пожалуйста, Миккал, не святотатствуй, — прошептала она.

— Ну разве что слегка, — согласился ее брат. — Да Рольфу можно сказать. Это ведь не секрет, просто не принято говорить... Чтобы не разочаровывать невинных и так далее, — его глаза стрельнули в сторону Айвара. — Только семье короля положено знать, что происходит в храме, в священных пещерах, в киосках на Ярмарке. Да только жены и наложницы вождя принимают во всем этом участие, и как же потом не поделиться с подружками. Вот ты думаешь, что мы, тинераны, устраиваем себе развеселые праздники. На самом деле мы даже и не знаем вовсе, что такое настоящее веселье!

— Но такова наша религия, — заверила Айвара Фрайна. — Она же не в божках, амулетах и заклинаниях на каждый день. Нужно почитать силу жизни.

Миккал снова засмеялся:

— Айе, официально все это — обряды ради плодородия. Ну, я читал кое-что по антропологии, разговаривал с разными людьми, даже размышлял иногда, когда нечего было делать. *Лично я думаю так:* этот культ появился потому, что вождю требуется полная разрядка, оргия без всяких запретов, чтобы в остальное время оставаться таким занудой, какой нужен для управления нами.

Айвар опустил глаза, наполовину в смущении, наполовину в гнев. Разве нет резона в том, чтобы тинеранам проявлять побольше самоконтроля? Такое впечатление, что их чрезвычайная эмоциональность специально культивируется. Зачем? Или это в нем говорит предубеждение? Разве сам он с каждым днем не становится все больше похож на тинеранов и разве не получает от этого удовольствия?

Фрайна взяла его за руку. Дыхание девушки коснулось щеки Айвара.

— Миккал не может без шуток. По-моему, в том, что делает король, есть и святое, и греховное. Святое потому, что нам нужны дети: слишком много малышей — и людей, и животных — умирает. А что касается греха... в этом тоже он берет на себя... многое. Но даже это — ради табора, он выпускает на свободу зверя, который иначе грыз бы нас изнутри.

«Не очень-то это все понятно, — подумал Айвар, — но какая она умная и серьезная, не говоря уж о том, какая славная и хорошенькая!»

— Угу, пожалуй, мне стоит помочь Дулси округлиться, — произнес Миккал. — Говорят, пока младенец в пеленках, с ним не так уж много хлопот. — Как только детишек тинеранов отлучали от груди, их селили в особом детском фургоне. — С другой стороны, — добавил Миккал, — я и сам мастак по части разных сказочек, если нужно охмурить простака с денежками в кармане...

Тень заслонила солнце. Трое охотников вскочили на ноги.

То, что спускалось к ним, миновало диск Вергилия, и теперь лучи заиграли на просвистевших в воздухе золотисто-бронзовых крыльях шести метров в размахе. Фрайна вскрикнула. Миккал схватился за дротик.

— Не смей! — крикнул Айвар. — Йи-лава! Это ифриец!

— О-ох, да, — сказал Миккал тихо. Он опустил оружие, хотя в любой момент был готов пустить его в ход. Фрайна вцепилась в руку Айвара и крепко прижалась к нему.

Существо приземлилось. Айвару приходилось встречать ифриан и раньше, в университете и в других местах. Но сейчас он был удивлен до такой степени, что вытаращился на ифрийца, как будто видя представителя этого вида впервые.

На земле пришелец использовал свои необыкновенные крылья, сложенные вдвое, как ноги: расположенные на сгибах пальцы образовали плоские ступни, а длинные отведенные назад кости предплечий служили дополнительной опорой при остановке. В такой позе его рост составлял сантиметров 135, голова доходила Айвару до груди; весил он около 25 килограммов. Рядом с выступающей как киль грудной костью торчали тонкие, покрытые желтоватой

кожей руки, развившиеся, вероятно, из птичьих лап. На каждой руке было три когтистых пальца плюс еще два противостоящих и рудиментарный отросток на внутренней поверхности запястья. На сильной шее гордо сидела крупная голова. У ифрийца был выпуклый череп, низкий лоб и узкое лицо с чем-то вроде остро-конечного костного выступа посередине; выразительный рот странным образом контрастировал с клыками хищника. Гребень из жестких черно-белых перьев шел по голове и шее, веером спускаясь на плечи. Все тело ифрийца, кроме ступней и рук, было покрыто блестящим коричневым пухом, а огромные глаза, которые, казалось, никогда не мигают, сияли золотом.

Ифриец был одет во что-то вроде передника со множеством карманов и лямок. Нож, фляга и револьвер составляли все его имущество. Он был приспособлен к жизни в пустыне гораздо лучше, чем человек.

Миккал затаился своей сигаретой, расслабился, улыбнулся и отсалютовал дротиком.

— Хийя, путешественник, — произнес он формальное приветствие, — мы рады видеть тебя среди нас. Да не будет меж нами вражды у водооя. Я Миккал Красная Крыша, это моя сестра Фрайна Шапито, мы из табора Привал; а это наш спутник Рольф Маринер из университета.

Англик, на котором ответил ифриец, имел странный акцент — то ли из-за особенностей его голосового аппарата, то ли потому, что инопланетянин говорил на каком-то провинциальном диалекте.

— Спасибо, приветствую вас, и да будет ветер вам попутным. Я Эраннат из Ворот Бури на Авалоне. Позвольте мне утолить жажду, и мы сможем поговорить, если желаете.

Столь же неуклюжий на земле, сколь грациозный в воздухе, ифриец заковылял к роднику. Когда он наклонился к воде, Айвар заметил похожие на жабры отверстия, по три с каждой стороны тела. Сейчас они были закрыты, но в полете сокращения мышц, вероятно, заставляли их работать наподобие мехов, снабжая организм дополнительным количеством кислорода: метаболизм ифрийца должен быть очень активным, чтобы дать достаточно энергии для подъема тела такого веса. Значит, еды ему нужно тоже много, подумал Айвар. Неудивительно, что Эраннат путешествует в одиночестве: пустыня не прокормила бы двоих представителей этого вида.

— Он великолепен, — шепнула Фрайна Айвару. — Как ты его назвал?

— Ифриец, — ответил Первенец. — Разве ты не знаешь?

— Наверное я когда-то что-то слышала, но я ведь невежественная кочевница, Рольф. Ты потом мне о них расскажешь?

«Ха! Еще как расскажу!» — подумал Айвар.

Миккал снова уселся на прежнее место в тени.

— Позволено ли мне будет спросить, что привело тебя сюда, чужестранец?

— Обстоятельства, — ответил Эраннат. Его народ всегда отличался немногословностью. Большая часть общения ифриан между собой осуществлялась посредством движений очень чувствительных перьев гребня.

Миккал рассмеялся:

— Другими словами, да, спросить можно, но нет, ответа не получишь. Но все-таки не хочешь ли ты немножко поболтать с нами? Эй, Фрайна, Рольф, присоединяйтесь к компании.

Девушка и Айвар сели. Взгляд Эранната задержался на Наследнике.

— Мне до сих пор не случалось встречать здесь представителей твоего народа.

— Мне... мне захотелось перемен... — запинаясь, произнес Айвар.

— Он не особенно распространялся об этом раньше и не обязан сообщать тебе тоже, — заявил Миккал. — Однако, летун, судя по твоему замечанию, ты тут занимался наблюдениями, и довольно внимательно — если, конечно, ты не любитель беспочвенных обобщений, чем твоя раса вроде бы не отличается.

Перья ифрийца затрепетали, но никто из людей не был способен расшифровать это выражение эмоций.

— Да, — ответил Эраннат после паузы, — я интересуюсь этой планетой. Как и все авалонцы, я встречал людей, но это были люди определенного сорта. Попав на Эней, я пользуюсь возможностью познакомиться и с другими разновидностями.

— Угу. — Миккал сидел, скрестив ноги, и курил. — Что-то я сомневаюсь, чтобы в Новом Риме слышали о тебе, — протянул он. — Оккупационные власти подмяли под себя все космические полеты, что сюда, что отсюда. Не хочешь ли показать нам официальное разрешение на свои наблюдения? Терранские вершители наших судеб такие нервные последнее время, разве дадут они свободно околачиваться по стратегически важному пограничному миру представителю соперничающей империи? Я, конечно, просто фантазирую, но похоже, что ты здесь застрял: прибыл, скажем, во время восстания, пока было легко проникнуть сюда незамеченным, а теперь выжидаешь, когда бдительность властей ослабнет и можно будет отправиться домой.

Пальцы Айвара сжали приклад ружья. Но Эраннат остался невозмутимым.

— Фантазируй, сколько пожелаешь, — сухо ответил он, — но ведь и я тоже могу этим заняться. — Его взгляд снова скользнул по Наследнику.

— Ну, наши пути не приводят нас в окрестности Нового Рима, — пожал плечами Миккал. — Мы готовы оказать тебе гостеприимство, если ты захочешь попутешествовать с нами, как, возможно, уже путешествовал с другими таборами. Твои песни и рассказы, должно быть, здорово интересны. А когда мы доберемся до обжитых мест и начнем давать представления, то, может быть, ты захочешь выступать вместе с нами.

Фрайна охнула. Айвар улыбнулся ей.

— Да, — шепнул он. — Если бы не травка — мы же не в лагере, — Миккал не решился бы сделать подобное предложение существу с такими когтями и с таким чувством собственного достоинства. — Волосы Фрайны коснулись его щеки, и девушка сжала руку Айвара.

— Прими мою благодарность, — ответил Эраннат. — Я сочту за честь быть вашим гостем, хотя бы на несколько дней. Остальное мы можем обсудить позже.

Он летел высоко над ними, планируя и взвываясь ввысь, пока охотники ехали к лагерю по гористой и пустынной местности.

— Кто он на самом деле? — спросила Фрайна под стук копыт. Ветерок донес дымный запах голоствольника, похожий на запах ифрийца — можно было подумать, что когда-то его предки летали слишком близко к солнцу...

— Мыслящее существо, — сообщил очевидное Миккал. — Более умное и более выносливое, чем многие другие, включая, может быть, и нас. Мы, люди, пока что оказываемся сильнее просто потому, что нас больше: благодаря гиперпространственному двигателю мы оказались на один прыжок впереди в космосе. И еще потому, что каждому из нас нужно меньше жизненного пространства.

— Из-за того, что они — птицы?

— Нет, — сказал ей Айвар. — Они не птицы. Да, они покрыты перьями, они теплокровные, у них два пола. Но ты заметила — у него отсутствует клюв. Их самки рожают живых детенышей, правда, у них нет лактации — я имею в виду, нету молока; их губы приспособлены для того, чтобы сосать кровь из жертвы.

— Ты говорил об их империи, Миккал, — продолжала девушка. — Да я и раньше что-то слышала. Расскажи еще, ладно?

— Пусть уж лучше Рольф, — ответил ее брат. — Он образованный. Кроме того, если ему придется молчать, он просто лопнет.

Айвар покраснел до ушей.

«Это правда», — признался он себе. Но Фрайна слушала его с таким вниманием, что он начал увлеченно рассказывать.

— Иффри — планета, довольно сходная с Энеем, за исключением того, что у нее более холодное солнце. Она находится на расстоянии в сто световых лет в направлении беты Центавра.

— Глаза Ангела по-нашему, — пояснил Миккал.

«Разве тинераны используют другие названия звезд? — удивился Айвар. — Но ведь и мы называем созвездия не так, как принято на Терре: отсюда небо видится иначе».

— После того как люди установили с ними контакт, — продолжал Айвар, — ифриане быстро достигли современного уровня технологии. У них, конечно, совсем другой тип цивилизации, если это можно так назвать: они никогда не строили городов. Тем не менее они стали такими же космопроходцами, как и представители Технических культур: начали торговать и колонизировать планеты, хоть и с меньшим размахом, чем люди. Когда распалась Лига и настало Смутное Время, они тоже пострадали. Когда порядок наконец был восстановлен, люди создали Империю, ифриане — свою Сферу. Это на самом деле не империя, Миккал: просто свободное объединение миров.

Однако сфера влияния Иффри расширялась, Терранская Империя росла тоже, пока они не встретились, и тогда начались столкновения. Пару столетий назад между ними вспыхнула война. Ифриане проиграли, и им пришлось уступить многие пограничные территории. Но сопротивление было слишком велико, чтобы Империя могла даже и думать о том, чтобы аннексировать всю Сферу.

С тех пор отношения были... переменчивыми, скажем так. Были стычки, хотя снова до настоящей войны дело не доходило; заключались договоры, предпринимались совместные акции — с надувательством с обеих сторон; возобновилась торговля, частные лица и организации стали обмениваться визитами. Терру не особенно радует то, что Сфера Иффри растет, хоть и в сторону, противоположную от нас, а вместе с территорией растет и его мощь. Однако Империя до сих пор была слишком занята Мерсейей, чтобы что-то делать в здешних местах — не считая удешевления свободы собственных подданных, конечно.

— Это как раз то, что нужно для объективной оценки собственного правительства, — заметил Миккал.

— Я поняла, — сказала Фрайна. — Как ясно ты все объясняешь... Но разве он не сказал, что он с... с Авалона?

— Да, — снова принялся объяснять Айвар. — Это планета в Сфере, колонизованная совместно людьми и ифрианцами. Там образовалось уникальное общество. Было бы весьма резонно по-

слать авалонца шпионить на Эней. Ему было бы легче иметь дело с нами, он лучше понимал бы людей, чем обычный ифриец.

Глаза Фрайны широко раскрылись.

— Так он шпион?

— Агент разведки, если ты это предпочитаешь. Он, понятно, не выкрывает секреты с баз Космофлота. Просто собирает информацию по кусочкам, а в результате ифриане смогут составить более полную картину того, что происходит в Терранской Империи. Не думаю, что он может делать здесь что-то еще. Его, наверное, забросили, пока контроль над прилетами-отлетами отсутствовал из-за войны за независимость. Как и сказал Миккал, рано или поздно он отсюда выберется — думаю, когда Ифри снова откроет консульство в Новом Риме. Тогда им легче будет вывезти его тайком.

— Тебя это не заботит, Рольф?

— А почему это должно меня заботить? Ведь на самом деле...

Айвар закончил мысль про себя:

«Ифриане не помогли нам. Уверен, Хью Мак-Кормак пытался привлечь их на нашу сторону, но ему отказали. Они хотели избежать риска новой войны. Но... если бы мы смогли получить их поддержку, не обнародуя ее — оружие и боеприпасы, космические корабли, связь — освободительные силы росли бы, пока... Мы проиграли, потому что не были готовы. Мак-Кормак поднял знамя восстания в результате всплеска эмоций. И он не пытался расколоть Империю — он хотел править ею сам. Что ифриане выиграли бы от этого? Ну а если наша цель будет отколоть сектор альфы Креста от Империи, сделать его независимым или даже признать юрисдикцию Ифри — разве это их не заинтересует? Может быть, они даже отважатся на войну, особенно если удастся заключить союз с Мерсейей...» — он посмотрел вверх, туда, где летел Эраннат, и стал мечтать о крылатых отрядах, которые станут защищать свободу Энея.

Чье-то восклицание вернуло его с небес на землю. Они перелезли через водораздел. На открывшемся перед ними склоне, частично скрытые оползнем, высились руины: монументальные стены и колонны, такие изящные и воздушные, что, казалось, вот-вот улетят. Время не угасило их перламутровый блеск.

— Это же... это же памятник Строителей. Или вы называете их Старейшими?

— *Ла-Сарцен*, — очень тихо ответила ему Фрайна, — Высочайшими. — На лицах сестры и брата было написано благоговение.

— Мы отклонились от своего обычного маршрута, — выдохнул Миккал. — Я забыл, что они когда-то жили здесь.

Они с Фрайной соскочили на землю, преклонили колени и, воздев руки, стали нараспев произносить слова молитвы. Поднявшись, они перекрестились и сплюнули: в этой иссушенной стране так совершали жертвоприношение. Двинувшись дальше, они далеко объехали руины, и прежде чем перевалить за гребень следующего холма, обернулись и попрощались с ними.

Эранный не стал снижаться, чтобы рассмотреть руины. При его зрении в этом не было нужды. Его медленные круги в небе выглядели как знамение.

Отъехав на километр, Айвар рискнул задать вопрос:

— То, что мы видели... там, позади... это часть вашей религии? Я не хотел бы оскорбить ваши религиозные чувства.

Миккал кивнул:

— Думаю, что можно назвать это святыней. Кем бы Высочайшие ни были, они по сути боги.

«Это ниоткуда не следует, — подумал Айвар, но промолчал. — Интересно, почему это поверье так распространено?»

— Что-то от их духа, должно быть, осталось в их творениях, — сказала Фрайна благоговейно. — Нам нужна их помощь. А когда они вернуться, они будут знать, что мы верили в них.

— Будут ли? — не смог удержаться от вопроса Айвар.

— Да, — ответил Миккал серьезно. Такой тон в его устах прозвучал особенно впечатляюще. — И скорее всего это произойдет еще при нашей жизни, Рольф. Разве ты не слышал, что говорят об этом? Далеко на юге, где обитают умершие, появился пророк, чтобы подготовить их возвращение...

Несмотря на жару, он поежился.

— Я сам не знаю, верить ли этому, — закончил он рассудительно. — Но ведь всегда можно надеяться, верно? Давайте-ка взбодрим этих ленивых тварей и поторопимся в табор.

Глава 9

Почта с Терры наконец-то пришла. Десаи положил рядом с собой пачку сигарет, приказал принести самовар с чаем и примирился с тем фактом, что и обед, и ужин, и полуночный бутерброд ему предстоит съесть в своем кабинете, не отрываясь от дисплея. Это, конечно, не означало, что он сам, его персонал и компьютеры работали неэффективно: ему лично не было никакой необходимости знакомиться с двумя третями материалов, адресованных его управлению. Но вся ответственность за планету, на которой обитали 400 миллионов человеческих существ, лежала на нем.

Лорд-Советник Петрофф из Политического Совета рекомендовал провести реорганизацию административных структур во

всей зоне оккупации; всем комиссарам предлагалось представить свои предложения и отчеты о проведенной работе. Лорд-Советник Чардон доводил до сведения комиссара Десаи жалобы губернатора Муратори на отсутствие прогресса в умиротворении системы Вергилия и требовал объяснений. Контрразведка Космофлота желала провести разнообразные операции для выявления активности мерзейских агентов в секторе альфы Креста. Экономическое Бюро требовало свежие данные о полезных ископаемых на необитаемых планетах каждой системы и оценку возможности их разработки в целях промышленного развития отсталых регионов. Бюро по Науке настаивало на увеличении ассигнований на исследовательские работы на Дидоне, обосновывая это необходимостью привлечь на сторону Империи ученых из университета Энея. Бюро Общественной Безопасности требовало отзыва с Дидоны всех представителей человеческой расы, опасаясь, что непроницаемый облачный покров и непроходимые джунгли окажутся хорошим прикрытием для партизан. Дворцовое ведомство срочно нуждалось в разведданных о настроениях местного населения на случай, если его величество решит совершить инспекцию миров, пострадавших от недавних волнений.

Ночь вливалась в кабинет сквозь прозрачную стену, холодный свет маленькой быстрой Креусы освещал темный город, когда на дисплее наконец появился ответ на запрос Десаи. Он рывком вырвался из объятий сонливости. *Нужно перепрограммировать селектор!* Его пальцы дрожали так, что он с трудом вставил в мундштук новую сигарету. Раскуривая ее, он даже не заметил протестов раздраженных дымом языка, горла, легких...

«...Сведения о планете с таким названием, прозвищем, оригинальным или в переводе с любого известного языка или диалекта, находящейся в Империи или в ее исследованных окрестностях, отсутствуют во всех доступных архивах. Многие географические названия, например Сан-Жуан на Новой Мексике, восходят к христианскому канону; святого Иоанна, предполагаемого автора одного из евангелий, следует отличать от Иоанна Крестителя, персонажа упомянутого произведения; его имя на наиболее распространенных языках Терры звучит как Жан-Батист по-французски и Джон Баптист по-английски...

Происхождение индивида, именуемого, по его собственным словам, Айхарайх (см. приложение 3: расшифровка голосовых обертонов), установлено на основании представленного голографического материала (см. таблицы в приложении 2) с достаточно высокой вероятностью, несмотря на скудость имеющихся фактических данных.

По причине несоответствия голографических и акустических характеристик индивида характеристикам всех разумных видов, хранящимся в Императорском Ксенологическом Регистре, было сочтено необходимым послать запрос в архив Контрразведки Космофлота. Оттуда получено сообщение, согласно которому на основании информации, хранящейся в специальных банках данных, Айхарайх может быть отнесен к виду, обитающему на одной из планет Мерсейского Ройдхуната. В соответствии с существующими дипломатическими договорами, в силу своего присутствия в секторе альфы Креста, данный индивид должен рассматриваться как секретный агент, действующий в целях, не служащих интересам его величества.

К сожалению, о планете обитания данного вида известно очень мало. Полное досье не содержит ничего, кроме данных, приводимых в настоящем обзоре.

По нескольким случайным замечаниям, сделанным в присутствии должностных лиц Империи и отраженным в их докладах, планета именуется Херейон (см. приложение 3). Упомянув ее в разговорах, представители противной стороны характеризовали ее как «холодную, неуютную», «карликовую мумию», «безмолвную древность», хотя некоторые благоприятные выводы могут быть сделаны касательно местной архитектуры и искусства. Эти высказывания были сделаны мерсейцами и в одном случае представителем другого вида, обитающего в пределах Мерсейского Ройдхуната, посещавшими ее по дороге в другие места. Из этих сведений может быть сделан вывод, что Херейон является планетой земного типа, с низкой средней температурой и небольшой массой, что в сочетании с древностью планеты привело к потере значительной части атмосферы и воды. Можно считать, что имеется определенное сходство природных условий Херейона и Энея. На основании имеющихся данных никакое заключение о принадлежности планеты определенной звездной системе или о спектральном классе ее солнца сделано быть не может. Следует подчеркнуть, что Херейон незначительная, редко посещаемая и неизвестная большinstву мерсейцев планета.

Некоторые соображения по поводу рассматриваемого вопроса. Возможно, условия эволюции разума на планете привели к появлению у аборигенов специфических психических образований, высоко ценимых представителями высших слоев в Ройдхунате. Бедность планеты природными ресурсами, промышленная отсталость в таком случае используются властями для привлечения населения на службу в специализированные государственные органы.

Херейониты периодически покидают свою планету. Идентификация Айхарайха как представителя этого вида стала возможной благодаря микросъемкам, сделанным в двух случаях: во время приема в посольстве Терры на Мерсейе и при переговорах касательно Джиханната. В обоих случаях херейонит оказывался в большой смешанной группе, подробные расспросы о нем были невозможны; полученная информация приведена выше. Следует подчеркнуть, что присутствие херейонитов на мероприятиях такого уровня (а возможно, и других, сведения о которых отсутствуют) говорит о важной роли, которая отводится им мерсейской администрацией.

В качестве дополнительного фрагмента в настоящий обзор включены полученные в последний момент и непроверенные сведения. Контрразведка Космофлота, по получении запроса, активизировала деятельность своих агентов, положение которых предполагает возможность их доступа к соответствующей информации. В ответ было получено сообщение от командера Доминика Флэндри.

Доминик Флэндри выполнял задание на Толвине, поскольку ему было поручено расследование событий, приведших к возникновению совместного терранско-мерсейского исследовательского проекта на этой планете (см. приложение 27), и его специальные знания давали ему возможность сбора важной военной информации. Во время командировки он вступил в дружеские отношения с молодым мерсейским офицером. Согласно данным наблюдения, Флэндри познакомил его с некоторыми значными местами. Как бы ни был примененный Флэндри метод, в результате мерсеец стал разговорчив. На одном из приемов, обратив внимание своего спутника на представителей неизвестных ему видов среди мерсейцев, Флэндри начал расспрашивать о них. Офицер, под влиянием опьянения, назвал планету, Херейон, и пробормотал что-то о невообразимой древности населяющей ее расы и особых возможностях херейонитов, которые засекречены. По словам мерсейца, на Херейоне когда-то существовала высочайшая цивилизация, и херейониты, как подозревают правители Ройдхуната, рассматривают своих теперешних властителей просто как инструмент для достижения собственных целей. Флэндри думает, что его информатор рассказал бы ему больше, но неожиданно командующий мерсейским отрядом положил конец встрече и отбыл вместе со всеми своими офицерами. После этого Флэндри ни разу не видел больше ни своего знакомого, ни херейонита. Настоящий эпизод является частью отчета, присланного Флэндри, но региональный отдел контрразведки счел его не заслуживающими

внимания слухами и не включил в число сведений, представляемых в центральный банк данных.

Вышеизложенное включено в обзор только ради полноты картины. Поиск офицерами контрразведки сенсационных новостей не должен поощряться. Рекомендуются приложить необходимые усилия к задержанию существа, именующего себя Айхарайхом, хотя не в ущерб другим, более неотложным программам, которые, бесспорно, важнее поимки единственного иностранного шпиона. В случае успеха подозреваемого надлежит держать под стражей и немедленно уведомить вышестоящие инстанции...»

Десаи невидящим взглядом уставился в темноту.

«Но ведь упоминание о Жан-Батисте было обнаружено в архивах на Ллинатавре, — подумал он. — Конечно, было бы не очень сложно платному мерсейскому агенту подложить фальшивые данные... возможно, ему помог хаос, который царил во время беспорядков. Улдвир, зеленый ты дьявол, какую гадость ты и твоим приспешники придумали для моей планеты?»

Долина Флоуна по большей части более гостеприимная земля, чем Илион. На ее дорогах, приближаясь к могучему потоку, табор Привал не нуждался больше в столь жесткой дисциплине, как при пересечении пустыни. Веселье начинало бить через край по мере того, как восстанавливались силы.

В одну из ночей табор разбил лагерь на лугу, принадлежащем фермерскому семейству, договоренность с которым существовала уже несколько поколений. Никто и не подумал объявить отбой, дров для костра было в изобилии, и празднество затянулось поздно. После того как Фрайна исполнила свой номер, она подошла к Айвару, сидевшему у огня, и шепнула:

— Пойдем погуляем? Я только переоденусь, — и скользнула в свой фургон.

Сердце Айвара заколотилось. Шум в ушах заглушил беседу, к которой он прислушивался, пока шло представление. Когда он снова смог слышать, слова показались ему странными и бессмысленными, как гудение роя пчел.

— Да, я провел некоторое время с двумя другими группами кочевников, — говорил Эраннат. — С Темной Звездой к северу от Нового Рима и с Людьюми Гурди в районе Форты Лунатиков. Различия в обычаях, бесспорно, любопытны, но, как мне кажется, это все рукава одной реки.

Король Самло, сидя в своем кресле, единственном, вынесенном к костру, подергал себя за бороду.

— Тебе следовало бы побывать у Отцов Магии, я у них был подмастерьем. А в таборе Глории хозяйки фургонов — женщины.

Только они кочуют в Тиберии, за равниной Антонина, так что я сам их не знаю.

— Может быть, я их и посету, — ответил Эраннат, — хотя я уверен, что найду там те же основные обычаи.

— Странно, — сказал фермер. — Вы, инопланетяне, — я, конечно, никого не хочу обидеть: у меня были славные приятели-инопланетяне на корабле во время войны за независимость, — так вот, вы больше путешествуете по нашей планете, чем мы сами, да даже и наши профессиональные путешественники тоже.

Он присоединился к веселью на лугу вместе со своими взрослыми сыновьями. Женщины и дети были оставлены дома: сборище не отличалось целомудрием, да и потасовки могут случиться. Фермер глаз не мог отвести от ифрийца. Вокруг него собрались король Самло, Падро Покоритель Дорог, вдова Мара Топотунья и еще несколько солидных людей; лихорадочная атмосфера праздника захватила их меньше, чем молодежь.

«Что я здесь делаю? — удивляясь сам себе, подумал Айвар. — И так же возбужден, как и все, и жду Фрайну... А ведь раньше я думал, что мне лучше не увязать во всем этом слишком глубоко... Хаос поberi, кому нужна эта осторожность!»

Огонь костра взвился и осветил стоящие кругом фургоны. Трещали, вспыхивая, сучья, красные и золотые искры взлетали фонтаном. Отблески ложились на сидящих на земле вокруг костра, выхватывали из темноты сверкающие глаза, блестящие зубы, серьги, браслеты, едва прикрытые прозрачной тканью тела... Тут собралась группа игроков в кости, там обнимались парень и девушка, еще где-то болельщики окружили двух борцов, а вот уже парень и девушка скользнули прочь в поисках уединения... Вокруг костра собрались танцоры, появились хромой гитарист, горбун-барабанщик и слепой певец; с топаньем и свистом закружился хоровод. Пахло дымом и разгоряченными человеческими телами...

Дрожащий свет отразился от перьев Эранната, расплавленным золотом вспыхнули его глаза, гребень превратился в корону. Благодаря забавному акценту его слова не показались педантичными:

— Чужеземцы действительно часто исследуют планеты доскональнее, чем аборигены, фермер Васильев, и им к тому же удастся увидеть больше. Люди склонны доверять своему первому впечатлению.

— Ну не знаю, не знаю, — возразил Самло. — Не заслоняют ли от тебя большие различия маленьких, которые так много значат для нас? У тебя есть крылья, а у нас — нет. У нас есть настоящие ноги, а у тебя — нет. Не кажемся ли мы тебе в результате

похожими друг на друга? Может быть, поэтому тебе и кажется, что разные таборы одинаковы?

— Я этого не говорил, вождь, — ответил Эраннат. — Я сказал, что наблюдал глубоко уходящие общие корни. Может быть, то, что ты называешь мелкими, но важными различиями, заслоняет от тебя общую картину? Может быть, ты придаешь им слишком большое значение?

Айвар засмеялся и вступил в разговор:

— Вопрос в том, не видим ли мы леса за деревьями или, видя лес, не различаем отдельные деревья.

Но тут вернулась Фрайна, и он вскочил. Девушка переоделась в старенькое платьице, но оно оказалось не менее откровенным, чем наряд, в котором она танцевала. На плече Фрайны, выделяясь на фоне черного водопада ее волос, сидела «удача» фургона Шапито, закутавшись в мантию и высунув наружу только свою мордочку чертенка.

— Пошли? — прошептала девушка.

— Ты еще спрашиваешь! — Айвар, как было принято среди северян, поклонился королю: — С вашего позволения, сэр!

Самло кивнул. По его губам скользнула мрачная улыбка.

Поворачиваясь, чтобы уйти, Айвар заметил, как напрягся Эраннат. Не нужно было быть ифрийцем, чтобы понять значение взъерошенных перьев и скрюченных пальцев: Эраннат излучал ненависть. Проследив взгляд золотистых глаз, Айвар увидел сверкающий треугольник красных глазок «удачи». Зверек выгнул спину, его шерсть встала дыбом, он возбужденно залопотал.

— Что случилось, радость моя? — Фрайна погладила «удачу», успокаивая любимца.

Айвар вспомнил, как Эраннат отклонил приглашения поселиться в любом фургоне и постоянно оставался снаружи, даже в самые холодные ночи, когда ему приходилось хлопать крыльями, чтобы поддержать высокую температуру тела и не замерзнуть. Неожданное озарение заставило Наследника спросить:

— Тебе не нравятся «удачи»?

— Нет, — последовал ответ ифрийца. После мгновенной паузы он пояснил: — Мне уже приходилось их встречать в других местах. В Планхе мы зовем их *лийялре* — «крадущиеся в ночи».

Фрайна надула губы:

— Что за ерунда. Я захватила бедняжку Таис подышать свежим воздухом. Пошли, Рольф.

Она взяла Айвара за руку. Тут он совсем забыл, что тоже никогда особенно не симпатизировал «удачам».

Эраннат пристально смотрел им вслед, пока они не скрылись в темноте.

За кольцом фургонов простиралась широкая лужайка, покрытая мягкой и пружинящей под ногами серебристой заря-травой. По краю прогалины толпились деревья — высокие сосны, приземистые молоточки, куполообразные дельфи. Свет обеих лун заставлял их стволы словно светиться, а тени скользить — полумесяц непоседливой Креусы перемещался быстро. Черный бархат неба был усеян звездами, Млечный Путь походил на замерзший водопад.

Музыка стихла вдалеке, и тишину нарушали только трели мыши-летяги. Айвар молчал, преисполненный изумления перед чудом близости девушки.

Фрайна наконец тихо произнесла:

— Рольф, Высочайшие непременно должны существовать: иначе в мире не могло бы быть так много красоты.

— Высочайшие? Бог? Ну...

«Non sequitur*, дорогая, — подумал Айвар. — Для нас это — красота, потому что определенный вид приматов развивался в сходных природных условиях на Terre. Хотя мы и способны чувствовать странное очарование пустыни, воспринимать ее красоту так же, как, например, Эраннат, мы не можем... Но разве это не значит, что любая разнообразность красоты непременно должна быть замыслена Творцом? Не верить ни во что, кроме случайности, было бы так скучно...»

— Что нам до философии? — произнес он беспечно. — Стоит ли терять на нее время, когда мы вместе?

Фрайна обняла его за талию. Ее прикосновение показалось ему обжигающим, как огонь.

«Я влюблен, — пробилась мысль сквозь шум в голове. — Никогда не был так влюблен. Таня...»

— Айх! — вздохнула Фрайна. — Сколько времени нам остается?

— Разве не вечность?

— Нет. Ты ведь не можешь жить в таборе. Такого еще никогда не случилось.

— Почему?

— Потому что вы, оседлые, — ох, Рольф, извини, ты слишком хороший, чтобы тебя так называть, ты в душе путешественник... Но все же вы, люди с корнями — вы не то чтобы слабые, вы просто стойкие иначе, чем мы.

«В результате веков отбора...» — подумал Айвар.

— Я за тебя боюсь, — прошептала Фрайна.

* Одно из другого не следует (*лат.*).

— Что? За меня? — его окатила волна оскорбленной гордости, которая, как он чувствовал глубоко внутри, была просто ребячеством. — Эй, послушай, разве я не перенес путешествие через Кошмар Айронленда так же стойко, как и вы все? Я крупнее и сильнее любого мужчины в таборе, может быть, не такой жилистый и подвижный, но, клянусь хаосом, я способен выжить при любой засухе, голоде, песчаной буре!

Фрайна прижалась к нему теснее:

— И ты такой умный, так много знаешь всяких книжных историй, — и что гораздо важнее, ты умеешь то, что умеют немногие в таборе. Но все равно тебе придется покинуть нас. Может быть, потому, что мы не сможем дать того, что тебе нужно. Разве у нас есть чем заполнить всю твою жизнь?

«Ты, — ответило его сердце. — И еще свобода быть самим собой... Плюнь на свой проклятый долг, Айвар Фредериксен. Ты ведь не выбирал, кем тебе родиться. Перестань думать об этих светящихся точках в небе как о политической реальности, пусть они снова станут для тебя просто звездами».

— Я... я не думаю, что мне когда-нибудь надоест путешествовать, если рядом будешь ты, — пылко сказал Айвар. — И я... я ведь могу выполнять свою долю работы... может быть, я окажусь нужен Привалу.

— До тех пор пока тебя не обчистят или не пырнут ножом. Рольф, дорогой, ты такой невинный. Ты веришь, что все люди честны от природы и не убивают без причины. Это не так, по крайней мере не в таборе. Ты же ведь не сможешь перемениться, Рольф.

— Но ведь ты могла бы мне помочь?

— Ох, если бы могла! — скользящий луч луны блеснул на ее мокрой от слез щеке.

Внезапно девушка вскинула голову и решительно произнесла:

— По крайней мере я могу уберечь тебя от самой близкой и страшной опасности, Рольф.

— Ты о чем? — привыкнув уже к быстрым, как ртуть, сменам ее настроений, Айвар больше думал о ее красоте, близости, исходящем от нее аромате, чем о ее словах. Они все еще шли к деревьям. «Удача» на плече Фрайны, завернувшись в свою мантию, была почти невидима.

— У тебя ведь много монеток, верно?

Айвар кивнул. На самом деле это были не монеты, а бумажные деньги — имперские кредиты и энейские либры, по большей части полученные от сержанта Астаффа, когда Айвар покидал Виндхоум. («Я принес мои сбережения, Наследник. Не беспокойся, ты расплатишься со мной, если выживешь. Ну а если не выживешь, то какая, к черту, разница, уцелеют мои сбережения или нет?»)

Каким далеким и неправдоподобным все это теперь казалось!) Среди тинеранов невозможно хранить что-то в секрете.

Я ведь научился мириться с этим, не так ли? Возможность побыть одному — только в мыслях. Какое имеет значение, если Дулси между делом изучит содержимое моих карманов, если я одеваюсь и раздеваюсь при ней, если они с Миккалом занимаются любовью, когда я лежу на своей койке?

Таким образом, все знали, что Рольф Маринер — не бедняк. Никто ничего не украл бы у товарища по табору. Воровство невозможно было бы скрыть, а наказание за него полагалось нешуточное — изгнание. Конечно, карманники практиковались на соседях, но непременно возвращали добычу. Айвар всегда отказывался от предложений сыграть, зная, что это считается вполне законным способом обчистить партнера.

— Скоро мы доберемся до реки, — продолжала Фрайна. — Дальше мы пойдем от города к городу, пока не достигнем границ своей территории. На каждой остановке будет представление. Там всегда неразбериха — ты знаешь, ты говорил, что бывал на них. Дело в том, что это для нас время добычи. Мы беремся — если «беремся» подходящее слово — за оседлых. Мы не хотим им зла, но тут уж каждый за себя. В такое время кто-нибудь может и забыть, что ты не совсем из оседлых. Часто бывает, что в азарте мы обчищаем и своих.

«Но почему? — мелькнула у Айвара мысль. — Хорошо, это общество не разделяет моих взглядов на собственность и нерушимость договора. Но разве не должны кочевники быть более бдительными и собранными, оказавшись среди чужих, быть более спянными и действовать заодно? Впрочем, нет, я помню, когда табор Братство появлялся у Виндхоума, тинераны бывали так возбуждены, что кидались друг на друга, не различая своих и чужих».

Он тут же забыл о своем недоумении. Они остановились под деревом дельфи. Звезды сверкали, луны лили свой свет, и Фрайна держала его за руку.

— Отдай мне свои деньги на сохранение, — предложила она. — Я знаю, как их спрятать. А потом...

— Значит, «потом» все-таки будет!

— Обязательно должно быть... — в слезах девушка крепко прижалась к Айвару.

Все барьеры рухнули, не существовало ничего, кроме ее близости. Под деревом раскинулся пронизанный лунными лучами темный грот. «Удача» осталась снаружи, терпеливо ожидая.

Тот, кто был Джааном Сапожником, пока, после шести миллионов оборотов планеты вокруг солнца, не вернулся Каруит, смотрел с балкона башни на толпу, заполнившую рыночную площадь. Люди собрались сюда со всех окрестностей моря Орка

на празднование Радмаса. В этот раз на Маунт Хронос собралось больше народа, чем когда-либо. Люди знали, что явился Спаситель и будет проповедовать.

Толпа была смутно различима в синей тени, отбрасываемой стенами. В сумраке, сгустившемся между домами и арками, Джаан с трудом мог разглядеть отдельные лица, сверкающие наконечники копий, бурнусы, шлемы. Вергилий еще только-только поднялся над водами, и Арена заслоняла его, так что величественные руины отбрасывали сюда лишь призрачный перламутровый отблеск. Звезды еще не покинули небосвод. Каждый вдох вонзался в легкие ледяным ножом. Пар от дыхания толпы повис в воздухе как привидение. Вечный шум водопада подчеркивал беспредельную тишину.

Начинай, — сказал Каруит.

Их общее тело подняло руки. Усиленный резонансом, их голос разнесся над толпой.

— Люди, я преподам вам суровый урок.

Вы ждете спасения, сначала от власти тирана, но более всего — от власти смерти, от того, чтобы оставаться просто людьми. Вы ждете преображения.

Ну так посмотрите вверх, посмотрите на звезды. Вспомните, что они такое — не цифры в каталоге, но пылающие газовые шары, столь же реальные, как вы или я. Мы не вечны, как не вечны и они; но они ближе к вечности, чем смертные существа. Свет самой далекой звезды пересек невообразимые бездны, прежде чем достиг ваших глаз. И единственная весть, которую он несет вам, гласит: эта звезда прежде сияла тем, кто уже ушел.

Но они вернутся. Я, в котором живет возродившийся разум Каруита, обещаю вам это, если мы сумеем сделать наш мир достойным принять их.

Но это нелегко и не случится быстро. Перед нами трудная дорога, крутой и усеянный острыми камнями путь. Кровь будет сочиться из наших израненных ног, и позади останутся белеть черепа тех, кто не дошел. Подобно тому, кто принес слово истины на Мать Терру, через много веков после Каруита, но за много веков до Джаана, я говорю вам: не мир я принес вам, но меч.

Глава 10

Боузвиль был типичным маленьким городком на Флоуне между Новым Римом и Киммерийскими горами. Опрятные приземистые, окрашенные в яркие цвета дома смотрели с правого берега коричневого потока двухкилометровой ширины на паромную пристань и пастбища и перелески за рекой. За жилыми кварталами на

запад разбегались каналы, орошавшие сельскохозяйственные угодья. В отличие от суровых, но вольготных просторов Илионского шельфа, здесь полоса пахотных земель была неширокой, но достаточно плодородной, что позволяло многим фермерам жить в городке. Кроме сельского хозяйства, жители Боузвиля занимались торговлей, в основном при посредстве речного народа, и мелким производством. На центральной площади высилась каменная стена, воздвигнутая в память защитников города в Смутное Время; с тех пор ничто особенно не нарушало плавного течения жизни горожан — даже восстание и последовавшая за ним оккупация: имперских войск здесь и в глаза не видели.

Хотя не была ли мирная видимость обманчивой? Айвара все больше охватывали сомнения.

Он вместе с Эраннатом отправился в город, пока тинераны занимались приготовлениями к карнавалу. Шанс, что его узнают, был невелик, если только терранская администрация не озабочилась снова сообщить его приметы и объявить о награде за поимку. Впрочем, Айвар был уверен, что этого не произошло. Судя по тем передачам, которые он видел по единственному в таборе принадлежащему Самло портативному телевизору, — кочевники не были любителями сидеть, глядя на экран, — происшествие на Вилдфоссе было спущено на тормозах. Очевидно, комиссар Десаи опасался, что Наследник Илиона станет для энейцев героем и у него найдутся подражатели.

Так или иначе, даже если кто-нибудь его и узнает, то вряд ли побежит доносить в ближайший гарнизон.

Эраннату же было интересно познакомиться с новой для него разновидностью культуры северян. Он рассчитывал извлечь особенно интересные сведения, имея рядом для сравнения Айвара — тоже северянина, но уроженца других мест. Поскольку пользы от него в подготовке к празднеству не ожидалось, Айвар предложил ифрийцу сопровождать его. С Эраннатом стоило подружиться: несмотря на свою немногословность, он был интересным собеседником, да и независимо от этого вызывал у Айвара симпатию. Кроме того, Айвар обнаружил, к собственному удивлению, что после беспорядочной жизни в таборе он соскучился по представителям собственного народа.

По крайней мере, так ему сначала показалось. Но вскоре, идя по тротуару узкой улочки, окруженный со всех сторон стенами домов, он почувствовал, что задыхается. Как редко здесь звучал смех! Какие блеклые одежды тут носили! И где мужская похвальба, где женская пылкость? Айвар не мог понять, как вообще у этих унылых оседлых появляются дети? Господи, да им же приходится черпать веселье из бочки!

Впрочем, пиво и вправду тут было хорошим. Айвар выпил свою кружку одним глотком. Эраннат осторожно прихлебывал из своей.

Они расположились в таверне на берегу, обшитой деревянными панелями, темной и дымной. Из окон открывался вид на причал. У берега стоял корабль; разгрузка товаров, прибывших в Боузвиль, и погрузка продукции, предназначенной для селений ниже по реке, уже закончились, и судно было готово к отплытию.

— Разве команда не задержится здесь, чтобы попасть на наш карнавал? — спросил Айвар.

Приземистый бородатый человек, один из нескольких, кого привлекла к их столу экзотическая внешность Эранната, медленно ответил, попыхивая трубкой:

— Да нет, я не припомню, чтобы речной народ интересовался этими вещами. Похоже, что они... м-м-м... чураются тинеранов. Может быть, и не зря.

— Почему? — с обидой произнес Айвар.

«Разве им так чуждо все человеческое, что они равнодушны к летящему танцу Фрайны, к искусному жонглированию Миккала?...» — подумал он.

— Да с ними всегда неприятности. Я смотрю, сынок, ты говоришь «наш карнавал». Будь осторожен. Кто пытается стать не тем, кем рожден, обычно плохо кончает.

— С вашего позволения, я сам решу, как мне жить.

— Прошу прощения, — пожал плечами горожанин.

— Если кочевники — источник неприятностей, — поинтересовался Эраннат, — почему вы пускаете их на свои земли?

— Они всегда здесь проходили, — ответил сидевший за столом старик. — Традиция дает им определенные права — они здесь зарабатывают на жизнь: своими представлениями, мелкой торговлей, поденными работами, — да и тем, что учат осторожности дураков, с которых снимают настриг.

— К тому же, — добавил молодой голос, — они делают нашу жизнь ярче: приносят веселье, а иногда и опасность. Наверно, мы не жили бы так мирно между собой, не заглядывая к нам дважды в год Привал.

Приземистый горожанин крепко сжал в зубах трубку, прежде чем ответить:

— Похоже, по части опасности скоро предложение превысит спрос, Джим.

Айвар напрягся. По спине пробежал холодок.

— Что ты имеешь в виду?

Ему ответили пословицей:

— Или все, или ничего.

Но тут в разговор включился завсегдатай таверны, которого выпивка настроила на откровенный лад.

— Ну, по большей части слухи. Только какая-то каша определенно заварилась. Говорят, на юге появился проповедник, он обещает, что Старейшие вернутся и избавят нас от Империи. Может, конечно, он желаемое принимает за действительное. Но, черт побери, в этом что-то есть. Эней ведь действительно особое дело. Я никогда раньше не обращал внимания на всякие рассказы про Дидону, а только теперь все больше и больше думаю о том, что наши философы там узнали. Я даже уходил в поля, смотрел на Утреннюю Звезду и старался обратить свой разум к Единству, и вы знаете, мне помогло. Так можем ли мы позволить имперцам снова надеть на нас ярмо, когда мы, похоже, вот-вот поднимемся на новую ступень эволюции?

Бородатый нахмурился:

— Это еретические разговоры, Боб. Что до меня, то я верю в Бога. — Он повернулся к Айвару: — На все Божья воля. Я никогда не видел в Империи особого вреда, не вижу и теперь. Только она исполнилась греха, и похоже, мы избраны Богом, чтобы очистить ее от скверны. — Помолчав, он продолжал: — Коли так, нам не повредит помощь со стороны. Может, Бог пошлет нам ее. — Все взгляды обратились к Эраннату. — Я простой фермер и мало в чем смыслю, — закончил бородатый, — но только волнения нарастают, и появилась надежда на избавление.

Старик поспешно переменял тему разговора.

Ночь уже опустилась на город, когда Наследник и ифриец возвращались в табор. Звезды холодно сияли в вышине. Ночь же была теплая, влажный воздух полон запахов зелени. Под ногами тех, кто направлялся из города туда же, куда и они, скрипел гравий. Разговоры среди горожан прекращались, стоило им заметить рядом с собой инопланетянина: хорошие манеры не позволяли им мешать серьезной беседе. Впереди виднелись подвешенные на высоких шестах фонари, освещавшие фургоны и установленные между ними палатки. Музыка начинала звучать громче.

— Что я хотел бы понять, — говорил Эраннат, — это причину вражды энейцев к Империи. Конечно, мои соплеменники не вынесли бы такого подчинения. Но с человеческой точки зрения юрисдикция Империи ничего особо не меняет: чуть более высокие налоги, отказ от самостоятельности во внешних сношениях при полном самоуправлении. Взамен же вы получаете защиту, возможность торговли, связи с другими планетами. Я прав?

— Может быть, когда-то это так и было, — ответил Айвар. В голове его шумело от выпитого пива. — Но потом появилась эта

тварь Снелунд. И слишком многие из нас погибли в войне, чтобы позволить Империи заставить нас отказаться от обычаев предков.

— Но действительно ли правление Снелунда было столь непереносимым, во всяком случае применительно к Энею? Да и не считаете ли вы, что Империя допустила ошибку и теперь старается ее исправить? Действительно, исправление ошибки обходится дорого. Но твой народ показал такую негибкую гордость, что власти не рискуют особенно на вас давить. Немножко готовности к сотрудничеству — и вы сохранили бы все свои обычаи и органы власти или добились бы их восстановления.

— Откуда ты все это знаешь?

Эрнаннот не обратил внимания на вопрос.

— Я мог бы понять гнев энейцев, когда началась оккупация. Но ведь потом, когда комиссар показал себя как умеренный и справедливый правитель, эмоции должны были пойти на убыль. Вместо этого... мне кажется, что сначала энейцы приняли свое поражение с определенной долей обреченности, а теперь ваш воинственный дух снова разыграл. Не имея надежд на независимость в реальной жизни, вы переносите их в область фантазии. *Но почему?*

— Думаю, мы испытали шок, а теперь начинаем приходить в себя. Может быть, наши надежды не совсем уж беспочвенны. — Айвар внимательно посмотрел на это существо, такое неуклюжее на земле; гребень ифрийца покачивался в такт с движением крыльев, на которые он опирался как на костыли; ночные тени скрыли блеск его глаз. — И зачем ты говоришь мне все это? Не хочешь же ты, чтобы я стал послушным подданным Империи? Ты ифриец, ты принадлежишь к расе свободных охотников, к народу, который Терра в свое время вытеснила из многих земель. Так в чем же ты пытаешься меня убедить?

— Ни в чем. Как я уже говорил, я ксенолог, специализируюсь в антропологии и нахожусь здесь, чтобы собрать как можно больше данных о твоём виде. Я путешествую, не докладываясь властям, *хейе*, можно сказать, нелегально, чтобы избежать ограничений. С моей стороны было бы неосторожно сказать тебе больше, тем более что и ты не особенно посвящаешь меня в свои дела. Я задаю вопросы, чтобы по полученным ответам создать общую картину воззрений энейцев. Достаточно.

Айвар знал, что это слово в устах ифрийца означает конец дискуссии. Он умолк, но продолжал размышлять:

«Почему бы ему и не притвориться безвредным ученым? Это может ему пригодиться: в случае, если имперцы его поймут, его просто вышлют. Да, он, конечно, всего лишь шпион... Но если мне удастся убедить его, тогда он передаст своим, что мы готовы

бороться за свою свободу и нуждаемся в их помощи... и возможно, они нам помогут!»

Приятное тепло от этой мысли растворилось в более пламенном чувстве: он был уже рядом с табором, рядом с Фрайной.

И тут...

Они смешались с толпой, кипящей между линиями радуги палаток. Фонари над табором затмили звезды. Над центральной площадкой вращался цилиндр из цветного стекла, бросая вокруг яркие лучи; красные, желтые, зеленые, голубые, лиловые отблески ложились на лихорадочно мельтешащие тела и лица. Лоточники расхваливали свои товары, зазывали, обещали удачу тем, кто рискнет монеткой в азартной игре, тут же на жаровнях повара готовили свои сдобренные острыми приправами блюда, и соблазнительный запах наполнял воздух... На дощатой платформе танцевали девушки, и хотя это представление было бесплатным, прижимистые обычно горожане кидали к их ногам деньги. Рядом с платформой расположились калеки-музыканты, и под их зажигательную мелодию ноги сами начинали отплясывать джигу. Ни крепкие напитки, ни наркотики здесь не имели хождения; но даже и оставаясь трезвыми, осмотровые фермеры шумно веселились вместе с тинеранами, дивились как дети на фокусника или жонглера, кричали, махали руками, толкались. Тут и там с крыши фургона за ними наблюдали «удачи» Привала.

Волна радости захлестнула Айвара:

Это мой народ! Здесь мое счастье!

Тут он увидел Фрайну в откровенном наряде, повисшую на руке пожилого горожанина, судя по одежде, весьма зажиточного. Мужчина смотрел на нее с откровенным вожделением.

Айвар замер на месте. Рядом с ним Эрнат мгновенно ухватился за стену фургона руками, чтобы высвободить крылья.

— Что такое?! — попытался Айвар перекричать шум толпы. Понимание обрушилось на него как оплеуха. Этот способ заработка был обычным для женщин-кочевниц.

Только не Фрайна! Мы же с ней любим друг друга!

Она соблазнительно покачивала бедрами. В ярком свете фонарей он увидел иссиня-черные волосы, бронзовую кожу, манящие глаза, полуоткрытые губы... Само олицетворение женственности!

— Отпусти мою девушку! — завопил Айвар.

Он кинулся на горожанина и сбил его с ног. Крутом раздались сердитые крики. Айвар выхватил нож. Тяжелое лезвие могло отрубить человеку кисть, могло поразить его в сердце.

Горожанин сразу это понял. Но крупный мужчина, привыкший командовать, он не отступил. Хотя и безоружный, он принял боевую стойку, которую помнил со дней своей военной службы.

— Поди прочь, бестолочь, — бросила Фрайна Айвару.

— Ну нет, потаскуха! — Айвар отшвырнул ее в сторону. Гибкая и быстрая, как кошка, она удержалась на ногах. Вновь оборачиваясь к противнику, Айвар вдруг понял, что не должен убивать эту деревенщину: ведь это она соблазнила его... Айвар ударил его кулаком в зубы. Фермер отразил удар: его массивная рука оказалась превосходным щитом, — и закричал: — На помощь! Смотрители! — Этого было достаточно, чтобы поднять тревогу; хотя в маленьких городках не было регулярной полиции, имелись добровольные силы самообороны, поддерживающие порядок.

Ногти Фрайны впились в щеку Айвара.

— Ты затеваешь погром?! — она добавила что-то на хайсуне.

Горожане кинулись к месту драки. Тинераны пытались их удержать, не дать им пройти. Раздались крики и ругательства, посыпались удары.

Миккал Красная Крыша протиснулся сквозь толпу. За его поясом сверкала дюжина кинжалов.

— *Илкросни йя?* — рявкнул он.

Фрайна показала на Айвара, который прижал ее поклонника к стене фургона.

— *Ваккабо!* — и громко добавила на английском: — Убей эту собаку! Он ударил меня, твою сестру!

Рука Миккала взметнулась. Мимо уха Айвара просвистел нож и воткнулся, дрожа, в стену.

— Ни с места! — приказал тинеран. — Брось нож, или умрешь.

Айвар отвернулся от противника, утратив к нему всякий интерес. Его охватило отчаяние.

— Ты же мне друг! — отчаянно выкрикнул он.

Воспользовавшись моментом, фермер ударил его по шее и лягнул, когда тот упал. Фрайна злорадно засмеялась и снова повисла на руке мужчины, воркующим голосом превознося его боевые успехи. Миккал, жонглируя ножами, выкрикнул в толпу:

— Мир! Мир! Нам не нужен этот чужак! Мы его изгоняем! Хотите посадить его в тюрьму? Он ваш. А остальные будут веселиться!

Айвар сел. Он не замечал боли там, куда его ударили. Фрайна, Привал для него потеряны. Он был оглушен случившимся, как если бы на него внезапно обрушился сердечный приступ.

Но где-то глубоко в нем сохранялась настороженность. Он увидел, как смыкается вокруг него круг людей, готовых оттащить его в город и запереть. Сквозь туман пробилось осознание того, что донесение об этом обязательно дойдет до имперской администрации.

Его нож лежал на земле. Айвар схватил его и вскочил на ноги. Из его горла вырвался боевой клич.

— С дороги! — зарычал он и кинулся на окруживших его людей. Если надо, он прорубит себе путь на свободу.

В эту секунду зашумели крылья. Поднятый ими ветер взвихрил пыль, тень заслонила свет фонарей. Эраннат взлетел.

Шестиметровые крылья простерлись над толпой. Отблески света заиграли на перьях, выхватили из темноты распростертые руки. Хотя ифриец и не был вооружен, люди шарахнулись от этих острых как кинжалы когтей, от мощных ударов крыльев.

— Сюда! — просвистел голос Эранната. — За мной, Рольф Маринер!

Айвар кинулся по открывшемуся перед ним проходу в ночь, мимо палаток и разноцветных фургонов. Изящный силуэт скользил низко над его головой, черный на фоне Млечного Пути.

— Держи к югу, — раздался свистящий шепот, — вдоль берега реки. — Ифриец сделал круг над Айваром. — Я полечу в другую сторону, чтобы сбить их со следа, потом вернусь к тебе. — Еще один круг. — Потом я догоню только что отплывший корабль и устрою, чтобы они взяли нас на борт. Попутного ветра. — Черный силуэт мелькнул на фоне звезд и исчез.

Айвар послушно пустился бежать через луга. Сознание же его было сосредоточено на одном:

«Фрайна. Привал. Потеряны навсегда? Ради чего теперь жить?»

Тем не менее он продолжал бежать.

Глава 11

Когда лодка, направляемая Эраннатом, доставила Айвара на борт «Нефритовых Ворот», он рухнул на койку и погрузился в столь беспокойный, полный кошмаров сон, что испытал даже определенное облегчение, когда через несколько часов его разбудил удар гонга.

Он находился в одиночестве в четырехместной каюте, тесной, но уютной. Белые доски потолка и переборки, покрытые красным и черным лаком, были стерильно чисты, сквозь окно в медной раме на комод и умывальник падал тусклый свет. Топот и голоса над головой жизнерадостно перекликались с глубоким звуком бронзового гонга. Быстрый, певучий язык, на котором говорили на палубе, был Айвару незнаком.

«Пожалуй, нужно пойти посмотреть, что там творится», — пробилась мысль сквозь тоску по тому, что он потерял. Айвару потребовалась вся его сила воли, чтобы натянуть на себя одежду и выйти за дверь.

Всюду вокруг него сустились члены команды. Один из парней заметил Айвара, улыбнулся ему и сказал:

— Ахой, благословенный пассажир, — на напевном речном диалекте англика.

— Что происходит? — равнодушно поинтересовался Айвар.

— Мы приветствуем солнце, — ответил парень. — Понаблюдай, если хочешь, только стой смирно там, где стоишь.

Айвар послушался. Предрассветный холод пробудил в нем жизненные силы, и он огляделся вокруг с растущим интересом.

Небо все еще было усеяно звездами, но на востоке уже начало бледнеть. Берега, в километре с каждой стороны, казались низкими синими тенями, вода реки блестела, как полированный металл, и лишь кое-где висел туман. Высоко над головой первые солнечные лучи вспыхнули на крыльях парящего вулча. Гонг умолк, команда затихла, и воцарилось полное безмолвие, лишь подчеркиваемое чуть слышным урчанием двигателей.

Судно имело более пятидесяти метров в длину и двадцати в ширину, высокие дощатые борта, поднимавшиеся еще выше на тупом носу и закругленной корме. Посередине палубы находились две довольно большие надстройки с украшенными резьбой крышами. На носу и на корме торчали лебедки, там же располагались ветряки, подзаряжающие аккумуляторы, которые приводили в действие двигатели. Между надстройками высилась мачта с тремя квадратными парусами. Айвар заметил на самой верхней рее Эранны. Должно быть, тот провел там всю ночь, предпочтя рею койке.

На корме на шесте лениво полоскался огромный красно-золотой флаг. Огромная фигура Хранителя, оберегающего корабль от напастей, украшала бушприт. В левой руке Хранитель сжимал меч, в правой держал цветок лотоса.

На носу лицом к команде стояли старик в мантии и шапке с кисточкой и женщина в такой же мантии, но с непокрытой головой. Чуть ниже расположились музыканты с бубном, флейтой, волынкой и барабаном. Команда опустила на колени, маленьких детей матери держали на руках.

Становилось светлее, и тишина достигла, казалось, совершенно невероятной глубины. Иней на полированном дереве блистал, как звезды на небе.

Наконец над горизонтом поднялся Вергилий. Дрожащая сверкающая полоса протянулась по воде. Старик поднял руки и прокричал короткую молитву, команда повторила ее за ним, зазвучала музыка, все повеселели и вернулись к своим делам.

Айвар протянул озябшие руки навстречу теплым лучам. Туман растаял, и стали видны зеленые поля по берегам, стадо, рано

собранный в дорогу всадник, повозка, превращенные расстоянием в игрушечные фигурки. Рядом с «Нефритовыми Воротами» был виден остальной караван: маленький буксир с тяжело груженой баржей, два траулера, тянущие за собой сети, несколько каяков с пастухами, каждый в сопровождении уселов, подгоняющих стадо речных свиней.

Для тех, кто не нес вахту, день начинался с наведения чистоты. Кто-то отправился вниз, кто-то, сняв одежду, нырнул за борт, чтобы вдоволь поплескаться, прежде чем взобраться обратно на палубу по вант-трапу. Всем было весело. Но это было не такое веселье, как у тинеранов. Шутки и подначивания были добродушными, а не жалищими, смех мягким, а не визгливым. Кто бы ни проходил мимо Айвара, непременно кланялся ему и желал приятного путешествия на борту «Нефритовых Ворот».

«Да, они цивилизованы, но не скованы, сильны без жестокости, счастливы без дурачеств, сообразительны без жульничества, они ценят образование и послушны закону, они мастера в своем деле, — безразлично подумал Айвар. — И все-таки это не дикие меднокожие кочевники. Впрочем, они довольно красивы».

Речные люди, коренастые, смуглые и черноволосые, были выше ростом, чем тинераны, хотя и уступали в этом отношении северянам. Круглолицые, с высокими скулами, слегка раскосыми карими глазами, полными губами и по большей части приплюснутыми носами (хотя среди них встречались и обладатели ястребиных носов), они, как мужчины, так и женщины, стригли волосы под горшок. Одинакова была и рабочая одежда: синие блузы и широкие штаны. Даже сейчас, когда ночной мороз еще давал о себе знать, многие из них были босы. Судя по телам любителей раннего купания, искусство татуировки среди речного народа достигло больших высот.

Айвар знал о них мало, но все же больше, чем о кочевниках. Он впервые оказался на корабле, если не считать того случая, когда одно из судов речного народа в Новом Риме оказалось открыто для посещений. В остальном его знания были почерпнуты из книг и из данных исследования, проведенного почти столетие назад.

Куанг Ши, как называл себя речной народ, имели гораздо более тесные связи с основной культурой Энея, чем тинераны. Они занимались перевозками грузов, они предоставляли транспорт тем путешественникам, кому не нужно было спешить, — по всему нижнему течению Флоуна. Они ловили рыбу, разводили речных свиней, добывали древесину, принесенную паводком, и обменивали их на те товары, которые были им нужны.

Если на берегу они и держались настороженно, это не было проявлением враждебности. Речной народ был всегда изысканно вежлив при заключении сделок, а пассажиров на борту любого корабля встречали с искренним радушием. Дело было просто в том, что они любили свою жизнь и имели мало общего с обитателями суши. Даже самые консервативные из землевладельцев не так усердно поддерживали родственные связи, как речной народ. Команда каждого корабля представляла собой одну большую семью, строго экзогамную; не тратя много слов, старейшины поддерживали высокий уровень морали. Верования, традиции, законы, обычаи, искусства и ремесла, надежды и чаяния, равно как и опасения — все было здесь совершенно отличным от свойственных остальным энейцам.

Я мечтал о том, что стану нераздельной частью Привала, а вместо этого они вышвырнули меня. На «Нефритовых Воротах» — так ведь называется этот корабль? — со мной будут добры, пока мы не расстанемся, но мне и в голову не придет стремиться стать здесь своим.

Все это не имеет значения. Ох, Фрайна!

— Сэр...

Девочка, робко обратившаяся в Айвару, болезненно напомнила ему тинеранку-танцовщицу именно своей непохожестью на нее. Помимо различия в расе, она была моложе — лет восьми или девяти, и одета в такую бесформенную одежду, что трудно было судить, насколько сформировалось ее тоненькое тело (да его это и не интересовало). Ее черты были более тонкими, чем у других обитательниц корабля. Девочка низко поклонилась Айвару.

— Простите, пожалуйста, благословенный пассажир, — сказала она тонким голосом, — не желаете ли вы позавтракать?

Она принесла ему миску овсянки, зеленъ с кусочками мяса, чашку чая, салфетку и привычные для него ложку, вилку и нож. Айвар заметил, что команда выстроилась в очередь ко входу в камбуз. Должно быть, был сигнал на завтрак, которого он в своем беспросветном горе не заметил. Речной народ рассаживался на палубе веселыми группками и принимался за еду.

— Э-э... спасибо, — сказал он девочке. Айвар не был голоден, но решил, что поесть следует. Мясо аппетитно пахло специями.

— Столовая внизу, со столом и скамейками, если уютно, — сообщила ему девочка.

— Нет! — Сама мысль о возможности оказаться в замкнутом пространстве, после благословенной свободы пустыни и теплых летних ночей в долине, проведенных с Фрайной, вызвала у него дурноту.

— Простите, простите меня... — девочка попятилась. Айвар только теперь понял, что закричал на нее.

— Извини, — сказал он. — Я не в себе. Я не хотел тебя обидеть. Мне и здесь хорошо. — Девочка улыбнулась и опустила поднос на палубу рядом с фальшбортом, на который можно было облокотиться. — Да, меня зовут Айв... Рольф Маринер.

— Ваша покорная служанка Яо, четвертая дочь капитана Рио Меа. Она приказала мне позаботиться о вас. Могу ли я чем-нибудь помочь вам, сэр Маринер? — девочка склонила голову, сложив ладони.

— Я... не знаю. — *Да и кто может мне помочь?*

— Я буду поблизости. Может быть, потом вы захотите, чтобы я показала вам корабль? Или у вас появится еще какое-нибудь желание...

Девочка была такая чистенькая, что это напомнило ему о том, какой он сам грязный, пропахший потом, с всклоченными волосами и отросшей щетиной.

— Мне... мне следовало помыться перед завтраком.

— Поешьте, а потом я отведу вас в ванную и принесу в вашу каюту все, что вам понадобится. Вы наш единственный гость в этом плавании. — Ее взгляд скользнул вверх и засветился восторгом. — Ах, как прекрасен летун со звезд! Как же я забыла? Не могли бы вы позвать его, пока я принесу ему завтрак?

— Он ест только мясо, знаешь ли. Ох, конечно... Откуда же ты можешь знать? К тому же, я думаю, он уже поохотился за какой-нибудь дичью. Он видит нас и спустится вниз, когда захочет.

— Как скажете, сэр. Можно мне принести сюда свою миску или вы желаете завтракать в одиночестве?

— Как хочешь, — проворчал Айвар. — Боюсь, что сегодня я плохой собеседник.

— Может быть, вы хотели бы еще поспать? Моя матушка капитан не велела вас беспокоить. Но она сказала, что сегодня хотела бы поговорить с вами и с вашим другом наедине.

Пассажирам предоставлялись по возможности отдельные каюты. Команда не пользовалась такой привилегией. Дети воспитывались сообща с момента рождения... Они и их родители были очень привязаны друг к другу — гораздо больше, чем это имело место среди тинеранов, — но семьей в полном смысле слова являлась вся команда корабля. Супружеским парам отводились крошечные закутки, где еле помещалась койка и немногочисленные личные вещи. Специальные звукоизолированные помещения отводились для занятий или медитации. В остальном же физическое уединение было недоступно никому, кроме капитана и священнослужителя.

Капитан имела апартаменты рядом с мостиком, состоящие из двух смежных кают. Большая из них служила гостиной и кабинетом.

Муж Рио Меа вежливо приветствовал посетителей у дверей, потом оставил их наедине. Это был третий муж капитана, как сообщила Айвару Яо. Еще совсем молодой девушкой Меа, родившаяся на «Небесном Спокойствии», была просватана по соглашению между родителями, как это принято, на «Знамя Красной Птицы». Ее муж утонул, когда перевернулась лодка: Флоун был коварной рекой. Рио Меа удачно вложила полученное от родителей наследство и благодаря торговле стала состоятельной женщиной. Встретив ее на ежегодном празднике речного народа, второй помощник капитана «Нефритовых Ворот» уговорил ее перебраться на его корабль. Он был вдовец и гораздо старше ее; в определенном смысле это был брак по расчету. Но таковы же были по большей части все браки среди Куанг Ши. Супруги были довольны жизнью, успешно дополняя друг друга и умело используя общее богатство; их последним ребенком оказалась младшая сестренка Яо. Потом мужа Рио Меа разбил паралич, и, не желая быть бесполезной обузой, он выбрал Чашу Покоя. Вскоре умер и капитан «Нефритовых Ворот», и офицеры выбрали на этот пост Рио Меа. Недавно она предложила Халеку Яну с «Желтого Дракона» жениться на ней. Он был примерно ровесником Айвара.

Яо, должно быть, прочла отвращение на лице Первенца, потому что тихо произнесла:

— Они счастливы друг с другом. Он простой плотник, и капитан не может повесить его в чине; не сможет он унаследовать от нее и богатства кроме как в форме *лунг* — той части, что причиталась бы их общим детям. Ее детородный возраст миновал, и он об этом знает.

Айвар подумал тогда, что Яо старается оправдать мать или даже отчима. Потом, по прошествии дней, он понял, что девочка сказала ему неприкрашенную правду — речному народу было свойственно свое собственное представление об индивидуальности.

Во-первых, что значит богатство? Те, кто не довольствовался обычной платой и заключал сделки с Ти Ши, береговым народом, мало что могли приобрести на свои доходы: на корабле просто не было места для предметов роскоши. В остальном же единственное применение денег заключалось в том, чтобы внести их в общий фонд плавучей общины. Это давало престиж. Но его можно было достигнуть и хорошей работой или, хотя и в меньшей степени, особыми талантами.

Престиж обеспечивал продвижение по службе. Однако власть, которую давала должность, не означала возможности самовозве-

личения — все те же скромные привычки передавались в этом обществе из поколения в поколение.

Почему же тогда сухопутные жители считали речной народ добытчиками — честными, но изворотливыми, вежливыми, но прижимистыми? Айвар решил, что это были личные особенности тех, кто занимался торговлей с живущими по берегам Флоуна. Остальные держались обособленно. И все же это большинство находило способы выражать свои представления о жизненных ценностях.

Все эти мысли пришли к Айвару потом. Основу же для них заложила та первая встреча в капитанской каюте.

Янтарные солнечные лучи светили сквозь окна по правому борту. Они вспыхивали в друзе кристаллов на полке, сияли на свитке с изображением дерева и каллиграфической надписью. В каюте было так мало мебели, что она казалась просторной. В углу, полускрытый резным экраном, стоял стол с немногочисленным компьютерным оборудованием. В другом углу оказался книжный шкаф с богатым выбором литературы. Посередине камышовой циновки, закрывавшей всю поверхность пола, стояла низкая кольцообразная скамья с мягкой обивкой и двумя переносными спинками для посетителей из Ти Ши; в центре находился столик.

Капитан пошла им навстречу, и Айвар подумал, что, пожалуй, был не прав насчет нее и ее мужа. Она была среднего роста, толстенькая, но с необыкновенно легкими движениями. Годы почти не оставили следа на смуглом лице с курносым носом — лишь морщинки в углах глаз и чуть заметную седину в волосах. Ее рту была явно привычна широкая улыбка. На Рио Меа были обычные синяя блуза и штаны, зори на босых ногах; на руке, протянутой для приветствия, виднелась татуировка — восходящее солнце. Рука оказалась теплой и мозолистой.

— Ахоа, благословенные пассажиры, — сказала она хрипловатым голосом. — Окажите мне честь, присядьте и примите угощение. — Рио Меа с поклоном подвела их к скамье и из смежной каюты вынесла поднос с чаем, пирожными и кусочками сырого мяса только что пойманного ихтиоида. В этот момент корабль качнуло течением — река нанесла новую мель — и женщина чуть не выронила свою ношу. Рио Меа что-то сказала на своем языке. Поймав вопросительный взгляд ифрийца, она перевела сказанное. Айвар покраснел. А он-то думал, что солдаты умеют ругаться...

Рио Меа скинула сандалии, уселась, скрестив ноги, напротив гостей, и открыла коробку сигар, стоящую на столике.

— Не угодно? — предложила она. Оба гостя отказались. — Не возражаете, если я закурю? — Айвар не был против, а Эраннат

проломчал, только взъерошил гребень. Капитан зажала в зубах толстый темный цилиндр и раскурила сигару. В воздухе поплыл дым.

— Надеюсь, вам удобно на корабле, — сказала Меа. — Сэр... Эраннат... если вы дадите моему мужу указания, какая кровать вам нужна...

— Потом, спасибо, — оборвал ее летун. — Не перейти ли нам к делу?

— Прекрасно. Мне всегда говорили, что ифриане не тратят слов даром. Я впервые имею удовольствие встретиться с представителем вашего вида. Извините мою прямоthu — вы для нас *действительно* диковинка. Не хочу быть назойливой, но некоторые вещи мне нужно знать — например, куда вы направляетесь.

— Мы еще не решили. Как далеко проследует ваш корабль?

— В этот раз до самого Линна. Приближается солнцестояние, Время Возвращения для моего народа.

— Нам повезло, если у меня хватит денег заплатить за столь долгую поездку для двоих, — Эраннат коснулся одного из карманов на своем переднике.

«У меня же нет денег, — подумал Айвар. — Фрайна выманила у меня все подчистую, наверняка предвидя, что мне придется покинуть табор. Зачем только ей понадобилось провоцировать разрыв так скоро?» — Он задумался и не слышал, как торговались Эраннат и Меа.

— ...Хорошо, — закончил фразу Эраннат. — Значит, мы можем оставаться на корабле до самых низовий реки, если захотим. Но мы можем сойти и раньше.

Рио Меа нахмурилась за завесой едкого голубого дыма.

— Почему это? — захотела она знать. — Вы же понимаете, сэры, что я должна побеспокоиться о своем корабле, а времена сейчас непростые.

— Разве вчера, когда я прибыл на борт, я объяснил недостаточно полно? Я исследователь и изучаю вашу планету. Я присоединился к группе кочевников вскоре после того, как к ним присоединился Рольф Маринер — по каким причинам, он имеет право не объяснять. Как это часто случается, во время карнавала произошла ссора. В результате его или убили бы кочевники, или арестовали бы жители Боузвия. Я помог ему избежать этого.

— Да, вы так и говорили — почти теми же самыми словами.

— Я не хотел обидеть вас, повторяя их, капитан. Разве люди не стремятся к точности в своих высказываниях?

— Вы не поняли меня, — ответила Меа холодно. — Вашего объяснения недостаточно. Мы могли взять вас на борт в чрезвычай-

чайных обстоятельствах, потому что это, возможно, значило спасти вам жизнь. Однако теперь нет такой спешки... Прошу вас, подкрепитесь со мной вместе — чтобы между нами не было недобрых чувств. Я ни в чем вас не обвиняю, но вы же достаточно умны, чтобы понять: я должна быть уверена, что мы не укрываем преступников. Теперь из-за оккупации мы все ходим по очень тонкому льду.

Она положила сигару в пепельницу, взяла печенье и отхлебнула чаю. Айвар заставил себя последовать ее примеру. Эраннат зажал в когтях кусочек мяса и запустил в него клыки.

— Хорошо, — сказала женщина. — Не расскажете ли вы о себе, сэр Маринер?

Большую часть дня Айвар провел в одиночестве, вытянувшись на своей койке. Его не особенно заботило, что будет с ним дальше, да и рассудок его работал не особенно хорошо. Но чувство долга или что-то еще заставило его отрепетировать свой рассказ, мусоля его, как собака кость. Теперь он выложил не задумываясь:

— Я не виновен ни в чем, капитан, кроме отвращения к терранским порядкам, а это вряд ли наказуемо, если только имперцы не додумались и это сделать незаконным. Вы знаете, они не только отменили свободу высказываний, но и снесли Мемориал Мак-Кормака в Новом Риме. Мои родители... ну, они не особо жалуют Империю, но все время твердят о необходимости компромисса, о том, что и мы, энейцы, не без греха. Я просто не мог больше этого выносить. Я решил отправиться в глушь и побыть одному — как вы, может быть, знаете, на берегу многие так делают — и тут встретил табор кочевников. Вот я и решил: а почему бы мне не присоединиться к ним на время? Для меня это было бы интересно, а им могло пригодиться то, что я умею делать. Простой ночью, как сказал мой друг, произошла бессмысленная ссора. Теперь я думаю, что ее затеяли те тинераны, которых я считал... своими друзьями, чтобы завладеть моими деньгами и руж... другими ценными вещами.

— Дело в том, что формально Рольф виноват в нападении на жителя Боузвила. Впрочем, он не причинил тому вреда. Ему самому досталось. Не думаю, чтобы горожане подали жалобу властям. Такие вещи случаются часто на представлениях тинеранов, и все это знают. — Эраннат сделал паузу. — Жители не знают причин. Мне они известны.

Удивление побороло апатию Айвара, и он посмотрел на ифрийца столь же пристально, как и Рио Меа. Эраннат выдержал их взгляды, и люди первые опустили глаза. Затем он бесстрастно продолжал:

— Возможно, мне следовало бы сохранить это открытие для службы разведки Владения, но для нас оно представляет лишь незначительный интерес, а для энейцев это — как коготь, вонзившийся в спину.

Капитан жевала свою сигару, обдумывая услышанное.

— Вы имеете в виду, что расскажете мне, если я разрешу вам остаться на корабле. — Эраннат не потрудился ответить. — Откуда я знаю... — она оборвала себя. — Прошу извинить вашу недостойную служанку. Я хотела бы узнать, существуют ли какие-нибудь доказательства того, что вы можете сообщить.

— Никаких, — признал Эраннат. — Но, получив ключ к загадке, вы, люди, сможете сами найти подтверждение моей теории.

— Говорите.

— Если я расскажу, вы довезете нас до низовий, не задавая больше вопросов?

— Я решу, когда услышу ваш рассказ.

Эраннат изучающе посмотрел на нее. Наконец он сказал:

— Хорошо. Полагаюсь на вашу справедливость. — Он помолчал. — Вся жизнь тинеранов вращается вокруг того существа, которое они называют «удача». Мы называем их «крадущиеся в ночи».

— Ой, — вырвалось у Айвара, — откуда ты знаешь?

— Ифриане встречали этих трехглазых тварей на многих планетах, — Эраннат не сделал попытки скрыть смертельную ненависть, его перья встали дыбом. — У нас дома их нет. Бог избавил нас от этого наказания. Но в некоторых мирах, похожих на Эней, которые мы, естественно, исследовали более тщательно, чем люди, мы их встречали. И всегда «крадущиеся в ночи» связаны с руинами какой-то древней цивилизации, как на Энее. Мы подозреваем, что представители этой цивилизации и создали их, то ли намеренно, то ли случайно. Некоторые из нас считают, что «крадущиеся в ночи» виноваты в гибели этой культуры.

— Погоди-ка, — запротестовал Айвар, — тогда почему же мы, люди, ничего о них не знаем?

— Вы знаете — здесь, на Энее, — ответил Эраннат. — Может быть, вы случайно встречали их и где-нибудь еще. Сведения погребены в банках данных, поскольку вы обычно интересуетесь более крупными и более влажными планетами. Что же до нас, то у ифриан не было особых причин сообщать об этом людям. Мы узнали о «крадущихся в ночи» давно, в начале межзвездных полетов, тогда мы редко встречались с людьми, а потом враждовали с ними. Мы научились бороться с этим злом. «Крадущиеся в ночи» уже давно не представляют собой угрозы во Владении, и несомненно теперь уже немногие ифриане даже слышали о них.

«Слишком много информации, Вселенная слишком велика», — подумал Айвар.

— Кроме того, — продолжал Эраннат, — похоже, что люди более восприимчивы к воздействию «крадущихся в ночи», чем мы, ифриане. Наш мозг иначе организован, и мозг «удачи» легче может вызывать резонанс в человеческих нервных структурах.

— Резонанс? — нахмурилась капитан Рио.

— Нервная система «крадущихся в ночи» — необыкновенно хорошо развитый телепатический передатчик. Не для мыслей — мы на самом деле не знаем, каков уровень сознания этих проклятых тварей. Да мы этим и не интересуемся, как могли бы заинтересоваться ученые Терры. Как только мы поняли, что эти гадины делают, нашим единственным желанием было уничтожить их.

Они вторгаются в самые глубины личности. По сути, они воспринимают эмоции и транслируют их обратно; они действуют как усилители. — На Эранната было страшно смотреть: он сгорбился и излучал ненависть. Его четкие фразы звучали как удары. — Может быть, те разумные существа, которых вы называете Строителями, создали их как домашних любимцев, источник удовольствия. Строители могли иметь более холодный ум, чем мы или вы. А может быть, под влиянием «крадущихся в ночи» они деградировали и вымерли.

Я сказал, что резонанс с мозгом ифрийца у них относительно слаб. Но тем не менее мы обнаружили, что исследователи и колонисты на некоторых планетах стали проявлять отвратительные черты. Начиналось все обычно с кошмаров, затем они становились вспыльчивы и агрессивны, похотливы... Достаточно. Мы выявили причину и уничтожили ее.

Как мне кажется, вы, люди, более подвержены воздействию «крадущихся в ночи». Ваше счастье, что эти твари предпочитают пустыню. Иначе все энейцы могли бы стать аддиктами, как наркоманы.

Да, аддиктами. Тинераны этого не осознают, они думают, будто держат этих домашних любимцев просто по традиции, но ведь они превратились в нацию аддиктов. Любая эмоция, которую они испытывают, воспринимается и передается им обратно усиленная, снова воспринимается и усиливается, и так до пределов возможностей организма. Что ж тут удивляться, что они ведут себя как психопаты от рождения? Почему они не прикасаются к наркотикам, пока они в таборе, но сразу начинают их принимать, стоит им отлучиться, и не живут долго, будучи оторванными от каравана?

К тому же они должны были приспособиться, шел, вероятно, естественный отбор. Они стали алчны и изворотливы, как та

женщина, что завладела твоим имуществом, Рольф Маринер. Не удивлюсь, если теперь уже дети рождаются с зависимостью от этой отравы.

Впрочем, ты должен ее поблагодарить за то, что она избавилась от тебя так быстро.

Айвар закрыл лицо руками:

— О Боже, нет!

— Мне нужно чистое небо и богатые дичью места, чтобы поохотиться, — проскрежетал Эранныт. — Я вернусь к завтрашнему утру.

Он улетел, а Айвар остался плакать на груди Меа. Она прижала его к себе, гладила по голове и бормотала ласковые слова.

— Ты поправишься, бедняжка, мы тебя вылечим. Река течет, течет, течет... Здесь покой.

Наконец она уложила его, уставшего от слез и обессиленного, на койку своего мужа. Лившийся сквозь окна свет стал золотисто-красным. Капитан переделась в мантию и вышла на палубу, чтобы присоединиться к команде и монаху в проводах солнца на ночной отдых.

Глава 12

К югу от Колдлэндинга местность сделалась гористой и пустынной, пики Киммерийского хребта призраками поднялись на горизонте. Дальше течение реки становилось слишком стремительным, чтобы можно было пасти стада речных свиней. Но сначала Флоун разливался по долине, образуя похожую на озеро широкую заводь — Гринбуул, — где команды судов, направлявшихся дальше к югу, оставляли свои стада под присмотром пастухов; животные здесь нагуливали жир на обильных кормах — водорослях и моллюскоидах.

Айвар в своем каяке греб так неуклюже, что это вызывало веселый смех его молодых спутников. Их собственные суденышки сновали по поверхности со стремительностью водомерок. Иногда, нырнув в воду, речной народ гонялся за длинными перепончатопальными уселами, которые выполняли функции пастушеских собак; Айвар же в воде был более неповоротлив, чем толстые ленивые носатые чухо — речные свиньи.

Это его не огорчало. Никто не может все делать одинаково хорошо, а его умение грести и плавать заметно улучшилось за последнее время.

Маленькие волны сверкали под лиловыми небесами, шептали, кружились хороводом, помогая ему гнать вперед каяк. Это была живая реальность — в отличие от застывших каменистых берегов

и пыльно-зеленых кустов на дальних холмах. От воды поднималась прохлада, смягчавшая безветренную жару. Воздух был полон множеством влажных запахов. Впереди «Нефритовые Ворота» поднимались над Айваром, как ярко раскрашенный замок; за ним двигалось другое судно. Траулеры и баржи раньше их достигли Колдлэндинга. Совсем рядом с каяком чучо лениво жевали водяной кресс-салат. Время от времени, по команде пастуха, усел бросался вдогонку за отбившимся животным и заворачивал его к стаду. Пасти водяных свиней на Флоуне — идеальное занятие, подумал Айвар. Постоянная активность и необходимость быть начеку давали ощущение полноты жизни, при этом позволяя погрузиться в покой, красоту, величие реки.

Конечно, он был здесь всего лишь зрителем, молодежь пригласила его присоединиться из симпатии. Это тоже его не огорчало.

Яо подогнала свой каяк поближе.

— Все хорошо? — спросила она. — У тебя здорово получается, Рольф. — Она покраснела, опустила глаза и застенчиво добавила: — Едва ли я сумела бы так же хорошо справляться на суше, в твоих краях. Но когда-нибудь мне хотелось бы попробовать.

— Когда-нибудь... Я хотел бы взять тебя с собой, — ответил Айвар.

Отправляясь пасти чучо в летнее время, речной народ не носил одежды — в любой момент могла возникнуть необходимость нырнуть. Кожа Айвара была слишком чувствительной к палящим лучам, и он был в легкой блузе и штанах, которые ему соорудил Эраннат. Яо была слишком юна для тех мыслей, которые вызывала у Айвара ее нагота; и она не из его народа, и... Нет, все это неважно, главное — она милая, и доверчивая, и...

Ох, проклятье, не должен же я стыдиться того, что замечаю ее женственность. Ведь дальше мыслей дело не пойдет. Это просто мера того, насколько мне удалось вернуть себе душевное здоровье.

Церемонная жизнерадостность на борту корабля; маленькие городки, где они останавливались для обмена товарами; долгие дни на зеленой реке в промежутках; суровая мудрость Эранната, светлая мудрость монаха Ян Вея, прагматическая мудрость капитана Рио Меа, ее советы; дружелюбие ее мужа и других ровесников Айвара; и — да — эта девочка, ее дочь, всегда рядом; и река, могучая, как время, дни и ночи, дни и ночи, длившиеся дольше, чем на самом деле, как предвкушение вечности: все это вылечило Айвара.

В его снах больше не танцевала Фрайна. Он мог теперь не бояться воспоминаний и трезво оценивать их, мог понять, что реальность никогда не была такой великолепной, какой казалась.

Он мог теперь пожалеть кочевников и пообещать себе, что поможет им, как только у него появится такая возможность.

Когда это произойдет? И как? Он оставался вне закона. Вынырнув из пучин страдания, он особенно ясно увидел, насколько пассивен был все это время. Эраннат спас его и дал ему средство скрыться — почему? Для чего, если не считать удовольствия, это путешествие до низовий реки? И что делать потом?

Айвар глубоко вздохнул.

«Пора начать действовать самому, перестать быть объектом благодеяний. И первое, что мне нужно, — это союзники», — подумал он.

Крик Яо вернул его к действительности. Она показывала на ближайший берег. Ее весло вспенило воду. Айвар стал грести следом. Их спутники увидели жест Яо, оставили одного из пастухов присматривать за стадом и устремились к той же точке на берегу.

Какой-то предмет лежал там, запутавшись в водорослях: закрытый деревянный ящик с закругленной крышкой, около двух метров в длину. На черной краске Айвар рассмотрел золотые символы Солнца, Лун и Реки.

— *Айи-йя, айи-йя, айи-йя*, — речетативом начала Яо. Внезапно посерьезнев, остальные присоединились к ней. Хотя Айвар и плохо понимал язык Куанг Ши, он узнал гимн. Он отошел в сторону.

Речной народ освободил ящик из водорослей, пловцы вывели его на стремнину. Уседы по резкой команде пастуха отогнали речных свиней прочь. Ящик поплыл на юг. Должно быть, все это видели с «Нефритовых Ворот»: на судне приспустили флаг.

— Что это? — наконец отважился спросить Айвар.

Яо отбросила мокрые волосы со лба и удивленно ответила:

— Разве ты не знал? Это гроб.

— Э? Я... погоди, прошу прощения... Я, кажется, вспомнил...

— Все наши мертвые отправляются в путешествие по реке — мимо Юн Кау, мимо Линна, до Тьен Ху, которое вы зовете морем Орка. Наш долг — освободить гроб, если он застрянет. — Она продолжала с благоговением: — Мне говорили о пророке, который появился там, чтобы позвать Шень — Старейших — со звезд. Восстанут ли тогда наши мертвые из вод?

Татьяна Тэйн никогда не предполагала, что ей окажется тяжело быть в одиночестве. Ей всегда так много нужно было сделать, прочесть, рассмотреть, прослушать, обдумать.

Днем еще было не так плохо. Характер ее работы всегда требовал уединения: изучение материала, размышления, медленное, как составление мозаики, конструирование семантической

модели языка, на котором говорят в окрестностях Маунт Гамилькар на Дидоне. Это даст возможность людям общаться с местными жителями на более абстрактном уровне, чем позволяет пиджин. Она вела бесконечные разговоры с компьютером, изредка обсуждая возникающие проблемы по видеоканалу со своим руководителем, удалившимся в свое поместье в Геракле: он был слишком стар, чтобы интересоваться политикой.

С тех пор как она стала профессором-исследователем, студенты относились к ней с почтением. Поэтому ей понадобилось какое-то время — она ведь так страдала без Айвара, страх за него так ее преследовал, — чтобы понять, что ее избегают. Конечно, дело не доходило до открытых выражений неприязни на факультетских мероприятиях, собраниях, торжественных обедах или при случайных встречах в коридоре или аудитории. Последнее время вообще люди редко вступали в оживленные беседы. Так что Татьяна не сразу заметила, что с ней вообще никто не разговаривает и, за исключением ее родителей, никто ее больше не приглашает к себе.

Постепенно ее настроение становилось все хуже и хуже.

Первое настоящее нарушение ее изоляции произошло вечером в один из четвергов. Она собиралась отправиться в постель, хотя и знала, что заснуть ей не удастся. Ночь была более темной, чем обычно — огромная пылевая туча, принесенная воздушными течениями, затянула дымкой звезды. Размытый тусклый серп Лавинии поднялся над шпилями и куполами университета. Уныло выл ветер. Татьяна сидела в самом удобном из своих кресел и играла со Злопастным Брандашмыгом. Зверек бегал по ней, от шиколотки до плеча и обратно, и издавал свои трели. Удовольствие от этого было столь же невелико, как и сама мышшь-летяга.

Раздался стук. На секунду Татьяне показалось, что это ей послышалось. Потом ее сердце заколотилось, и она кинулась открывать, почти отбросив в спешке зверька. Тот уцепился за ее свитер, издавая возмущенные вопли.

Бошедший мужчина поспешно закрыл за собой дверь. Хотя воздух снаружи был морозным и нес жалеющую пыль, обычно никто и не подумал бы в это время надевать ночную маску. Войдя, гость стащил ее с лица, и Татьяна увидела перед собой костлявую и утомленную физиономию Гэбриела Стюарта. Они вместе занимались исследованиями на Дидоне. Стюарт знал район Гамилькара вдоль и поперек, и в его обязанности входило сопровождать исследователей и следить, чтобы с ними ничего не случилось.

— Э-э... добрый вечер, — произнесла Татьяна беспомощно.

— Опустите шторы, — распорядился Стюарт. — Я бы предпочел, чтобы меня не увидели снаружи.

Татьяна вытаращила на него глаза. По ее позвоночнику пробежал холодок.

— У вас неприятности, Гэб?

— Нет — по крайней мере официально.

— Я и не подозревала, что вы на Энне. Почему вы не позвонили?

— Разговоры могут прослушиваться. Все-таки задерните окна, пожалуйста.

Она послушно опустила шторы. Стюарт снял верхнюю одежду.

— Я рада видеть вас снова, — пробормотала Татьяна.

— Вы можете изменить свое мнение, когда выслушаете меня. — Потом его голос зазвучал мягче. — Впрочем, возможно, и нет. Как мне помнится, вы всегда были храброй, в своей тихой манере. Да и не зря же вы стали девушкой Наследника Илиона.

— У вас есть новости об Айваре? — воскликнула Татьяна.

— Боюсь, что нет. Я надеялся, может, вы что-нибудь знаете... Ладно, давайте поговорим.

Он отказался от вина, но не возражал против чая. Пока Татьяна занималась хозяйством, Стюарт раскурил трубку и рассказал о своей жизни с момента начала революции. Он покинул систему Вергилия, вступив в наскоро сколоченную разведку Мак-Кормака. Свое задание он провалил, признал он сокрушенно. Как ему удалось узнать уже после возвращения и после разгрома восстания, один из агентов Терры не только сумел спасти жену адмирала от Снелунда — а она была бы для того бесценной заложницей, — но и захватил на Дидоне один из кораблей патриотов, в компьютере которого оказались все секретные коды восставших...

— Я начал было подумывать о том, чтобы поднять дидонцев — из них получились бы хорошие партизаны, а то и команды звездолетов — и продолжать борьбу. Потом мне удалось тайком прилететь на Эней, тут я связался с одним из своих друзей... как его зовут, неважно... он тоже из университетских. Через него я установил контакт с движением сопротивления.

— А оно существует?

Стюарт внимательно посмотрел на девушку:

— Это вы меня спрашиваете, вы, невеста Айвара Фредериксена?

— Со мной это никогда не обсуждалось. — Татьяна поставила чайник и чашки на столик и присела на краешек кресла напротив гостя. Ее глаза были устремлены на собственные стиснутые пальцы. — Он... то, что он сделал, было просто результатом безумного порыва. Не правда ли?

— Тогда, может быть, и было. Но не теперь. Конечно, ваш дорогой комиссар Десаи хотел бы, чтобы вы думали именно так.

Татьяна собрала все свое мужество и выдержала его взгляд.

— Несомненно. Я виделась с Десаи несколько раз. Я передала то, что он сказал, некоторым своим друзьям — не высказывая собственное мнение, просто передала. Поэтому я теперь подвергнута остракизму? Мне казалось, люди в университете должны согласиться с тем, что информация никогда не бывает лишней.

— Я кое-что поразунал, — ответил Стюарт. — Вокруг вас создается странное напряжение. Сторонний наблюдатель вроде меня чувствует это сильнее, чем непосредственные участники. С одной стороны, вы девушка Айвара Фредериксена. Поэтому быть с вами рядом небезопасно: он может вновь объявиться в любой момент, и трусы предпочитают не рисковать. С другой же стороны... У вас определенно есть *мана* — лучшего слова тут не подобрать. Вот некоторые и чувствуют себя рядом с вами неуютно: вы не вписываетесь в упорядоченную, разложенную по полочкам университетскую рутину — недаром же Айвар выбрал именно вас. Вот они и находят оправдания тому, чтобы не торопиться с восстановлением прежних близких отношений.

И еще, — Стюарт медленно выдохнул дым, — если уж говорить начистоту, складывается впечатление, что вы позволяете врагу использовать себя. Вы можете считать, что вы просто передасте полученную от Десаи информацию. Но сам факт того, что вы его принимаете и вежливо с ним разговариваете, означает, что вы не на все сто процентов на стороне сопротивления. Поэтому от вас и отшатнулись наиболее горячие головы — а таких много, вы даже не представляете себе, насколько много, и их число растет с каждым днем.

Он наклонился вперед.

— Когда я понял, как обстоят дела, я решил, что обязательно должен с вами повидаться, Татьяна. Похоже, что Десаи наполовину уговорил вас убедить Фредериксена сдаться, если у вас появится возможность связаться с ним. Ну так вот, не делайте этого. Держитесь подальше от имперцев. — В его голосе зазвучали жесткие нотки. — Движение сопротивления достигло такого накала, что мы вот-вот примемся за их пособников всерьез. Я знаю, вы никогда на самом деле к ним не принадлежали. Так не позволяйте же этому прохвосту Десаи поймать вас на крючок.

— Но... — ошеломленная девушка с трудом нашла слова, — что вы собираетесь делать? На что рассчитываете? И Айвар — он же просто увлеченный мальчишка, вынужденный скрываться, не представляющий для Терры опасности... если... если он вообще еще жив...

— Он жив, — заверил ее Стюарт. — Я не знаю, где он и что с ним, но он жив. Слишком много ходит слухов, чтобы за ними не

крылась доля правды. — Его голос зазвенел. — Да вы же не могли не слышать — приметы, знамения, предчувствия... Никто теперь не обращает внимания на его слабака-папашу. Айвар по праву стал вождем свободолюбивых энейцев, и когда Строители вернутся — а они обязательно вернутся... Вы — суженая Айвара, вы родите ему сына, и Строители сделают его больше чем просто человеком.

Глаза Стюарта сияли верой.

Глава 13

К югу от Гринбоула холмы поднимались еще выше. Но река по-прежнему струилась спокойно. Айвар хотел бы, чтобы его кровь тоже перестала бурлить.

В поисках успокоения он вышел на палубу и стал всматриваться в ночь. На баке он почувствовал присутствие еще кого-то, кроме впередсмотрящего, чьи глаза помогали радару.

На небе по берегам потока — Млечного Пути — толпились звезды, Креуса торопилась следом за Лавинией. Свет их ясно очерчивал скалы берега, все их выступы и трещины, оставляя подножия в тени, дрожал и дробился на воде. Холодный ветер шептал что-то в тишине, поднятые паруса были похожи на привидения.

Впереди и позади, разделенные для безопасности несколькими километрами, светили огнями другие суда каравана. Многие корабли шли сейчас этим путем: приближалось Время Возвращения.

Айвар разглядел впередсмотрящего, стоящего на коленях возле бушприта. Рядом с ним лунный свет блеснул на перьях Эранната, мантиях Рио Меа и Ян Вея. Капитан и монах совершали, казалось, какой-то ритуал: в молчании они поднимали руки, склоняли головы, провожая взглядами луны, сблизившиеся и вновь разошедшиеся.

— Ах, — вздохнула Меа. Матрос поднялся с колен.

— Прощу меня извинить, — произнес Эраннат. — Если бы я знал, что здесь совершается религиозный обряд, я не пришел бы сюда. Но я остался, чтобы не отвлекать вас своим движением.

— Вы не причинили вреда, — ответила Меа. — На самом деле ваш силуэт даже придал ночи особое величие.

— Кроме того, — сказал Ян своим мягким голосом, — хотя этот обряд мы всегда совершаем в определенное время, он не является в полном смысле слова религиозным. — Он погладил свою жидкую седую бороду. — Да и существует ли у нас религия, подобная христианству и иудаизму Ти Ши или язычеству тинеранов? Это ведь всего лишь вопрос определения, не так ли? Мы

ничего не проповедуем, не почитаем богов. Для большинства из нас это просто не имеет значения. Разве то, существуют ли боги, или Бог, не просто научная проблема — космогоническая?

— Тогда чего же вы ищете? — спросил ифриец.

— Полноты, — ответил монах, — единства, гармонии. Через ритуалы и символы. Мы понимаем, что это всего лишь ритуалы и символы. Но они говорят ищущему разуму то, чего не могут сказать слова. Река — это продолжение, судьба; солнце — жизнь; луны и звезды — выход за пределы человеческой ограниченности.

— Мы размышляем над этими сущностями, — добавила Рио Меа. — Мы стараемся соединиться с ними, со всем, что существует. — Ее взгляд упал на Айвара. — Ахоа, сэр Маринер. Присоединяйтесь к нам.

Ян, более сосредоточенный, чем она, продолжал:

— Наша раса, как и ваша, менее одарена в отношении *чань* — понимания, — чем народ Утренней Звезды с их многими разумами. Однако когда Шень — Старейшие — вернутся, человечество достигнет такого же бессмертного единства и сохранит при этом силу, которую мы были вынуждены развить, чтобы вынести свое теперешнее одиночество внутри себя.

— И вы тоже? — резко спросил Эраннат. — Неужели все на Энее ждут этих наставников и спасителей?

— Теперь все больше и больше, — ответила Меа. — Вверх по реке от Юнь Као распространилось слово...

Айвара как будто ударило током. Меа пристально смотрела на него. Он понял:

«Они не просто жизнерадостные, практичные труженики. Мне следовало понять это раньше. Тот гроб — и их готовность совершить опасное путешествие, чтобы почтить и своих предков, и своих потомков, а теперь еще и это, — нет, они так же насквозь пропитаны эсхатологией*, как и любой почитающий свою библию и свой бластер фермер.

— Слово об освобождении? — воскликнул он.

— Да, хотя это лишь начало, — ответила Меа. Ян кивнул; впередсмотрящий положил руку на заткнутый за пояс нож.

Капитан произнесла отрывисто:

— Не хотите ли вы поговорить об этом... Рольф Маринер? Я не отказалась бы от выпивки и сигары в моей каюте.

У него зашумело в ушах.

— И ты тоже, добрый друг и мудрый советчик, — услышал он ее приглашение, адресованное монаху.

* Эсхатология — религиозное учение о конечных судьбах мира и человека.

— Тогда позвольте пожелать вам спокойной ночи, — сказал Эраннат.

Монах поклонился ему:

— Простите нам стремление к конфиденциальности.

— Может быть, нам следовало бы пригласить и вас, — вмешалась Меа. — Послушайте, вы ведь вовсе не простой исследователь, как вы говорите. Вы секретный агент Ифри и собираете информацию, касающуюся ключевой для людей планеты — Энея, не так ли? — Эраннат промолчал, и она рассмеялась: — Это неважно. Главное — у нас общий враг: Терранская Империя. По крайней мере Ифри не будет против, если Империя потеряет часть своей территории.

— Но что дальше... — пробормотал Ян. — Я не могу не задаваться вопросом — насколько душа хищника способна воспринять просветление, которое принесет Шень?

Лунный свет превратил перья Эранната в серебро, его глаза — в ртуть.

— Вы смотрите на свой вид как на избранный народ? — произнес он так же тихо, как и монах. Но тут же пожалел о своем порыве и продолжал: — Ваши интриги меня не касаются. И меня не волнует, если вы сочтете меня чем-то большим, чем просто исследователь. Раз вы против оккупационных властей, можно предположить, что вы не выдадите меня. Теперь мне пора на ночную охоту. Позвольте мне пожелать вам удачи.

Его крылья распахнулись — от одного борта до другого. Зашумел поднятый ими ветер. На мгновение его перья засверкали в вышине, потом он растворился в звездном свете.

Меа провела Яна и Айвара в свою каюту. Ее муж поклонился им, но на этот раз остался: сообразительный и решительный юноша, воодушевленный мечтой о свободе.

Когда дверь за ними закрылась, капитан сказала:

— Ахоа, Айвар Фредериксен, Наследник Илиона.

— Как вы узнали? — прошептал он.

Она ухмыльнулась и протянула руку за сигарой.

— Какая же еще ясность тут нужна? Определенно и ифриец заподозрил это. Почему бы иначе он стал заботиться о каком-то бездомном человеке? Люди ему ведь так чужды, все на одно лицо — к тому же, будучи шпионом, он не мог позволить себе воспользоваться банками данных; вот он и присматривался, пытаясь найти подтверждение своей догадке. Ну а я вспомнила некоторые обрывочные сведения в передачах новостей. Я обратилась в справочную в Новом Риме, запросила изображения... Ох, не бойтесь. Я ведь из торговцев, я знаю, как замаскировать свои действительные намерения.

— Но вы... вы поможете мне? — запинаясь пробормотал Айвар. Они придвинулись к нему — юноша, старик, капитан.

— Вы поможете *нам*, — сказал Ян. — Вы Наследник — наш вождь по праву, все энейцы последуют за вами, чтобы сбросить удушающее терранское владычество и стать достойными Пришествия, которое нам обещано. Что мы можем для вас сделать, господин?

Чандербан Десаи выключил экран и некоторое время сидел, глядя перед собой невидящими глазами. Его жена, войдя в комнату, спросила его, что случилось.

— Петер Джоветт мертв, — ответил он ей.

— Ох нет... — Их семьи подружились в последнее время — и тех и других энейцы сторонились.

— Убит.

— Что?! — Печаль на ее лице сменилась ужасом.

— Это сепаратисты, — вздохнул Десаи. — Не иначе, хотя никакой мелодраматической записки оставлено не было. Его убили выстрелом из ружья, когда он выходил из своей конторы. Кто еще мог его так ненавидеть?

В поисках поддержки она ухватила за его руку. Он сжал ее пальцы.

— Настоящее подполье? — спросила она. — Я не знала, что оно существует.

— До сих пор и я не знал. О, были доклады от платных агентов, из контразведки — все как обычно. Что-то назревало, какая-то организация создавалась. И все-таки я не ожидал проявлений настоящего терроризма — по крайней мере в ближайшее время.

— Самое ужасное — бессмысленность этого. Разве у них есть хоть какой-нибудь шанс?

Десаи поднялся с кресла, и они вместе подошли к окну. Отсюда был виден сад при арендованном ими маленьком доме на окраине. Чужие растения в свете чужих звезд и лун, иней на шлеме охранника из морской пехоты...

— Не знаю, — ответил он. Несмотря на слабую гравитацию, его плечи ссутулились. — Может быть, и есть. Восстают не те, у кого нет надежды, а те, кому кажется, будто они видят свет в конце своего туннеля, и кому не хватает терпения ждать.

— Но ты же подал им надежду, дорогой.

— Ну... Я прибыл сюда, считая, что они смирятся со своим военным поражением и будут сотрудничать с властями, как разумные люди, чтобы дать своей планете возможность влиться в Империю. В конце концов, если не считать времени правления Снелунда, энейцы в целом выигрывали от принадлежности к

Империи; и мы старались принять все возможные предосторожности против появления нового Снелунда. Петер соглашался с этим. Вот они и убили его. Кто следующий?

Ее пальцы сильнее сжали его руку.

— Бедная Ольга. Бедные дети. Может быть, мне побыть сегодня с ней?..

Он был погружен в собственные мысли.

— Эти слухи об избавителе — не просто о политическом освободителе, а о спасителе, нет, о целой расе спасителей, — вот что движет энейцами, — проговорил Десаи. — Это касается не только доминирующей культуры, но и других. Каждая по-своему, но все они ждут апокалипсиса.

— А кто это проповедует?

Он печально усмехнулся:

— Если бы я знал это, я мог бы приказать арестовать его — или их. А еще лучше, подкупить. Но до моих агентов не доходит ничего, кроме неопределенных слухов. Не забывай, как мало здесь наших сторонников, как они заметны. Нам вроде бы удалось обнаружить, откуда все эти слухи ползут — из района моря Орка. Мы провели расследование. Безрезультатно — по крайней мере мы не получили никаких доказательств незаконной деятельности. Поверья тамошних жителей всегда основывались на легендах, окружающих колоссальные руины дочеловеческой цивилизации, там часто появляются пророки золотого века. У наших людей всегда находились более срочные дела, чем разбираться в языке и эпосе нищих обитателей бывшего морского дна. — Его голос окреп. — Но будь у меня достаточно персонала, я бы обязательно копнул глубже. Это ведь не первый случай, когда голос из пустыни доводит народы до безумия.

Снова прозвучал сигнал вызова. Десаи выругался и подошел к экрану. На этот раз послание было кодированным — гетеродин автоматически так искажал звук, что жена Десаи в двух метрах от него ничего не смогла бы разобрать. Изображение на экране отсутствовало.

Женщина увидела, как вспыхнуло лицо Десаи, и услышала его восклицание, когда разговор закончился:

— Брахма, помилуй нас! Да! Мы поймаем его и положим конец всему этому!

Глава 14

«Нефритовым Воротам» оставалось уже совсем недалеко до Линна, когда появились терраны.

Киммерийские горы образуют южную границу Илиона. Устремляясь дальше на юг, Флоун течет по все более глубокому и

крутому каньону, пока не достигает места своего последнего невероятного низвержения с кромки континентального шельфа. Зимой река, скованная льдом, спокойно течет между каменных стен ущелья. Но к середине лета, питаемая водами тающей полярной шапки, она мчится и бурлит, и нужен искусный лоцман, чтобы противостоять этому неистовству.

Стоя у правого борта, Айвар и Яо наблюдали захватывающее зрелище. Вода ревела, пенилась, фонтанами взлетала над камнями; воздух был наполнен непрерывным грохотом. Корабль качался и вздрагивал. Здесь поток сужался до каких-то трехсот метров между крутыми утесами и осыпями. Чуть дальше пики вздымались на высоту двух километров. Между мрачными каменными стенами был виден только узкий клочок неба, Вергилий уже скрылся за горами. В сумерках загорелись самые яркие звезды. Здесь, в постоянной тени, было холодно. Лица и одежда людей были влажными от брызг. Впереди каньон скрывался за пеленой тумана. Тем не менее Айвару удалось разглядеть три корабля ниже по течению и еще четыре выше. Он знал, что и многие другие суда направляются к месту встречи.

Палуба накренилась, и девочка ухватила за руку Айвара.

— Что это было? — прокричал он сквозь гул воды и еле слышал ее ответ:

— Мы наверняка обходили препятствие. Здесь ничто не остается тем же, что и в прошлый раз.

— Здесь случались кораблекрушения?

— Их бывает несколько каждое столетие. Большинство жизней удается спасти.

— Боже! И вы год за годом подвергаетесь такому риску ради... ритуала?

— Опасность — часть ритуала, Рольф. Мы никогда не достигаем такого единства с миром, как... Айя!

Он посмотрел туда же, куда и она, и его сердце оборвалось. Сверху пикировал большой торпедообразный флиттер. На его бронированных боках сияло изображение взрыва сверхновой — эмблема Империи.

— Кто это? — наивно воскликнула Яо.

— Морская пехота. За мной. Кто же еще? — Он пробормотал это так тихо, что она не расслышала. Когда он вырвал у нее руку и кинулся бежать, она изумленно и обиженно посмотрела ему вслед.

Он протопал по лестнице на мостик, где, как он знал, рядом с лоцманом всегда была Меа. Она обернулась к Айвару. Лицо ее было напряженным. Зубы так сжали сигару, что та переломилась пополам.

— Мы спрячем вас внизу, — коротко бросила она и подтолкнула Айвара к лестнице.

Он, спотыкаясь, бросился к трапу впереди нее, пробираясь между возбужденных членов команды. Флиттер с воем пронесся к голове каравана судов.

— *Чао ю ли!* — воскликнула Меа. — Удача на нашей стороне — они, по крайней мере, не знают, какой корабль им нужен.

— Название может быть им известно. Кто бы меня ни выдал...

— Да. Сюда. Держитесь. — Из своей каюты появился Эраннат. — Вы! — Меа показала на соседнюю надстройку. — В ту дверь!

Ифриец замер и выставил когти.

— Скорее! — прорычала капитан. — Или я прикажу стрелять!

Секунду перья гребня на голове ифрийца стояли дыбом. Потом он подчинился. Они втроем вошли в узкий вибрирующий от качки коридор. Меа поклонилась Эраннату.

— Простите меня, почтенный пассажир. — Здесь, между переборками, рев реки был менее слышен. — У меня не было времени попросить вас о помощи вежливо. Я благодарна вам за то, что вы снизили к моей просьбе. Сюда, пожалуйста.

Она побежала дальше. Айвар и Эраннат, неуклюже переваливающийся на своих ногах-крыльях, последовали за ней. Ифриец спросил:

— Что случилось?

— Имперцы, — простонал юноша. — Нужно спрятаться, чтобы нас не заметили с воздуха. Если одного из нас увидят, игра закончена. Я, правда, не представляю себе, как нам удастся оттянуть конец.

Золотые глаза Эранната обратились в его сторону.

— О какой игре ты говоришь?

— Я скрываюсь от имперцев.

— И капитан полагает, что тебя нужно прятать? А-ах...

Меа остановилась у интеркома, набрала номер и выстрелила быструю фразу. Когда она повернулась к беглецам, она, казалось, испытывала некоторое облегчение.

— Я успела дать распоряжение радисту вовремя. Думаю, враги запросят, которое из судов «Нефритовые Ворота». Радист свяжется с остальными на нашем языке, которого терране наверняка не понимают. Мы, речной народ, поддерживаем друг друга. Все притворятся тупыми, будут отвечать, что ничего не знают, начнут переспрашивать, как будто очень плохо говорят на англике. — На ее лице блеснула улыбка. — Притворяться тупыми — это мой народ хорошо умеет.

— Будь я терранским командиром, — сказал Эраннат, — я связался бы с каждым кораблем по отдельности и потребовал бы

сообщить название. И будь я капитаном любого из судов, я не рискнул бы лгать, даже не зная, ради чего.

Меа хмыкнула:

— Правильно. Но я предложила «Вратам Истины» и «Дороге Удачи» назваться так же, как и мы, «Нефритовые Ворота». Все эти названия вполне могут быть переведены одинаково. Так что достаточно безопасно сыграть в такую игру с терранами.

Она снова посерьезнела.

— Да только в лучшем случае это даст нам совсем небольшой выигрыш во времени — чтобы переправить в безопасное место вас, Айвар Фредериксен, и вас, Эраннат, ифрийский шпион. Я не смогу дать вам оружие: это выдало бы нас с головой, если вас поймают.

Айвар вспомнил о ноже, с которым не расставался с тех пор, как покинул Виндхоум. Инопланетянин был без своего передника и, значит, безоружен. Женщина продолжала:

— Когда морские пехотинцы нас допросят, мы признаем, что вы были здесь, но скажем, будто не знали, что вас разыскивают. Это ведь правда: знали только мы трое, а мы сумеем притвориться невинными. Мы скажем, что вы сбежали, когда увидели флиттер, а куда — нам неизвестно.

Айвар подумал о голых скалах по берегам и жалобно спросил:

— Но куда же мы скроемся на самом деле?

Меа повела их по лесенке вниз, говоря через плечо:

— Некоторые жители Орка всегда взбираются на шельф ради торговли с нами, после того как обряды закончены. Вы можете встретиться с ними или на месте церемонии, или по пути туда. Даже если вы их и не встретите, вы можете добраться до Тьен Ху сами, там вам помогут. Я уверена, что помогут. Именно среди них проповедует тот пророк, о котором они нам говорили.

— Но ведь и имперцы подумают об этом! — возразил Айвар.

— Без сомнения. Но невозможно же обыскать такую местность, как эта. — Меа остановилась у поворота в другой коридор. — Да, вас могут поймать. Но вас поймают наверняка, если вы останетесь на борту. И вы можете утонуть, добираясь до берега, можете сломать шеи на скалах, да мало ли что. Только разве вы, Айвар, не наш Наследник?

Она открыла дверь и пропустила их в тесный трюм. Здесь хранились каяки и здесь же оказалась маленькая лебедка, чтобы спускать их на воду.

— Забирайтесь, — велела она Айвару. — Вы сможете добраться до берега. Старайтесь только не дать каяку перевернуться

и обходите камни. Правьте к правому берегу и причаливайте сразу, где только сможете. Как высадитесь, столкните каяк в воду — не стоит оставлять следы. Потом скалы и туман скроют вас от поисков с воздуха, если вы будете осторожны... Эраннат, летите низко, над самой водой.

Наполовину испуганный и наполовину возбужденный, Айвар уселся в хрупкой лодочке, натянул покрышку и сжал в руках весло. Рио Меа наклонилась над ним. Никогда раньше он не видел слез у нее на глазах.

— Пусть везение плывет с тобой вместе, Наследник, ибо все наши надежды плывут с тобой. — Ее губы коснулись его губ.

Она открыла люк в обшивке борта и включила лебедку. Мотор загудел, коромысло развернулось и подцепило каяк за кольца на носу и корме. Лодочка сдвинулась и опустилась на воду рядом с кораблем.

Вода ревела и шипела. Мир утонул в холодной мокрой серой мгле. Ветер относил от водопада облако брызг. Айвар и Эраннат отдыхали, укрывшись среди огромных скал.

Башмаки оказались слабой защитой ногам человека. Айвар был весь покрыт синяками в результате многочисленных падений и порезами от острых граней камней. Усталое тело налилось свинцом. Ифриец, который мог перелетать через препятствия, был в лучшем состоянии, хотя длительное пешее путешествие было тяжким испытанием для представителя его расы.

Благодаря какой-то особенности акустики в их укрытии здесь можно было говорить, не напрягая голос.

— Несомненно, где-то есть тропа, ведущая с шельфа на морское дно, — сказал Эраннат. — Не следует считать терран дураками. Когда они не обнаружат нас на корабле, они поймут, что мы направились к Орку, и попросят из Нового Рима самую подробную крупномасштабную карту. Тогда им будет нужно только наблюдать за этой тропой. Нам следует пойти в обход.

— Для меня это достаточно опасно, — ответил Айвар уныло.

— Я помогу тебе в меру своих сил, — пообещал Эраннат. Умей Айвар читать движения его перьев, он бы понял и то, что осталось произнесенным: *если Бог-Охотник швырнет тебя со скал, падая, брось ему вызов.*

— В чем вообще причина твоего интереса ко мне? — спросил Айвар.

Ифриец издал звук, который у представителей его народа соответствовал смеху.

— И ты, и другие не сомневаетесь в том, что я секретный агент Владения. Позволь тебе сказать, во-первых, что я сразу не пове-

рил, будто ты просто Рольф Маринер, и решил это выяснить; во-вторых, у меня нет желания самому оказаться пленником. Наши интересы совпадают.

— Разве? Ты ведь мог бы просто улететь.

— Но ты Наследник Илиона. В одиночку ты погибнешь или будешь пойман. Капитан Рио не могла оценить в полной мере, насколько чужды тебе эти земли. С моей помощью у тебя появляется шанс.

Айвар был слишком измотан, чтобы порадоваться услышанному. Однако где-то в глубине его существа затеплился огонек.

Он заинтересован в моем успехе! Настолько заинтересован, что готов поставить под удар собственное задание, всю информацию, которую он мог бы доставить своим. Похоже, мы на самом деле можем рассчитывать на помощь Ифри, когда сделаем сектор альфы Креста независимым.

Однако было еще рано говорить об этом вслух. Вскоре двое беглецов снова пустились в свой нелегкий путь.

На коротком отрезке русла река снова расширялась. Здесь было место для стоянки многих судов, хотя требовались надежные якоря, а двигатели работали на малых оборотах, чтобы в случае необходимости сразу помочь кораблю справиться с напором течения. На правом берегу горы отступали от реки, и эти несколько гектаров ровной земли люди старательно очистили от обломков камней. Посередине высился алтарь; каменные истуканы, выветренные и бесформенные, охраняли его с боков. Вокруг были заметны следы костров, но жители Орка еще не прибыли. Здесь шум течения терялся в сотрясающем землю реве Линна, находящегося всего в семи километрах. Сам водопад не был виден из-за постоянно стоящего над ним облака водяной пыли.

Этой ночью ветер переменялся, отогнав вечный туман к югу, где он и повис белым в лунном свете занавесом между величественными черными стенами. Поверхность воды поблескивала, на ней темными силуэтами вырисовывались уже прибывшие корабли. Почему-то их ходовые огни и гирлянды фонариков, украшавшие мачты, не делали картину менее мрачной; терранский военный флоттер завис на антигравитационной тяге и вел наблюдения. Воздух был морозным, ледок похрустывал на одежде Айвара и перьях Эранната.

Люди видят в темноте лучше, чем ифриане. Айвар первым заметил врага.

— Ш-шш, — он увлек своего спутника назад, чувствуя дурноту от испуга. Теперь и Эраннат понял, что означали движущиеся отблески и тени впереди: трое морских пехотинцев патрулировали открытую местность.

Обойти их незамеченными было невозможно. Голый берег, озаренный лунным светом, упирался в стену, по которой никто не смог бы влезть. Айвар скорчился за камнями, от отчаяния подумал о том, чтобы пуститься вплавь, но понял, что не сможет этого сделать; слезы разочарования жгли его глаза, но и заплакать он был не в состоянии.

Неслышный в шуме водопада, Эраннат взлетел. Лунный свет озарил его крылья. Но наблюдение ночью из флиттера было затруднительно, иначе имперцы не выставили бы часовых.

Айвар подавился воздухом. Он видел, как огромные крылья накренились вниз. Один из людей рухнул на землю, второй, третий. Эраннат приземлился среди неподвижных тел и поманил Наследника.

Айвар бегом кинулся к ним. К его собственному удивлению, первые слова, которые вырвались у него, были:

— Они мертвы?

— Нет, оглушены. У меня Третий Эшелон по *хяй-лу*. Я применил тройной удар обеими алатанными костями и... как это у вас называется... кроличий захват. — Эраннат был занят делом. Он снял рации с запястий солдат, гравитационные ранцы с их плеч, забрал винтовки, отдал по одному предмету Айвару, а остальные бросил в реку. Когда морские пехотинцы придут в себя, они не смогут связаться со своими по радио, не смогут взлететь или подать сигнал выстрелом. Им придется ждать, пока придет смена.

Если они придут в себя. Тела казались Айвару ужасно неживыми. Он отогнал эту мысль, снова удивляясь себе: почему это вообще его тревожит, ведь они же враги? И к тому же ему и его союзнику повезло, теперь у них появилась практически несомненная возможность достичь цели.

Они не решились сразу же отправиться в полет. На противоположной стороне ровной площадки начиналась тропа, ведущая к Орку. По ней идти было гораздо легче, чем по скалам на берегу, несмотря на то что тропа была узкая, извилистая и неотчетливая, часто отмеченная лишь пирамидками из камней. Прихрамывающий Айвар иковыляющий Эраннат почувствовали себя на ней как освобожденные от цепей узники.

Достигнув пелены тумана, они рискнули взлететь. Это и вовсе было похоже на освобождение от уз плоти. Айвар подумал: а способно ли то Преображение, которое обещал людям пророк, дать такое же чудесное ощущение? Двойной цилиндр в ранце мчал его сквозь ревущий в ушах поток тумана, пока, вырвавшись из облаков, он не увидел развернувшийся пейзаж.

Под ним был грандиозный обрыв, более крутой и голый, чем в западных краях: четыре километра базальтовых столбов, скал, трещин, вздыбленных каменных полей, образованных оползня-

ми, — вниз и вниз, до дна умершего океана. Эти высоты казались безжизненными в свете звезд и лун. Но через них струился Линн. Почти половину пути он преодолевал единственным прыжком, сверкая, как обнаженный меч. Небеса были полны грома воды.

Внизу блестело море Орка, окруженное холмами, покрытыми пашнями пашен. За ними мертвенно белела пустыня.

Эраннат сделал вираж вокруг Айвара.

— Быстро! — скомандовал он. — К земле, прежде чем появятся терране и засекут нас.

Айвар кивнул, сориентировался по звездам и устремился на юго-запад, где вздымался смутно видимый пик Маунт Хронос. Вполне можно сократить оставшийся им путь.

Ледяной воздух со свистом пронесился вокруг Айвара. Его зубы выбивали дробь, пока он не стиснул их. Эти места совсем не были похожи на равнину Антонина рядом с Виндхоумом. Там летние ночи часто были теплыми, а дни нежаркими — обилие зелени смягчало климат.

Лежавшее впереди так называемое море Орка было на самом деле огромным озером с очень соленой водой. Со стороны Линна туманы и ручьи приносили пресную влагу на окраину впадины, но этим дело и ограничивалось. Никакие потоки не текли на юг. Ветры с экватора уносили влагу и рассеивали ее по необозримым просторам. Земля тут была безжизненна: те же ветры давно сдули плодородную почву, которая в других районах Энея была благословенным наследством, оставленным океаном.

Это был самый суровый край из всех, населенных человеком. Айвар знал, что природа этих мест создала собственное племя, выковала его душу. Больше он не знал ничего, да и мало кто из чужаков знал об орканцах больше.

Инопланетяне... Айвар покосился на Эранната. Тот спикировал, как будто увидев добычу, великолепный подобно рушащемуся вниз водопаду.

«А ведь недавно я думал, что именно ты меня выдал, — промелькнула мысль. — Впрочем, этого не может быть.

Но вот вопрос: кто это сделал?»

Глава 15

Рассветные лучи затрепетали на поверхности моря и отбросили резкие голубые тени на покрывающую берега пыль. Звук трубы с Великой Башни приветствовал солнце. Ее голос был холоден, холоднее недвижимого воздуха.

Джаан покинул дом своей матери и по извивающейся между обшарпанными приземистыми зданиями улице вышел к верфи. Те немногие, кто ему встретился, кланялись ему, скрестив руки

на груди, кто с благоговением, кто с настороженным почтением. В сумерках, еще задержавшихся между стенами, их фигуры казались призрачными.

Верфь была созданием Старейших, ее яркие цвета составляли резкий контраст с унылым однообразием и нищетой человеческого поселения. Радужная плита, твердая и холодная под ногами, выдавалась из склона горы. За миллионы лет обломился уголок плиты, но само вещество не подверглось эрозии. Прошедшие века лишили верфь плескавшихся о нее когда-то волн, теперь поросший кустарником откос круто уходил на километр вниз — к воде.

Город тянулся по склону горы на такое же расстояние вверх. Его безликие глинобитные строения теснились к самому подножию Арены, венчавшей пик. Это тоже было создание Старейших; даже разрушенное, оно не утратило величия. Эллиптическая Арена была построена из того же сияющего, вечного материала, что и верфь, имела почти километр в длину и тридцатиметровые стены; стены становились все выше и выше, заканчиваясь семью башнями, из которых уцелело три. Стены не были сплошными: они взмывали вверх колоннами, разбегались террасами и галереями, круглились арками, воздушными мостами, из них выступали крылья балконов. Бесконечная игра света и тени заставляла здание казаться языком вечного холодного пламени.

На вершинах шестов на парапете развернулись ало-золотые знамена. Происходила смена стражи Компаньонов.

Джаан посмотрел в другую сторону — на севере на горизонте над морем Орка вздымался континент. Вергилий стоял совсем низко над ним, и обрывы, пересеченные белым лезвием Линна, казались черными. Приглушенный гром водопада заставлял дрожать воздух и землю.

Я вижу, как они летят, — сказал он.

Нет, ты ошибаешься, — ответил Каруит. — *Опасаясь погони, они приземлились у Альсы и попросили крестьянина подвезти их на грузовике. Смотри, вон он.*

Джаан не был уверен, его ли собственный разум или разум Старейшего велел его голове повернуться, глазам присмотреться к грунтовой дороге, серпантином поднимающейся по склону от берега. Может быть, они — двое — уже становились единым существом? Это было ему обещано. Быть частью, нет, всего лишь свойством, памятью Каруита... О, чудо из чудес!

Он заметил приближение потрепанного грузовичка только по облаку поднятой им пыли: тот был еще далеко и нескоро доберется до города. Это был не единственный автомобиль, несмотря на ранний час: несколько машин двигалось по дороге, шедшей по

берегу озера. Два трактора работали в полях на холме, черные точки на коричневом и грязно-зеленом фоне. Трудно получить урожай на этих бедных почвах... По поверхности озера скользила лодка, за ней тянулись сети. Человек не мог употреблять в пищу обитателей этих соленых вод, но их тела концентрировали вещества, нужные для производства. И над Ареной парил на антигравитационной тяге флиттер, принадлежащий Компаньонам. Хотя в соответствии с приказом Империи он не был вооружен, он был на страже. Времена наступили нелегкие.

— Господин!

Джаан обернулся и увидел Робхара, самого молодого из своих учеников. Мальчик, сын рыбака, почти утонул в драном одеянии с чужого плеча. Его черные спутанные волосы длиной до плеч заиндевели от дыхания. Он низко поклонился.

— Господин, — повторил мальчик, — могу ли я тебе чем-нибудь услужить?

Он нес здесь вахту всю ночь, пока не пришли мы, — сказал Каруит. — Он не осмеливался обратиться, пока мы не остановились. Его преданность великолепна.

Думаю, что и остальные не менее преданы, — ответил Джаан, который лучше знал людей; даже могучий нечеловеческий интеллект Каруита не все мог охватить. — Остальные старше, им труднее перенести бессонную ночь на морозе — только потому, что они могут нам понадобиться. К тому же они должны работать, у большинства есть жены и дети.

Близится время, когда должны они будут оставить их, оставить все и следовать за нами.

Они это знают. Уверен, они приняли это душой. Но почему бы им не порадоваться тем маленьким радостям, что дает им принадлежность к человечеству, пока они к нему еще принадлежат?

Ты сам сохраняешь в себе слишком много человеческого, Джаан. Следует тебе уподобиться молнии разящей.

Одновременно пророк говорил своему ученику:

— Да, Робхар. Сегодня великий день. — Глаза мальчика загорелись. — Но мы не должны забывать о практических делах, сейчас не время для ликования: мы остаемся всего лишь людьми, прикованными к этому миру. Сюда направляются двое, человек и ифриец. Их роль в освобождении жизненно важна. Их преследуют терране, скоро сюда пожелают их войска. Нам нужно успеть хорошо спрятать беглецов, и чем меньше горожан будет знать о происходящем, тем лучше, иначе как бы они не проговорились.

Поторопись. Отправляйся в конюшню брата Бораса и скажи ему, что нам нужна стафа с большой вьючной корзиной — чтобы в ней можно было спрятать ифрийца. Он ростом примерно с тебя.

Нужна будет еще попона, чтобы прикрыть концы его крыльев. Не говори Борасу, зачем все это нужно. Он наш достойный приверженец, но у тиранов есть наркотики, есть и кое-что похуже. Стоит им заподозрить, что кто-то что-то знает... И ничего не говори брату Эззаре тоже: на обратном пути ты зайдешь к нему и одолжишь его хитон, сандалии и красный плащ с капюшоном. Вели ему не выходить из дому, пока я не разрешу.

Не мешкай!

Робхар хлопнул в ладоши в знак повиновения и бросился бежать по булыжнику мостовой в город.

Джаан остался ждать. Грузовичок обязательно должен проехать мимо верфи. И ни у кого в этот ранний час не должно найтись здесь дел. Любой случайный прохожий, увидев одинокую фигуру пророка, вырисовывающуюся на фоне величественных руин, лишь поклонится и поспешит уйти.

Водитель теперь уже достаточно близко, чтобы я мог читать его мысли, — прошептал Каруит. — И мне они не нравятся.

Что? — взволнованно спросил Джаан. — Разве он не верен нам? Почему бы иначе ему везти сюда стоящих вне закона беглецов?

Он верен, в том смысле, что хочет видеть Эней свободным от гнета Империи, да и Орк — свободным от Нового Рима. Но он еще не полностью воспринял наше учение, не примкнул к нам. Он человек импульсивный и непостоянный. Айвар Фредериксен и Эраннат Авалонский разбудили его и рассказали ему, будто они ученые, попавшие в беду, когда разбился их флайер. Они попросили его подвезти их до Маунт Хронос, где будто бы их ожидает помощь. Он понял, что в этой истории нет правды, но согласился потому, что ненавидит терран. А теперь он все больше и больше трусит и жалеет о своем согласии. Как только он избавится от пассажиров, он напьется, чтобы прогнать свои страхи, а выпивка может развязать ему язык.

Но ведь достаточной предосторожностью будет просто забрать беглецов из грузовичка? Что еще нужно?.. Нет! Только не убийство!

Многим предстоит умереть ради освобождения. Разве ты хочешь, чтобы их жертва оказалась напрасной — только чтобы сохранить сегодня одну-единственную жизнь?

Заточение вместе с этим ифрийцем, о котором ты меня предупредил...

Исчезновение человека, у которого есть друзья и соседи, гораздо труднее объяснить, чем его смерть. Поговори с братом Велибом. Напомни ему, что он один из немногих орканцев, сражавшихся вместе с Мак-Кормаком; он тогда многому научился. Не так уж трудно организовать правдоподобный «несчастный случай».

Нет.

Джаан сопротивлялся; но разум, деливший его мозг с его собственным, был чересчур силен, приводил чересчур убедительные аргументы. Нет греха в том, что один человек умирает за свой народ. Разве сами Джаан и Каруит не готовы к такой участи? К тому времени когда подъехал грузовичок, пророк уже успел успокоиться.

Тем временем Робхар вернулся со стафой и одеждой. Все знали Эззару в его красном плаще. Капюшон скроет голову северянина, длинные рукава и обилие грязи на обутих в сандалии ногах скроют его светлую кожу. Никто ничего не заметит, все увидят только пророка, сопровождаемого двумя учениками, которые поднимутся к Арене и войдут в ворота вместе с навьюченной стафой, которая, возможно, везет книги Старейших, найденные в катакомбах.

Грузовичок остановился. Джаан ответил на приветствие водителя, стараясь при этом не думать о нем как о живом реальном человеке. Водитель открыл заднюю дверь, и внутри кузова Джаан увидел ифрийца и Наследника Илиона.

На Джаана, который никогда раньше не видел ифрийца, его надменная красота (как грустно, что он должен быть уничтожен, мелькнуло сожаление) произвела гораздо большее впечатление, чем достаточно обыкновенная внешность белокурого юноши, который так внезапно стал вершителем судеб. Ему показалось, что зеленые глаза просто смотрят на него, в то время как золотые проникают в его сущность.

Беглецы увидели перед собой молодого человека, более приземистого и коренастого, чем большинство орканцев, одетого в безупречный белый хитон, подпоясанный веревкой, и обутого в сандалии, которые он сам сделал. Его широкое смуглое лицо с орлиным носом и пухлыми губами носило печать своеобразной красоты; длинные волосы и борода, рыжевато-каштановые, были аккуратными и ухоженными. Самой заметной чертой в этом лице были глаза — широко посаженные, серые, огромные. Его виски охватывал металлический обруч со сложным узором надолбом, единственный внешний признак того, что это был один из Старейших, вернувшийся после шести миллионов лет отсутствия.

Он произнес медленно и мягко:

— Добро пожаловать, Айвар Фредериксен, спаситель своего мира.

Ночь окутала дом Десаи. Огни соседних зданий казались далекими, как звезды. Все вокруг было неподвижно. Когда Десаи сделал окна непрозрачными, это принесло своего рода облегчение.

— Пожалуйста, садитесь, профессор Тэйн, — обратился он к гостю. — Могу я предложить вам напитки?

— Не нужно, — ответила высокая молодая женщина. После паузы она неохотно добавила, уступая привычке: — Спасибо.

— Означает ли это, что вы не хотите преломить хлеб с врагом? — Его улыбка была грустной. — Все-таки я не думаю, что принципы требуют от вас отказа и от чая тоже.

— Как вам угодно, комиссар, — ответила Татьяна, напряженно выпрямившись сидевшая в кресле.

Десаи сказал что-то своей жене, и та принесла поднос с чайником, двумя чашками и блюдом пирожных. Она поставила его на стол и, извинившись, ушла.

Когда за ней закрылась дверь, Десаи показалось, что комната душит его. Она была такой неудобной, такой... нищенской, несмотря на весь привычный комфорт. В одном углу находились его стол и коммуникационная панель, рядом полка со справочной литературой; кроме потертого ковра, вся остальная мебель в комнате была чуждой человеку его расы и его культуры — вещи были арендованы вместе с домом, здесь не было милого беспорядка, который делает помещение домом.

«Наша семья слишком часто и слишком далеко переезжает: как штопальная игла, которой пытаются залатать расплывающуюся сгнившую ткань. Меня всегда учили дома, на Рамануджане, что путешествовать по жизни нужно налегке. Только как это отражается на детях, все эти скачки с места на место, хотя всегда в то же окружение имперского гражданского служащего?» — Десаи вздохнул. Эта мысль часто к нему приходила.

— Я ценю, что вы откликнулись на мое приглашение, — начал он. — Надеюсь, вы... э-э... приняли предосторожности.

— Да, приняла. Я выскользнула через черный ход, вывернула свой плащ наизнанку и надела ночную маску.

— Необходимость обеспечить вашу безопасность — причина, по которой я перестал посещать вас. Мои визиты практически невозможно было бы скрыть. И наверняка террористы наблюдают за вами.

Лицо Татьяны осталось бесстрастным. Десаи продолжал:

— Мне ненавистна возможность даже минимального риска. Убийцы дюжины известных деятелей вполне могут не пощадить и вас, стоит им заподозрить... хм... сотрудничество со мной с вашей стороны.

— Только если я не на их стороне и не пришла сюда, чтобы получить полезные для них сведения, — ответила Татьяна с металической ноткой в голосе.

Десаи улыбнулся:

— Ну, это риск, которому я подвергаюсь. Не такой уж большой, как мне кажется. — Десаи взял за чайник и вопросительно взглянул на девушку. Она едва заметно кивнула. Он налил чай в обе чашки и отхлебнул из своей. Горячий напиток был очень кстати.

— Как насчет того, чтобы перейти к делу? — требовательно произнесла Татьяна.

— Конечно. Мне кажется, вы хотели бы услышать последние новости об Айваре Фредериксене.

Это ее встряхнуло. Она промолчала, но выпрямилась в кресле и широко раскрыла свои карие глаза.

— Это конфиденциальная информация, конечно. Из источника, который я не буду называть, мне стало известно, что он присоединился к табору кочевников, потом имел с ними неприятности, потом отправился на корабле речного народа на юг по реке вместе с ифрийцем, который присоединился к нему то ли случайно, то ли намеренно, но во всяком случае почти наверняка является секретным агентом Владения. Они уже почти достигли водопада, когда я узнал обо всем этом и послал отряд морской пехоты, чтобы задержать Фредериксена. По причине сумятицы — несомненно, устроенной с помощью речников, хотя я и не намерен их за это преследовать, — Айвару и его спутнику удалось скрыться.

Лицо Татьяны то краснело, то бледнело. Дыхание ее стало учащенным, она схватила свою чашку и выпила ее одним глотком.

— Как вы знаете, я не хочу, чтобы Фредериксен был наказан, если этого удастся избежать, — сказал Десаи. — Мне нужен шанс переубедить его.

— Я знаю, что вы так говорите, — резко ответила Татьяна.

— Если бы только люди поняли, — просительно произнес Десаи. — Да, Империя причинила вам зло. Но мы стараемся его исправить. А другие с радостью превратили бы вас в свои орудия, чтобы разрушить единение, а также безопасность, которую это единение обеспечивает, — основные достижения нашей цивилизации.

— Кого вы имеете в виду? Ифриан? Мерсейцев? — В ее голосе звучала издевка.

Десаи принял решение.

— Мерсейцев. О да, они далеко отсюда. Но они могут заставить Империю завязнуть здесь, на этой границе. Им это не удалось в прошлый раз: восстание Мак-Кормака захватило их, как и нас, врасплох. Более тщательно подготовленная последовательность событий могла бы иметь иной результат. Терра могла

бы потерять весь этот сектор, а одновременно Мерсейя ударила бы по удаленным отсюда пограничным районам. Это привело бы к ослаблению Империи и усилению Ройдхуната, ободренного успехом... Наступление Долгой Ночи приблизилось бы.

Десаи ответил на молчаливое, но несомненное недоверие Татьяны:

— Вы сомневаетесь? Вы считаете, что я делаю из Мерсейи пугало? Ну так слушайте. На Энее действует их агент. Не обыкновенный шпион или провокатор. Это существо с удивительными способностями; его заданию придается такое значение, что ради него данные о несуществующей планете были, несмотря на риск, введены в информационные банки в Катавраяннисе; его возможности так велики — включая фантастическое телепатическое могущество, — что он в одиночку шутя преодолел все наши меры предосторожности и исчез в неизвестном направлении. Профессор Тэйн, в этом деле Ройдхунат рискует больше чем одним выдающимся агентом: они пошли на то, чтобы раскрыть нам существование вида с такими необычными возможностями, заставить нас насторожиться. Ни одна эффективная служба разведки не пошла бы на это ради чего-то меньшего, чем решающий выигрыш.

Теперь вы видите, в какую сеть может угодить ваш жених?

«Удалось ли мне убедить ее? Ее лицо стало таким бесстрастным...» — подумал Десаи.

После минутного молчания девушка ответила:

— Мне нужно это обдумать, комиссар. Ваши страхи могут быть преувеличены. Давайте сегодня ограничимся практической стороной дела. Вы заинтересованы в действиях Айвара и этого его спутника... наличие которого наводит на мысль, что у Ифри тоже рыльце в пушку, верно? Прежде чем я смогу высказать какие-то свои суждения, не расскажете ли вы мне все остальное?

Десаи сухо продолжал.

— Они предположительно скрываются в окрестностях моря Орка. Я только что получил доклад командира отряда, посланного туда на поиски. После нескольких дней активных действий, включая допросы под действием наркотика нескольких лиц, которые могли что-то знать, мои люди не добились ничего. Я не могу оставлять их там дольше, чтобы не разжигать ненависть местного населения, особенно если учесть, что планету заливают антиправительственная агитация, саботаж, насилие. Мне нужны эти войска, чтобы, скажем, патрулировать улицы Нового Рима.

— Но, может быть, Айвар и не отправился к морю Орка.

— Возможно. Хотя это было бы логично, не так ли?

Татьяна еще раз пробормотала «может быть». То, что она сказала потом, удивило Десаи:

— Допрашивали ли ваши люди этого нового пророка?

— Да, они его допросили. Никакого результата. Ничего, кроме причудливых квазирелигиозных идей, о которых мы были уже слышаны. Конечно, его проповеди направлены против Империи, но представляется более разумным позволить его последователям выпустить пар таким способом, а не делать из него мученика. Нет, он не сообщил ничего о Наследнике, так же как и его апостолы.

Было ясно, что Татьяна сохраняет самообладание только усилием воли. Все ее существо было исполнено беспокойства о возлюбленном.

— Меня удивляет, что вам сошло с рук задержание пророка и его последователей. Судя по тому, что я слышала, эта искра могла вызвать революционный взрыв.

— Я и приказал обращаться с главой культа с максимальной осторожностью. Но когда поиски длились уже некоторое время, этот... Джаан по собственной воле предложил, чтобы он и его люди ответили на вопросы под действием наркотиков — как он сказал, тогда не останется подозрений и у имперцев не будет оснований задерживаться в тех краях дольше. Хитрый ход, если его целью было избавиться от них. После такой уступки с его стороны моим людям ничего не оставалось, как отправиться восвояси.

— Ну вот, — подколола его Татьяна, — разве это не должно было навести вас на мысль, что Айвар где-то в другом месте?

— Безусловно. Хотя... В докладе главного специалиста по таким вопросам говорится, что энцефалограмма Джаана отличается от нормальной. Как если бы было правдой его утверждение... ну, скажем, будто он одержим каким-то духом. О, физически он ничем не отличается от среднего человека. Нет никаких оснований думать, что наркотик не подавил его способность лгать. Но...

— Можно предположить, что различия в мозговых волнах вызваны мутацией. Орканцы странный народ, они все между собой в близком родстве и к тому же живут в среде, очень отличающейся от той, в которой человек развился как вид.

— Не исключено. Хорошо бы, конечно, пригласить телепат-риеллианина из штата губернатора, и я серьезно обдумывал такую меру, но решил, что мерсейский агент, если он в этом замешан, со своими способностями и знаниями наверняка принял предосторожности против такой проверки. Будь у меня миллион опытных исследователей, чтобы лет сто интенсивно изучать все аспекты жизни на этой планете и все особенности ее народов...

Десаи отвлекся от своей мечты.

— Нельзя пренебречь возможностью того, что Айвар и ифриец все же находятся именно там, а пророку об этом неизвестно. Их может прятать какая-то обособленная группа орканцев. Насколько мне известно, Маунт Хронос вся пронизана туннелями и подземельями, созданными еще расой Древних и никогда в полной мере не изученных человеком.

— Но ведь искать их там — безнадежное занятие, верно?

— Да. Особенно если учесть, что они могут скрываться и где-нибудь в пустыне. — Десаи помолчал. — Поэтому я и попросил вас прийти сюда, профессор Тэйн. Вы знаете своего жениха. И наверняка вы больше знаете об орканцах, чем мои люди могут почерпнуть из книг и банков данных. Скажите мне, пожалуйста, насколько вероятно, что Айвар... м-м... найдет с ними общий язык?

Татьяна некоторое время молчала. Десаи вставил сигарету в мундштук и глубоко затянулся. Наконец девушка медленно произнесла:

— Не думаю, что между ними возможно тесное сотрудничество. Слишком глубоки различия. И Айвар, по крайней мере, мыслит достаточно трезво, чтобы понимать это и не пытаться найти среди них приверженцев.

Десаи воздержался от комментариев и просто попросил ее:

— Мне бы хотелось, чтобы вы описали этот народ.

— Вы же наверняка читали отчеты.

— Множество. Но все сделанные сторонними, терранскими наблюдателями, плюс обзоры записей северян, сделанные моими сотрудниками. Все это лишено внутреннего понимания. Вы же — и ваши предки — разделяете с орканцами этот мир на протяжении столетий. Я пытаюсь интуитивно понять ваши взаимоотношения: не сухой социоэкономический базис, а человеческие чувства, возможные трения, тонкие взаимовлияния двух культур.

Татьяна снова помолчала, собираясь с мыслями. Наконец она проговорила:

— На самом деле я могу сказать вам не так уж много, комиссар. Устроит вас краткий исторический обзор? Вам наверняка все это уже известно.

— Но я не знаю, что на ваш взгляд является важным. Прошу вас.

— Н-ну... Там находятся самые большие и лучше всего сохранившиеся остатки строений Древних — на Маунт Хронос. Они остались мало изученными, поскольку все внимание ученых было сосредоточено на Дилоне. Потом началось Смутное Время, налеты, вторжения, возврат к феодализму. Некоторые люди — не северяне — нашли за неимением лучшего убежище в Арене.

— Арене? — переспросил Десаи.

— Это огромный амфитеатр на вершине горы, если, конечно, таково было его первоначальное предназначение.

— Ах... «Арена» значит не это. Впрочем, неважно. Как я понимаю, значение слов в местных диалектах претерпевает изменения. Пожалуйста, продолжайте.

— Арена на самом деле — нечто похожее на крепость. Эти люди поселились в ней, установив строгую дисциплину. Отправляясь на сельскохозяйственные работы, ловить рыбу, пасти стада, они выставляли вооруженную охрану. Постепенно образовался военный орден, Компаньоны Арены, члены которого выполняли также административные и технические функции — земля у орканцев в общем владении — а со временем стали и религиозными предводителями. Их религия, естественно, основывается на поклонении этим таинственным руинам.

Сначала орден Компаньонов противился установлению общепланетного правления, и его пришлось усмирять. В результате его члены стали в большей мере исполнять религиозные функции, хотя и сохраняют воинские традиции. С тех пор они не причиняют Новому Риму особого беспокойства, но держатся обособленно и видят свою основную задачу в познании того, кем были, есть и будут Строители.

— Хм-м... — Десаи потер подбородок. — Этот народ — их ведь около полумиллиона? Можно ли сказать, что он обособлен не только от Нового Рима, но и от остального населения Энея?

— Не вполне. Они ведут торговлю, в частности, их караваны пересекают равнину Антонина, они добираются до более плодородных районов, привозят минералы и продукцию переработки рыбы из моря Орка в обмен на продовольствие, ткани и прочее. Многие их молодые люди идут на службу к северянам ради заработка. Орканцы умеют находить воду, они очень одаренные лозоходцы, что подтверждает мою мысль о мутациях среди них. В целом, однако, обычный житель континента редко видит орканца. Они действительно держатся особняком, смешанные браки запрещены под угрозой изгнания; они считают себя особым народом, который в будущем сыграет особую роль во взаимоотношениях со Строителями. В их истории было множество пророков, предрекавших это. Джаан — просто последний из них.

Десаи нахмурился:

— И все же, разве его утверждение — что он является долгожданной инкарнацией и что возвращение древней расы случится при его жизни — не беспримерно?

— Не знаю, — вздохнула Татьяна. — Но одну вещь я хочу сказать; думаю, ради этого вы меня и позвали. Несмотря на то что Джаан говорит о своем перевоплощении как об объективном, а не сверхъестественном явлении, для орканцев это религия. Ну а Айвар скептик, даже более того — убежденный противник религии.

Я не могу себе представить, чтобы он стал иметь дело с толпой мистиков и провидцев. Между ними немедленно возник бы конфликт.

Десаи молча размышлял:

«Это тонкое заключение. Правда, это еще не значит, что оно верное.

И все же, что мне остается, как не согласиться с ним... по крайней мере пока я не получу новых известий от своего шпиона. Получу ли? Что могло с ним случиться? Возможно, я никогда этого не узнаю...»

Десаи стряхнул с себя задумчивость.

— Так что независимо от того, получил ли Айвар помощь от кого-то из орканцев, вы не думаете, что он постарается связаться с влиятельными членами общины или задержится в этой негостеприимной местности. Я правильно вас понял, профессор Тэйн?

Она кивнула.

— Можете вы предположить, куда он мог направиться, как нам вступить с ним в контакт? — настойчиво продолжал Десаи.

Девушка не ответила.

— Как угодно, — сказал он устало. — Но имейте в виду, он подвергается смертельной опасности, продолжая скрываться: его может застрелить патруль, например, или он совершит какое-то действие против Империи, после чего его уже нельзя будет помиловать.

Татьяна закусила губу.

— Я не стану добиваться от вас ответа, — пообещал Десаи. — Но я заклиная вас — вы ведь ученый, вы должны уметь взвешивать радикально новые гипотезы и их следствия — я заклиная вас рассмотреть возможность того, что в интересах Айвара, как и в интересах Энея, сотрудничать с Империей.

— Мне, пожалуй, пора идти, — сказала Татьяна.

Позже, пересказывая разговор Гэбриелу Стюарту, она возбужденно говорила:

— Он наверняка у орканцев. Все сходится. Айвар по праву считается нашим вождем, а Джаан — духовный глава орканцев. Весть об этом распространится, как огонь в сухой траве под свежим ветром.

— Но если пророк не знает, где он...

Татьяна хмыкнула:

— Пророк знает! Неужели вы думаете, что разум Строителя не способен справиться с реакцией человеческого тела на дозу какого-то наркотика? Да ведь для этого достаточно простой шизофрении.

Стюарт внимательно посмотрел на девушку:

— Вы верите слухам, моя девочка? Это только слухи, поймите, ничего больше. Наша организация не имеет контактов в районе Арены.

— Значит, пора их завести... Да, я согласна, доказательств того, что Строители вот-вот вернутся, у нас нет. Но это учение не бессмысленно. — Она сделала жест в сторону зашторенного окна, как будто звезды за ним были ей видны. — Космогнозис... Вот что было бы на самом деле фантастическим — это если бы мироздание было лишено цели, если бы в нем отсутствовало развитие. — Татьяна увлеченно продолжала: — Десаи говорил о мерсейском агенте, который действует на Энее. Он не мерсеец, кстати. Это кто-то странный и загадочный — как раз такой, каким должен быть вернувшийся Строитель.

— Что? — удивленно воскликнул Стюарт.

— Пожалуй, лучше сейчас больше об этом не говорить, Гэб. Но Десаи сказал, что нужно иметь рабочую гипотезу. Вот пусть это и будет нашей рабочей гипотезой: давайте считать, что в этих слухах что-то есть. Нам нужно хорошенько копнуть, собрать достоверную информацию. В худшем случае мы выясним, что можем рассчитывать только на себя. Ну а в лучшем... Кто знает?

— Если мы из этого ничего и не извлечем, все равно это хорошая тема для пропаганды, — цинично заметил Стюарт. Он пробыл на Энее еще недостаточно долго, чтобы ощутить атмосферу всеобщего ожидания. — Но как мы помещаем врагу прийти к тем же заключениям и заняться расследованиями?

— Здесь ничего нельзя гарантировать, — ответила Татьяна. — Мне, правда, пришла мысль... Что, если я навещу Десаи завтра или послезавтра, скажу, что передумала, и постараюсь выудить у него все что можно о том агенте? Но главное, при этом я посоветую заняться горцами Чалка. Они, как вы, возможно, помните, независимые и неподатливые. Вполне правдоподобно, что они поддержали бы Айвара, если бы он отправился к ним; ему такая мысль тоже вполне могла бы прийти в голову. Ну а Чалк — большая и неприветливая страна; чтобы обыскать ее, понадобится много солдат и еще больше времени. А мы пока...

Глава 16

Комната внутри горы была огромной, и ее облицовка переливчатым материалом Древних еще добавляла иллюзию загадочных глубин за стенами. Благодаря обитателям-людям здесь появились ковер с подогревом, люминесцентные лампы, мебель и другие необходимые предметы, включая книги и эйдофон для приятного времяпрепровождения. Несмотря на это, часы, превращавшиеся в

незаметно пролетающие дни, доводили Айвара до иступления. Конечно, Эраннату это заточение стоило еще дороже: с человеческой точки зрения, все ифрийцы страдают врожденной клаустрофобией. Но он стойко держал себя в руках, точнее, в когтях.

Разговоры помогали им обоим. Эраннат даже иногда пускался в воспоминания.

— ...Свободен как ветер. В юности я путешествовал по всему Авалону. *Хай-ха*, рассветы во время шторма над океаном или в заснеженных горах! А что значит охотиться с копьем на спатодонта! А ветер над бескрайними равнинами, пахнущий солнцем и вечностью! А потом я прошел подготовку, чтобы стать космическим бродягой. Ты не знаешь, что это такое? Чисто ифрийское изобретение. Космический бродяга — член команды звездолета — может оставить свой корабль, когда пожелает, и провести какое-то время на приглянувшейся ему планете, если, конечно, найдет себе замену. Замена обычно находится. — Взгляд ифрийца, казалось, проник за радужные стены. — *Кхрр*, Вселенная полна чудес. Цени ее, Айвар. В наших головах умещается такая малюсенькая часть того, что есть вокруг!

— Так ты все еще космолетчик? — спросил Айвар.

— Нет. Я через некоторое время вернулся на Авалон вместе с Хлирр, которую я встретил и взял в жены на планете, где радуги изгибаются над морями цвета старого серебра. Обзавестись домом и вырастить выводок тоже хорошо. Но дети теперь уже взрослые, и я, в поисках последнего дальнего странствия, прежде чем Бог-Охотник спикирует на меня, оказался здесь, — он выдавил из себя что-то похожее на человеческий смешок, — в этой пещере.

— Ты занимаешься разведкой для Владения, не так ли?

— Я ведь уже объяснял. Я ксенолог, специализируюсь в антропологии. Я преподавал этот предмет, пока вел оседлую жизнь на Авалоне, а теперь занимаюсь полевыми исследованиями.

— То, что ты ученый, не означает, что ты не можешь быть одновременно и шпионом. Поверь, я тебя за это не осуждаю. Терранская Империя — мой враг, так же как и твой, если не в большей мере. Мы естественным образом оказываемся союзниками. Не возьмешься ли ты сообщить об этом на Ифри?

Гребень Эранната взъерошился.

— Разве любой враг Империи — автоматически твой друг? А как насчет Мерсейи?

— Я столько наслушался пропаганды против Мерсейи, что, если еще раз услышу, будто они расисты и агрессоры, со мной случится анафилактический шок. Разве Терра так уж никогда не провоцировала Мерсейю, разве не причиняла ей вреда? К тому же Мерсейя далеко отсюда: это проблема Терры, а не наша. Почему

Эней должен поставлять императору пушечное мясо? Что он для нас сделал? И, Боже, что только он нам не сделал?

Эрранат медленно спросил:

— Ты в самом деле надеешься возглавить второе, успешное восстание?

— Не знаю как насчет «возглавить», — ответил Айвар, краснея. — Я надеюсь помочь.

— Ради чего?

— Ради свободы.

— Что такое свобода? Поступать так, как ты, лично ты, хочешь? Но тогда как ты можешь быть уверен, что кусочек Империи не потребует от тебя большего, чем требует Империя? Мне кажется, именно так и произойдет.

— Ну... э-э... я готов служить, но только своему собственному народу.

— Но хочет ли твой народ — как объединение отдельных личностей, — чтобы ему служили так, как это представляешь себе ты? Ты не видишь ограничения своей свободы любыми требованиями, которые предъявит к тебе политически независимый сектор альфы Креста, как не увидел бы ограничения ее законами против убийств и грабежей. Эти требования совпадают с твоими желаниями. Но другие могут думать иначе. Так что же такое свобода, как не клетка — просто достаточно большая клетка, чтобы тебе не захотелось долететь до решетки?

Айвар нахмурился, глядя в золотые глаза:

— Ты говоришь странные вещи — особенно для ифрийца, и уж тем более авалонца. Твоя планета ведь воспротивилась включению в Империю.

— Это означало бы фундаментальные перемены в нашем образе жизни: например, разрешение на неограниченную иммиграцию, в результате чего нас стали бы вытеснять и мы лишились бы большинства при голосовании. Ну а вы... Разве были бы кардинальные различия между Республикой альфа Креста, провинцией Владения и сектором Империи? Ты видишь лишь один поверхностный аспект реальности, Айвар Фредериксен. Неужели ты на самом деле предпочитаешь блуждать между идеологиями, а не путешествовать от звезды к звезде?

— Ах, боюсь, ты не понимаешь. У твоей расы отсутствует наша концепция правления.

— Она для нас неважна. Мои сограждане-люди пришли к таким же взглядам. Меня удивляет ваш настойчивый интерес, вплоть до утверждения «победа или смерть», к организационным вопросам политической структуры. Почему бы вам вместо этого не сосредоточиться на такой перестройке собственного сознания,

что политические дразги Империи просто перестанут вас волновать?

— Ну, если наша мотивация — единственное, что тебя смущает, то не мог бы ты передать на Ифри... — Айвар набрал побольше воздуха и приступил к описанию своего плана сотрудничества с Владением.

За разговорами время летело быстрее; но однажды к ним явился не обшарпанный слуга-орканец, приносивший еду, а человек в военной форме, объявивший:

— Главнокомандующий!

Айвар вскочил на ноги. Гребень на голове Эранната застыл в неподвижности. Наконец-то они дождались.

В зал вошел почетный караул, выстроился в две шеренги и застыл по стойке «смирно». Это были типичные орканцы: высокие и поджарые, темнокожие, с черными вьющимися волосами и такими же подстриженными бородками, с лицами овальными и довольно плоскими, раздувающимися ноздрями и толстогубыми ртами. Они вели себя и были одеты как профессиональные солдаты: стальные шлемы, закрывающие шею, снабженные поднятыми сейчас витриловыми забралами; синие гимнастерки со знаками различия и с эмблемой — знаком бесконечности — на груди; серые брюки, заправленные в мягкие сапоги. Помимо ножей и дубинок на поясе они были вооружены, в противоречие имперскому указу, бластерами и винтовками, которые им удалось, по видимому, скрыть от конфискации.

Иаков Харолссон, главнокомандующий Компаньонов Арены, вошел следом. Он был одет так же, как и его солдаты, но помимо обычной формы носил еще и пурпурный плащ. Хотя его бородка была седой, а лицо — морщинистым, его худое тело сохраняло осанку воина. Айвар отдал ему честь.

Иаков ответил ему тем же и произнес на местном гнусавом диалекте англика:

— Приветствую тебя, Наследник Илиона.

— Терране... отбыли... сэр? — выдавил из себя Айвар. Его сердце колотилось, в глазах потемнело, прохладный воздух подземелья казался непереносимо душным.

— Да. Тебе можно будет выйти на поверхность. — Иаков нахмурился. — Загримированным, конечно, и переодетым. Волосы нужно будет покрасить. Мы объясним тебе, как себя вести. Нельзя надеяться, что у врага здесь нет шпионов или скорее скрытых приборов для наблюдения. По всему городу, возможно даже, в самой Арене. — Привычка к дисциплине и немногословию не помешала генералу произнести с жаром: — Но ты обязательно

начнешь действовать — ради подготовки к священному освобождению.

Эраннат зашевелился в своем углу.

— Я едва ли смогу сойти за орканца, — сказал он сухо.

Иаков озабоченно посмотрел на него.

— Нет. Но мы, посоветовавшись, решили, что мы можем сделать.

Смутное опасение заставило Айвара воскликнуть:

— Не забудьте, сэр, он дает нам возможность контакта со Сферой Ифри, которая может стать нашим союзником.

— Действительно, — бесстрастно произнес Иаков. — Мы могли бы просто прятать тебя здесь, сэр Эраннат, но, судя по тому что мне известно о твоей расе, это оказалось бы тебе невыносимо. Так что мы подготовили для тебя убежище в другом месте. Потерпи еще несколько часов. Когда стемнеет, мы тебя отправим.

«Куда-нибудь на вершину горы, в глушь, — предположил Айвар, успокоившись. — Там он сможет летать в небе, охотиться, размышлять, пока мы не будем готовы объединиться с ним, а потом отправить его домой».

В радостном порыве он стиснул правую руку ифрийца. Мощные когти осторожно сомкнулись вокруг его пальцев.

— Спасибо тебе за все, Эраннат, — сказал Айвар. — Я буду скучать по тебе... пока мы снова не встретимся.

— Будет так, как захочет Бог, — ответил его друг.

Арена получила свое название от внутреннего устройства. Из окна просторного кабинета главнокомандующего Айвару были видны ряды, образующие строгие, но странно притягивающие взгляд огромные эллипсы, опоясывающие центральную площадку. Эти ряды были широкими, скорее террасами, а не сиденьями, а стены между ними прорезались арочными проходами, ведущими во внутренние залы и коридоры. Тем не менее общее впечатление античного театра было несомненным.

Там, внизу, подразделение Компаньонов было занято учениями; хотя орден в последние несколько столетий редко воевал, он сохранял свой воинский характер. Компаньоны выполняли и полицейские функции, помимо квазижреческих. Расстояние и размеры Арены заставляли людей казаться крошечными насекомыми. Их крики и топот не долетали досюда, как и городской шум, поглощенные жарким безветрием; только Линн ревел, вгрызаясь в скалы. Однако само здание казалось живым, его переливчатые радужные стены и плавные контуры были исполнены энергии.

— Почему Древние сделали его таким? — вслух произнес Айвар.

Научная база, объединяющая жилые помещения и лаборатории? Но пандусы, соединяющие этажи, выписывали такие загадочные виражи; сами этажи вдруг оказывались на разных уровнях без всякой видимой причины; сводчатые коридоры соединяли помещения, из которых ни одно не походило на другое. И что происходило в похожей на кратер внутренней части? Были ли там разбиты сады, чтобы дать отдохнуть глазам от видов пустыни? Но шесть миллионов лет назад пустыня была цветущим краем. Эксперименты? Игры? Обряды? Или что-то, концепция чего была абсолютно чужда и человеку, и представителям всех известных ему разумных видов?

— Джаан говорит, что в основном это было место сбора, где умы собравшихся могли бы объединиться и достичь перевоплощения, — ответил Иаков. Он обернулся к своим охранникам. — Свободны, — резко произнес главнокомандующий. Они отсалютовали и вышли, закрыв за собой дверь — человеческое дополнение к архитектуре Старейших.

Ей пришлось придавать особую форму, чтобы достичь соответствия portalу. Кабинет, в котором находились Иаков и Айвар, походил на внутренность ограненного драгоценного камня; цвета не переливались друг в друга, как на наружных стенах Арены, а сверкали и вспыхивали яростным пламенем там, где их касались солнечные лучи. На таком фоне немногие предметы — мебель и оборудование — принадлежащие современному обитателю, выглядели вдвойне аскетическими: стулья, сделанные из сучковатого застынь-дерева, такой же стол, полки с книгами и приборами связи, циновка из минерализованных орканских водорослей.

— Пожалуйста, садись, — пригласил Иаков, опускаясь в кресло.

«Не предложит ли он мне хотя бы чашку чая? — промелькнуло у Айвара в голове. Но тут же он вспомнил прочитанное когда-то: — Нет, в этой стране разделить еду или питье — значит взять на себя определенные обязательства. Похоже, он к этому еще не готов в отношении меня.

А готов ли я сам?»

Айвар сел, глядя в суровое стариковское лицо.

К его смущению, Иаков явно ждал, что разговор начнет гость. После мучительной паузы Айвар выдал из себя:

— Э-э... Этот Джаан, сэр, о котором вы говорили. Ваш пророк, верно? Я не хочу оскорбить вашу веру, честное слово, но можно мне задать несколько вопросов?

Иаков кивнул; белая борода коснулась знака бесконечности на его груди.

— Все что угодно, Наследник. Истина только проясняется от расспросов. — Он помолчал. — А кроме того — давай будем иск-

ренни с самого начала — у многих из нас нет уверенности, что Джаан действительно сподобился пришествия Каруита Старейшего. Пока что Компаньоны Арены не заявили о своем отношении к этому официально.

Айвар вздрогнул:

— Но я думал... Я имею в виду, религия...

Иаков поднял руку:

— Послушай меня, Наследник. Мы здесь не исповедуем религии.

— Что! Но ведь вы, сэр, верите и верили на протяжении столетий в Старейших!

— Так же, как мы верим в существование Вергилия или лун. — По лицу старика скользнула слабая улыбка. — В конце концов, мы видим их ежедневно. Точно так же видим мы и оставленные Древними руины.

Иаков проникновенно продолжал:

— Имей терпение выслушать меня, Наследник. Религия означает веру в сверхъестественное, не так ли? Большинству орканцев, как и всем энейцам, свойственна такая вера. Они признают существование Бога и соблюдают определенные заповеди, выполняют обряды. Если они люди думающие, они, однако, признают, что их вера не имеет никакого отношения к науке. Она не может быть подтверждена или опровергнута опытным путем. Благодаря божественному промыслу могут случаться чудеса; но чудо, по определению, означает нарушение законов природы, а значит, не может быть экспериментально воспроизведено. Да, историческая достоверность чудес может быть проверена косвенными методами. Но подтверждение реальности события ничего не доказывает, поскольку ему может найтись и научное объяснение. Например, если принять историческую реальность Иисуса Христа и тот факт, что он восстал из могилы, то это может быть объяснено тем, что в момент погребения он находился в коме, а не был мертв. Точно так же и опровержение ничего не доказывает. Например, если окажется, что определенного святого никогда не существовало, то это говорит всего лишь о человеческой наивности, а не о ложности учения в целом.

Айвар вытаращил на Иакова глаза.

«Такие слова — и прежде, чем мы даже коснулись практических вопросов, — от правителя нищего изолированного от всех народа пустыни!»

Юноша собрался с мыслями.

«Впрочем, никто, имеющий доступ к электронным средствам связи, не является на самом деле изолированным. И я бы не удивился, если бы оказалось, что Иаков учился в университете. Мне ведь приходилось встречать там орканцев.

Из того, что человек живет в глуши, что у него свои обычаи, вовсе не следует, что он невежествен или глуп... А может быть, терране именно так смотрят на нас?» — Этот заданный себе вопрос вызвал у Айвара злость, которая прояснила его рассудок.

— Повторяю, — между тем говорил Иаков, — в том смысле, который я вкладываю в это слово, мы не проповедуем религии. Но у нас действительно есть доктрина.

Наблюдается определенный факт, факт, подтверждаемый современными стратиграфическими и радиоизотопными методами определения возраста: шесть миллионов лет назад на Энее существовал аванпост могущественной цивилизации. Логический вывод из этого — эти существа не вымерли, а ушли куда-то, оставив позади игрушки своего детства, поскольку достигли нового уровня эволюции. И можно, конечно, считать, что мы принимаем желаемое за действительное, но разве не вероятно, что высший разум космоса испытывает доброжелательный интерес к низшим формам и помогает им в развитии?

Надежда на это, если тебе угодно будет так назвать наше отношение к Древним, и поддерживает наш орден в его деятельности.

Слова Иакова были лишены одержимости, и, хотя в голосе старика звучала сила, он оставался спокоен. И все же, глядя в лицо этого человека, Айвар решил воздержаться от дальнейшего обсуждения темы.

Про себя же он подумал:

«Но существуют ли доказательства дальнейшей эволюции? Человеку приходилось на протяжении своей истории встречать многие разумные расы, некоторые невероятно отличающиеся от нас — не только физически, но и особенностями мышления и специфическими способностями. Но мы не знаем ни одной, которую можно было бы уподобить богам. Да и почему интеллект должен прогрессировать бесконечно? В природе такого не наблюдается. После того как достигнут уровень технологии, обеспечивающий выживание вида при любых обстоятельствах, разве будет естественный отбор способствовать увеличению мозга? Если уж на то пошло, мыслящие существа в умственном отношении развиты больше, чем это идет им на пользу».

Однако Айвар в достаточной мере был реалистом, чтобы оценить эти соображения критически:

«Такова современная ортодоксальная позиция. Может быть, это проявление усталого декаданса или нежелание признать чье-то интеллектуальное превосходство — “зелен виноград”? Что там говорить, мы чуть приоткрыли завесу над тайнами единственной — микроскопически малой в масштабах Вселенной — галактики...»

Вслух он прошептал:

— А теперь Джаан заявляет, что Древние вот-вот вернутся? И что их разум поселился в нем?

— В первом приближении это так, — ответил Иаков. — Ты должен поговорить с ним сам, и поговорить подробно. — Он помолчал. — Я уже говорил тебе, Компаньоны пока что официально не присоединились к его проповеди. Но мы и не оспариваем его утверждений. Мы признаем, что каким-то образом за единственную ночь скромный сапожник обрел необыкновенные силы и знания. Впрочем, «необыкновенные» совершенно невыразительное слово для того, что произошло.

— Кто он? — рискнул спросить Айвар. — Я ведь не слышал ничего, кроме слухов, намеков, предположений.

Теперь Иаков говорил как прагматик.

— Когда о нем впервые стало известно и когда все больше людей начали делаться его последователями, мы, руководители Компаньонов Арены, поняли, что за взрывоопасный материал перед нами; поэтому мы постарались приостановить распространение нового учения до тех пор, пока мы сами не сможем оценить его и его последствия. Сам Джаан проявил полную готовность сотрудничать с нами. Мы не смогли, конечно, совсем воспрепятствовать распространению слухов за пределами наших земель. Но пока что остальная планета имеет лишь смутное представление о новом культе, возникшем в наших бесплодных краях.

«Может быть, там действительно толком мало что знают, — подумал Айвар, — однако готовность верить там безусловно есть. Пожалуй, я смогу сообщить тебе кое-что новенькое, командир».

— Но все-таки кто он?

— Он происходит из скромной семьи, хотя раньше его родственники были богаты — в той мере, в какой это вообще возможно в окрестностях моря Орка. Его отец, Гилеб, был торговцем и имел несколько грузовиков; считается, что происходил он от основателя ордена Компаньонов. Мать Джаана, Номы, из еще более древней семьи: ее предки были в числе первых колонистов на Эннее.

— И что же случилось?

— Может быть, ты помнишь, лет шестнадцать назад здешние места подверглись бедствиям. Долго не утихавшая песчаная буря погубила урожай; в ней пропали и многие караваны. Борьба за то немногое, что осталось, привела к вражде между семьями. Она захватила даже Компаньонов. Какое-то время мы мало что могли сделать.

Айвар кивнул. Он вспомнил, что читал о последующих событиях: Иакову удалось, возглавив орден, восстановить в нем

дисциплину и моральные устои, а потом и спасти свой народ от хаоса. Но на это потребовались годы.

— Собственность Гилеба была разграблена, самого его чуть не убили, и ему пришлось с женой и маленьким сыном бежать, — продолжал Иаков ровным голосом. — Они пересекли равнину Антонина, чудом уцелев, и добрались до поселения северян в ее плодородной части. Там они нашли убежище, хотя и были нищими.

После смерти Гилеба Номи вернулась обратно со всеми шестью детьми — в здешних краях к тому времени установился мир. Джаан научился сапожному ремеслу, а его мать — умелая ткачиха. Заработков их двоих хватало на пропитание всей семьи. Но они по-прежнему были на грани нищеты, и Джаан не мог позволить себе жениться.

...Ну а потом ему было откровение... Он сделал открытие... в чем бы оно ни заключалось.

— Ты можешь рассказать мне и об этом тоже? — тихо спросил Айвар.

Взгляд старика стал жестким.

— Об этом можно поговорить потом, — сказал Иаков. — Я думаю, теперь лучше обсудить, какую роль мог бы сыграть ты, Наследник, в освобождении Энея от Империи — а может быть, и человека от ограничений принадлежности к человечеству.

Глава 17

В головном платке, хитоне и сандалиях, с покрытой коричневым гримом кожей и выкрашенными в черный цвет волосами, Айвар на первый взгляд не отличался от местных жителей. Хотя черты лица, телосложение и голубые глаза отличали его от типичного орканца, все же наследственность далеких предков этого народа иногда давала о себе знать появлением какой-то необычной черты; в определенной мере это было свойственно и самому пророку. Гораздо больше выдавали Айвара северный диалект англика, незнание местного языка, неумелое подражание манерам и походке орканца — тысяча всяких мелочей.

Но наверняка ни один терранин, скучающий за просмотром записей аппарата-шпиона, не заметит этих тонкостей. Многие орканцы не обращали внимания на них тоже, а если и замечали, то, пожав плечами, тут же забывали о них. В конце концов, жители окрестностей моря Орка не были на одно лицо: существовали и местные, и индивидуальные особенности. Кроме того, этот молодой человек вполне мог только что вернуться после нескольких лет службы у северян: это всегда накладывает свой отпечаток.

Те же, кто заметил Айвара и присмотрелся к нему внимательно, едва ли произнесли бы об этом хоть слово: Айвар был рядом с сапожником.

Такое не было необычным: нередко, услышав проповедь Джаана, кто-нибудь просил его о личной аудиенции. Тогда, по традиции, они вдвоем уходили на склон горы.

Несколько пар ревнивых глаз следили, как Джаан и Айвар покидали город. Они почти не разговаривали, пока не удалились на почтительное расстояние от толпы и не углубились в величественную и негостеприимную местность.

Вокруг них скалы, кусты, полосы голой серой почвы, перечеркнутые синими тенями на крутом склоне, доходили до построек города и венчавшей его Арены. В голубом небе с раскаленным солнцем парил одинокий вулч. Далеко внизу поверхность делалась уныло ровной — там начиналось бывшее морское дно; лишь на пологих холмах можно было разглядеть тощую зелень и редкие дома. По грунтовым дорогам пылили грузовики. Темневшие на севере и северо-востоке склоны Илиона прочерчивала ослепительно белая линия Линна. Горизонт на юге и западе был гол, и только прилетавший оттуда жаркий ветер обжигал лица, вздувал плащи, вздыхал в унисон шуму водопада.

Посох Джаана поднимался и опускался в такт его шагам. Пророк уверенно находил чуть заметную тропу. Айвар, хоть и не знакомый с окрестностями, двигался с легкостью охотника. Это делалось автоматически: все его внимание было поглощено медленно произносимыми словами:

— Мы можем поговорить теперь, Наследник. Спрашивай или предлагай все, что захочешь. Никакие твои слова не могут ни испугать, ни рассердить меня: ты пришел, как живое олицетворение судьбы.

— Я вовсе не провозвестник спасения, — тихо ответил Айвар. — Я всего лишь очень часто ошибающийся человек; я даже в Бога не верю.

Джаан улыбнулся:

— Это не имеет значения. Я сам не верю — в общепринятом смысле. Я говорю о «судьбе» просто за неимением лучшего термина. Давай считать, что ты был направлен, приведен сюда определенной силой, потому что ты можешь стать Спасителем.

— Нет... нет, только не я.

Снова Джаан спокойно улыбнулся и хлопнул Айвара по плечу:

— Я не вкладываю в эти слова мистический смысл. Вспомни свой разговор с главнокомандующим Иаковом. Энейцы нуждаются в двух вещах: объединяющей вере и в способном объединить людей вожде — мирянине. Архонт Илиона, каковым ты станешь

со временем, наиболее подходит на эту роль: жители этой планеты пойдут за тобой. Более того, память о Хью Мак-Кормаке побудит другие планеты сектора объединиться вокруг его преемника, как только знамя освобождения вновь будет поднято.

То, чему учит Каруит, увлечет многих, но это откровение слишком потрясающе, слишком ново, чтобы стать частью повседневной жизни. Людям нужна политическая структура, которую бы они понимали и принимали, которая помогла бы им пережить трудные времена. Ты — ядро такой структуры, Айвар Фредериксен.

— Н-ну... не знаю. Я ведь не полководец и не политик, на самом-то деле я самым бездарным образом провалил...

— Тобой будут умело руководить. Только не думай, что ты нужен нам как номинальный глава. Помни, борьба будет длиться годы. Чем больше у тебя будет опыта и мудрости, тем в большей мере ты будешь становиться настоящим вождем.

Айвар, прищурившись, посмотрел вдаль на танцующий песчаный вихрь и осторожно сказал:

— Я пока мало что знаю, Джаан... только то, что мне говорили Иаков и его офицеры. Они много раз подчеркивали, что объяснить... религиозную? — нет, духовную сторону доктрины можешь только ты.

— Тогда картина, которую ты видишь сейчас, путаная и неполная, — сказал Джаан.

Айвар кивнул:

— Вот что мне известно... Позволь мне обрисовать тебе ситуацию, как я ее себе представляю. И поправляй меня там, где я заблуждаюсь.

Эней похож сейчас на пороховую бочку. Искрой, которая вызовет взрыв, может оказаться надежда — любая надежда. Если восставшим будет сопутствовать успех, все больше и больше планет сектора альфы Креста начнут присоединяться к ним. Но как начать? Мы разбиты, разоружены, наша территория оккупирована.

Ты проведешь близость помощи сверхчеловеческого разума. На мою долю придется поддержание политической преемственности. Энейцы, особенно северяне, которые едва ли загорятся идеей возвращения Древних, вполне могут поддержать Архонта Илиона, чтобы сбросить ярмо Терры. И даже уверовавшие будут приветствовать такую поддержку, такой вклад человечества: на долю людей придутся большая часть работы и самые большие потери.

Джаан кивнул.

— Да, — сказал он, — избавление, не заработанное своими руками, немногого стоит в деле обретения свободы и еще меньше — в восхождении человечества на следующую ступень эволюции.

Старейшие нам помогут... Как и мы потом поможем им в их извечной борьбе... Я повторяю, нам не следует надеяться на быструю победу революции. Подготовка к ней займет годы, и годы будут продолжаться жесточайшие битвы. Еще долгое время твоя основная задача будет просто оставаться в живых и на свободе, оставаться символом, который поддерживает надежду на то, что освобождение придет.

Айвар набрался смелости спросить:

— А ты... что в это время будешь делать ты?

— Я буду свидетельствовать, — ответил Джаан скорее смиренно, чем гордо. — Буду сеять семена веры. Как воплощение Каруита я могу оказать тебе, Компаньонам, вождям восставших некоторую практическую помощь: например, при благоприятных условиях я могу читать мысли. Но самое главное — я останусь олицетворением прошлого, которое одновременно будущее.

Наверняка в конце концов мне тоже придется скрываться от терран, когда они поймут, какое значение я имею. Может быть, они меня убьют. Это не имеет значения. Им удастся лишь уничтожить тело. К тому же тем самым они сделают из меня мученика. Цикл завершится, и Каруит возвратится снова.

Айвару показалось, что холодный ветер пробрал его до костей.

— Кто такой Каруит? Что он собой представляет?

— Разум одного из Старейших, — безмятежно ответил Джаан.

— Мне этого никто не мог объяснить...

— Все считают, что объяснить тебе это должен я. Во-первых, ты не полутрамотный ремесленник или пастух. Ты хорошо образован, и ты отвергаешь все сверхъестественное. Говорить с тобой о Каруите я должен не на том языке, который годится для орканцев — моей паствы.

Айвар молча шел рядом с пророком, ожидая продолжения. Песчаная крыса выскочила из выбеленного солнцем черепа стафы.

Джаан смотрел прямо перед собой. Когда он заговорил, в его монотонной речи появилась напевность.

— Я расскажу тебе о своем возвращении сюда, после многих лет изгнания. Я стал сапожником; учиться ремеслу мне пришлось урывками — нужно было наниматься на поденную работу, чтобы наша семья не умерла с голода. Но все же я имел доступ к общественным банкам данных, мог читать, учиться, наблюдать: таким образом я узнал кое-что о Вселенной. А ночами я часто смотрел на звезды и размышлял.

Когда наша семья вновь оказалась в окрестностях Маунт Хронос, я стал мечтать о том, чтобы стать одним из Компаньонов. Но это было невозможно — они начинают подготовку в гораздо более раннем возрасте. Однако сержант Компаньонов, магистрат нашего округа, проявил ко мне интерес. Он помог мне продолжить

занятия. И еще он устроил меня за небольшую плату помогать при археологических раскопках.

Ты, наверное, уже понял, что это теперь основной интерес Компаньонов. Они начинали свое существование как военная организация, потом стали гражданскими правителями. Но такую службу нам дал бы и Новый Рим, захоти мы этого. К тому же сменяющие друг друга пророки убедили орканцев, что Старейшие не могли вымереть, что они продолжают свое лучезарное существование в космосе. Так может ли быть дело достойнее, чем искать их следы и оставленное нам знание? И кто лучше всех с этим справится, если не Компаньоны?

Айвар кивнул. В этом заключалась одна из основных причин, почему университет прекратил здесь раскопки: чтобы не вызывать недовольства местного населения и местных правителей. Скучные результаты, о которых сообщалось с тех пор, были отнесены за счет отсутствия значительных находок. Но теперь Айвар начал гадать: а не держали ли Компаньоны свои открытия в секрете?

Гипнотический голос пророка продолжал:

— Эта работа позволила мне почувствовать, в глубине моего существа, какая огромная сфера пространства-времени простирается вокруг нас и в то же время как неразрывно мы с ней связаны. Я начал обдумывать предположение — предположение, которое мне приходилось слышать еще в годы изгнания, — что аборигены Дидоны качественно превосходят нас разумом, всем своим объединенным существом так же, как разум человека превосходит слепой инстинкт. Не могли ли Старейшие тоже обладать этим качеством — но не примитивной смутной формой единения, а отточенной до совершенства? И не сможем ли и мы когда-то достичь такого уровня?

Так я размышлял, и все чаще и чаще стал в одиночестве углубляться в туннели под горой, где никто еще не бывал. И мое сердце жаждало ответа, который невозможно было найти.

Пока однажды...

Это случилось ночью, в середине зимы. Революция тогда еще не началась, но даже мы в своей глуши знали, что угнетение усиливается, возмущение кипит, наступает хаос. Даже мы стали чувствовать нехватку некоторых вещей, поскольку межзвездная торговля стала нерегулярной — налоги и конфискации заставили купцов держаться подальше от сектора альфы Креста. Персонал космопорта частично лишился работы, и контроль за прибывающими кораблями ослаб. Да, случалось, что пираты из варварских миров прорывались сквозь дырявый заслон, чтобы грабить и убивать. Я глубоко чувствовал горе энейцев.

Ночами я смотрел на сияние солнц-близнецов альфы Креста, на темноту, прорезающую Млечный Путь там, где туманность скрывает от нас сердце нашей Галактики. Бродя по склону горы,

я вопрошал: может ли все это великолепие, как и наши жизни, быть всего лишь бессмысленной случайностью? Неужели мы страдаем и умираем втуне?

И вот особенно холодной ночью я укрылся в недавно открытом коридоре Древних. Или что-то позвало меня туда? У меня был фонарик, и я как лунатик шел все дальше и дальше в глубь туннелей и залов.

Ты знаешь, удивительное искусство Старейших таково, что миллионы лет их строения сохранялись в целости, только оползень завалил вход. Раскопав завал, мы обнаружили такой же лабиринт, как и в других местах. Компаньонам не хватало рабочих и оборудования, поэтому на составление карты этого комплекса ушла бы целая жизнь.

Не знаю, что меня влекло, но только я пошел туда, где еще никто из людей не бывал. Я поднял кусок мела с пола и стал отмечать дорогу; это был последний проблеск обычного здравого смысла; километр за километром я углублялся в лабиринт — навстречу своей судьбе.

Я нашел ее в комнате, где холодный свет лился от высокого предмета, простота линий которого не давала глазу зацепки; я знал только, что это, должно быть, артефакт, в большей мере энергия, чем материя. На полу перед этим предметом лежал обруч, который я теперь ношу на голове. Я надел его на себя и...

...Нельзя ни словом, ни мыслью выразить того, что последовало...

После трех дней и трех ночей я вернулся на поверхность. И во мне поселился Каруит Старейший.

Глава 18

Похожий на детский рисунок из одних палочек, полковник Матту Луукссон отдал честь Чандербану Десаи, отказался от предложенного угощения и уселся на краешек кресла, как будто не желая позволить креслу помять свою форму. Тем не менее офицер Компаньонов Арены был на свой манер вежлив с верховным комиссаром Терранской Империи на Эннее.

— ...Решение было достигнуто вчера. Я ценю то, что вы приняли меня так быстро, учитывая вашу занятость.

— Я не выполнил бы свой долг, не оказав немедленного гостеприимства представителю целого народа, — ответил Десаи. Он молча курил несколько секунд, перед тем как продолжить: — Ваши поступки действительно кажутся очень быстрыми — учитывая, насколько важных дел они касаются.

— Орден, к которому я имею честь принадлежать, не поощряет нерешительность, — заявил Матту. — Кроме того, как вы понимаете, сэр, моя миссия — навести справки. Ни вы, ни мы не стремимся брать на себя обязательства, прежде чем будем в должной мере знакомы с ситуацией и друг с другом.

Десаи поймал себя на том, что выбивает мундштуком дробь по пепельнице, и заставил себя прекратить.

— Но все это можно было обсудить по видео, — заметил он с кротостью, которой на самом деле не ощущал.

— Нет, сэр, этого было бы недостаточно. Дело не может быть решено одними словами. Электронное изображение вас, вашего кабинета и ваших подчиненных ничего не сказало бы нам о ваших реальных возможностях.

— Ясно. Поэтому вы и привезли с собой несколько Компаньонов?

— Да. Они проведут здесь несколько дней, осматривая город, накапливая впечатления, а потом доложат Совету. Так мы сможем оценить желательность дальнейших визитов.

Десаи поднял брови.

— А вы не боитесь, что они здесь развратятся? — Мысль о том, что в Новом Риме могут оказаться зланные места, показалась ему причудливой и забавной; он с трудом удержал улыбку.

Матту нахмурился — то ли рассердился, то ли сосредоточился.

«Как можно прочесть что-нибудь на этом лице?» — подумал Десаи.

— Мне лучше все объяснить вам с самого начала, — произнес Компаньон, тщательно выбирая слова. — Вероятно, у вас сложилось впечатление, что я прибыл сюда, чтобы заявить протест против недавних обысков, проведенных среди орканцев, и договориться о недопущении подобных инцидентов впредь. Однако это лишь незначительная часть моего задания.

Терранские власти, видимо, считают, что наши края полны мятежников, несмотря на то что почти никто из орканцев не присоединился к восстанию Мак-Кормака. Такие подозрения естественны: мы живем изолированно, наш народ во многом отличен от вас.

«Отличен от искушенных прагматиков с Терры, хотите вы сказать, — подумал Десаи. — Или от нашего пораженного декадансом общества?»

— Как страж закона и порядка, — произнес он вслух, — вы отнесётесь с пониманием, я надеюсь, к периодически возникающей необходимости рассмотрения всех возможностей, даже самых маловероятных.

Находись на месте Матту терранин, он бы в ответ улыбнулся; лицо же орканца осталось неподвижным.

— Более частые контакты уменьшат взаимную подозрительность. Но одного этого мало, чтобы менять давно сложившиеся традиции и политику.

На самом деле Компаньоны Арены и общество, которое они представляют, вовсе не так ригидны, не так страдают ксенофобией, как это принято считать в Новом Риме. Наша изоляция никогда не была абсолютной: мы отправляем торговые караваны, наши молодые люди проводят годы в Илионе, зарабатывая капитал или обучаясь. Только стечение обстоятельств до сих пор удерживало нас на окраине энейского общества — и еще, конечно, определенная доля инерции.

Что ж, времена меняются. Если мы, орканцы, не хотим оказаться за бортом, нам нужно приспосабливаться. Так мы сможем поправить свои дела. Хотя мы не одержимы идеей материальной выгоды — мы полагаем, что обладание слишком многим губительно для человека, — мы и не проповедем аскетизм, комиссар. Новых веяний мы не боимся. Скорее мы считаем, что наши собственные ценности достаточно жизнеспособны и даже могут распространиться среди тех, кто способен их оценить.

Сигарета Десаи догорела. Он выбросил выпускающий вонючий дым окурок и вставил в мундштук новую сигарету. Его рот свело от ожидания новой порции никотина.

— Значит, вы заинтересованы в увеличении торговли, — сказал он.

— Да, — ответил Матту. — Мы можем предложить больше, чем это принято считать. Это касается не только природных ресурсов, но и рабочей силы и мозгов, если только наша молодежь получит возможность приобщиться к университетскому образованию.

— А как насчет... м-м... туризма в ваших краях?

— Конечно, — отрывисто бросил полковник. Очевидно, эта перспектива ему лично была отвратительна. — Для развития туризма нужно время, которое у нас есть, и деньги, которых у нас нет. Северяне никогда не были в этом заинтересованы... хотя, должен признать, мы никогда не делали им подобных предложений. Теперь у нас появилась надежда, что в этом поможет Империя.

— Субсидии?

— Кредиты не должны быть ни велики, ни долговременны. Взамен Империя получит не только нашу дружбу, но сможет воспользоваться нашим влиянием — по мере того как орканцы начнут более интенсивно перемещаться по Энею. Вам противо-

стоит сила северян, которых вы едва ли сможете склонить на свою сторону. Так почему бы не прибегнуть к помощи орканцев, чтобы постепенно изменить взгляды северян?

— Возможно. Но только в какую сторону?

— Это едва ли можно предсказать сейчас, не правда ли? К тому же мы еще можем решить, что нам лучше остаться в изоляции. Повторяю, моя миссия здесь — не более чем предварительная разведка: как для нас, так и для вас, комиссар.

Чандербан Десаи, в чьем распоряжении были легионы Империи, посмотрел в глаза гостю; и именно он, а не Компаньон почувствовал страх.

Молодой орканец, лейтенант с Маунт Хронос, открыто позвонил Татьяне Тэйн и попросил разрешения посетить ее:

— ...Чтобы познакомиться с человеком, который лучше всех знает Айвара Фредериксена. Пожалуйста, уважаемая госпожа, не думайте, что мы не испытываем к нему уважения. Тем не менее он невольно оказался причиной значительных неприятностей для нас. Мне пришло в голову, что вы смогли бы посоветовать нам, как лучше всего убедить власти, что мы — не сообщники мятежников.

— Сомневаюсь, — ответила Татьяна, испытывая определенную симпатию к его неуклюжей искренности. Другая половина ее души содрогнулась от заново проснувшейся боли; ей захотелось отказаться от встречи. Но это было бы трусостью.

Когда он явился к ней, затянутый в свой негнувшийся мундир, то преподнес ей в знак благодарности за согласие принять его резной медальон ручной работы. Резьба была такая тонкая, что, чтобы разглядеть ее, девушке пришлось поднести его близко к глазам; тогда она прочла выгравированный вопрос: «За нами здесь шпионят?»

Ее сердце замерло. После минутного замешательства она покачала головой. Стюарт время от времени присылал техника, который проверял, не поставили ли терране «жучков» в комнатах Татьяны. Впрочем, может быть, подполье делало это само... Лейтенант вытащил из внутреннего кармана конверт и с поклоном вручил девушке.

— Сколько бы времени у вас ни заняло ознакомление, мне приказано лично проследить, чтобы вы уничтожили это по прочтении.

Он опустил в кресло, не сводя с нее глаз. Она скоро забыла о его присутствии. В третий раз читая письмо Айвара, Татьяна механически погладила Злопастного Брандашмыга, который настойчивым писком требовал ее внимания.

После ласковых слов, предназначенных только ей, следовал краткий отчет о его скитаниях.

«...Пророк, хотя он отрицает то, что его проповедь является боговдохновенной. Да и какая разница? То, что он говорит, звучит как современный апокалипсис.

Не знаю, в силах ли я поверить ему. Его спокойная уверенность выглядит убедительно, но я не могу похвастаться таким уж хорошим знанием людей. Меня легко обмануть. Но что *несомненно*, так это его способность при определенных условиях читать мои мысли — легче, чем это сделал бы любой телепат, легче, чем это считается возможным для самых одаренных людей. А может быть, и не только людей. Меня всегда учили, что телепатия не является универсальным языком; недостаточно воспринимать излучение мозга, нужно еще знать, что означает каждый паттерн для данного существа. И конечно, у разных индивидов паттерны разные, не говоря уже о представителях разных культур и тем более разных видов. Феномен этот до сих пор не очень понятен. Я лучше перескажу тебе то, что говорит сам Джаан, хотя пересказ и не может передать того захватывающего впечатления, которое производит пророк.

По его словам, после того как он нашел тот артефакт, о котором я писал выше, он надел на голову «корону». Думаю, что это было естественным побуждением. Она красива, легко надевается, а может быть, он прав в том, что ему отдали соответствующий приказ. Так или иначе, после этого произошли невероятные вещи, ад и рай попеременно; сначала по большей части ад, поскольку Джаан был испуган странными ощущениями, потом по большей части рай. Теперь же, как говорит Джаан, его состояние, то, чем он стал, нельзя описать никакими словами.

В научных (или псевдонаучных, поскольку неизвестно, где проходит граница, когда речь идет о непознанном) терминах, происшедшее можно описать так. Очень много лет назад у Древних, или Старейших — здесь их называют так, — на Энее была база, как и на многих других планетах. Это была не просто исследовательская база. Древние преследовали великую цель, о которой я еще скажу. Существующие теперь предположения, что они подтолкнули эволюцию на Дидоне в определенном направлении, верны: это была одна из многих их программ, направленных на создание мыслящих рас, на распространение разума в космосе.

Потом Древние покинули Эней, все, кроме одного, которому Джаан дал имя Каруит (он говорит, что имя как сочетание звуков нужно только для наших ограниченных органов чувств). Остался не Каруит во плоти; к тому же он и не был индивидом, подобно

тебе или мне: он был... частью? аспектом? атрибутом? великолепного Единства, слабым намеком на которое являются дидонцы. Каруит подвергся сканированию, нейрон за нейроном, так что отпечаток его/ее/их индивидуальности смог каким-то невообразимым образом быть записан.

Прости, дорогая, пожалуй, местоимение его/ее/их годится для наших соседей-дидонцев, но недостаточно почтительно для Древних. Дальше я буду писать “он”, поскольку так более привычно, хотя, конечно, с равным правом можно называть это существо “она” или “они”.

Когда Джаан надел обруч, аппарат включился, и записанный паттерн оказался наложен на нервную систему человека.

Ты можешь себе представить трудности. Да что там — “трудности”! Мозг Джаана, его тело были мозгом и телом человека; Древние же предполагали, что скорее оставленное ими сокровище найдут дидонцы. Джаан не способен ни на что, чего его организм не умеет делать. Настоящий Каруит мог, возможно, решить тысячу дифференциальных уравнений за долю секунды, если бы у него возникло такое желание; но Каруит, использующий примитивный мозг Джаана, на такое не способен. Улавливаешь идею?

Но все-таки Древние допускали, что первыми в эту комнату проникнут не дидонцы. Они сделали систему гибкой. Кроме того, все организмы обладают потенциалом, который в обычных условиях остается невостребованным. Позволь привести тебе грубый пример. Ты умеешь играть в шахматы, рисуешь, управляешь флиттером, занимаешься лингвистическим анализом. Теперь предположи, что ты родилась в мире, где не были изобретены шахматы, живопись, авионавтика, семантические исследования. Понимаешь? Или вспомни, как простая тренировка может пробудить таланты почти в любом человеке.

Так что после трех дней, которые ушли на приспособление системы к мозгу Джаана, он снова смог думать и действовать и выбрался на поверхность. С тех пор его личность все больше и больше интегрируется с тем могучим интеллектом, который разделяет его мозг с его собственным рассудком. Джаан говорит, что со временем они станут единым существом, в большей мере Каруитом, чем Джааном, и радуется такой перспективе.

Что же он проповедует? Чего хотят Древние? Зачем они сделали то, что сделали?

Опять же, это невозможно изложить в немногих словах. Я, конечно, попробую, но уверен, что попытка обречена на неудачу. Может быть, твое воображение сумеет заполнить пропуски. У тебя хорошая голова, любимая.

Старейшие, Древние, Строители, Высочайшие, Шень, как бы их ни назвать, — а Джаан не хочет давать им определенное имя, он говорит, что это было бы еще более обманчиво, чем “Каруит”, —

появились миллиарды лет назад, вблизи центра Галактики, где звезды самые старые и близко расположенные. Наша родная Терра находится в разреженной части спирального рукава Галактики, как ты помнишь. В те времена многие периферийные звезды еще не возникли, элементы тяжелее гелия были редки, планет, пригодных для жизни, было мало. Когда Древние вышли в космос, они оказались более одиноки, чем мы можем себе представить — нам ведь известно неисчислимое множество обитаемых миров. Древние углубились в себя, целенаправленно, поколение за поколением, стали развивать свой интеллект, поскольку больше общаться им было не с кем... Как бы мне хотелось послать тебе точную запись тех объяснений, что я услышал от Джаана!

Потом что-то случилось. Джаан говорит, что он еще не в состоянии уяснить себе, что именно. Произошел раскол, длящийся уже миллионы лет: не идеологические расхождения, как мы их себе представляем, но возникновение двух различных путей восприятия реальности, оценки ее. Эти течения видят разные цели существования вселенной. Я не рискнул бы сказать, что одно из них — добро, а другое — зло; можно лишь утверждать, что они несовместимы друг с другом: Ян и Инь, хотя невозможно определить, какое из них Ян, а какое — Инь*.

В самом грубом приближении, наши Древние видят цель жизни в распространении сознания, интеллекта, преобразении всего материального, слиянии разумов в Единство не только в нашей Галактике, но во всем космосе, так что окончательный коллапс Вселенной станет не концом, но началом. Другие же Древние ищут мистического слияния с энергией... всеобъемлющего ощущения рока... хотя, наверное, и нельзя их по справедливости назвать стремящимися к смерти.

Джаану нравится древнее высказывание, идущее еще с Терры; он говорит, оно очень подходит нашим Старейшим: “Бороться и искать, найти и не сдаваться”***. А что для Других? Не “Кисмет”****, конечно: это по крайней мере предполагает покорность воле Аллаха, а Другие полностью отрицают существование Бога. Нигилизмом их концепцию тоже назвать нельзя — нигилизм означает стремление к хаосу, возможно, как предпосылке возрождения. Цель Других настолько чужда... Я попробую ее назвать, хотя и знаю, что не прав: они видят в подъеме, упадке и полном исчезновении жизни единственную реальность, а единственную цель — в том, чтобы наиболее гармонично вписаться в этот цикл.

* Инь и Ян — основные понятия древнекитайской натурфилософии: полярные первоначала (темное и светлое, женское и мужское, пассивное и активное).

** Цитата из письма капитана Скотта, исследователя Антарктиды.

*** Судьба, рок (*араб.*). В мусульманстве — «Да свершится воля Аллаха».

В противоположность этому жизнь, согласно взглядам Старейших, говорит Джаан, создаст в конце концов Бога, *станет* Богом.

Так что Старейшие внимательно наблюдают за появлением новых разумных рас на планетах, помогают, направляют, иногда даже сами создают их, как, например, дидонцев. Они, правда, не в состоянии уследить за всем; так, они не знали о возникновении человечества. Другие ведь тоже не сидят сложа руки и где только могут вставляют Старейшим палки в колеса.

Между ними не то чтобы война — по крайней мере не война в нашем понимании. Все происходит на другом уровне.

Опять приведу аналогию. Ты можешь оказаться на пороге принятия жизненно важного решения — решения, которое определит все твое будущее. Ты рассматриваешь разные варианты, ты сражаешься с собственными эмоциями — но все это у тебя внутри. Снаружи ничего не заметно.

Однако на исход борьбы на самом деле влияет не только твой рассудок: телесная болезнь порождает болезненные мысли. На клеточном уровне твои лейкоциты и антитела ведут беспощадную борьбу с вторжением чужаков. И исход этого сражения имеет очень даже большое значение для того, что происходит у тебя в голове — для того, какое решения ты примешь. Понимаешь?

Так и тут. То, что совершает разумная жизнь (я имею в виду мыслящих существ в нашем понимании — Старейшие и Другие находятся на постинтеллектуальном уровне), имеет решающее значение. Крошечная песчинка в масштабах Галактики — наш Эней — может склонить чашу весов в нужную сторону. Эффект этого будет расти как снежный ком. Точно так же, как произошло с космическими путешествиями: сначала немногие расы вышли в космос, потом другие — и вот течение истории необратимо изменилось. Если немногие мыслящие виды вступят на совершенно новый путь эволюции, это будет означать, что рано или поздно на него вступят и остальные.

Будет ли это путь Старейших или путь Других? Сломаем ли мы удерживающие нас стены и достигнем ли, хоть и ценой огромных страданий, приобщения к бесконечности? Или пойдем по пути гармоничного и прекрасного полного исчезновения?

Ты понимаешь, что я хочу сказать? Слова “позитивное” и “негативное”, “активное” и “пассивное”, “эволюция” и “нигилизм”, “добро” и “зло” ничего не значат в этом контексте. Невообразимо далеко за пределами нашего понимания существуют два противоположных пути восприятия действительности. Который из них мы выберем?

Необходимости делать выбор нам не избежать. Мы можем признать чью-то власть, согласиться на ограничения, выполнять инструкции; мы можем пойти на компромисс; мы можем прожить свою жизнь в безопасности. Это будет победа Других в известной нам части космоса: так случилось, что *Homo sapiens* — вид, играющий здесь ведущую роль. Или мы можем выбрать рискованный путь, сражаться за свободу, и, если победим, надеяться, что Старейшие возвратятся и поднимут нас, своих детей, на совершенно новый уровень — тогда мы станем чем-то гораздо большим, чем могли бы стать без их помощи.

Так говорит Джаан. Таня, дорогая, я просто не знаю...»

Татьяна подняла глаза от письма. В ее сознании вспыхнуло:
«А я знаю. Теперь знаю».

Номи со своими детьми жила в двухкомнатной глинобитной лачуге в нижнем конце Серого Проезда. Нищета мельтешила и галдела вокруг; она не воняла только потому, что запахи грязных тел (вода для мытья была здесь непозволительной роскошью) и помоев немедленно уносились сухим воздухом пустыни. Впрочем, нищих здесь не было: Компаньоны заботились о самых неимущих, давали им такую работу, с которой те могли справиться. Но одетые в лохмотья фигуры заполняли весь этот квартал: всюду шныряющие вопящие дети, женщины с тяжелыми ведрами и корзинами, мужчины, занятые каждый своим ремеслом: поденные рабочие, погонщики мулов, носильщики, грузчики, мясники, красильщики, жрецы, уличные певцы, торговцы, пронзительными голосами предлагающие свои убогие товары. Среди этих облезлых коричневых стен, в лабиринте кривых улочек с утоптанной до твердости железа землей Айвар чувствовал себя более одиноким, чем если бы снова оказался в пустыне Айронленда.

Но мать пророка заставила его забыть унылые впечатления. Они с Айваром мельком уже встречались раньше. Сегодня, когда Айвар спросил Джаана, Номи ответила, что тот отсутствует, и пригласила гостя подождать сына за чашкой чая. Айвар чувствовал себя обманщиком, потому что заранее узнал о назначенной пророком встрече с учениками: Джаан не столько просвещал их, сколько, говоря с ними, пытался понять себя в единении с новой частью собственной личности.

«Но я должен больше узнать и больше понять, прежде чем решусь на тот решительный шаг, которого он от меня добивается. И кто лучше сможет объяснить мне, что Джаан в действительности собой представляет, чем эта женщина?» — думал Айвар.

Номи была дома одна, ее младшие дети еще не вернулись — кто с работы, кто из школы. Когда дверь на улицу была закрыта, в лачуге стало тихо. Пыльные лучи солнца пробивались сквозь узкие застекленные окна: немногие орканцы могли позволить себе витрил. В маленькой комнате было прохладно, и хотя здесь было много мебели, благодаря опрятности помещение не казалось тесным. Ткацкий станок Номи с незаконченным куском материи пастельных тонов возвышался в одном углу. В другом разместились примитивные кухонные принадлежности. Кровати Номи и ее старшего сына занимали большую часть остающегося пространства. В центре комнаты стоял дощатый стол и скамейки, на одну из которых Номи и усадила своего гостя. В комнате пахло вяленным мясом и сушеными овощами — запасы провизии занимали полки на стене. Через открытую в другое помещение дверь были видны койки младших детей — места для чего-либо еще во второй комнате просто не было.

Номи бесшумно двигалась по глинобитному полу, заваривая чай, а потом, шелестя юбками, уселась за стол напротив Айвара. Она была красавицей в молодости, да и теперь еще ее увядшее лицо сохраняло привлекательность. Ее бледность лишь подчеркивала красоту великолепных серых глаз, таких же, как у Джаана. Синее платье из дешевой ткани, капюшон, ношения которого от вдов требовала традиция, не портили ее: в Номи было слишком много гордости, чтобы оставалось место для тщеславия.

Пока женщина заваривала горький орканский чай, они с Айваром говорили о незначительных местных новостях. Номи знала, кто такой Айвар: по словам Джаана, тот ничего не скрывал от матери, которая умела хранить секреты. Айвар извинился:

— Я не хотел бы отрывать тебя от работы, госпожа.

Она улыбнулась:

— Это очень желанное отвлечение, Наследник.

— Но ведь... ты этим зарабатываешь на жизнь. Если ты предпочитаешь ткать, пока мы разговариваем...

Номи засмеялась:

— Прошу тебя, не лишай меня предлога побездельничать.

— Ох. Я понял... — Айвар терпеть не мог что-нибудь выпытывать и знал, что делает это неуклюже. Но ведь нужно же как-то начать... — Мне просто казалось... что вы небогаты. Я имею в виду... Джаан теперь ведь не делает обувь — с тех пор как это случилось с ним.

— Нет. Теперь у него более высокая цель. — Напыщенность собственной фразы насмешила ее.

— Э-э... он ведь не требует подношений, мне говорили. Разве это не делает вашу жизнь более трудной?

Номи покачала головой:

— Два его брата уже достаточно взрослые, чтобы подрабатывать. Они были бы готовы работать весь день, но я этого не допущу: они должны получить образование. И... последователи Джаана помогают нам. Немногие из них могут себе позволить крупные траты, но они приносят еду, делают то, что нам нужно, не беря за это денег. Так что мы обходимся.

Легкий тон ей больше не давался. Нахмутив брови, Номи долго смотрела в свою чашку, прежде чем продолжила:

— Мне было не так уж легко принять это сначала. Мы всегда держались особняком — и мои родители, и родители Гилеба, да и сами мы, с тех пор как поженились. Но то, что делает Джаан, так важно... Моя покладистость — небольшая плата за это.

— Значит, ты веришь в Каруита?

Номи подняла глаза на гостя. Айвару было трудно выдержать ее взгляд.

— Как же я могу не верить своему собственному сыну?

— Да, конечно, госпожа, — заикаясь, пробормотал Айвар. — Прости меня, если я кажусь... Видишь ли, я здесь чужой, да и с Джааном знаком всего несколько дней. Ты знаешь его, поэтому у тебя есть возможность судить, не является ли он... жертвой заблуждения. У меня такого знания нет, по крайней мере пока...

Номи оттаяла, наклонилась через стол и похлопала Айвара по руке.

— Конечно, Наследник. Ты правильно делаешь, что спрашиваешь. И я рада, что в тебе Джаан нашел верного товарища, который ему так нужен.

«Нашел ли?» — усомнился Айвар.

Возможно, она прочла сомнение на его лице, потому что тихим голосом сказала, не глядя на него:

— Почему я должна удивляться тому, что у тебя возникают вопросы? У меня они тоже возникали. Когда он исчез на эти три ужасных дня, а потом вернулся совершенно изменившийся... Да, я думала тогда, что с ним случилось кровоизлияние в мозг, и плакала о своем первенце, таком работающем, так мало получившем от жизни...

Потом я стала понимать, что он оказался избранным — как ни один человек нигде и никогда. Но это не было радостью для меня, Наследник — такой радостью, которую знаем мы, люди. Его слава так же ослепительна и так же жестока, как солнце. Скорее всего ему придется умереть. Только прошлой ночью мне приснилось, что он снова стал Джааном Сапожником, женился на девушке, которую я для него присмотрела, и я держу на руках их первенца.

Я проснулась, смеясь... — Пальцы Номи стиснули чашку. — Этому не суждено случиться, конечно.

Айвар так и не узнал, хватило ли бы у него духа расспрашивать дальше. Его выручило появление Робхара, самого младшего из апостолов.

— Я подумал, что ты можешь быть здесь, господин, — выпалил мальчик, отдышавшись. Хотя Джаан и представил Айвара своим ученикам под фальшивым именем, все видели, какую важную роль он играет. — Каруит придет, как только сможет. — Робхар протянул конверт. — Это тебе.

— Э-э? — вытаращил на него глаза Айвар.

— Компаньоны, посланные в Новый Рим, вернулись, господин, — объяснил мальчик, чуть не лопаюсь от возбуждения. — Они привезли тебе письмо, посланец передал его Каруиту, а тот велел мне вручить его тебе.

На конверте значилось: *Херазу Хиронссону*. Айвар вскрыл конверт. В нем оказалось несколько мелко исписанных страниц; на последней стояла четкая подпись: *Таня*. В его собственном письме говорилось о том, кому следует адресовать ответ.

— Простите меня, — пробормотал Айвар, садясь и начиная читать.

Прочтя послание, он несколько минут сидел неподвижно, с непроницаемым лицом. Придумав предлог уйти, он попрощался, пообещал найти Джаана попозже и поспешно вышел. Ему многое предстояло обдумать.

Глава 19

Никто, кроме нескольких высших офицеров Компаньонов, не знал, кто такой Айвар. В присутствии других они называли его Херазом. Айвар как можно реже показывался на людях, обедал с Иаковом в покоях главнокомандующего, ночевал в комнате рядом и пользовался мало посещаемыми коридорами и залами для своих вылазок. В этом огромном наполовину необитаемом лабиринте было легко никому не попадаться на глаза. Члены ордена знали, что у их командира гостит важная особа, но строгая дисциплина не позволяла им сплетничать об Айваре.

Таким образом, Айвар и Иаков спустились в помещение, используемое как ангар, никем не замеченные. Джаан был уже там: за ним послали гонца. Часовой отдал честь, когда три человека сели во флиттер; ему, конечно, многое пришлось в голову, но можно было быть уверенными, что он не проговорится. Створки ворот скользнули в стороны. Морщинистые руки Иакова умело

управлялись с приборами. Флиттер взмыл вертикально вверх, поднялся на километр и лег на курс в южном направлении.

К концу дня ветер усилился. Он завывал вокруг флиттера, содрогавшегося от сильных порывов. На стальной поверхности моря Орка появились барашки, волны с грохотом разбивались о берег. Брызги, летевшие на скалы, тут же высыхали и покрывали их коркой соли. Утесы континентального шельфа казались красноватыми в косых солнечных лучах, пробивавшихся сквозь пелену пыли. Тучи песка, поднятые ветром, выбрасывали вверх тонкие струи, желтевшие на фоне сине-черного неба.

Иаков включил автопилот и развернул сиденье так, чтобы видеть своих спутников.

— Ну вот, мы выбрали такое место для разговора, как ты хотел, Наследник, — сказал он. — Теперь расскажи, в чем дело.

Айвар чувствовал себя как на иголках. Он перевел взгляд на спокойное лицо Джаана, но вспомнил, что кроется за этой мирной внешностью, поежил и стал смотреть сквозь колпак флиттера на водный простор, над которым они летели.

«Можно подумать, что эти двое мне по зубам», — сказал он себе в отчаянии. — «Что ж, больше некому этим заняться. Некому во всей бескрайней Вселенной». — Как защиту от одиночества он лелеял надежду, что его спутники на самом деле окажутся его товарищами в борьбе за свободу.

— Э-э... я опасался шпионов, подслушивающей аппаратуры.

— Только не в моей части Арены! — рявкнул Иаков. — Ты же знаешь, как часто и тщательно мы все проверяем.

— Но терране имеют ресурсы... ресурсы целой Империи. У них может быть что-то, о чем мы и не подозреваем. Вроде телепатии. — Айвар заставил себя повернуться к Джаану. — Ты же читаешь мысли.

— В определенных пределах, — ответил пророк осторожно. — Я ведь объяснял.

Да. Он водил меня в глубь горы и показывал машину — прибор — нечто, по его словам, сохранившее запись личности Каруита. Он не позволил мне ничего трогать — за это его трудно винить; да я и сам был рад предлогу держаться от этой штуки подальше. Там он действительно мог читать мои мысли. Я проверял это всеми способами, какие только мог придумать, и он пересказал мне, о чем я думал тогда, и даже то, что я сам не осознавал, что думал. Да.

Ему, наверное, и не нужна была телепатия, чтобы заметить мои оскорбленные чувства. Он тогда улыбнулся и сказал: «Не бойся. У меня всего лишь человеческий организм, и я не наделен даже теми незначительными способностями к телепатии, которые встречаются у более одаренных людей. Сам по себе я могу не больше, чем

ты, Наследник». И грустно продолжал: «Подумай, как тяжело Каруиту: он как будто слеп или глух в моем теле. Но он терпит. То, что он воспринимает телепатически, помогает ему более полно представить действительность. И здесь, в этой комнате...» В голосе Джаана зазвучало ликование: «Здесь хранилище его прежней личности действует как усилитель, как передатчик, как живой мозг представителя его вида. Там, куда распространяется действие аппарата, Каруит-Джаан становится частью того, чем он должен быть по праву; чем он станет опять, когда его народ вернется и дарует ему соответствующее тело».

Я могу верить по крайней мере в часть сказанного Джааном: хотя искусственное усиление телепатических способностей и передача мозговых волн не по силам терранской науке, я читал о таких экспериментах, — в прошлом, когда терранская наука была менее консервативной, чем сейчас. Такая технология не очень далека от современного уровня наших возможностей: она в большей мере зависит от инженерных разработок, чем от научного поиска.

Конечно, это ерунда по сравнению с записью индивидуальности в целом и с наложением записи на нервную систему представителя совершенно другого вида...

— Ну вот, — сказал Айвар вслух, — если ты с помощью артефакта, предназначенного для совсем других организмов, можешь читать мысли в радиусе нескольких сотен метров, то наверняка существо, одаренное телепатически, может делать это и на большем расстоянии.

— В наших краях нет негуманоидов, — сказал Иаков.

— За исключением Эранната, — напомнил Айвар.

Не дрогнуло ли лицо старика? Не поморщился ли Джаан?

— Ах да, — согласился главнокомандующий. — Временное исключение. Но все равно — ни в Арене, ни в городе нет представителей другого разумного вида.

— Это могут быть и люди-мутанты, целенаправленно созданные и заброшенные сюда. — Айвар пожал плечами. — А может быть, телепатия тут совсем ни при чем: какой-нибудь маленький приборчик, который не обнаруживается детекторами. Повторяю: вы, вероятно, не представляете себе в полной мере, какое разнообразие видов и технологий существует на тысячах планет Империи. Да за этим и никто не может уследить. Терране вполне могут привезти для нас какой-нибудь сюрприз с другого конца Империи. — Айвар вздохнул. — Или... пожалуйста, можете считать меня параноиком, а этот наш полет — ненужной предосторожностью. Возможно, в этом вы окажетесь правы. Но дело в том, что я должен принять решение — которое касается не только лично меня, но и всего нашего общества, — и я буду чувствовать себя

спокойнее, если смогу обсудить его с вами вдали даже от воображаемых подслушивающих устройств.

«Вроде того; которое может находиться внутри Маунт Хронос. Но кто бы или что бы там ни крылось, наверное, последние часы мои мысли не прослушивались — иначе подозрения, возникшие у меня после письма Тани, уже привели бы к моему аресту», — подумал Айвар.

Джаан проницательно посмотрел на него:

— Не возвращение ли нашей делегации из Нового Рима навело тебя на такие мысли? — Айвар энергично закивал. — Письмо, которое ты получил от своей невесты...

— Я уничтожил его, — сказал Айвар, понимая, что скрыть это не удастся, если его попросят показать письмо. — Там были очень личные вещи. — Его спутники не удивились: так поступил бы любой северянин. — Однако, как вы понимаете, там было и другое: она сообщает о своих связях с освободительным движением. Татьяна пишет, что мое письмо, а также разговор с вашим офицером убедили ее, что наши интересы совпадают — и вы, и мы хотим сбросить узду Империи.

— И теперь ты хочешь узнать подробности, — сказал Иаков.

Айвар снова кивнул:

— Конечно, сэр. Особенно учитывая, что комиссар Десаи, похоже, согласится с вашим планом. А это значит, что здесь появятся терране — обсуждать меры, необходимые для экономического развития здешних краев. Что это может дать делу освобождения?

— Я же объяснял, — терпеливо сказал Джаан. — Это план Каруита, он имеет дальний прицел: свои проблемы при помощи оружия нам не решить. Стоит нам выступить, прежде чем все будет готово, и Империя раздавит нас, как стафа песчаную блоху.

План Каруита...

Флиттер пересек море Орка и сельскохозяйственные земли на его южном берегу и теперь летел над пустыней, по сравнению с которой Кошмар Айронленда показался бы цветущим. Источенные эрозией скалы поднимались над пепельно-серыми дюнами; пыль струилась и свивалась в воронки вихрей. Айвар заметил тонкие, как водоросли, кости морского чудища, обглоданные ненасытным ветром пустыни — единственный знак того, что жизнь здесь когда-то существовала. Вергилий стоял низко над горизонтом, свирепо сверкая сквозь пелену песка; завывания ветра усиливались.

— Это кажется нереальным... Идея чересчур хитро закрученная. Способен ли разум негуманоида так глубоко проникнуть в человеческий характер? — с беспокойством спросил Айвар.

— Не забывай, благодаря мне он наполовину человек, — ответил Джаан. — Да и миллионлетняя история многому его научила. Человек не так уж уникален среди других мыслящих существ. Каруиту видно сходство между расами, которого мы не замечаем.

— Мне тоже не хватает терпения так долго ждать результатов, — вздохнул Иаков. — Так хотелось бы увидеть нашу землю свободной, но едва ли я доживу... Однако Каруит прав. Мы должны хорошо подготовиться, связаться со всеми энейцами, чтобы, когда день придет, все поднялись разом.

— Развитие торговли как раз для этого и нужно, — подтвердил Джаан. — Орканцы будут путешествовать по всей планете, будут встречаться с разными народами, будут зажигать в них огонь веры. О, мы не станем рассылать проповедников; торговцы должны просто заключать сделки и говорить с людьми. Но в разговоре они неизбежно коснутся того, что происходит у нас, это вызовет интерес, и северяне, тинераны, речной народ станут приглашать друзей послушать чужестранца.

— Да, я обо всем этом слышал, — сказал Айвар, — но мне многое остается непонятным. Ведь вы же не ожидаете массового обращения в орканскую веру? Уверяю вас, это невозможно. Сложившиеся на Энее культуры слишком привержены собственным верованиям — мировым религиям, язычеству, космогнозису, культу предков.

— Конечно, — мягко ответил Джаан. — Но разве ты не понимаешь, Наследник, что тут главное — убежденность? Орканцы своими наставлениями и личным примером заставят всех энейцев удвоить рвение. И ведь ничто в моих словах не противоречит основным догматам их веры — какова бы она ни была. Скорее уж возвращение Старейших — это исполнение всех надежд, хотя они у каждого свои.

— Я знаю, я знаю. Прости меня, но я скептик от природы. Впрочем, это ничего не значит. Думаю, что такой план не принесет вреда, а может быть, как ты говоришь, и послужит поддержанию духа энейцев. Но какая роль отводится мне? Что должен делать я все это время?

— В не очень отдаленном будущем, — вступил в разговор Иаков, — ты поднимешь знамя борьбы за независимость. Сначала, правда, нужно все подготовить: не годится рисковать тем, что тебя сразу же схватят враги. Скорее всего тебе предстоит провести годы вдали от Энея: то ли возглавляя партизан на Дидоне, то ли посещая другие планеты в поисках поддержки.

Айвар собрался с духом и спросил:

— Например, Ифри?

— Н-ну... да, — Иаков колебался долю секунды. — Да, мы могли бы получить помощь Владения, но только не для маленькой кучки бунтовщиков, а позже, когда наша победа станет более вероятной. — Иаков наклонился вперед: — Для начала, если говорить откровенно, тебе следует играть роль овода: ты должен будешь отвлечь внимание Империи от путешествий орканцев по планете. Тебе не следует рассчитывать на большее, по крайней мере в течение ближайших лет.

— Не знаю... — сказал Айвар со всем упрямством, которое смог заставить себя проявить. — Мы могли бы получить тайную помощь от Ифри и раньше, возможно, совсем скоро. Некоторые намеки, которые вырвались у Эранната... — Айвар выпрямился на своем сиденье. — Почему бы не поговорить с ним прямо сейчас?

Джаан отвел глаза. Айвару ответил Иаков:

— Боюсь, что это невозможно в настоящий момент, Наследник.

— Почему? Где он?

Иаков придал лицу выражение суровости.

— Ты же сам беспокоился о том, что враги могут нас подслушать. Чего ты не знаешь, о том ты не можешь проговориться. Я настаиваю, чтобы ты не проявлял любопытства в этом вопросе.

Айвар почувствовал ледяной озноб, как будто ветер, завывавший снаружи, ворвался внутрь флиттера. Надо убедительно разыграть покладистость и спокойствие...

— Ладно.

— Пожалуй, пора возвращаться, — сказал Иаков. — Скоро стемнеет.

Он потянулся к панели управления и развернул флиттер. Сумерки уже заполняли кабину: буря приближалась. Айвар был рад тому, что темнота скрывает его лицо. Но сердце его колотилось так громко, что едва ли шум ветра мог заглушить его стук... Он медленно произнес:

— Ты знаешь, Джаан, есть одна вещь, о которой я никогда ничего не слышал. Как выглядят Старейшие?

— Какое это имеет значение? — был ответ. — Они скорее разум, чем тело. Да и их Единство включает представителей разных видов. Вспомни о дидонцах. В конце концов все расы объединятся воедино.

— Угу. Но все равно: мне любопытно. Как выглядело то тело, интеллект которого записан машиной?

— Э-э... ну...

— Давай. Может быть, орканцы в своем неприятии изображений человека и не спрашивали тебя об этом. Но другие энейцы не

такие, уверяю тебя, приятель. Они спросят. Так почему бы не рассказать мне?

— Э-э... хм-м... — наконец Джаан сдался. Он казался несколько растерянным, как если бы сознание, соседствующее с его собственной личностью, было ослаблено расстоянием от источника, скрытого глубоко под горой. — Хорошо... Он мужского пола, всего полов у них два, они теплокровные, но не млекопитающие. Их вид происходит от орнитоидов... они во многом похожи на человека, но гораздо изысканнее и красивее... Лицо тонкое, голос похож на музыку... Нет, — оборвал себя Джаан. — Я больше ничего не скажу. Это не имеет значения.

«Ты сказал достаточно», — подумал Айвар.

Он мало говорил другу с другом на обратном пути. Когда флиттер начал спускаться к Арене — черной громаде, испещренной немногими огнями, Наследник заговорил:

— Пожалуйста, мне нужно побыть одному и подумать. Я привык принимать важные решения в одиночестве и на просторе. Нельзя ли мне взять этот флиттер? Я долечу до тихого места, сяду, посмотрю на луны и звезды... Я вернусь к рассвету и сообщу вам о своем решении. Хорошо?

Он заранее составил и отрепетировал в уме эту свою речь. Иаков не возражал; Джаан с симпатией похлопал Айвара по плечу.

— Конечно, — сказал пророк. — Да пребудут с тобой мужество и мудрость, мой друг.

Высадив остальных, Айвар быстро поднял машину и заложил резкий вираж в своем нетерпении убраться подальше. Его преследовал страх погони.

«Они не непогрешимы, — подумал он сурово. — Я захватил их врасплох. Джаану следовало бы заранее придумать описание Карунта — какое угодно, только не соответствующее действительности. То, что он сказал, совпадает с описанием мерсейского агента, которое Таня сообщила мне со слов Десаи».

После заката леденящий ветер наполнил воздух вокруг подножия горы тончайшей пылью. Звезды скрылись за этой пеленой; полумесяц Лавинии был виден, но практически не давал света. Огоньки в деревнях и фермах на холмах не были видны тоже; видимость ограничивалась несколькими метрами.

Совершая посадку вслепую, только по показаниям приборов, Айвар подумал, что в этом ему, пожалуй, повезло. Его никто не увидит, так что можно приземлиться рядом со входом; в противном случае пришлось бы оставить флиттер за горным кряжем или в зарослях кустарника и пробираться несколько километров пешком. Впрочем, выбора у него не оставалось: пройти сколько-

нибудь заметное расстояние во время песчаной бури без специальных приборов (а их у Айвара не было), не сбившись с дороги, было почти невозможно. Но, приземлившись так близко от города и Арены, Айвар рисковал другим: радар сторожевого поста мог засечь его флиттер, а патруль — задержать его.

В конце концов, худшее, что его ожидает — это безропотное возвращение под конвоем в собственные покои. Айвар с радостью обнаружил, что больше не чувствует страха, как не ощущает и голода и жажды, оставшись без ужина: захлестнувшее его возбуждение вытеснило все остальное. Юноша натянул защитную одежду — обязательную принадлежность любой вылазки в пустыню, — открыл дверцу и прыгнул на землю.

Вой урагана оглушил его. Айвар почувствовал леденящий холод и металлический запах пустыни. Летящий со страшной скоростью песок жалил лицо. Айвар поправил ночную маску и на ощупь двинулся вперед.

Некоторое время юноша беспокоился, не сбился ли он с дороги, несмотря на все свои предосторожности. Но тут он ушиб ногу о груды камней, сложенную у входа в недавно откопанный туннель. Отверстие чернело прямо перед ним — тот самый вход, через который его водил Джаан.

Айвар, пока не углубился на несколько шагов в коридор, не включал фонарика, который захватил с собой из флиттера. Крепко сжимая его в одной руке, другой он нащупал шеколду.

Сделанная рабочими дверь была всего лишь защитой от непогоды; замок был не нужен — благоговение местных жителей перед древностями было им достаточной защитой. Закрыв за собой дверь, Айвар внезапно окунулся в стылую тишину и тьму, нарушаемую лишь слабым лучом его фонарика. Дыхание Айвара в этом безмолвии казалось чересчур громким. Юноша нащупал тяжелый нож на поясе, захваченный им с собой из Виндхоума, и это придало ему уверенности. Нож, однако, был его единственным оружием: захвати он в поездку с Иаковом и Джааном что-нибудь еще, это немедленно вызвало бы подозрения.

Что я найду?

Может быть, и ничего. Я, конечно, получше рассмотрю машину Каруита, но у меня нет никаких инструментов, чтобы вскрыть ее и попытаться разобрать. Что же касается возможности найти еще что-нибудь... Эти коридоры бесконечны, они расходятся в дюжине направлений...

«Тем не менее эти туннели — куда никто не ходит, пока продолжают раскопки, — самое подходящее место, чтобы спрятать то, что нужно спрятать, — размышлял Айвар. — К тому же, — его взгляд задержался на отпечатках в миллионлетней пыли (совсем

как на Луне, после того как там впервые появился человек), — я могу обнаружить следы, и они покажут мне, куда пошел тот, кто был здесь раньше меня».

Айвар двинулся вперед. Его шаги гулко отдавались под вековыми сводами.

Почему я делаю все это? Потому что тут могут быть замешаны мерсейцы? Разве это так уж плохо? Вот Таня, например, очень обрадована такой возможностью. Она считает, что Ройдхунат может и в самом деле прийти нам на помощь, и надеется, что мне как-то удастся наладить контакт с этим агентом.

Но ведь нам может помочь и Ифри. В таком случае почему вожжи орканцев не позволяют мне видаться с Эраннатом? Их отговорки неубедительны.

А если Древние используют в своих целях мерсейцев, как это себе вполне можно представить, зачем они обманывают Джаана? Разве ему не следовало бы знать правду?

А может быть, он все знает? Ведь такой информацией не стоит делиться. Терранская Империя может отмахнуться от учения Джаана, как от еще одного местного культа, который не стоит того, чтобы с ним бороться, но только не в случае, если она заподозрит участие мерсейцев. Так что вполне возможно, что Джаан говорит не все. Только в это как-то трудно поверить. Он слишком искренен, слишком увлечен, слишком — да, слишком растерян, чтобы вести двойную игру.

Я обязательно должен докопаться до правды, иначе грош мне цена как предводителю.

Айвар продолжал углубляться во тьму.

Глава 20

Спустившись почти на километр, Айвар остановился у входа в комнату, где Джаан пережил свое озарение. Но он лишь беглым взглядом окинул высящееся перед ним загадочное металлическое сооружение и снова сосредоточился на следах на полу.

Здесь в последние месяцы было достаточно посетителей, и многочисленные отпечатки в пыли накладывались друг на друга. Айвар двинулся дальше по коридору. Луч фонарика в последний раз блеснул на машине Каруита, потом она снова утонула во тьме. Колеблющийся круг света вырывал из мрака очень маленькую площадь. Теперь, когда Айвар продвигался медленно и осторожно, тишина была почти всеобъемлющей. Слышался только стук его сердца: пусто-пусто, пусто-пусто, пусто-пусто...

Через несколько метров путаница следов кончилась. Айвар не удивился бы, если бы обнаружил отпечатки ног: и Джаан, и те

Компаньоны, которых он приводил сюда, наверняка ходили вокруг. Что его насторожило, так это неожиданная чистота. Пол был тщательно выметен.

Айвар остановился и несколько минут размышлял. Когда он двинулся дальше, его правая рука сжимала нож.

Вскоре коридор разделился на три. Было естественно предположить, что дальше никто не ходил: исследование лабиринта внутри горы — дело для хорошо оснащенной научной экспедиции; и можно не сомневаться, что никаких ученых еще долго сюда не пустят. Айвар заметил, что метла — или что бы это ни было — прошла по началу всех трех ответвлений.

«Вполне разумно, — мелькнула мысль. — Посетители вряд ли заметят, что тут мели, если только не дойдут до резкой границы, где разница между слоем пыли и выметенным полом очевидна. Или если они не будут предполагать, вроде меня... предполагать, что потребовалось уничтожить слишком необычные следы».

Айвар обошел все три ответвления и обнаружил, что в двух из них рукотворная чистота быстро кончается. Дальше тянулся нетронутый слой пыли. Третий коридор был выметен на значительно большем расстоянии, но, с тех пор как там появились последние отпечатки, уборка не производилась. Две цепочки следов принадлежали людям, третья — ифрийцу; только человеческие следы вели обратно. На эти отпечатки накладывались еще одни, которые, таким образом, были позднейшими.

Это были следы птичьих лап.

Айвар снова остановился. Его пробрал озноб.

«Может, мне следует повернуться и бежать отсюда? Только куда бежать? И Эраннат...» — Последняя мысль оказалась решающей. Какие еще друзья остаются у свободолюбивых энейцев? Если, конечно, ифриец жив...

Айвар двинулся дальше. Он миновал две открытые в коридор двери, посветил в них фонариком, но разглядел лишь пустые помещения странной формы.

Затем пол круто пошел вниз, и, обогнув угол, Айвар увидел струящийся сквозь арку тусклый желтый свет.

Юноша не дал себе времени испугаться, выключил фонарик и подкрался к арке. Готовый кинуться на врага, он заглянул в помещение.

Еще одна комната, на этот раз восьмиугольная, с высоким куполообразным потолком, метров семи в длину. Тяжелые холодные неподвижные тени лежали по стенам. Их отбрасывал массивный стальной стол, к которому были прикреплены лампа, переносное санитарное устройство и метровая цепь. На крышке стола

оказались кувшин с водой и стакан, на полу — матрац, единственная отрада для глаз в радужной безжизненности помещения.

— Эраннат! — вскрикнул Айвар.

Ифриец, сгорбившись, сидел на матраце. Его перья утратили блеск и были взъерошены, голова походила на череп. Цепь была прикреплена к кольцу, охватывающему его левое запястье.

Айвар вошел в комнату. Ифриец стряхнул с себя дремоту и узнал его. Гребень встал торчком, золотые глаза загорелись.

— Хиайя, — выдохнул он.

Айвар опустился на колени и обнял друга.

— Что они сделали с тобой! — выкрикнул он. — Почему? Боже, что за подонки...

Эраннат встряхнулся. В его хриплом голосе зазвучала сила.

— Сейчас не время для сантиментов. Зачем ты пришел сюда? За тобой следили?

— У... у меня возникли подозрения. — Айвар опустился на пол и обхватил колени руками, борясь с потрясением. Весь вид узника говорил о том, что времени терять нельзя: все его перья трепетали. Кому лучше знать, что за опасности грозят им в этом склепе? Когда еще ум Айвара не работал так быстро.

— Нет, — продолжал он, — не думаю, что и они в свою очередь подозревают меня. Я нашел предлог, чтобы вылететь на флиттере одному, вернулся и приземлился под прикрытием песчаной бури. Поблизости никого не было, когда я входил в туннель. Меня навело на размышления письмо, которое я сегодня получил от своей девушки. Она узнала, что на Энее находится мерсейский секретный агент, обладающий большой телепатической силой. Его описание соответствует тому, что Джаан рассказывает о Каруите. Я сразу подумал, что Джаана жестоко разыграли. Если бы он был менее деликатен и прочел письмо... Ну а я письма никому не показал и постарался держаться подальше от Арены, пока не пришло время заняться здесь поисками.

— Ты поступил правильно. — Эраннат погладил когтями голову Айвара, и тот понял, что это такая же честь, как посвящение в рыцари. — Будь осторожен. Айхарайх где-то поблизости. Будем надеяться, что он сейчас спит и не проснется, пока ты отсюда не уйдешь.

— Пока мы не уйдем.

Эраннат хмыкнул. Его цепь зазвенела. Он даже не дал себе труда спросить, как Айвар думает ее перерезать.

— Я схожу за инструментами, — сказал Айвар.

— Нет. Слишком опасно. Ты должен выбраться отсюда и передать известия. Если это тебе удастся, я, возможно, не пострадаю.

Айхарайх не мстителен. Я верю ему, когда он говорит, что ему неприятно меня пытаться.

«Пытать? Но на нем не видно ран... Ох, конечно. Держать вольное небесное создание прикованным, заживо погребенным, день и ночь во мраке, без солнца, звезд, ветра... было бы менее жестоко поджаривать его на медленном огне!» — Айвар задохнулся от гнева.

Эрнанат уловил это и предостерег его:

— Возмущение — сейчас тоже непозволительная роскошь. Слушай. Айхарайх говорил со мной довольно откровенно. Думаю, он чувствует себя одиноким, он ведь тоже заперт здесь и ему нечем себя занять, кроме как изредка дергать за веревочки свою марионетку-пророка. Или, может быть, он рассчитывает, что своими разговорами вызовет у меня ассоциации и таким образом узнает больше из того, что мне известно? Поэтому-то мне и сохраняют жизнь. Он хочет выдоить из меня информацию.

— Что он собой представляет? — прошептал Айвар.

— Он уроженец планеты, которую он называет Херейон, где-то в Мерсейском Ройдхунате. Их цивилизация старая, очень старая, в прошлом могущественная и раскинувшаяся широко. Да, он говорит, что они и есть Строители, Старейшие. Он не захотел сказать мне, что заставило их покинуть другие планеты. Айхарайх признался, что теперь их мало, и та сила, которой они еще располагают, кроется в их мозгу.

— Но ведь они... э-э... не супердидонцы, не объединяющий Галактику интеллект... как верит Джаан?

— Нет. И между ними нет никакого философского конфликта по поводу окончательной судьбы мироздания. Эти рассказы просто нужны Айхарайху для его целей. — Эрнанат наклонился вперед, его голова отчетливо вырисовывалась на фоне теней. — Слушай. У нас в лучшем случае есть всего несколько минут. Не перебивай меня, если тебе все будет понятно. Слушай и запоминай.

Хриплые слова обрушились на Айвара, как осенняя буря.

— На Херейоне сохраняются остатки технологии, о которых сородичи Айхарайха не сообщают своим господам мерсейцам, — если только мерсейцы действительно их господа, а не орудия для достижения собственных целей херейонитов. Тут мне не все ясно, но не будем терять время на гадания. Как и следует ожидать, эта технология имеет отношение к возможностям разума. Херейониты обладают исключительными телепатическими способностями — гораздо большими, чем наша наука считает возможным.

Существует некое всеобъемлющее свойство разума, более глубокое, чем словесное содержание сознания. На близком

расстоянии Айхарайх, как он утверждает, может читать мысли *любого* живого существа — представителя любого вида, говорящего на любом языке. Как мне кажется, он делает это, почти мгновенно анализируя мозговые волны, определяя универсальные составляющие логики и волевых проявлений. Основываясь на этом, он реконструирует целостную структуру сознания — как если бы его нервная система была не просто чувствительна к излучению другого мозга, а представляла собой органический семантический компьютер, фантастически более мощный, чем все, что удалось создать Технической цивилизации.

Впрочем, это неважно. Природные особенности, естественно, привели к тому, что херейониты сосредоточили усилия своей науки на психологии и неврологии. Эта наука, как и вся их цивилизация, уже многие миллионы лет является окаменевшей, утрачивающей знания, умирающей... Возможно, только Айхарайх еще что-то пытается делать, пытается воспрепятствовать исчезновению своего народа. Не знаю. Но я точно знаю, что он служит Ройдхунату как секретный агент. В числе прочего в его обязанности входит вредить Терранской Империи всюду, где это только возможно.

Во времена Снелунда он интересовался сектором альфы Креста. Проникнуть сюда было нетрудно, поскольку пороки управления привели к расхлябанности и безалаберности. Конфликт из-за Джиханната достиг максимума, и Мерсейя нуждалась в том, чтобы трудности на этой границе отвлекли Терру.

Айхарайх тогда тайно побывал на Энее. Он обнаружил здесь больше, чем просто готовность к восстанию: он увидел в энейцах потенциал, который может привести к распаду Империи. Дело в том, что народы планеты, при всех их различиях, одинаково глубоко религиозны. Если дать им единую веру, цель проповедовать ее, они станут фанатиками.

— Нет! — не удержался от протеста Айвар.

— Так думает Айхарайх. Он провел в твоём мире много времени и отдал ему много сил, как ни драгоценен его дар был бы для мерсейцев где-нибудь еще.

— Но... всего одна планета с несколькими миллионами жителей против...

— Культ распространился бы. Айхарайх говорил о воинственных молодых религиях в прошлом Терры — кажется, одна из них называлась ислам, — религиях, благодаря которым безвестные племена достигали мирового господства, потрясали основы могучих государств на протяжении жизни всего одного поколения.

Я *должен* поторопиться. Айхарайх счел, что здесь самое подходящее место, чтобы заронить искру религиозной одержимости —

здесь, где в глубине каждого сознания — вера в Старейших. В Джаане-мечтателе, обстоятельства жизни которого оказались столь типичными для терранского мессии, он нашел необходимый горючий материал.

Сам Айхарайх не способен передать мысль мозгу, не обладающему врожденной способностью к восприятию. Но у него есть машина, с помощью которой он может это сделать. В этом нет ничего фантастического: терранские, ифрийские или мерсейские инженеры могли бы создать подобный аппарат, окажись в этом необходимость. Мы этим особенно не интересуемся, поскольку польза от такой машины была бы для нас незначительна: электронные средства связи больше подходят для нашего образа жизни.

Но что касается Айхарайха... Для эволюции на его планете характерны несколько видов телепатии. Ты помнишь «крадущихся в ночи», которых держат тинераны? Я поинтересовался у Айхарайха, и он признал, что их родина — Херейон. Несомненно, воздействие «крадущихся в ночи» на человека и подсказало Айхарайху его план.

Он заманил Джаана сюда, к своему логову в этих лабиринтах. Он его одурманил и... думал для него... каким-то только ему известным образом... используя свою машину, — до тех пор, пока не впечатал в его сознание ложную память и нужные для осуществления своего плана убеждения. Потом он отпустил свою жертву.

— Искусственно вызванная шизофрения. Раздвоение личности. Человека, который был нормален, заставили слышать «голоса», — Айвара передернуло.

Эранный был менее чувствителен; или он просто уже успел привыкнуть к этому факту здесь, в своей тюрьме? Он продолжал:

— После этого Айхарайх отбыл, у него были и другие дела. То, что он затеял на Энсе, могло дать результат, а могло и не дать. Если нет — Айхарайх не потерял бы ничего, кроме затраченного времени. Но, когда через некоторое время он вернулся, то обнаружил, что его план увенчался полным успехом. Джаан обрел последователей по всем окрестностям моря Орка. Слухи о новом учении распространились по планете — у Джаана оказалось достаточно добровольных апостолов, всегда жадно подхватывающих все, что может пойти на пользу вере, и теперь особенно жаждущих слова надежды.

Конечно, события нужно было направлять искусно и терпеливо, иначе движение могло закончиться ничем, привести всего лишь к появлению новой секты, а не к революции и крестовому походу. Айхарайх наблюдал и планировал, все чаще передавал Джаану через свою машину откровения Каруита...

Ифриец резко оборвал себя и зашипел. Когти его свободной руки резанули воздух. Айвар мгновенно обернулся, вскочил и, пригнувшись, замер у стены.

Стоящая в арке фигура была очерчена слабым светом на фоне вечной тьмы. Айхарайх улыбался. Он был очень похож на человека, высокий и тонкий в своем сером одеянии; но его босые ноги были птичьими, на голове поднимался гребень из голубых перьев. Кожа херейонита имела теплый золотистый оттенок, глаза горели бронзой, тонкое лицо было изысканных очертаний. Одна из изящных рук сжимала бластер.

— Приветствую вас, — почти пропел Айхарайх.

— Так ты проснулся и учуял, — проскрежетал Эраннат.

— Нет, — ответил херейонит. — Мой разум всегда начеку. Поэтому, правда, я подождал, чем закончится ваш разговор.

— И что теперь? — спросил Айвар, чувствуя себя как в кошмаре, от которого никак не удастся пробудиться.

— Ну, это зависит от тебя, Наследник, — с прежней мягкостью произнес Айхарайх. — Позволь мне со всей искренностью приветствовать тебя здесь.

— Но ты же... работаешь на Мерсейю...

Прицел бластера остался точен, но слова Айхарайха не утратили доброжелательности:

— Это правда. Разве ты против? Твое желание — свобода для Энея. Желание Ройдхуната — чтобы Эней получил свободу. Я выполняю это желание.

— Предательством, убийствами, пытками, лишением человека разума...

— Жизнь всегда полна прискорбных потребностей. Не так уж гордись собой, Наследник. Разве ты не готов развязать революцию, которая унесет миллионы жизней, еще миллионы лишит крова и пропитания, сделает гонимыми и несчастными? Я всего лишь помогаю тебе. Что в этом ужасного? Разве то, чего Джаан лишился, не возмещено ему в тысячекратном размере?

— Как насчет Эранната?

— Не теряя время на споры с ним, — хрипло прокаркал ифриец. — Подумай о том, для чего Мерсейе нужны потрясения и распад Терранской Империи. Совсем не ради свободы Энея. Нет, просто так ей легче будет сожрать нас одного за другим.

— Таких слов и следовало ожидать от Эранната, — произнес Айхарайх с легким оттенком насмешки. — В конце концов, он же служит Империи.

— Что? — Айвар дернулся, как будто его ударили. — Он? Не правда!

— Кто еще мог выдать тебя, там, на реке, как только стало точно известно, кем ты являешься?

— Но он же бежал вместе со мной...

— Так уж случилось, что он не мог воспрепятствовать твоему бегству. Поэтому его долг был сопроводить тебя, надеясь, что позже удастся послать еще одно донесение, а тем временем — что ж, тем временем собирать сведения о движении сопротивления. Та же причина побудила его помочь тебе скрыться из табора: тогда он не имел еще полной уверенности в том, кто ты такой.

Мне была известна его цель — ведь я не все время скрывался в подполье, я много путешествовал по этой планете. Поэтому я дал соответствующие приказания Джаану, а он передал их Иакову. — Айхарайх вздохнул. — Все это так неприятно. Но мой долг — получить от Эранната всю информацию, какую только возможно.

— Эраннат, — взмолился Айвар, — это же все неправда?

Ифриец высокомерно поднял голову и ответил:

— Правду ты должен найти в себе, Айвар Фредериксен. Каковы твои намерения — стать еще одной марионеткой Айхарайха или бороться за свой народ?

— Разве есть выбор? — пробормотал херейонит. — Я не желаю тебе зла, Наследник. Но на войне как на войне: отдельная жизнь ничего не значит. Ты присоединишься к нам, полностью и по доброй воле, или умрешь.

«Как я могу решать, чего я хочу? — с отвращением и болью смотрел Айвар в сияющие глаза Айхарайха, глаза, за которыми скрывается этот невероятный интеллект — наблюдающий, ищущий, проникающий в самые сокровенные мысли. — Он ведь будет знать о моих намерениях раньше, чем я сам пойму, чего хочу. — Нож выпал из руки Айвара. — Да и почему бы не подчиниться? Вполне возможно, что так лучше — для Энея, что бы ни говорил Эраннат. А иначе...»

Напряженная тишина как бы взорвалась. Ифриец схватил упавший на пол нож. Балансируя одним крылом, он взмахнул другим, отодвинув Айвара к стене и закрыв от дула бластера.

Айхарайх, по-видимому, сосредоточившись на Айваре, не следил за мыслями ифрийского охотника. Захваченный врасплох, он выстрелил. Луч сверкнул и обрушился на Эранната. Полуослепленный Айвар почувствовал запах озона и горящей плоти. Он попятился, спасаясь от огненной смерти.

Эраннат кинулся вперед. Позади осталась его прикованная рука — ножом Айвара ифриец перерубил свое запястье.

Второй выстрел из бластера рассек его тело, но он успел здоровым крылом нанести удар. Отброшенный к стене, Айхарайх оказался на секунду оглушен. Бластер выпал из его руки.

Айвар рванулся вперед и схватил оружие. Эраннат слабо пошевелился. Кровь заливала опаленные перья, одного глаза не было. Дыхание со свистом вырывалось из груди ифрийца.

Айвар упал на колени и обнял друга. Единственный оставшийся глаз Эранната раскрылся и взглянул на юношу.

— Так Бог-Охотник... выследил меня. Я бы хотел умереть, чувствуя ветер. — Эраннат закашлялся. — Эйан хаа харр... Хлирр талиа... — Глаз закрылся.

Движение около арки привлекло внимание Айвара. Он быстро поднял бластер. Айхарайх пришел в себя и пытался к выходу.

Какую-то секунду Айвар был готов выкрикнуть: «Подожди, мы же союзники», и это задержало его руку на то мгновение, которое требовалось Айхарайху, чтобы исчезнуть. Тут Айвар понял, что херейонит прочел его решение раньше, чем он сам осознал его: никакой союз между ними невозможен.

«Я должен выбраться отсюда, иначе Эраннат... все остальные... погибли зря». — Айвар вскочил на ноги и бросился бежать, оставляя за собой кровавый след.

Со смутным удивлением он обнаружил, что в какой-то момент подобрал свой фонарик. Его луч пронзал мрак, в котором растворился херейонит.

Еще не время скорбеть. И не время бояться. Сейчас нет времени ни для чего, кроме как бежать и на бегу думать. В эту ли сторону кинулся Айхарайх? Его следы ведут в обоих направлениях. Нет, наверняка не сюда. Он же понимает, что я устремлюсь к выходу на поверхность и что я, чьи предки пришли из мира с большим тяготением, выносливее его. Так что он, конечно, побежал к своему логову в глубине лабиринта. Есть ли у него там оборудование связи? Может быть, и нет. А даже если и есть, осмелится ли он вызвать подмогу? Это выдало бы его с головой. Нет, он будет красться за мной по пятам, чтобы через свою адскую машину внушить Джаану очередное «озарение»...

Перед Айваром была комната, в которой состоялось «воскрешение» Каруита. Юноша остановился и в течение минуты расстреливал из бластера находящееся внутри сооружение. Он не мог судить, вывел ли он машину из строя, но надеялся, что это ему удалось.

Теперь на поверхность. Мимо двери. Вниз по склону, сквозь жалящий песчаный вихрь, преодолевая ветер, о котором Эраннат мечтал перед смертью. К флиттеру. В кабину.

Буря выла и раскачивала хрупкую машину.

Айвар вырвался из объятий урагана вверх, в великолепный простор. Клубящиеся сухие облака пыли остались внизу, они переливались серебром и скользящими тенями в лучах Лавинии и

торопливой Креусы. Сияли бесчисленные звезды. Впереди по курсу вздымались скалы Илиона, по ним вниз рушился Линн.

«Это наш мир. Не чужестранцу определять его судьбу», — подумал Айвар.

Мелькнувшие на экране радара тени заставили его оглянуться. В пределах видимости появились два летательных аппарата. Так Айхарайх все-таки организовал погоню? Айвар принял решение — или оно существовало уже давно, все эти мучительные часы? Зрело в нем всю его жизнь? Он включил рацию.

Имперские радисты постоянно прослушивают определенные частоты. Если он назовет себя и вызовет военный конвой, терране будут здесь через несколько минут.

«Таня, — подумал он, — я возвращаюсь домой».

Глава 21

На башне университета начали бить часы. Они вызвали древнюю мелодию, как и все эти годы тревог, но почему-то сегодня она звучала умиротворенно и оптимистично.

Или Чанденбан Десаи принимал желаемое за действительное? Он не был уверен и сомневался, что на его месте кто-нибудь мог бы знать это наверняка.

Да, конечно, сидевшие рядом, держась за руки, юноша и девушка смотрели на него с настороженностью, которая все еще могла говорить о враждебности. Любимая зверюшка Тани, сидя у нее на коленях, казалось, разделяла настроение хозяйки: мышлетьяга вытянулась столбиком и внимательно следила за посетителем. В окне, около которого сидели Таня и Айвар, на фоне глубокого синего неба вырисовывался один из университетских шпилей. Окно было открыто, и врывавшийся в него ветер, прохладный и сухой, нес ароматы растений из сада.

— Простите меня за вторжение так скоро после вашей встречи, — сказал Десаи. Он пришел сюда минуты три назад. — Я ненадолго. Вам нужно время, чтобы снова привыкнуть друг к другу. Но я подумал, что некоторые объяснения с моей стороны помогут вам лучше понять происходящее.

— Не такая уж большая беда: десять минут в вашем обществе — после десяти дней в одиночке, — рявкнул Айвар.

— Я сожалею о вашем аресте, Наследник. Надеюсь, ваше заключение было все же достаточно комфортабельным. Мы просто должны были изолировать вас на какое-то время. Вы, несомненно, понимаете необходимость расследования того, насколько правдиво все рассказанное вами. Но мы также должны были принять меры к обеспечению вашей безопасности — после того как вы

окажетесь на свободе. На все это потребовалось время. Без помощи профессора Тэйн времени потребовалось бы еще больше.

— Безопасности? — Айвар перевел вопросительный взгляд с Десаи на Татьяну.

Она погладила Злопастного Брандашмыга, как будто искала у него поддержки.

— Да, — произнесла она еле слышно.

— Террористы из самозванных освободителей, — сказал Десаи более небрежно, чем это соответствовало его истинному отношению. — Они убили нескольких энейцев, поддерживавших правительство. Ваш переход на нашу сторону, раскрытие вами заговора, который мог привести к отколу сектора альфы Креста от Империи, — вами, олицетворением их надежд, — мог бы побудить их убить снова.

Айвар несколько минут молчал. Звон курантов затих. Айвар не отпустил руки Тани, но пожатие его утратило силу. Наконец он спросил ее:

— И что же ты предприняла?

Девушка сильнее сжала его руку:

— Я их уговорила. Я никогда не называла имен... Впрочем, комиссар Десаи и его сотрудники меня о них и не спрашивали. Так или иначе, я поговорила с предводителями, и... Будет объявлена всеобщая амнистия.

— За действия, совершенные в прошлом, — напомнил имперский наместник. — Мы не можем допустить продолжения в том же роде. Я надеюсь, что вы поможете нам в этом. — Десаи помолчал. — Чтобы Эней когда-нибудь снова узнал закон, спокойствие, восстановление утраченного, вы, Наследник, должны возглавить совместные действия.

— Вы говорите так из-за того, чем я теперь стал, или из-за того, чем был? — резко спросил Айвар.

Десаи кивнул:

— Из-за того и другого. Если вы начнете говорить о примирении, к вам прислушаются больше, чем к кому бы то ни было. Особенно после того, как все случившееся с вами станет известно — или по крайней мере станет известна та часть, которую уместно сделать достоянием гласности.

— Но почему не все целиком?

— Флотская контрразведка, вероятно, пожелает сохранить некоторые детали в секрете, чтобы противник не был уверен в том, что нам известно, а что — нет. И, кроме того, некоторые... м-м... высокопоставленные чиновники не так уж обрадуются, если все узнают, как их надули и водили за нос, пока едва не стало поздно принимать ответные меры.

— В том числе вы?

Десаи улыбнулся:

— Между нами говоря, я имел в виду губернатора Муратори. Я не настолько важная шишка, чтобы мои ошибки, став известными, произвели сенсацию. К тому же правительство в Ллинатавре в благодарность за раскрытие мерсейского заговора даст мне скорее всего возможность действовать по своему усмотрению. И я намерен проводить политику постоянных консультаций с представителями всех общественных групп на Энее и постепенной передачи им управленческих функций.

— Гм-м... Включая орканцев?

— Да. Главнокомандующий Иаков был потрясен, когда узнал правду, хотя он человек жесткий и не был эмоционально связан с поддельными откровениями Каруита. Он болеет за благополучие своего народа. Он согласен с тем, что помощь Империи жизненно важна для преодоления грядущих потрясений.

Айвар снова помолчал. Татьяна искоса наблюдала за ним. На ее ресницах блестели слезы: она испытывала ту же боль, что и он. Наконец Айвар спросил:

— Что будет с Джааном?

— С самим пророком? — откликнулся Десаи. — Ему известно только, что по каким-то причинам вы бежали — дезертировали, как он, несомненно, считает, — и что после этого снова появились имперские солдаты для более тщательного осмотра Маунт Хронос; он также знает, что это не вызвало возражений со стороны Компаньонов. Может быть, вы посоветуете мне, как бы сообщить ему горькую правду — до того, как информация станет всеобщим достоянием?

Айвар уныло поинтересовался:

— А что известно про Айхарайха?

— Он исчез вместе со своей машиной. Мы объявили розыск, конечно. — Десаи поморщился. — Но боюсь, что у нас ничего не получится. Так или иначе, этот скользкий негодяй удерет с планеты восвояси. Но по крайней мере ему не удалось уничтожить здесь того, ради чего мы боремся.

Айвар отпустил руку Татьяны, как будто теперь уже ни она и никто другой не мог согреть его. Из-под упавших на лоб белокурых волос его глаза блеснули, как голубые ледышки:

— А вы считаете, что он мог это сделать?

— Благодаря тому учению, которое он пытался сконструировать, думаю, да, мог, — ответил Десаи тихо. — Хотя мы и не можем быть в этом уверены. Весьма вероятно, что Айхарайх знает нас лучше, чем мы сами знаем себя. Ведь это случилось... случилось снова и снова на протяжении всей мучительной истории

человечества: священная война, которую невозможно остановить и которая сметает царства и империи, как бы малочисленны и бедны ни были ее первые воители.

Их число быстро растет, целые народы поднимают знамя священной войны. Человеку на самом деле никогда не был нужен разумный и добрый бог: требовалась лишь фанатичная вера, учение, которое обещает своим последователям все, но в первую очередь всего требует от них.

Как мошки на огонь...

Все больше на протяжении своего правления здесь я убеждаюсь: как ни различны народы Энея, всем им свойственна глубокая религиозность, традиция веры во всемогущих предшественников и отказ допустить мысль о том, что это предшественники могли оказаться так же трагически ограничены, так же в конце концов обречены, как и мы.

Эней оказался во главе борьбы за определенные политические цели. Когда он потерпел поражение, вся энергия жителей планеты оказалась направлена в область трансцендентного. И тут Айхарайх изобрел для них доктрину, которую равно легко принять и глубоко верующему человеку, и скептику-ученому.

Не думаю, что шквал религиозной войны удалось бы остановить. Она привела бы к разделению человечества и его союзников на два лагеря. Нет, больше чем на два: в учении содержатся противоречия, скорее всего допущенные намеренно. Например, является ли Бог создателем или создаваемым?.. Да, ереси, преследования, восстания, рушащиеся государства, хаос, ненависть к бывшим единоверцам, гораздо более страшная, чем к чужакам...

Десаи глубоко вздохнул, прежде чем закончил:

— К мерсейцам, например. Это именно то, что нужно Мерсейе: сначала натравить нас друг на друга, потом разбить по одиночке и подчинить себе.

Айвар стиснул кулаки.

— Это правда? — требовательно спросил он.

— Правда. О, я знаю, как часто угроза со стороны Мерсейей использовалась для своих целей политиками, промышленниками, военными, бюрократами Империи. Это, однако, не означает, будто такой угрозы не существует. Мне хорошо известно, что пропаганда всячески чернит мерсейцев, хотя они, по их собственным стандартам, да часто и по нашим тоже, вполне достойный народ. С другой стороны, их вожди готовы рискнуть судьбами цивилизации ради захвата власти.

Наследник, если вы хотите стать настоящим предводителем своего народа, вы должны начать с отказа от утешительных иллюзий. Не принимайте моих слов на веру тоже. Учитесь. Исследуйте.

Узнавайте сами. Думайте сами. Но всегда следуйте за истиной, куда бы она ни вела.

— Как относительно того ифрийца? — пробормотала Татьяна.

— Нет, относительно Сферы Ифри в целом, — ответил ей Десаи. — Да, Эраннат был моим агентом. Но он одновременно был агентом секретной службы Ифри. Они прислали его сюда по договоренности с нами: благодаря его отличиям от людей, тому, что он привлекал внимание, тому, что он был чужаком, он мог узнать то, чего никогда не узнал бы человек.

Как вы думаете, почему Сфера Ифри пошла на это? Разве между нами не было войны, разве мы не захватили некоторые их территории?

Но дело в том, что это все в прошлом. Жители захваченных территорий давно ассимилировались. Требование воссоединения по этническому признаку — идиотизм. Терра не пыталась подчинить себе Ифри или его колонии при заключении мирного договора. Каковы бы ни были недостатки Империи — а их, видит Бог, множество — правители Терры понимают, до каких пределов можно безопасно доходить.

А вот мерсейцы — нет.

Разумеется, Эраннат ничего не знал об Айхарайхе, когда прибыл сюда. Но он прекрасно понимал, что Эней — ключ ко всему сектору альфы Креста, а потому ожидал активности здесь тайных агентов Мерсейи. Поскольку Терра и Ифри имеют главный общий интерес — мир, стабильность, обуздание ненасытного агрессора, — и поскольку ваш мир хорошо подходил ему, Эраннат предложил свои услуги.

Десаи прокашлялся.

— Прошу прощения, — сказал он. — Я не собирался произносить такую длинную речь. Я удивляюсь себе. Я ведь не оратор, я всего лишь образованный бюрократ. Но я коснулся проблемы, от решения которой зависят миллиарды жизней.

— Вы нашли его тело? — без всякого выражения спросил Айвар.

— Да, — ответил Десаи. — Его участие в этом деле — одна из тех вещей, которые нельзя сделать достоянием гласности: это слишком много открыло бы нашим врагам, да и для друзей выглядело бы провокационно. Более того, нам придется скрыть и истинную роль Мерсейи — ради сохранения существующего непрочного мира.

Но как бы то ни было, тело Эранната отправлено домой на крейсере Империи — с почетным караулом.

— Это хорошо, — сказал Айвар после паузы.

— Вы что-нибудь решили насчет этого несчастного Джаана? — спросила Татьяна.

— Мы предложим ему психиатрическую помощь — чтобы избавить его от псевдоличности, — пообещал Десаи. — Как мне сказали, такое возможно.

— А если он откажется?

— Тогда, причиной каких бы неприятностей он ни мог оказаться, — движение его последователей не утомится быстро, если только он сам не разоблачит обман, — мы оставим его в покое. Вы можете этому не поверить, но мне не нравится манипулировать людьми.

Взгляд Десаи обратился на Айвара:

— Как, например, вами, Наследник. Я не собираюсь вас ни к чему принуждать. Никто не будет оказывать на вас давления. Более того, должен вас предупредить, что работа по восстановлению положения Энея в Империи будет тяжелой и неблагодарной. Она лишит вас многих друзей, займет годы, причинит боль — ведь вам придется принимать трудные решения или идти на бесславные компромиссы. Я могу лишь надеяться, что вы все же присоединитесь к нам.

Он встал.

— Думаю, мы обсудили существующую ситуацию достаточно полно. Вы двое заслужили немного уединения. Пожалуйста, обдумайте все сказанное; вы можете обратиться ко мне в любой момент. Всего доброго, профессор Тэйн и Наследник Фредериксен. — Верховный комиссар Терранской Империи поклонился. — Благодарю вас.

Айвар и Татьяна тоже поднялись. Оба они были намного выше маленького индийца. После паузы они пожали ему руку.

— Может быть, мы и поможем вам, — сказал Айвар. — Эней переживет Империю.

Татьяна смягчила впечатление от слов своего жениха:

— Сэр, я подозреваю, что мы должны быть вам благодарны за очень многое, — гораздо большее, чем это будет признано официально, и в первую очередь признано вами.

Закрывая за собой дверь, Десаи услышал, как защебетала мышшь-летага.

Джаан в одиночестве вышел из дома на рассвете.

Улицы были еще заполнены тьмой, и он часто спотыкался. Но, дойдя до верфи, которую когда-то омывало море, Джаан погрузился в сияние небес.

Позади этой широкой переливающейся всеми цветами поверхности город выглядел околдованным в лунном свете. Высоко вверху вздымалась Арена, могучий темный массив, очерченный холодными лучами. Под ногами Джаана склон горы, бело-серый

и исчерченный теньями, обрывался к тусклому блеску вод моря Орка. На северо-востоке поднимался Илион, рассеченный сверканием Линна.

Джаан смотрел в небо. Звезды заполняли тьму, которая сама казалась невидимым пламенем; их сплав образовывал водопад Млечного Пути. Самыми величественными светилами были альфа и бета Креста; Джаан знал и многие другие звезды — все они были его друзьями в дальних странствиях, и душа его обратилась к ним за ответом и утешением. Но звезды только мерцали, совершая свой вечный танец. Лавиния уже зашла, и Креуса спешила за ней следом. Низко над холмами висела Дидона, Утренняя Звезда.

За исключением дальнего рокота водопада, тишина была полной. Убийственный холод охватил Джаана. Струйка пара сопровождала каждый его выдох, каждый вдох резал легкие как ножом.

Возрадуйся истинному и вечному, — сказал Каруит.

Оставь меня, — взмолился Джаан. — Ты призрак. Ты порождение лжи.

Ты сам в это не веришь. Мы с тобой реальны.

Тогда почему твоя комната пуста, а я одинок в своем черепе?

Другие победили — даже не в битве, в стычке, если мы сохраним твердость; вечная борьба жизни за то, чтобы стать Богом, продолжается. Ты не одинок.

Что же нам делать?

Разоблачать их обман. Проповедовать правду.

Но ты же не существуешь! — вырвалось у Джаана. — Ты всего лишь поврежденная часть моего собственного мозга, шипящая исподтишка. Меня могут вылечить от тебя.

О да, — ответил Каруит с презрением. — Они могут стереть мои следы; они готовы озолотить тебя, если ты на это согласишься. Давай, стань ручным, снова займись ремеслом сапожника. Звезды от этого не погаснут.

Наше дело в этом поколении, на этой планете проиграно, — умоляюще прошептал Джаан. — Мы оба это знаем. Что же нам остается — быть несчастными, осмеиваемыми, осуждаемыми, разбить мечты немногих оставшихся верными?

Мы можем говорить правду и умереть за нее.

Правду! Но где доказательство того, что ты существуешь, Каруит?

Оно в той пустоте, которая останется после меня, если я покину тебя, Джаан.

«Да, это так, — подумал Джаан, — вечная пустота, в которой будет звучать вечное эхо: «Бессмысленно... Бессмысленно... Бессмысленно...» — до тех пор, пока вторая смерть не подарит ему тишины».

Не гони меня, — молил Каруит, — и мы умрем всего единожды, и наша жизнь будет службой тем дальним солнцам!

Джаан стиснул свой посох.

Помогите же мне!

Никто не ответил ему, кроме Каруита.

На востоке, где восходил Вергилий, небо побелело. Наступил быстрый энейский рассвет. Все было залито светом. В воздухе раздался свист крыльев, разлился аромат зелени, каким-то чудом умудрявшейся расти в пустыне. Над Ареной взвились флаги и зазвучали трубы — что бы ни говорили теперь скептики, древний ритуал соблюдался.

Джаан понял:

«Жизнь имеет цену сама по себе. Может быть, во мне достаточно жизни, чтобы заполнить пустоту. Я должен искать помощи у людей».

Никогда раньше подъем к городу не был для него таким крутым.

*Заклинаю тебя небесами,
Легким ветром, шуршащим в траве —
Отведи взгляд, что злыми цепями
Приковал дух мой бедный к тебе.*

Р. Киплинг

**РЫЦАРЬ
ПРИЗРАКОВ
И ТЕНЕЙ**

2
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

101
102
103
104
105
106
107
108
109
110
111
112
113
114
115
116
117
118
119
120
121
122
123
124
125
126
127
128
129
130
131
132
133
134
135
136
137
138
139
140
141
142
143
144
145
146
147
148
149
150
151
152
153
154
155
156
157
158
159
160
161
162
163
164
165
166
167
168
169
170
171
172
173
174
175
176
177
178
179
180
181
182
183
184
185
186
187
188
189
190
191
192
193
194
195
196
197
198
199
200

Не пристало ли нам, братья, начать повесть о походе господаря Бодина Миятовича? Где сыскать нам слова печали и гнева, слова доблести и отмщения? Кто сравнится в том с Андреем Симичем, певцом героев?

Ибо Андрей, если песнь кому хотел пропеть, то словно стаю гончих псов спускал в горах, и лай их эхом гремел в долинах. Гремели речи его, как тундра под копытами громатцев, стонали, как ветер под крылами орлика, на добычу падающего, ревели, как диаво на охоте — и тихо и сладостно пели, и были смертоносны, подобно зову вильи, и были невинны, как пение гусяров по весне.

Люди и змаи внимали с трепетом песням Андрея, когда славил он старых героев, Йована Миятовича, что по бессветному пути привел Основателей к нашей Утренней Звезде, Томана Обилича, что убил яростного Владимира на вершине Ледника, Гвита, что спорил со штурмами Черного океана, Стефана Миятовича, великого пращура господаря Бодина, что в Годы Ночи отбросил прочь разбойников, позарившихся на дома наши. О, как воспел бы Андрей Симич деяния Бодина!

Но смолк голос его. И чтобы не исчезла из памяти слава Бодина Миятовича, поведаем о ней простыми словами, как можем.

Глава 1

В этой истории на всех планетах холодно. Даже на Терре, хотя Флэндри прибыл домой теплым летним вечером. Здесь мерзла душа.

Холодок дал о себе знать на подлете к планете. Разговор между Флэндри и его сыном незаметно перешел к проблемам Империи. Обычно они избегали подобных тем: у них был отпуск.

Сама Терра никак не напоминала о неприятном. На экране в кабине управления висел прекрасный шар на фоне усыпанной звездами тьмы. Шар этот был почти полным: корабль приближался со

стороны солнца и еще не вышел на посадочную траекторию. Прозрачный голубой свет планеты смешивался с белизной облаков. Рядом с такой чистотой Луна казалась каплей росы. Нанесенные людьми шрамы пока нельзя было разглядеть.

Обстановка кают-компания не уступала виду за окном: серые, с перламутровым отливом, стены, обитые темно-бордовым велвилем диваны, стол из настоящего тика, на столе — бутылка виски с подобающей закуской, теплый, безупречно очищенный воздух, приятная бодрая музыка, запах сирени. «Хулиган», личный корабль капитана сэра Доминика Флэндри, имел превосходное вооружение, был более быстроходен и маневрен, чем любое другое судно такого же класса, но его жилой отсек отражал жизненную философию владельца, который считал, что, если уж человеку суждено родиться в эпоху декаданса, нужно с этим фактом смириться и получать удовольствие.

Флэндри развалился на диване, глубоко затынулся, отхлебнул из стакана и с некоторой тревогой посмотрел на Доминика Хэзелтайна. Если граница и вправду вот-вот начнет разваливаться, а парню снова туда лететь...

— Ты уверен? — спросил он. — Что доказывает, будто полученные тобой сведения верны? Свидетельства других всегда ненадежны. Я хочу узнать об этом поподробней.

Его собеседник не отвел взгляда.

— Мне бы не хотелось, чтобы ты почувствовал себя стариком, — последовал ответ, и Флэндри ясно понял, что сидящий перед ним капитан-лейтенант военной разведки, двадцати семи лет от роду, давно перестал быть мальчиком, точно так же, как перестал быть мальчиком и его отец. Хэзелтайн улыбнулся. Он не хотел показаться слишком резким.

— Ну хорошо. Давай поговорим. Быть может, с возрастом мне удастся приобрести твой опыт в трех главных в этой жизни вещах.

— Трех? — удивленно поднял брови отец.

— Драться, развлекаться и — жадать. Конечно, я не застал того времени, когда ты дрался. Думаю, ты преуспевал в этом занятии так же, как и во всех остальных. Однако последние три года, как я слышал, ты жил в Солнечной системе, на отдыхе. Если даже император не получил полной информации о Деннице — и вряд ли, кстати сказать, получит, — то уж его избалованному любимчику и вовсе надеяться не на что.

— Так уж и избалованному. У его величества крутой нрав. Поэтому, насколько позволяют приличия, я стараюсь держаться от двора подальше. Что до моего бессрочного отпуска, лишь император может вернуть меня на службу, если, конечно, я сам не соскучусь и не попрошу о назначении. Этот отпуск — единственная моя привилегия, если не считать огромного количества спо-

способностей, талантов и обаяния, данных мне от рождения. Теперь я как раз занимаюсь тем, что раздаю свои хромосомы направо и налево.

Флэндри специально взял легкий тон в расчете получить такой же ответ. С начала их многомесячной поездки отец и сын не говорили серьезно. Они шутили, и когда с риском для жизни бродили по Великим Рифам на Марсе, и когда играли в карты в шахтерских притонах на Венере, и когда исследовали кольца Сатурна, и когда ужинали на Япете с двумя очень искушенными и очень дорогостоящими леди. Неужели настала пора возвращаться к реальности?

Флэндри был сыну скорее другом, чем отцом. Разница в возрасте почти не чувствовалась. Оба были высоки ростом, ловки, у обоих были серые глаза и бархатные баритоны. Лицо Флэндри было, пожалуй, чересчур красивым из-за прямого носа, высоких скул и волевого подбородка — джентльменский набор, полученный в результате давней косметической операции, результаты которой Доминик-старший не позаботился потом изменить обратно. Да еще у него были ухоженные усы. Гладкие каштановые волосы слегка поседели на висках. Хэзелтайн подозревал, что отец красится, — тот ухмылялся и не возражал. Оба предпочитали гражданскую одежду, но цветастая блуза Флэндри, его алый пояс, яркие голубые штаны и кожаные туфли с загнутыми носами резко контрастировали с неброским комбинезоном молодого человека.

Более крупные черты лица, нос с горбинкой, иссиня-черные волосы Хэзелтайна напоминали Флэндри Перси д'Ио в те дни, когда он расстался с ней на одной теперь уже уничтоженной планете, не зная, что Перси носит под сердцем его ребенка. Прошло шесть недель с тех пор, как юноша прибыл на Терру. Загар далеких светил не успел сойти с его лица, еще не изгладились морщины, оставленные чужедальными непогодами. Но и без этих отметин простые вкусы молодого человека выдавали в нем выходца с окраин Империи. Подобно отцу, он с удовольствием пил и развлекался, любил витиевато выражаться...

{— ...нахожусь в несколько затруднительном положении. Именно сейчас мой адмирал подыскивает мне миленькую работенку с летальным исходом.

Флэндри предался воспоминаниям:

— Ферросс терпеть не мог моей физиономии. Все остальное ему тоже не нравилось. Пришлось быстренько выдумать одну военную хитрость...

— Ну и как, удалось? — спросил Хэзелтайн.

— Конечно, удалось. Иначе я бы здесь не сидел. В нашей профессии необходимое условие выживания состоит не в том, чтобы перехитрить противника, а в том, чтобы предвидеть все ходы начальства.

— Бьюсь об заклад, твое вдохновение тогда питалось какой-нибудь смазливой мордашкой. Перспектива иметь по подружке на каждой из миллионов планет способствует находчивости.

Флэндри вытарашил глаза на сына:

— Ну, теперь я не сомневаюсь, что ты мой отпрыск. Хотя такая возможность прошла мимо моего внимания. В те дни я никак не мог избавиться от одной довольно мрачной мысли, которая до сих пор частенько навещает меня — мысли о том, что, может быть, в мире не существует более умного существа, чем моя скромная персона.}

...но вопреки всему в нем всегда оставалось врожденное прямо-душие.

Возможно, он унаследовал эту черту от матери: прямодушие и гордость. Перси не пыталась избавиться от ребенка. Она оставила своего высокопоставленного любовника, вернула себе настоящее имя, уехала с Терры на Сассанию и начала новую жизнь в качестве танцовщицы. Довольно удачно вышла замуж, но продолжала воспитывать Доминика до тех пор, пока тот не поступил на военную службу. И ни разу эта женщина не послала весточки Флэндри: ни когда тот почти в одиночку подавил восстание варваров на Шотле, за что был возведен в рыцарское достоинство, ни когда Флэндри опять-таки почти в одиночку спас любимую внучку императора, предотвратил мятеж в провинции и отправился на Терру за заслуженной наградой. Ее сын, который с ранних лет знал имя своего отца, тоже появился лишь теперь, когда достаточно продвинулся по службе и мог обойтись без протекции влиятельного родственника.

Итак, Доминик Хэзелтайн отказался принять шутливый тон отца и сказал на своем чуть картавом, нетерранском англике:

— Что ж, когда так развлекаешься, трудно уследить за ходом событий. Возможно, его величество решил тебя не беспокоить и некоторое время обойтись без твоей помощи. Неважно. Главное, я там был и имею информацию из первых рук.

Флэндри сунул недокуренную сигарету в пепельницу.

— Хороший удар, — ответил он. — Тебе удалось задеть мое самолюбие. Запомни, сынок: в течение трех или четырех лет с тех пор, как я попал в поле зрения императора, и до того момента, когда мы решили, что он слишком плотно уселся на троне, чтобы его могли с него скинуть, — так вот, в течение этих трех-четырёх лет

я был одной из нескольких правых рук его величества. Тогда мы работали как проклятые, решая одну проблему: убедить окраинные провинции в том, что им гораздо выгоднее признать Ханса своим императором, чем снова бунтовать. Поверь мне, если б появилась серьезная проблема, меня бы не оставили в стороне. Конечно, в последнее время я слишком злоупотребляю комфортом, который так люблю. Бьюсь об заклад, ты думаешь, что старик совсем опустился и потерял форму. Уверяю тебя, это не так. Я слежу за новостями и даже читаю секретные доклады.

Доминик-старший выпрямился, выпил залпом содержимое своего стакана и продолжил:

— Кроме того, ты утверждаешь, что наша последняя проблема — господарь Денницы. Но ведь ты работаешь в секторе Арктура, а Арктур находится почти на противоположной стороне того, что мы имеем удовольствие называть просторами Империи. Ты не привык ограничивать себя определенным родом операций, по видимому, оттого, что владеешь открытым доступом к информации. Вот и скажи мне, разносторонний агент, какая связь между пространством вокруг Арктура и Денницей? Не только Денницей, но и всем сектором Тельца?

— Я помалкивал, чтобы не портить нам каникулы, — произнес Хэзелтайн. — Из рассказов матери я понял, что путешествовать с тобой будет весело. Оставалось только выкроить время для длительной поездки. Но ты открыл для меня целый мир, о существовании которого я и не подозревал. — Юноша покраснел. — Мир, который я могу определить только одним словом: «порок».

— Это порок и есть, — вставил Флэндри. — Вы, буколические мальчишки, все никак не можете понять, что настоящий порок заключается вовсе не в том, чтобы, развалясь в постели, вкушать сладкий крем вперемишку с наркотиками. Это было бы скучно. Я бы тогда предпочел оставаться добродетельным. Но декаданс требует жертв. Однако продолжай.

— Скоро мы приземлимся, и я буду должен доложиться начальству. Не знаю, куда меня пошлют, а если б и знал, не смог бы сказать. Поэтому воспользуюсь оставшимся временем и буду откровенен. Я приехал сюда не только познакомиться с отцом, но и затем, чтобы... предупредить тебя. Очень скоро твои мозги могут понадобиться, а рассказать о грозящей опасности по официальным каналам невозможно.

«Это верно», — согласился Флэндри.

Он перевел взгляд на экран, где сверкали звезды. Перед ним лежала маленькая часть неправильного сфероида с размытыми краями, который назывался Терранской Империей. Жалкий клочок пространства радиусом в 200 световых лет. На темном фоне выделялись звезды-гиганты. Их свет пересекал огромные расстояния,

которые мы научились преодолевать, но никогда не сможем постичь. Все эти светила заполняли крошечный, пустынный фрагмент Галактики на самом конце спирали, у края космической пустоты. Но даже такой незначительный кусок Галактики — Империя — содержал примерно четыре миллиона солнц. Возможно, половину из них хотя бы раз посетил терранский корабль. Жители примерно ста тысяч миров официально считались подданными императора. Но связь с ними была более чем призрачной... Слишком много. Слишком много цивилизаций, рас, культур, жизней, коммуникаций. Ни один ум, ни одно правительство не в состоянии даже представить себе подобный конгломерат, не то что управлять им.

Тем не менее эту невообразимую кашу из планет, народов, провинций и протекторатов нужно держать под контролем, иначе жди Долгой Ночи. Варвары слишком рано получили космические корабли и ядерное оружие. Теперь они рыскали вдоль границ. Цивилизованный Ройдхунат Мерсейи делал пробный выпад, отступал — всегда на полшага, — выжидал и снова наносил удар... Флэндри заметил Ригель — яркое светило на территории великого врага. Сектор Тельца лежал в том же направлении. Он граничил с неосвоенными пространствами, за которыми начиналась Мерсейя.

— Ты, должно быть, знаешь что-то мне неизвестное, если утверждаешь, что деннициане затевают недоброе, — сказал старый космический волк. — Но ты уверен, что не ошибаешься?

— Что ты можешь рассказать мне о них? — не ответив, спросил в свою очередь Хэзелтайн.

— Хм? Что ж, правильно. Вначале нужно выяснить, какие соображения есть у меня.

— Тем более что эти соображения могут отражать мнение начальства. Я не знаю, что они там думают.

— По правде сказать, я тоже. В последнее время я не обращал внимания на Телца. Он казался мне таким же мирным сектором Империи, как и все другие.

— Даже после твоих тамошних приключений?

— Именно из-за моих приключений. Ну хорошо. Давай-ка я быстро пробегусь по очевидным фактам. Так мы сэкономим время. Тебе не придется прошушивать меня вслепую.

Хэзелтайн кивнул.

— Я ведь никогда не бывал в тех краях, — сказал он.

— Как? Мне казалось, ты упоминал о поездке, связанной с Мерсейей и нашими зелеными друзьями.

— Телец не единственный сектор на том конце Империи.

Да, она слишком большая, эта пригоршня звезд, которую мы почему-то считаем исследованной.

— Выпьем. — Доминик старший поднял стеклянный графин и наполнил стаканы. — Ты, конечно, знаешь, как вышло, что я оказался поблизости, когда губернатор Варрака, герцог Альфред, похитил принцессу Меган во время ее путешествия. Это похищение было составной частью замысла оторвать Телец от Империи и привести его под протекторат Мерсейи. Под «протекторатом», естественно, подразумевалась аннексия. Мы с Чайвзом одурачили герцога — или «переиграли» более уместное слово?

— Ну ладно, переиграли так переиграли. Но что делать дальше? Вспомни, Ханс тогда всего два года как получил, вернее, заграбастал корону. Ситуация по-прежнему оставалась очень неустойчивой. По меньшей мере три претендента с оружием наготове жаждали скинуть нашего императора с трона. А сколько бы их появилось, начнишь в Империи заваруха? Одних интересовала верховная власть, другие стремились к автономии. Альфред никогда бы не решился на открытое выступление без поддержки значительной части своего народа. Поэтому нам пришлось не только менять губернатора, но и переносить столицу. Денницу в то время нельзя было назвать самой населенной, богатой и колонизованной планетой в секторе. Однако она имела немалую сферу влияния, а кроме влияния — еще и силу, поскольку по традиции содержала собственную армию. Кроме того, деннициане никогда не любили Джосипа. Тот через герцога Альфреда посылал к ним сборщиков дани, а тех почему-то всегда убивали в пьяных драках. И виновным почему-то всегда удавалось скрыться. Когда Джосип умер и политическое равновесие было нарушено, свершилось совершенно невероятное: господарь встал на сторону Ханса Молитора. Он не послал войск на подмогу, но поддерживал порядок в своей части Вселенной и отказался пропустить мерсейцев. Лучшей услуги нельзя было и придумать.

Совершенно логично, что его объявили губернатором сектора Тельца. И я до сих пор думаю, что мы сделали хороший выбор.

— А как быть с мерсейцами на его планете? — возразил Хэзелтайн.

— С потомками выходцев из Мерсейи, — поправил Флэндри. — Довольно дальними, как я слышал, потомками. Я знал людей, которые служат Ройдхунату. Их не подкупали, им не прочищали мозги. Просто некоторые семьи жили в мерсейских мирах в течение многих поколений.

— Тем не менее, — продолжал настаивать Хэзелтайн, — культура Денницы не похожа на терранскую. Она не совсем человеческая. Вспомни, как яростно боролись колонисты Авалона, чтобы остаться в составе Сферы Ифри. Империи пришлось развязать войну, чтобы укрепить ту часть границы. Почему же деннициане должны питать братские чувства к терранам?

— Они и не питают, — пожал плечами Флэндри. — Я тоже никогда не был на Деннице, но видел много других человеческих обществ, не говоря уж о нечеловеческих. Все они предпочитают оставаться в Империи, во-первых, потому, что это обеспечивает им спокойную жизнь, а во-вторых, частенько приносит прибыль. В конечном итоге колонии всегда оказываются в выигрыше. Судя по тому, что я читал и слышал о господре и его подданных, они не такие дураки, чтобы рассчитывать на мирную жизнь без покровительства сильного союзника. В их истории бывали смуты, и их предки добровольно присоединились к Империи, когда та возникла.

— Сегодня Мерсейя может предложить более выгодную сделку.

— Не думаю. Деннициане и мерсейцы слишком долго жили бок о бок. Накопилось много взаимных обид.

— Времена меняются. Я видел жителей окраин. В конце концов они перенимают привычки соседей и... — Хэзелтайн перегнулся через стол и хрипло прошептал: — Почему деннициане противятся императорскому декрету?

— О роспуске ополчения? — Флэндри глотнул виски. — Да, я слышал, что представители господаря примчались на Терру. Спорили, лстили, возможно, пытались подкупить чиновников и всячески досаждали Политическому Совету. А господарь тем временем тянет волынку. И если бы император не был сейчас занят делами поважнее, в скором будущем мы могли бы пронаблюдать хорошенький фейерверк.

— Атомный?

— О нет. Конечно, нет. Разве нам не достаточно одной гражданской войны? Я выразился фигурально... Сказать по правде, сынок, в глубине души я сочувствую господарю. Не спорю, в идее Ханса есть здравый смысл. Объединение всех военизированных служб предотвратит возникновение новых конфликтов. А может, и не предотвратит. Не забывай, денницианам приходится жить на очень ветреном месте. Вполне естественно, что в первую очередь они полагаются на собственные силы, а уж потом на помощь Имперского Флота. Скорее всего они правы. Это серьезная проблема. Она затрагивает интересы всей границы. Такие вопросы не решают импульсивными действиями. И Ханс это понимает. Вот почему господаря до сих пор не сместили с поста губернатора.

— Думаю, император совершает большую ошибку.

— Так что же, по-твоему, затевают деннициане?

— Возможно, хотят отколоться и перейти к Мерсейе. Я почти уверен, что эта мысль приходила им в голову, но у меня нет доказательств. Но если они готовят не разрыв с Империей, тогда переворот... Господарь метит на престол.

Флэндри помолчал. Тихонько бормотал двигатель. Наигрывала музыка. Терра на экране увеличивалась в размерах. Наконец он вынул новую сигарету и произнес:

— Откуда ты взял такие сведения? Ведь ты находился за сотни парсеков от Денницы.

— Не совсем. — Пухлые губы Хэзелтайна, унаследованные от матери, сжались в нитку. Перси так никогда не делала. — Именно это меня и пугает. Понимаешь, у нас появились улики, что деннициане организовали мятеж на Диомеде. Ты когда-нибудь слышал о Диомеде?

— Приходилось. Всякий, кто ценит твои три главные вещи в жизни, изучал биографию Николаса Ван Рийна и знает, что однажды его корабль потерпел там крушение. Да, кое-что мне известно. Однако на сегодняшний день это не слишком значительная планета. Зачем ей бунтовать? На что они надеются?

— Сам я не работал в той команде, что этим занималась, но мой отдел проводил параллельные исследования в том же секторе. Мы обменивались информацией. По всей видимости, диомедиане, или отдельные их группировки, рассчитывают на помощь Ифри. Они помешались на мистическом родстве с крылатыми существами... Трудно сказать, станут ифриане вмешиваться или нет. Я подозреваю, что они не захотят затевать конфликт с Империей, но охотно воспользуются возникшей угрозой, чтобы вытеснить нас на другие орбиты. Сейчас мы начинаем нащупывать связи.

Флэндри нахмурился:

— И вышли на Денницу?

— Именно так. В таком разговоре обязательно должны участвовать жители планет, где есть космические корабли. Лучше, чтобы это были люди. Искру мятежа нужно постоянно раздувать. Необходимо поддерживать связь с Ифри, иначе диомедиане потеряют решимость. Когда наши люди впервые наткнулись на следы тайной организации, мы, естественно, решили, что здесь замешаны авалонцы. Но незадолго до моего отъезда на Терру нам посчастливилось поймать несколько агентов. Все они оказались денницианами. Денницианами!

— Зачем Деннице лезть на противоположный конец Империи?

— Да ну, брось. Ты прекрасно знаешь зачем. Если господарь готовит переворот, то отвлекающий удар нужно наносить именно в этом направлении. — Хэзелтайн перевел дыхание. — У меня пока нет детальной информации. Вскоре наши отделы пошлют полный отчет в управление контрразведки. Но разве в Империи хоть что-нибудь идет гладко? Говорят, его величество планирует отправиться в сектор Спики во главе большой армады. Будет умирять варваров. Он мог бы завернуть и к нам. Только боюсь,

сообщение с такого незначительного шарика, как Диомеда, не успеет пробиться сквозь бюрократические препоны.

— Я бы не хотел, чтобы рефлексы правительства срабатывали мгновенно, — быстро возразил Флэндри. — Флот может спалить этот мир дотла. Не исключено, что ты и твои ребята сделали неправильный вывод. Вдруг пойманные вами деннициане, если, конечно, они действительно деннициане, — обыкновенные пираты. Или подчиняются боссам из некоей группировки, которая желает свалить господаря. Кто поручится, что их амбиции идут дальше захвата власти на Деннице? Есть у тебя другие достоверные сведения?

— Очень немного. Но я надеялся... — неожиданно он превратился в растерянного мальчишку, — я надеялся, что ты займешься этим делом.

Вошел Чайвз. Его босые ноги неслышно ступали по ковру, хотя гравитационное поле было установлено по терранскому стандарту.

— Прошу прощения, сэр, — обратился он к хозяину. — Я должен напомнить, что, если вы желаете обедать до прибытия в гавань, необходимо начать приготовления. Несомненно, к турне-до понадобится красное вино. Могу ли я открыть бутылку Шато Фолкейн 35-го года?

— Что? — Флэндри с трудом пришел в себя. — Шато Фолкейн... хм... я думал о божоле...

— Никак невозможно, сэр, — с бесстрастной учтивостью возразил Чайвз. — Боюсь, божоле будет плохо гармонировать с турне-до в том виде, как я собираюсь его приготовить. Могу ли я напомнить, сэр, что вы предпочитаете не курить и не пить перед обедом?

Летний вечер на Каталине переходил в ночь. Флэндри сидел на террасе маленького домика в горах, который выстроил его друг и владетель острова пфальцграф Британии. Доминику не хотелось спать. Суточный ритм, к которому он привык, не совпадал с терранским. Но не было и привычной бодрости. Он ощущал что-то похожее на печаль, — нет, скорее задумчивость, ощущение одиночества — не сиюминутного отсутствия собеседника, но накопленной с годами неприкаянности. Такое состояние всегда очень быстро сменялось беспокойством. Но пока этого не произошло, Флэндри размышлял о том, что, может быть, ему бы следовало время от времени жениться. Или даже связать себя на всю жизнь. Как было бы, например, хорошо самому воспитать маленького Доминика.

Он вздохнул, поворочался в шезлонге, нашел удобное положение, затянулся сигарой и осмотрелся. Внизу затененная долина сбегала к заливу, за которым расстилалась ровная серая простыня Тихого океана. Дул прохладный ветерок. Пахло розами и лотосами. Цвета неба менялись от аметистового до серебристо-голубого. Кое-где начинали уже проблескивать звезды. На западе два облачка ловили последние лучи скрывшегося солнца. Тишину ничто не нарушало. Транспорт не осмеливался приближаться к владениям аристократов.

— Сколько у меня детей? Сколько из них слышали об отце? (Мне приходилось встречать очень немногих.) Где они теперь? Что с ними происходит?

Хм. Он выпустил густой клуб дыма. Когда человек становится сентиментальным, ему необходимо или заняться делом, или пройти курс омоложения. А посему давай-ка подумаем о женщинах. В конце концов, после той остановки на Церере прошло уже несколько дней. Знакомые леди не подходили. Каждая из них стала бы требовать к себе внимания. Конечно, они правы, но сейчас его мысли были заняты сыном. Поэтому: лететь ли на материк, к огням и веселью, или сказать Чайвзу, чтоб позвонил в ближайшее агентство?

Словно прочитав мысли хозяина, появился его личный слуга, тощий шалмуанин в килте, который очень бы походил на человека, если б не рост 140 сантиметров, зеленый цвет кожи, отсутствие волос, длинный хватательный хвост и еще великое множество едва уловимых отличий. Чайвз держал поднос, на котором стоял переносной видеофон, чашка кофе и рюмка коньяку.

— Звонок, сэр, — объявил он.

«А сколько их было до этого?» — спросил про себя Флэндри. Слух же не произнес ни слова. Он не возражал против такой цензуры. Нечеловек в людском окружении всегда выглядит карикатурой на мыслящую личность: никто не может понять его душевных переживаний. Но Чайвз находился возле босса долгие годы и был не просто камердинером и поваром. Ему приходилось исполнять обязанности эконома вечно переезжающего хозяйства, пилота и телохранителя. В случае опасности он был незаменим.

Чайвз поставил поднос на столик рядом с шезлонгом и удалился. Пульс Флэндри несколько участился. С экрана на него смотрело лицо Доминика Хэзелтайна.

— Привет, — сказал отец. — Не ожидал так быстро тебя увидеть.

— Привет, — голос юноши дрожал от волнения. — Знаешь, наш разговор... Здесь на базе мне удалось заглянуть в главный информационный компьютер и получить последние данные о Деннице. Думаю, часть из них тебя заинтересует. Приезжай поскорее.

Глава 2

Двое рядовых Космофлота привели Козару в приемник-распределитель, сдали под расписку управляющему и ушли.

— Протяни левую руку, — приказал управляющий.

Ее сняли с корабля через час после посадки на Терре. Долго мчали в аэромобиле по Аркополису. В голове стоял туман. Она повиновалась. Управляющий глазом знатока оценил размер запястья, открыл ящик, выбрал белый металлический браслет — три сантиметра шириной, несколько миллиметров толщиной — и ловко защелкнул его на протянутой руке. Она взглянула на странный предмет: пара сенсоров и несколько черных букв и цифр. Больше ничего. Он плотно облегал руку, но не мешал.

— Закон требует, чтобы все рабы носили это, — объяснил управляющий. Маленький толстый человечек оглядывал ее хитрыми сальными глазами.

«Должно быть, я на Терре, — промелькнуло в голове Козары. — На других планетах поступают иначе. А на Деннице мы рабов не держим».

— Он питается теплом организма, — продолжал бормотать голос, — и поддерживает связь с глобальной мониторинговой сетью. Как только компьютер заметит что-нибудь подозрительное или ты попытаешься снять браслет, оператор подаст сигнал, который остановит тебя на месте. — Толстяк указал на кнопку в панели управления. — С сигналом ты сейчас познакомишься.

Кнопка поехала вниз. Боль вспыхнула как молния, пронизала плоть, кость, добралась до костного мозга. Вскоре не осталось ничего, кроме боли. Козара упала на колени. Она не помнила, что было дальше: то ли кричала не своим голосом, то ли горло сдавило болью.

Управляющий отнял руку. Мука кончилась. Козара скорчилась на полу и плакала. Ее бил озноб. Издалека донесся голос:

— Это только пять секунд. Браслет посылает импульс в один из центров головного мозга. Если у тебя здоровое сердце, можешь выдержать минуту. Теперь понимаешь, что лучше быть хорошей девочкой? Отлично. Поднимайся.

Козара с трудом встала на ноги. Дрожь постепенно прошла. Толстяк ухмыльнулся и пробурчал:

— Неплохо выглядишь. Экзотическая внешность. Совсем не похожа на наших стандартных красавиц. Я бы и сам не прочь купить тебя, боюсь только, денег не хватит. Ладно... Стой смирно.

Он только лапал. Козара терпела, надеясь, что скоро можно будет принять горячий-горячий душ. Но когда охранник отвел ее в женский сектор, оказалось, что вода только холодная, да и той не вдоволь. В огромной гулкой спальне было уныло и голо. Почти

никакой мебели, кроме коек. В такой же просторной столовой кормили съедобной, но безвкусной пищей. В секторе томилось около двадцати пленниц. Козару встретили по-доброму, хоть и не без любопытства. Любопытство увеличилось еще больше, когда выяснилось, что она с далекой планеты и впервые на Терре. До крайности утомленная, девушка уклонилась от расспросов и провалилась в беспокойный сон.

Наутро состоялся унижительный медицинский осмотр. Психотехник просмотрел предоставленное военной разведкой досье, задал несколько вопросов и расписался в карточке. Было видно, что ему хочется продолжить разговор, — например, спросить, почему она примкнула к заговорщикам, — но отметка «Секретно» на ее документах пугала. Впрочем, возможно, врач понимал, как смутны и отрывочны воспоминания пациентки о происшедшем после гипнозондирования на Диомеде.

Вечером ей не удалось избежать долгих разговоров. Женщины собрались в кружок и болтали. Раньше они жили на Терре, Луне или Венере. Все, за единственным исключением, попали во временное рабство за мелкие преступления: повторную кражу или преступную халатность. Видно было, что новые подружки Козары не отличаются ни умом, ни красотой.

— Меня никогда не купят, — жаловалась одна. — Придется отправляться на тяжелые общественные работы.

— Не понимаю, — сказала Козара. Мягкий денницианский акцент девушки интриговал многих. — Кому это нужно? Если вокруг полно машин, зачем нужны рабы? Ведь их труд... Их труд неприбылен.

То самое единственное исключение, изможденная женщина со следами былой привлекательности, ответила:

— А что еще делать с преступниками? Убивать их за малейший проступок? Проводить дорогие операции по психокоррекции? Изолировать за общественный счет? Нет, пусть они поработают. Пусть Империя получит немного денег, если кого-нибудь удастся продать.

«Что она говорит? Неужели боится браслета? — удивлялась Козара. — Ну уж между собой-то можно немного пооткровенничать».

— Разве мы способны хоть в чем-то заменить машины? — спросила она.

— А личные услуги? Самые разнообразные. Или... Ну хотя бы с экономической точки зрения. Рабы менее эффективны, зато не требуют больших вложений.

— Ты, должно быть, образованная.

Женщина вздохнула:

— Была когда-то. Пока не убила мужа. Я получила пожизненный срок, как и ты, детка. Мой покупатель заплатил, чтобы мне

сделали коррекцию сознания. Для подстраховки. — Неожиданно ее лицо оживилось. — Я ему так благодарна! Кто я была раньше? Убийца! Понимаешь? Убийца! Я присвоила себе право решать, кто достоин жизни, а кто — нет. А теперь мне известно... — она ухватила Козару за руку. — Попроси их. Они и тебя подкорректируют. Ты ведь совершила предательство? Попроси их очистить тебя!

Пленницы разом отпрянули назад.

«Психокоррекция», — поняла Козара. По телу поползли мурашки.

— По-почему же ты здесь? — пробормотала денщианка. — Ведь тебя купили.

— Я ему надоела, и он продал меня обратно. Я так скучаю по нему... Но, конечно, он имеет полное право поступать, как хочет. — Сумасшедшая подошла совсем близко. — Ты мне нравишься, Козара. Хорошо бы нам попасть в одно место.

— Место?

— Какой-нибудь богач мог бы купить нас обоих. Бордель, конечно, более вероятен...

Козара оттолкнула ее руку и побежала. За два шага от туалета ее вырвало. Девушку заставили вытереть пол, после чего вокруг нее снова собрался кружок. Женщины болтали, болтали, болтали... Козара закричала, чтобы ее оставили в покое, затем попыталась разогнать сплетниц ловкими ударами. Браслет не реагировал. Было ужасно осознавать, что каждый шаг пленницы контролирует полудурочный электронный мозг. Время от времени к экрану подходил усталый оператор. Но, видимо, надзиратели не возражали против драк — лишь бы осталась цела живая собственность. Козара бросилась на койку и сжалась в комок.

Наутро пришла надзирательница. Окинула новенькую критическим взглядом, кивнула:

— Годишься. На-ка проглоти, — и протянула таблетку.

— Что это? — попятилась денщианка.

— Эйфорик. Нужно хорошо выглядеть перед камерой. Не бойся, глотай.

Памятуя о последствиях непослушания, девушка повиновалась.

Почти сразу возникло ощущение комфорта. Она шла за надзирательницей, и волны удовольствия накатывали одна выше другой. Козара словно бы опьянела. Нет, опьянение — неподходящее слово: мозг продолжал контролировать движения тела. Скорее это напоминало... ну, как будто они с Михаилом выпили по паре стаканов, потанцевали. Скрипачи все еще играли. Михаил стоял рядом, живой...

В студии она почти охотно скинула серенькое платье, покрутилась перед объективом и произнесла несколько заученных фраз. Она почти не обратила внимания на комментарий:

— Козара Вимезал (имя было перевернуто, затем произнесено по буквам), человек, пол — женский, двадцать пять лет, девственность, сложение атлетическое, здоровье и умственные способности выше среднего, образование хорошее, но провинциальное. Инициативна. Требуется немедленного обучения послушанию, но без радикальных мер. Пожизненный срок за предательство и участие в заговоре против Империи. Страдает враждебностью к Империи и некоторой дезориентацией вследствие гипнозондирования. Операция не затронула ни рассудка, ни эмоциональной стабильности. Во время путешествия на Терру держалась холодно. Поведение приемлемое.

Родилась на планете Денница (Зоря III), в секторе Тельца. (Серия цифр.) Имеет высокопоставленных родителей. Отец — окружной администратор. (Почему умолчали о матери? Она ведь сестра Бодина Миятовича, господаря и губернатора сектора. Ох, дядя, дядя...) Согласно денницианским законам, проходила военную подготовку и отслужила положенный срок в вооруженных силах. Получила ученую степень в области ксенологии. Выполняла исследовательские работы на близлежащих к Деннице планетах. Несколько месяцев назад отправилась на Диомеду (серия цифр), планету, расположенную на дальнем от сектора Тельца краю Империи. Под прикрытием научных изысканий участвовала в подготовке вооруженного восстания. Рапорт о деятельности Козары Вимезал в тот период времени засекречен. Сама она мало что помнит. Заговор удалось обезвредить в самом зародыше. Вимезал раскрыли, арестовали, допросили и решением военного трибунала приговорили к пожизненному рабству. Поскольку на Диомеде спрос на рабов почти отсутствует, попутным курьерским кораблем она была отправлена на Терру.

Мы считаем, что при обычных мерах предосторожности она не будет представлять никакой опасности. Несмотря на физическую привлекательность...

Камера спроецировала голограмму, и Козара увидела свое изображение. Перед ней стояла крупная женщина 177 сантиметров ростом, с несколько маленькой грудью, но крепкими плечами и бедрами. Длинные стройные ноги. Гладкая матовая кожа, очень чистая, за исключением нескольких веснушек и остатков загара. Ширококосулое лицо, нос с горбинкой, полные губы, волевой подбородок. Над большими глазами цвета морской волны — темные брови и каштановые кудри. Волосы до плеч — стрижка, которую на Деннице носили и мужчины, и женщины; низкий голос.

— ...отличается излишней сдержанностью. Однако при соответствующих условиях жизни и тренировке может развить большие сексуальные способности. Частный владелец найдет, что

доброе отношение со временем сделает ее более лояльной и отзывчивой...

Козара забыла о монотонном голосе, мысленно покинула студию и Терру и перенеслась домой. К Михаилу? Нет, она бы не смогла воссоздать его лицо из межзвездной пыли. Даже теперь ей не хватало храбрости. Но всего несколько лет назад они с Тродвиром...

{Начинались каникулы в Школе. Уже получен отпуск в отряде противовоздушной обороны. Обычно она проводила это время с женихом, если тому удавалось освободиться. Но в тот год недалеко от системы Зори появилась космическая эскадра неизвестного происхождения. Подозревали, что началась вылазка сторонников одного из претендентов на престол, противника Ханса Молитора. Господарь поддерживал законного императора. Поэтому во главе части денницианского флота он отправился навстречу незванным гостям, чтобы в случае надобности выбить их из сектора. Михаил Светич, инженер на торпедоносце класса «метеор», поцеловал Козару и распрощался.

Козара осталась в Зоркаграде. Делать было нечего. Устав от безделья, она отправилась к родителям. Данило Вимезал, воевода Дубиной Долины, занимал одновременно должности главы совета, верховного судьи и главнокомандующего в этом величественном краю в северных предгорьях Казана. Девушка быстро соскучилась в родительском доме и стала проситься на охоту. Отец подумал минуту и кивнул:

— Поезжай. Это пойдет тебе на пользу. Кого возьмешь в напарники? Тродвира?

Козара рассчитывала обойтись без провожатых. Но, конечно, отец был прав: только сумасшедший решится в одиночку забраться в такую глушь, откуда не дойдет ни один сигнал о помощи. Старый змай был неплохой компанией. Он знал, когда нужно помолчать.

Аэромобиль высадил пассажиров на западном склоне горы и убрался восвояси. День сменялся ночью, и снова наступал день. Долгие переходы чередовались с трудными восхождениями. В небе парили орлики. Несколько раз им удавалось заметить застывшего на уступе скалы горного козла. Но Козара не стреляла: грех губить такую красоту. Наконец долгожданный миг настал. В крови вспыхнул веселый огонь. Дяво кинулся в атаку. Раздался выстрел. Смертоносные клыки и когти всего на метр не дотянулись до охотницы.

— Опрометчивый поступок, дама, — укоризненно произнес Тродвир.

— Он первый бросился, — оправдывалась Козара.

— После того, как вы заметили берлогу и как следует пошумели в кустах. Не нужно отрицать, дама. Я помню вас еще несмышленным ребенком. Вы учились ходить, держась за мой хвост. Если вы погибнете, ваш отец уволит меня и куда тогда деваться бедному одинокому *ихану*? Обратно в деревню, рыбу ловить? Пожалейте старика, дама.

Дама хихикнула. Путники разбили лагерь. Они сидели на краю кратера Казана, в том месте, где открывался вид на Высочину. Красоту окружавшего их пейзажа невозможно было передать словами. Представить ее способен только Бог, сотворивший эти благословенные места.

Безлесные склоны покрывал пурпурный ковер моховины, упругий на ощупь и источавший пряный аромат. Здесь и там виднелись белые и золотые пятна анемонов. Чуть поодаль ветер шелестел в зарослях тростника. На западе, понижаясь, открытая местность переходила в бескрайние леса — окутанный голубоватой дымкой океан, полосатый от желтых лучей заходящего солнца. Вдалеке сверкал изогнутый клинок реки. На западе торчали острые вершины мрачных холмов Высочины. За ними высились громады Планины Белогорски: золотистая белизна снежных пиков сияла на фоне чистого лазурного неба. Вдалеке тонкой нитью тянулся дымок вулкана Земля.

Солнце зашло за горы. Быстро похолодало. Воздух стал таким же ледяным, как вода в ручье, который бежал из расселины на краю кратера. Козара закуталась в куртку, присела на корточки и протянула ладони к огню. Из рта девушки вырывались облачка пара и растворялись в сгущавшихся сумерках.

Костер догорел. Над тускло мерцавшими углями танцевали маленькие язычки пламени. Тродвир насадил мясо на вертел, затем начертил в воздухе знак и произнес несколько слов на эрио. Козара знала их на память: «Аферди Глубин, Блайн Ветров, Хааван, что таится в рифах, заклиная вас, не приближайтесь к этому месту». Несмотря на то что всю свою жизнь Тродвир провел за сотни километров от Черного океана, он продолжал оставаться старомодным иханом-язычником. Еще подростком, впервые загоревшись верой, Козара пыталась сделать из него православного христианина, но вскоре убедилась в своем полном бессилии.

Но, может быть, Вседержитель не будет слишком строг к его заблудшей душе, и в конце концов Тродвир окажется на небесах.

Она никогда не называла его змаем. Не то чтобы слово это имело отрицательный оттенок. Может быть, в прошлом, лет четыреста назад, когда с Мерсейи стали прибывать первые иммигранты, оно и звучало несколько презрительно, но теперь змаями одинаково называли всех деннициан мерсейского происхождения.

(В наши дни Мерсейя превратилась в грозного противника Терры. Не связано ли изменение отношения к змяям с ростом могущества их далекой родины?) Как бы там ни было, но именно от Тродвира и его семьи Козара выучилась эрио, вернее, его местному архаическому диалекту. Одновременно родители научили ее сербскому, а гувернантка — англику. Поначалу она то и дело мешала слова трех языков в одну кучу. Взрослые долго отучали ее от этой привычки. Но и позднее девушка по старинке продолжала называть народ Тродвира их родовым именем, *иханы* — «искатели».

А как же иначе? Ведь старый мерсеец был одной из главных планет ее детской вселенной. В самом центре, естественно, стояли Отец и Мать. Еще были кукла Лютка, с годами затертая до неузнаваемости, и кошка по имени Белоножка. Временами возникал дядя Бодин, когда вместе с тетей Драгой приезжал навестить Вимезалов. Иной раз родители брали ее в Зоркаград. Тогда дядя водил племянницу в зоопарк и на аттракционы. Два младших брата и сестра напоминали кометы. Они то вспыхивали ярким светом любви, то исчезали в непроглядной тьме. Тродвир не претендовал на значительное место в ее сердце, но никогда не менял орбиты и всегда находился рядом.

— *Храйх*. — Тродвир удобно устроился на треноге из широко расставленных ног и хвоста и принялся готовить ужин. — Сегодня вы заслужили двойную порцию выпивки, дама. Одну как обычно, а другую за диаво. — Он достал бутылку со сливовицей, наполнил стаканы и добавил: — Теперь мне придется разделять зверя и тащить шкуру.

В грубом босе мерсейца явственно послышались жалобные нотки. Козара с изумлением взглянула на своего спутника.

Для жителя внутренних районов Империи все мерсейцы были на одно лицо. Антропоморфность не играла большой роли. Только хорошо знающий эту расу человек сумел бы увидеть индивидуальность за плотной завесой чужеземных черт. Конечно, Тродвир отдаленно напоминал крупного мужчину, и его плоское лицо с нависшими бровями, широким носом и тонкими губами могло бы сойти за человеческое, если б не великое множество мелких деталей. Вдобавок он не имел ушей — только аккуратные отверстия по обеим сторонам черепа. Безволосая светло-зеленая кожа была покрыта едва заметными чешуйками. С макушки и до кончика хвоста сбегала горная цепь правильных треугольных зубьев. Стоял он чуть подавшись вперед, а ходил не как люди — на носках, в странном, неправильном ритме. Мерсейцы были теплокровными животными, их женщины — живородящими, но детей они кормили иначе, чем млекопитающие. Терра никогда не производила на свет ничего подобного.

Козара отличила бы Тродвира из тысячи собратьев. Точно так же она отличала родственников или Михаила. Старик похудел, на щеках появились глубокие морщины. Обычно он пренебрегал башмаками и брюками — обходился длинным балахоном до колен с множеством карманов. На поясе висел кривой нож с ручкой-кастетом. Много лет назад он подарил ей такой же и научил, как им пользоваться.

— Если хочешь, давай оставим ее здесь, — предложила она и подумала: «Неужели он так состарился? Как это печально для нас обоих».

— Нет-нет, дама. Не нужно. — Тродвир смутился. — Простите старика. Просто... просто сегодня я вдруг представил, что вас разорвали на части. Вы загораживали зверя, я не мог стрелять... Не делайте этого больше, дама.

— Прости, — сказала Козара. — Но риск был небольшой. Я знаю свою винтовку.

— Я тоже. Разве не я вас учил?

— Тогда я была девочкой. И ружья были легкие. А теперь у меня «ташта», общевоинское вооружение. С такой штукой можно ничего не бояться. — Козара отвела взгляд и посмотрела вниз. Ночь уже скрыла основание Казана. — Впрочем, — мягко добавила она, — мне хотелось почувствовать опасность. Ты прав. Я специально спровоцировала зверя.

— Чтобы спрятаться от беспомощности? — еле слышно спросил Тродвир.

— Да. — С людьми она бы не смогла быть столь же откровенной. Даже с Михаилом. Но старый ихан знал ее с детства. За эти годы он стал ей ближе, чем духовник. — Мой мужчина там, — она махнула рукой в сторону первых засиявших на фиолетовом небосклоне звезд, — а я должна оставаться в своем отряде. Но ведь на Денницу никто не нападет!

— Благодаря таким отрядам, как ваш, дама, — ответил Тродвир.

— Но все же он... — Козара залпом осушила свой стакан. Водка обожгла горло. Тепло быстро разлилось по всему телу. Девушка потянулась за новой порцией. — Почему это так важно, кто будет императором? Ну хорошо, Джосип был сволочь. Его агенты никому житья не давали. Но теперь-то Джосип умер, а Империя стоит. И я знаю — дядя мне много рассказывал, — что главная ее опора — это армия маленьких безымянных чиновников, чья работа переживает целые династии. Так зачем же нам воевать? Не все ли равно, кто воссядет на престол в Аркополисе на ближайшие несколько лет?

— Вы человек, дама, не я, — ответил Тродвир. Помолчав, он добавил: — На Мерсейсе бы очень обрадовались, если б новый

император был глуп или слаб духом. Все же мы живем не так уж далеко от Мерсейи.

Козара поехала и глотнула сливовицы.

— Скоро все уладится, — бодро заявила она. — Дядя Бодин точно знает. Он говорит, что эта стычка — последний вздох умирающего. Тогда, — девушка подняла голову, — мы с Михаилом сможем путешествовать...

...и откроем множество чудесных миров, которые вращаются вокруг новых солнц.

— Хорошо, если так, дама, хотя я буду скучать по вам. Заведите много детей, и пусть они возятся возле меня в нашем поместье. Помните, как вы играли?

Слегка опьяневшая — какой голод вызывает запах жареного мяса! — она забыла о стыдливости.

— Перед отъездом он хотел переспать со мной. Но я сказала: нет, подождем свадьбы. Но, может быть, мне следовало согласиться? Скажи, я правильно поступила?

— Вы человек, не я, — повторил Тродвир. — Что я могу сказать? Только то, что вы дочь воеводы и племянница господаря. Мне вспоминается одна история. Когда я был несмышленным щенком — наш народ тогда жил в Старом Афроке, хотя море уже подступало совсем близко, — так вот, когда мы жили в Старом Афроке, там была одна молодая ихан, женщина по-вашему. Я знал ее немного, потому что мой взрослый кузен за ней ухаживал...

История рассказывала о жестоком соперничестве двух влюбленных и заканчивалась счастливым спасением в море. В древности нечто подобное могло происходить и между людьми. Неожиданно Козара почувствовала облегчение: она снова была маленькой, Тродвир прижимал ее к своей теплой сухой груди и грубым голосом напевал колыбельную. В ту ночь девушка спала как убитая. Через несколько дней они благополучно вернулись в Дубину Долину. Отпуск кончился. Козара уехала в Зоркаград.

А вскоре пришло известие, что Михаил Светич погиб в сражении.

Но, стоя перед телекамерой в студии торговца рабами, Козара не думала о своем горе, не думала о том, что стало с Тродвиром на холодной Диомеде. Она вспоминала тот далекий вечер, единственный из многих проведенных со старым иханом вечеров.}

Наркотический подъем закончился. Она лежала на койке, вцепившись зубами в подушку, и всеми силами старалась не реветь.

Прошел еще день.

Наконец ее вызвали к управляющему.

— Поздравляю, — сказал тот, — тебя очень удачно купили. Удачней, чем ты заслуживаешь.

В голове зашумело, в глазах помутилось. Козара чуть не грохнулась на пол. Откуда-то издалека доносилось:

— Покупатель — частное лицо. Должно быть, ты ему здорово понравилась, если он предложил больше, чем два публичных дома. Можешь неплохо устроиться. Да и я внакладе не остался. Запомни: если он вдруг решит тебя продать, не исключено, что ты снова попадешь ко мне. А я очень забочусь о своей репутации. Понимаешь? Не забывай о браслете, детка. В любом случае будет лучше, если ты выразишь ему свою признательность. Зовут его Доминик Флэндри, он капитан военной разведки, рыцарь Империи и, скажу тебе по секрету, фаворит императора. Рабыня ему нужна не для постели. Ходят слухи, что этот молодец соблазнил добрую половину терранских аристократок, а уж проступек и не перечесать. Я же говорил, что ты особенная. Видать, и он так считает. Будь с ним поласковой, тогда, может быть... Ладно, отправляйся. Надзирательница тебя причешет и даст во что одеться.

Та вдобавок дала и таблетку эйфорика. Поэтому Козара не обратила никакого внимания на то, что пришедший за ней слуга напоминал злую карикатуру на ихана. Он тоже был зелен и лыс, тоже имел хвост, но цвет его кожи был слишком ярким, чешуйки отсутствовали, хвост больше походил на кошачий, осанка была прямая, рост — гораздо ниже человеческого. Да всех отличий не перечесать.

— Сэр Доминик имеет обыкновение именовать меня Чайвз, — отрекомендовался урод. — Не сомневаюсь, что новая служба вам понравится. Признаюсь честно, пока на Терре не ввели закон о браслетах, я отклонял предложение хозяина отпустить меня на свободу. Позвольте проводить вас к выходу.

Окутанная розовым туманом, Козара прошла к аэромобилю. Они миновали город, пересекли океан и опустились возле затейливого домика на острове, который Чайвз назвал Каталиной. Слуга проводил девушку в ее апартаменты и известил, что в данный момент хозяин отсутствует по делам, но в скором времени даст о себе знать. До тех пор дом в ее полном распоряжении. Естественно, в разумных пределах.

Козара уснула, воображая, что Михаил лежит рядом.

Глава 3

Официально было объявлено: в скором времени император Ханс покидает Терру и во главе большой армады отправляется в сектор Спики, дабы лично руководить усмирением варваров.

Следовало очистить ту часть границы, ослабленную недавней войной за корону, от всех этих воинственных царьков, пиратов и охотников за Бог весть какой удачей. В Коралловом Дворце устраивался прощальный вечер. Имя сэра Доминика Флэндри стояло в числе приглашенных. Отказаться было невозможно.

«Кроме того, — размышлял Флэндри, — этот старый ублюдок мне по-прежнему нравится. Конечно, он не лишен недостатков, но в данных обстоятельствах ничего лучшего нам просто не найти».

Солнце давно зашло. В Океании наступила ночь. Высоко в небе висел узкий серп луны. На ее затененной стороне полбескивали огоньки метеостанций. Звезды освещали мягко рокочущие волны и серебристый песок. Чуть в стороне идилия заканчивалась: там прибой с грохотом разбивался о крепостной вал. За валом в ярком свете парили стены, дворцы и башни. Небо над ними исчезло.

Флэндри приземлился и вышел из аэромобиля. Воздух был чист и пахнул солью. Облако благовоний (или психогенных аэрозолей, как бывало во времена Джосипа) на сей раз отсутствовало. Слабый ветерок доносил звуки сдержанной, приличной музыки. Никакой гиперутонченности или, наоборот, излишней резкости. Такая музыка могла быть написана где-нибудь в колонии (вернее всего, на Германии) или в незапамятные дни на Терре. Лет десять назад двор бы с презрением отверг столь архаичные звуки.

В толпе прочих гостей Флэндри прошел к главному зданию. Несколько слуг ему поклонились. Число стоявших навытяжку гвардейцев заметно увеличилось. Их форма отличалась от прежней большей простотой. Было видно, что эти солдаты успели понюхать пороху. Громадный вестибюль с фонтанами мало изменился. Поток людей, спешивших попасть в бальную залу, как всегда блистал роскошью одеяний: феерическое зрелище. Но время фантастических воротников, накидок, рукавов, манжет и чулок уже прошло. Теперь наряды обтекали тела, оставляя открытой только шею или, на крайний случай, верхнюю часть груди. Хотя многие мужчины предпочитали брюкам длинные хитоны, все женщины были в юбках.

«Хорошее нововведение, — одобрял Флэндри. — Думаю, любя леди со мной согласится. Таинственный шорох умело скроенной ткани гораздо сильнее привлекает мужчину, чем косметика или драгоценности на оголенном теле. Я уж не говорю о простоте. Может быть, теперь придется тратить больше усилий, но зато соращение станет отдыхом, а не оргией.

Однако наш старый добрый Ханс зашел слишком далеко. Все спальни во дворце заперты!

Впрочем, не исключено, что он решил культивировать в своих приближенных изобретательность».

Принимал гостей кронпринц Дитрих. Этот крупный некрасивый мужчина средних лет уже начинал тучнеть. Они с Флэндри были давние приятели и вместе участвовали во многих боях, тем не менее Доминик получил такой же механический кивок, как и все остальные. Бедняга кронпринц должен был лично поприветствовать три, а то и четыре сотни гостей, каждый из которых претендовал на внимание. Наркотики же не позволял этикет — только стимуляторы.

«Еще одна жертва чрезмерной приверженности строгим принципам», — подумал Флэндри. Младшему брату, Герхарту, повезло больше. Он уже успел поцарски надраться и теперь сидел за столиком у стены вместе с закадычными друзьями. Однако его лицо оставалось, как обычно, мрачным.

Флэндри двигался вдоль стены бальной залы. Освещение было вполне обычным, за исключением одной детали: оно не мешало видеть звезды в стеклянном своде потолка. Пол блестел под ногами нескольких десятков пар, которые мерно двигались в пристойном танце. Танец назывался квиксильвер. Доминик раскланивался со знакомыми, но останавливаться не спешил. Он направлялся к увитому зеленью буфету, где подавали шампанское. Бокал шипучки в руке, запах роз, веселая мелодия, вереница красивых женщин — в иные моменты жизнь бывала похуже.

Один из таких моментов наступил.

— Здорово, сэр Доминик.

Обернувшись, Флэндри низко поклонился, чтобы скрыть разочарование.

— Алоха, ваша светлость.

Тецуо Никколини, герцог Марса, принимал стакан от слуги за стойкой. Стакан был явно не из первых.

— Давненько не виделись, — произнес герцог. — Скучал без тебя. Ты умеешь слегка расшевелить нашу компанию. При дворе теперь невесело. — И догадливо добавил: — Потому и не любишь здесь бывать, а?

— Да, — согласился Флэндри, — соратники его величества всегда отличались некоторой прямолинейностью и суровостью. — Он глотнул шампанского. — Однако ваша светлость, кажется, не спешит покинуть это благословенное место.

Никколини вздохнул. Во все времена он был не более чем безобидным фатом. Но в последние годы, когда косметические операции и другие омолаживающие процедуры уже не в силах были скрыть морщин, обширную лысину и дрожь в коленках, перед ним открылась некая туманная перспектива. К несчастью, он так и остался занудой.

Герцог поднял руку со стаканом. На цветастом рукаве затрепетали тени лепестков.

— Считаешь, мне лучше поехать в свое захолустье и устроить себе собственный маленький двор? Невозможно, дружище. У меня там одни лизоблюды. Обдерут как липку и будут при этом мило улыбаться. Мои настоящие друзья, те, кто умел радоваться жизни, давно умерли, или сбежали, или спят в своих стариковских постелях. — Он помолчал. — Вдобавок, скажу тебе по секрету, Ханс дал мне понять — он очень ясно выразился, понимаешь? — так вот, Х. М. дал мне понять, что мое появление на Марсе крайне нежелательно. Разве только в самых торжественных случаях.

Флэндри кивнул. «Умно, — мелькнула у него мысль. — Марсиане (Негуманоиды. Поселились на Марсе во времена Галактического Содружества. Были рады принадлежать Содруеству, но почувствовали себя обманутыми, когда оно распалось и началась Смута. Были силой присоединены к Империи) до сих пор не успокоились. А как известно, лучший способ управления беспокойной планетой — это тот, который не оставляет никаких признаков контроля. Скорее всего после смерти бедняги Тецци Ханс предложит его наследникам кучу денег, купит им фиктивный титул где-нибудь в другом месте, а на Марсе посадит местного герцога. Тот даже не будет знать, что стал марионеткой. Я по крайней мере именно так бы и поступил».

— Но, кажется, мы стали слишком серьезными, — прервал себя Никколини. — Расскажи-ка лучше о себе. Где побывал? Что поделявал? Давай выкладывай. Наверняка, видел что-нибудь интересное.

— Да так, попутешествовали немного с другом. — Флэндри не стал вдаваться в детали. Он не любил, когда лезли в его частную жизнь. В этом заключалась одна из причин, почему он до сих пор не стал адмиралом. Как только человек попадал в окружение императора, за ним начиналась постоянная слежка. Доминик предпочитал оставаться в тени. Смирал амбиции, время от времени терял расположение своего энергичного патрона, но зато не привлекал к себе внимания.

— С другом, говоришь? Ну-ну. — Герцог ткнул его локтем в бок. — Знаю я ваших друзей. Ну и как она?

— Во-первых, не она, а он, — ответил Флэндри. Деваться было некуда. Приходилось развлекать этого дряхлого старика, открывшего секрет вечного отрочества. — Конечно, без дела мы не сидели. Например, обнаружили неплохое местечко на Ганимеде. Ваша светлость никогда не слышали об императрице Ву из Небесного Града?

Герцог испуганно замотал головой:

— Что ты. После катастрофы с «Королевой Луизой» я о Юпитере и слышать не могу.

Флэндри нахмурился. Он никак не мог вспомнить... Ах да... Это было пять лет назад. Шла гражданская война. Доминика тогда не было в Солнечной системе. Роскошный лайнер «Королева Луиза» направлялся к Каллисто. Внезапно вышел из строя генератор защитного поля. Мощная радиация, которая бурлит вокруг гигантской планеты и ее внутренних спутников, никого не оставила в живых. Медицина оказалась не в силах восстановить сожженные невидимым пламенем тела.

Многовековая практика исследования и колонизации близлежащих планет не знала ничего подобного. Считалось, что магнитогидродинамическое поле можно уничтожить только вместе с самим кораблем. Значит, саботаж? Расследование не дало никаких результатов. Суд вынес расплывчатую формулировку о «преступной халатности».

— Мой бедный племянник, еще совсем молодой человек, был среди пострадавших. От него я и унаследовал титул, — продолжал бубнить Никколини. — После таких событий просыпается старый добрый инстинкт самосохранения. Еще бы, столько смертей. Конечно, я не лышу себя мыслью, что могу стать мишенью для политического убийства. Но поостеречься не мешает. Так что за место вы там нашли? Давай рассказывай. Если будет что-нибудь стоящее — закажу себе сенсокопию.

К счастью, в этот момент к буфету подошла девушка — имперский курьер в ливрее.

— Срочная депеша, сэр Доминик, — произнесла она, низко поклонившись. — Соблаговолите следовать за мной.

— С превеликим удовольствием, — ответил Флэндри: курьерша был молода и хорошо сложена. Судя по акценту, родилась она где-то в районе Гермеса. Мажордомы обширного хозяйства нового императора редко нанимали людей. Но если уж нанимали, старались, чтобы большинство прибывало с других планет. Таков был приказ.

Флэндри не знал, кто его вызывает и зачем, но был бы рад любым, даже самым ужасным вестям, лишь бы освободиться от надоедливового аристократа. Герцог рассеянно кивнул в ответ на извинения Доминика и остался стоять наедине со своим стаканом.

Его императорское величество, великий император Ханс Фридрих Молитор, основатель династии, Верховный Хранитель Согласия, Глава Звездного Совета, Главнокомандующий Флота, Высший Арбитр, признанный покровитель несчетного числа миров и почетный руководитель столь же огромного количества организаций, одиноко сидел в комнате на верхнем этаже башни. Обстановка поражала аскетизмом: стол с селектором, койка, покрытая

истертой, но настоящей шкурой лошади, стулья с прямыми спинками. Сам император сидел в большом пневматическом кресле. Несколько личных вещей: шкура саблезубого тигра на полу — подарок с Германии, два портрета последней жены — один в юности, другой в преклонных годах, фотография молодого блондина и модель корвета, на котором он впервые стал капитаном. Полукруглый свод потолка начинался на уровне груди. В данный момент он был прозрачным. Император видел ярко освещенные крыши, шпили, сады, пруды, крепостные стены, караульные помещения, а за всем этим — ночной океан.

Курьер ввела Флэндри в комнату и немедленно испарилась, Доминик отдал честь и вытянулся в струнку.

— Вольно, — проворчал Ханс. — Садись. Закуривай.

Сам он курил трубку. Очиститель воздуха не справлялся с ее едким дымом. Император имел невзрачный вид. От этого впечатления не спасали ни голубой мундир, ни белые брюки, ни золотой шнур с изображением туманности и тремя звездами на погоне — знак верховного командования, ни даже пирокристаллическое кольцо Мануэля Великого. Зато сам он почти не поддавался времени, и вовсе не трудами медтехников. Короткое, плотное туловище с заметным брюшком, мешки под маленькими черными глазками, редкие седые волосы — эти признаки старения легко можно было удалить с помощью одной-единственной операции. Но император презирал биокосметику. Так же мало Ханс заботился и о лице. Он был доволен своим низким лбом, кустистыми бровями, огромным римским носом, тяжелыми челюстями, широким ртом с глубокими складками по краям, массивным подбородком.

— Благодарю вас, ваше величество. — Флэндри элегантно устроился на стуле напротив патрона, достал изящный портсигар, который в случае надобности мог служить и оружием, и укрылся в сигаретном дыму от воню Хансовой трубки.

— Брось ты свои дурацкие формальности, — пророкотал низкий бас с немецким акцентом. — Мне сегодня еще выходить к гостям и трепаться с ними до посинения. Боюсь, после этого у меня уже не хватит сил на новую девчонку из моей коллекции. А мне чертовски нужно развеяться.

— Примите стимулятор, — посоветовал Флэндри.

— Нет, я пью слишком много таблеток. Если так будет продолжаться и дальше, я долго не протяну. А мне нужно время... Я ведь всего шесть лет как на троне. Три из них прошли в постоянных сражениях за престол. Теперь нужно смастерить из искорсженной, насквозь прогнившей Империи вещь, которая будет способна протянуть хотя бы несколько поколений. На это уйдет двадцать, а то и тридцать лет. Лишь тогда я смогу отложить

свой инструмент. — Ханс хрипло рассмеялся. — Так что пусть инструмент для красоты Фрессы подождет еще денек. Кстати, ты должен ее увидеть, Доминик, дружище. Только никому не рассказывай. Такое тело способно вызвать революцию.

Флэндри усмехнулся:

— Да, мы, люди, по сути своей существа сексуальные. Если нам не удастся трахнуть друг друга физически, мы делаем это политически.

Ханс громко расхохотался. Императорский титул мало изменил этого человека. Он родился в пуританской семье на окраине Империи. Мальчишкой бежал из дому ради романтики космических приключений. Записался в армию и потом всю жизнь упрямо лез наверх, не имея ни связей, ни умения приспособливаться.

Да, он был и оставался грубым воякой. Героем Сиракса, который повел свой флот против мерсейцев, отбросил их и положил конец вооруженному конфликту, грозившему вылиться в настоящую войну. Лидером, который позволил своим людям объявить себя императором. Позволил с неохотой, ибо им двигало не честолюбие, а чувство ответственности. В тот момент когда законный порядок престолонаследия был нарушен и в стране бушевал хаос, воцарение любого другого претендента могло обернуться катастрофой.

Холодный прагматик, невежда, человек скорее расчетливый, чем умный, Ханс то ли напугал Мануэля Аргоса, то ли сумел вынудить у него скупое одобрение, в каком аду или Валгалле ни обитал теперь основатель Империи. Так или иначе, час Ханса Молитора настал, а сколько этот час будет длиться и каковы будут его последствия — гадать бесполезно.

Император перестал смеяться и наклонился вперед. Его волосатые руки крепко сжимали тихонько тлеющую трубку.

— Что-то я разболтался, — сказал он. Странное признание из уст самого лаконичного из всех императоров. Флэндри тем не менее понял. Их осталось очень немного, людей, с которыми Ханс осмеливался говорить откровенно. — Займемся делом. Что ты знаешь о Деннице?

Вопрос прозвучал неожиданно. Однако Флэндри не подал виду, что смущен, и мягко ответил:

— Не много, сэр. Хоть мне и посчастливилось оказаться в секторе Тельца, когда принцесса Меган нуждалась в помощи, я мало о нем знаю. Почему вы спрашиваете?

Ханс нахмурился:

— Ты, конечно, знаешь, что господарь, губернатор сектора, сопротивляется моей реорганизации сил обороны. Возможно, у него просто иное мнение. Возможно. Но... недавно поступила информация, что он планирует восстание. Значит, в скором времени

в дело вмешаются мерсейцы. Если он уже не перекинулся на их сторону.

У Флэндри заняла спина.

— Каковы факты, сэр?

— Захолустная планетка в секторе Арктура. Называется Диомеда. Туземцы хотят отколоться. Болтают о помощи ифриан. В заговоре замешаны люди. Мы, естественно, предположили, что там работают агенты из того же района, скорее всего с Авалона. Но по последним данным ифриане пока не желают с нами связываться. Кроме того, наша разведка распала, что люди прибыли с Денницы. Мы поймали несколько человек. Только один остался в живых. Возникли кое-какие проблемы с гипнозондированием, но в конце концов оказалось, что она попала на Диомеду с секретным заданием.

Ханс вздохнул:

— Все это я узнал только вчера. Проклятая связь. Хорошо еще, я издал строжайший приказ внимательно рассматривать все, что может иметь отношение к измене. А то бы мне до самого отъезда не было ничего известно. Вдобавок... *Got in Himmel**, я по горло завален делами. Мой компьютер то и дело извергает информацию о государственных изменах и тому подобной муре. Тем не менее...

Флэндри кивнул:

— Понятно, сэр. Вы не можете долго возиться с каждым отдельным случаем. Кроме того, нельзя позволить, чтобы громоздкая государственная машина расформировала сектор Тельца только на основании еще не доказанных подозрений. Тем более в ваше отсутствие.

— Да, я должен ехать. В секторе Спикки необходимо немедленно навести порядок, иначе варвары там все разнесут. Но в то же время может взорваться Телец. Волнения в секторе Арктура — великолепный отвлекающий удар для предателей-деннициан.

— А почему бы не пустить в ход разведку?

— Разведка сейчас в плохом состоянии. Войны, чистки... Вдобавок у нее у самой дел невпроворот... Понимаешь, Доминик, служба безопасности... она слишком большая. Ее трудно контролировать так, как я люблю. Мне нужно... Да я сам не знаю, что мне нужно и как это получить.

— Вы хотите, чтобы я этим занялся, сэр?

— Да. — Маленькие кабаньи глазки грозили просверлить Флэндри насквозь. — В своем старом стиле. Широкое поле деятельности. Докладывать прямо мне. Неограниченные полномочия.

* Боже небесный (нем.).

Сердце Флэндри бешено забилося, но он заставил себя казаться спокойным.

— Вы предлагаете мне сольную партию, сэр.

— Сам подбирай агентов. Нанимай. Подкупай. Шантажируй. Все, что сочтешь нужным.

— Вряд ли мне удастся раздобыть что-нибудь стоящее. Разведка сумеет сработать быстрее и лучше.

— Скромность тебе не идет, — сказал Ханс. — Ты отказываешься?

— Н-нет, — Флэндри с удивлением обнаружил, что говорит правду. Дело обещало быть интересным. В сущности, оно уже стало интересным: Доминик давно влез в него по уши. Что им двигало? Отчасти любопытство, отчасти доброта — так по крайней мере ему казалось. Но в глубине происходило нечто иное. Хищник который преспокойно спал последние три года, проснулся и наострил уши: ночной ветерок принес запах дичи.

Каково же мое истинное желание? Выслеживать врагов Империи, чтобы после получать удовольствие, или получать удовольствие от выслеживания врагов Империи?

Какая разница? Лицо Флэндри вспыхнуло от возбуждения.

— Я счастлив принять ваше предложение, сэр, при условии, что вы не будете ждать от меня слишком многого. Еще: мои полномочия, доступ к счетам и секретной информации... лучше держать это в секрете.

— Правильно. — Ханс выбил трубку. Звонящий звук разрезал краткий миг тишины. — Поэтому ты и отказался от звания адмирала? Предвидел в будущем задание, которое капитану выполнить легче?

Флэндри пожал плечами:

— Если необходимо еще кого-то ввести в курс дела — пусть это будет Херасков. Я свяжусь с ним при первой же возможности.

— С чего ты начнешь? — спросил Ханс. Император слегка расслабился.

— Пока не знаю. Наверное, найду того денницианского агента. Вы говорите, это женщина? Что с ней стало?

— Откуда мне знать? Я ведь читал резюме, а не сами отчеты. Зачем она тебе? Гипнозод вычерпал ее до дна.

— Иногда полезно познакомиться с личностью, сэр. — Возбуждение прошло и сменилось мрачностью. *Почему императору не сообщили, что пойманный агент — племянница господаря? Этот факт мой сын беспрятственно добыл из базы данных. Почему такую ценную заложницу вдруг продают в рабство? Не узнай я о торгах, она бы обязательно попала в бордель.*

Не стоит беспокоить беднягу Ханса. У него и без того дел хватает. К тому же... что-то здесь не так. Лучше мне помолчать и присмотреться к обстановке.

— Поступай как знаешь, — сказал император. — Много тебе не узнать, но все, что от тебя зависит, ты, конечно, сделаешь.

Он перевел взгляд на фотографию молодого блондина и грустно вздохнул. Флэндри прекрасно знал, о чем думает его босс. *Ах, Отто. Как жаль, что тебя убили. Как бы я хотел вернуть тебя к жизни. Ради этого я бы пожертвовал и глупцом Дитрихом, и интриганом Герхартом. Нам так сейчас нужен надежный наследник.*

Император выпрямился в кресле.

— Хорошо, — отрезал он. — Можешь идти.

Праздник закончился. Близилось утро. Флэндри и Чандербан Десаи остались одни.

Флэндри задержала только что полученная работа, иначе бы он давно ушел. Но после разговора с Хансом ему захотелось насладиться роскошью, полюбоваться сокровищами искусства, которые собирались во дворце веками, выпить благородного вина, отведать изысканных блюд, побеседовать с остроумными людьми, потанцевать с привлекательными девушками, наконец ответить одну из них в потайную беседку (скрытую за зарослями жасмина и потому незапертую) и заняться любовью. Другого случая могло больше не представиться. Когда случайная подруга сонно распрощалась с ним, у него возникло желание выпить стаканчик на дорожку. Толпа к тому времени заметно поредела. Он узнал Десаи, разговорился и застрял в маленьком саду.

Сад располагался на балконе, в двадцати метрах над внутренним двориком, где бил фонтан. Вода, или, вернее, флюоресцентный раствор, подсвечивалась ультрафиолетом и сияла всеми цветами радуги, более яркими и чистыми, чем пламя. Ее мелодичный плеск усиливался акустическими устройствами — рождалась колдовская, таинственная музыка. Напротив двое мужчин сидели без света, в тишине. Сладко пахло цветами. Слегка похолодало. Луна давно зашла. Слабо мерцала Венера и несколько звезд — жалкие остатки былой роскоши. Небо начало понемногу светлеть, из черного превратилось в пурпурное. Над океаном зажглось кровавое зарево.

— Нет, все же мне кажется, император зря уезжает, — ворчал Десаи. Седые волосы и белый китель низенького толстого человека слабо светились в темноте. Шоколадного цвета кожа сливалась с предрассветными сумерками. Старик попыхивал сигаретой в

длинном мундштуке слоновой кости. — Эта экспедиция грозит нам катастрофой.

— Нельзя же позволить варварам безнаказанно хозяйничать... — Флэндри потягивал коньяк и курил сигару: чрезвычайно богатый и острый вкус. Доминику хотелось закончить разговор чем-нибудь приятным. Десаи всю жизнь служил Империи, сменил великое множество должностей и планет и за это время повидал всякого. Многие искали с ним дружбы. Год он пробыл на Терре — преподавал в дипломатической академии, а теперь вышел в отставку и собирался на Рамануджан, свою родную планету.

К сожалению, военная ситуация, в частности решение Ханса покинуть Терру, слишком волновала старика.

— О да, та часть границы нуждается не только в укреплении, — сказал он, — но и в полной реорганизации. Новая администрация, новые законы, новая экономика. В идеале: основание совершенно нового сообщества из поселенцев-людей. Однако его величеству следует поручить эту задачу компетентному заместителю, наделенному экстраординарными полномочиями.

— В этом-то вся загвоздка, — возразил Флэндри. — Где найти компетентного человека, которому вдобавок можно и доверять? Все, что были, давно распаханы по горячим точкам.

— Если у его величества нет выбора, — гнул свое Десаи, — он должен оставить сектор Списки на произвол судьбы. Пусть его разорят, пусть даже отделят от Империи. В крайнем случае можно будет отвоевать его обратно. Нет ничего хуже многомесячного отсутствия императора. Что толку наводить порядок на окраине, если власть в это время перейдет в другие руки? Император должен хранить сердце Империи — это его главное дело. Иначе нас снова ждут гражданские войны.

— Вы преувеличиваете, — ответил Доминик. Впрочем, он знал, что Десаи всегда отличался верной интуицией. Вдобавок деннициане на Диомседе... — Кажется, мы в последнее время живем довольно мирно. И потом, зачем говорить о войнах во множественном числе?

— Сэр Доминик забыл о восстании Мак-Кормака?

Как же забыть, когда я сам в нем участвовал? Флэндри поморщился. Погибшая Кэтрин, беспутное поведение времен молодости — он был рад, что детали тех событий до сих пор оставались засекреченными.

— Нет, не забыл. Но это было... ого, двадцать два года тому назад. Да и дело-то незначительное. Адмирал, который повздорил с губернатором сектора по личным мотивам. Правда, впоследствии ему пришлось воевать с самим Джосипом. Империя никогда его не простит. Но ведь он потерпел поражение. Джосип умер в своей постели.

Точнее сказать, был отравлен в своей постели.

— Вы считаете тот эпизод случайным инцидентом? — горячился Десаи. — Позвольте вам напомнить, сэр Доминик, что вскоре после подавления мятежа я был назначен главой оккупационной администрации на Энее, родной планете Мак-Кормака, откуда и началось восстание. Так вот. Нам едва удалось предотвратить распространение некоей мессианской религии, которая была способна разорвать Империю надвое.

Флэндри глотнул коньяку и глубоко затынулся. Он очень внимательно читал отчеты о том, что происходило тогда на Энее. А ранее встречался с Айхарайхом, который и заварил это кашу.

— Последующие тринадцать лет, до самой смерти Джосипа, прошли довольно мирно, — продолжал Десаи. — Но что такое тринадцать лет для истории? Особенно если учесть, что каждый конфликт имеет свои глубокие причины. Война, в том числе и гражданская война, — только цветок на многолетнем растении. А семя было брошено в землю задолго до того, как он расцвел. Корни же этого растения то и дело дают новые ростки. Нет, сэр Доминик, я много читал и думал об этом и потому могу с уверенностью сказать: мы переживаем период хаоса. Пройдут долгие годы, прежде чем нам удастся достичь хоть какого-то подобия единства. А до тех пор будем стараться минимизировать потери и защищаться от внешних врагов.

— Мы переживаем период хаоса? — переспросил Флэндри.

Десаи не обратил внимания на ударение.

— Или период междоусобия — как вам угодно. Конечно, мы не всегда будем спорить о том, кто станет очередным императором. Найдется много других поводов для раздора. Будут у нас и короткие промежутки мира и относительного процветания. Я надеялся, что Ханс даст нам такую передышку.

— Постойте, вы так говорите, как будто от нас ничего не зависит. Хочешь не хочешь, а война начнется.

— Именно так. Нас ожидает по меньшей мере восемьдесят лет хаоса. Хотя, конечно, современная технология и влияние других рас способны сократить длину этого периода. Но по существу вселенское государство — а Терранская Империя как раз и является вселенским государством — может дать только короткую передышку от ужасов войны, которые, раз начавшись, продолжают нарастать словно снежный ком. Наше хваленое согласие есть не что иное, как раблепное подчинение грубой силе. У нас нет компетентных людей. Они теряют доверие начальства именно по причине своей компетентности, ибо всякий, кто способен принимать решения, способен принимать их во вред Империи. Вместе с ростом подозрительности и централизации растет и некомпетентность. Начинается разделение гражданских и военных функ-

ций. А как иначе избежать мятежей? Так мы и катимся, от поколения к поколению, от плохого к худшему, пока наконец не наступит...

— Долгая Ночь? — Флэндри поежился от утреннего холода.

— Еще нет. Судя по всему, Империи дан шанс вновь подняться. Если, конечно, можно назвать подъемом централизованную автократию на основе государственной религии. Если подобный способ правления не слишком вас радует, утешайте себя мыслью, что и этот период сомнительного благоденствия, второй по счету, не будет длиться долго. В свое время наступит окончательный коллапс.

— Откуда вы знаете? — спросил Флэндри.

— Вся история планеты, на которой мы сейчас сидим, состоит из циклов. Древний Китай и еще более древний Египет трижды проходили стадию полного развала. Западная цивилизация, наша праматерь, та самая Римская империя, на которую так любят ссылаться высокие руководители, не избежала аналогичной участи. Да, будет и у нас свой Диоклетиан. Но не надо забывать, что не прошло и ста лет после его реформ, как варвары уже сидели в Риме и играли императорами как куклами. Моя собственная планета... Впрочем, стоит ли поминать давно забытые нации? В нашем распоряжении имеются до тошноты подробные хроники по меньшей мере десятка подобных случаев. Стоит копнуть поглубже, и на одной только Терре мы найдем более пятидесяти примеров.

Развитие всегда происходит одним и тем же образом. Рост, несколько неверных решений и катастрофа. Серия жестоких войн до тех пор, пока Империя не дарует миру Согласия. Распад этого мира, короткое возрождение, полная дезинтеграция и наступление темных веков. Впоследствии зарождение нового общества. Техническая цивилизация вступила на этот путь в тот момент, когда Торгово-техническая Лига превратилась из организации взаимопомощи свободных предпринимателей в группу картелей. С тех пор мы здорово продвинулись вперед.

— Вы сами это открыли? — спросил Флэндри далеко не так скептически, как бы ему хотелось.

— Конечно, нет, — ответил Десаи. — Основной анализ был проделан тысячелетие назад. Правда, его результаты постарались забыть. Слишком много ума, мужества и самопожертвования требуется для того, чтобы предотвратить распад или возродиться. Ни одно поколение не нашло в себе столько сил. Гораздо проще извратить доктрину, исказить мысль высокоумными рассуждениями, не обращать на нее внимания, да попросту заставить ее замолчать. Лишь в нескольких архивах я нашел упоминание об

этой теории. Однако прошу вас держать наш разговор в секрете. Вряд ли Империи понравятся подобные прогнозы.

— Да, — Флэндри снова хлебнул коньяку, — возможно, вы правы. В таком случае остается только утешать себя мыслью, что, раз уж нам суждено взойти на эшафот, нужно сделать это с высоко поднятой головой.

— Не существует фатальной предопределенности. — Десаи с минуту молча курил. Кончик сигареты вспыхивал словно маленький красный пульсар. — Думаю, даже сейчас еще не поздно начать сначала. Нужно только иметь средства и, что гораздо важнее, волю. Но в реальной жизни очень часто случается, что нормальное развитие обрывается чужеземным завоеванием. Особенно если империя переживает период хаоса. Тогда она словно магнитом притягивает агрессоров. Османы, афганцы, монголы, маньчжуры, испанцы, британцы — все они в свое время становились властителями государств с чуждой им культурой.

В настоящее время реальной внешней угрозой для нас могут быть только мерсейцы. Не тупые варвары, которые заполняют вакуум, образованный нашими политическими махинациями, не реалистичные ифриане, которые видят в нас своего естественного союзника, не жалкие остатки горзуни, а именно мерсейцы. Нельзя позволить Ройдхунату стать слишком сильным. Вот и приходится постоянно вставать на его пути. Дай им волю, мерсейцы сотрут нас с лица Вселенной как последнюю преграду к достижению своих амбициозных мечтаний.

Вот почему я так боюсь за последствия отъезда императора. Ему следует оставаться дома, укреплять правительство и вооруженные силы, подавлять малейшие попытки узурпации власти. Тогда, быть может, нам удастся до конца его жизни оставаться сильными, крепкими и неуязвимыми для внешнего врага. Если же он уедет...

— Мерсейцы всегда готовы воспользоваться любыми нашими беспорядками, — возразил Флэндри. — Предположим, что вы не ошибаетесь в своих исторических прогнозах. Какое отношение в таком случае они имеют к Ройдхунату?

— Да, пока мы не можем сказать, применима ли эта теория к негуманоидам, — признал Десаи. — Вопрос этот чрезвычайно важен. В сущности, не Империя, а именно Мерсейя подтолкнула меня к началу исследований. И у мерсейцев должны быть свои тайные демоны. Если б нам удалось обнаружить общие закономерности их развития, аналогичные терранским, наши дипломаты получили бы сильное оружие.

— Как? — вновь удивился Флэндри. — Судя по вашим словам, можно подумать, что мерсейцы переживают упадок. Раньше я такого не слышал.

— Правильно, не слышали. Однако в чем выражается упадок негуманоидной цивилизации? Этой проблеме я и собираюсь посвятить все свои знания и опыт. Для того и отправляюсь на Рамануджан. А то некоторые думают, что я еду сутры читать. — Старик вздохнул. — Конечно, мои труды будут иметь смысл только в том случае, если Империя не падет под натиском врагов раньше, чем я успею что-нибудь придумать. Возможно, я настроен слишком оптимистически. Ведь во всем, что касается понимания врага, Ройдхунат имеет громадную фору.

— Вы хотите сказать, что им известна теория циклов в человеческой истории.

— Да, боюсь, что некоторые тамошние умы давно с ней знакомы. Взять хотя бы тот давний эпизод, о котором мы говорили. Думаю, когда Айхарайх пытался зажечь на Энее священную войну людей против людей, он в точности знал, что делает.

Айхарайх. Лютый холод пронизал Флэндри. Он поднял глаза к тусклым утренним звездам. Скоро взойдет Сол, и звезды исчезнут из виду. Но они останутся там же, где и были, и будут ждать. Ждать.

— Я часто задавал себе вопрос, — размышлял Десаи, — что заставляет его расу служить Мерсейсе. Ведь гения нельзя принудить к сотрудничеству силой. Несомненно, херейониты преследуют какие-то собственные цели. Но какие именно и что они хотят от чуждого им народа, чуждой культуры — это остается для меня загадкой.

— Мне приходилось встречаться только с Айхарайхом, — сказал Флэндри. — Глядя на него, я часто думал, что он художник.

— Художник шпионажа и саботажа, который работает с живым материалом? Что ж, возможно. Если это так, то нам с вами незачем ему завидовать.

— Почему?

— Боюсь, что на этот вопрос у меня нет ясного ответа. К сожалению, мы родились в эпоху, когда в обществе не существует абсолютных ценностей, ради которых человек мог бы жить и умереть. — Десаи откашлялся. — Простите, я не собирался читать вам лекцию.

— Что вы, — ответил Флэндри. — Ваши идеи меня очень заинтересовали.

Глава 4

«Хулиган» оторвался от земли, пронизал небо и устремился к глубокому космосу. Впереди лежал долгий путь. Генераторам внутреннего гравитационного поля удавалось скомпенсировать

перегрузки, вызываемые громадным ускорением, даже когда корабль перешел на гипердвигатель и превысил скорость света. Тихонько гудели машины. Еле заметно дрожала обшивка. Козара стояла в салоне перед большим экраном и наблюдала, как удалялась планета: вначале широкие облачные просторы, затем белоголубой шар и наконец маленький опал в коробке с алмазами.

Девушка тщетно пыталась занять себя прекрасным видом, ради которого она и покинула отведенную ей каюту. Терра, Планета Людей, *Майкасвят* — воплощение красоты. Но сердце бешено билось, ногти впивались в ладони, сухой язык не умещался во рту. Она чувствовала крепкий запах собственного пота.

Впрочем, едва хозяин переступил порог салона, к ней вернулось ледяное спокойствие. Воспитание и тренировка научили ее бесстрастно встречать опасности, а нынешнее положение было еще хуже, чем... На борту находились только двое: он и слуга. Если б ей удалось убить их (смешного добродушного шалмуанина можно было бы просто связать), убить до того, как он приблизится к ней...

Нет. Застать его врасплох не удастся. Девушка чувствовала, что за расслабленными манерами Флэндри скрыта предельная собранность. Он был высок ростом и хорошо сложен. Двигался словно вилия на охоте.

«Красив, — подумала Козара, но тут же с усмешкой добавила: — Легко быть красивым, если можешь позволить себе биоскульптуру». Свободная кружевная блуза и мягкие подвернутые над сандалиями брюки Флэндри были сшиты из очень дорогих тканей. Впрочем, короткое платье, которое Козара выбрала из платяного шкафа в своей каюте, не уступало им в роскоши.

— Добрый день, донна Вимезал, — произнес хозяин и поклонился.

Что делать? Она сдержанно кивнула.

— Позвольте представиться, — продолжал Флэндри. — Вам, вероятно, уже известно, что меня зовут сэр Доминик Флэндри. Я капитан разведки Космофлота его величества. — Он указал на скамью, огибавшую две стороны квадратного столика: — Давайте присядем.

Козара не двигалась.

Флэндри улыбнулся и, сильно растягивая слова, произнес:

— Послушайте, донна. Я не собираюсь вас принуждать. Ни в какой форме. Конечно, вы очень привлекательны, и я бы не прочь вам понравиться. Это легко сделать с помощью наркотиков, понимаете? Но тщеславие не позволяет. Раньше мне не приходилось применять силу или химические препараты. Даже в

тех немногих случаях, когда я покупал молодых леди вроде вас. Вы заметили, что дверь вашей каюты запирается изнутри?

Силы оставили девушку. Она пошатнулась, рухнула на скамью и закрыла лицо руками. Голова кружилась. Глаза застлало темной пеленой.

Чуть позднее она обнаружила, что Флэндри стоит над ней и массирует шею и плечи. Она взглянула вверх — хозяин погладил ее по волосам. Девушка тихонько вскрикнула и отодвинулась.

Флэндри отступил назад.

— Бояться нечего, донна. — И твердо добавил: — Слушайте. Нам нужно о многом поговорить. Беседа будет не из приятных. Хотите таблетку стимулятора или еще что-нибудь? Вам необходимо взбодриться.

Она замотала головой и с трудом произнесла:

— Нет, ничего не нужно. Мне уже лучше.

— Может быть, выпьем? Мой бар неплохо укомплектован. Я предпочитаю скотч.

— Нет, спасибо, — тихо прошептала девушка. Слова словами, но кто знает, что он может подмешать в стакан?

Флэндри, казалось, прочел ее мысли, потому что сказал:

— Рано или поздно вам придется воспользоваться корабельными припасами. Впереди еще очень долгий путь.

— Что?.. Немного вина, пожалуйста.

Пока Доминик занимался выпивкой, она пыталась расслабить нервы и мускулы. Когда хозяин вернулся, Козара уже могла выдерживать его взгляд. От сигареты она отказалась, но кларет оказался превосходным.

Некоторое время Флэндри молча пускал дым из ноздрей, а затем, тщательно подбирая слова, произнес:

— Хочу вам напомнить, куда вы могли бы попасть, не оказавшись я проворней своих конкурентов. — Лицо девушки вспыхнуло. — Мне пришлось выложить кругленькую сумму, хотя я отнюдь не филантроп. Можете хранить свое драгоценное целомудрие ровно столько, сколько пожелаете, но мне необходимо ваше сотрудничество в других, более важных вопросах. Ясно?

— Я рада... помочь вам, сэр, — выдавила она.

— В обмен на вольную и билет на Денницу? Что ж, не исключено. Конечно, совершенное вами преступление не позволяет мне отпустить вас на свободу. Для этого нужно получить специальное разрешение. Но я бы мог просто послать вас на родину, приказав жить там себе, как знаете. — Ее взгляд упал на браслет. — Да, теперь мы достаточно далеко от Терры. Если б у меня был ключ, я бы снял ваш браслет. К сожалению, его нельзя сломать: пришлось бы иметь массу неприятностей с чиновниками на Терре.

Ничего страшного. Вне поля досягаемости компьютерной сети он не действует. — Флэндри ухмыльнулся. — Если б я и вправду был похотливым самцом, вы бы уже давно лежали в моей постели. По счастью, я всего лишь жизнерадостный и трудолюбивый жеребец. Любовное свидание под бдительным оком оператора совсем меня не прельщает. Пусть они придумают себе другой способ развлечения.

Козару начало мутить.

— Типично терранский подход к жизни.

— У вас, кажется, не слишком высокое мнение об Империи, — насмешливо спросил Доминик.

— Я ее ненавижу. Ненавижу настолько, что готова умереть, терпеть пытки, отправиться в бордель, наконец, лишь бы этой мерзости не было во Вселенной. — Козара залпом выпила вино.

Флэндри снова наполнил стакан.

— Не стоит быть слишком откровенной, — посоветовал он. — Мне-то все равно, но вот некоторые мои друзья-имперцы могут рассердиться.

Она вздрогнула. Только теперь ей открылся весь ужас ее положения.

— *Куда мы летим?*

— Первым делом на Диомеду. — Флэндри кивнул. — Да, меня интересует, что происходило тогда, что происходит сейчас, в чем заключается угроза Империи и как эту угрозу предотвратить.

Козара усмехнулась:

— У вас же есть записи моего... ареста и допроса. Все, что знала, я рассказала тогда. К тому же гипнозонд стер мои последние воспоминания, в том числе и о Деннице. Остались смутные, спутанные обрывки, вроде тех, что остаются после тяжелого сна. Допустим, я соглашусь сотрудничать. Чем же я могу вам помочь?

— Меня интересует прошлое, — равнодушным тоном объяснил Доминик. — Расскажите о своей жизни, объясните, почему ваш народ не любит Империи. Я послушаю. Кто знает, может быть, вам удастся перетянуть меня на свою сторону. Торопить я вас не буду. Мне еще нужно изучить чертову уйму информации, которая собрана здесь, на борту. До прибытия остается семнадцать дней. Успеем поговорить.

— Всего семнадцать? — Козара не смогла сдержать удивления.

— Да, эта посуда не так маневренна, как ваши военные корабли, но скоростью им не уступит. Не волнуйтесь, донна. Ваша культура имеет милитаристскую направленность, так ведь? Вот и смотрите на меня как на своего достойного противника. Считайте, что мы ведем переговоры.

Козара говорила мало. Флэндри болтал за двоих. Зная о ее увлечении ксенологией, он рассказал множество историй о своих

встречах с инопланетными существами. Девушка поневоле заслужалась и несколько раз не смогла удержаться от смеха.

На корабле были собраны тысячи книг, фильмов и музыкальных программ. Хочешь — смотри, хочешь — слушай. И все же Козаре не сиделось на месте. Флэндри с головой ушел в чтение документов. Он появился единственный раз, во время их первого завтрака (накануне ночью девушка на удивление хорошо выпалась), после чего убрался к себе. Смотровые экраны радовали глаз восхитительной картиной межзвездного пространства, но, хотя «Хулиган» гнал во всю мочь, это зрелище менялось удручающе медленно. Козара позанималась гимнастикой, побродила по кораблю, перепробовала несколько игр и наконец отыскала Чайвза. Тот находился на камбузе и готовил ленч.

— Давай помогу, — предложила она.

— Боюсь, это невозможно, донна, — ответил шалмуанин. — Я отнюдь не желаю усомниться в ваших кулинарных способностях, но сэр Доминик не доверяет приготовления пищи даже этой замечательной машине. Что же говорить о хоть и не совсем чужих, но все же посторонних людях.

Козара с удивлением наблюдала, как под его пальцами быстро возникают причудливые бутерброды. Покрытые свежим майонезом анчоусы и пименто лежали на ломтиках крутых яиц. Икра и лимон служили превосходным дополнением к паштету из гусиной печенки. Огурец и стручки люцерны возвращали молодость выдержанному чеддеру.

— Да, у меня так не получится, — согласилась она. — Ты, должно быть, гений.

— Благодарю вас, донна. Я стараюсь соответствовать запросам хозяина. Хотя, если говорить честно, именно сэр Доминик оплатил мое первоначальное обучение и дал импульс дальнейшему совершенствованию.

Козара затаила дыхание.

Хороший шанс узнать что-нибудь о нем.

— Ты говорил, что был его рабом. Как это случилось?

Чайвз говорил ровным голосом, ни на секунду не прерывая работы:

— Моя родная планета не имеет высокоразвитой технологии, донна. Его величество покойный император Джосип назначил в наш сектор губернатора, который организовал торговлю рабами. В основном он продавал нас варварам. Обвинения, которые выдвигались против этих несчастных, были, что называется, спорными, но никто не смел возражать. В конце концов тот губернатор впал в немилость. Его преемник попытался было восстановить

законность, но потерпел неудачу. Ему даже не удалось отыскать тех рабов, что находились в пределах Империи. Сэр Доминик встретил меня случайно на провинциальном рынке.

Вид у меня тогда был ужасный, донна. Мой владелец стал бояться, как бы я не сдох в его ртутной шахте, и потому решил меня продать. Сэр Доминик ничего не покупал. Он лишь затеял игру в покер и через несколько дней стал новым владельцем и шахты, и рабочих.

Чайвз пришелкнул языком:

— Мой прежний хозяин стал утверждать, что его обманули. Крайне бестактное поведение, особенно на фоне учтивости сэра Доминика, который вежливо попросил наглеца выйти и поговорить. Шахтеры устроили тому пышные похороны. Сэр Доминик позаботился о том, чтобы все рабы были отправлены по домам, но мне пришлось остаться, во-первых, потому, что Шалму находилась слишком далеко, а во-вторых, я нуждался в длительном курсе лечения хелатами, чтобы очистить организм. Сэр Доминик тем временем взял меня к себе слугой. Вскоре я решил, что ни за что не вернусь в общество... туземцев... и постарался сделаться полезным для хозяина.

Склонив голову набок, взявшись за подбородок, Чайвз бросил последний критический взгляд на сотворенное им великолепие.

— Да, думаю, этого будет достаточно. Остается только добавить аквавит и пиво. Если вам нечем заняться, донна, вы можете помочь мне накрыть на стол.

Последние слова она пропустила мимо ушей.

— *Может*, если он приличный человек, как ему не противно служить Империи, которая допускает, чтобы происходили случаи вроде твоего?

— Мне часто доводилось слышать не слишком лестные отзывы о сэре Доминике. К примеру, один чрезвычайно рассерженный джентльмен назвал его вороватым котом, у которого весь ум ушел в яйца — я прошу у донны прощения за столь резкое выражение. Должен признать, что он и вправду смошенничал в той игре. Что же касается Империи, я, как тот столетний старик, у которого спросили, почему он до сих пор остается в живых, рекомендую вам подумать об альтернативе. Столовые приборы вы найдете вон в том шкафу.

Козара закусила губу и повиновалась.

— Насколько мне известно, — продолжил Чайвз после того, как серебро, фарфор и хрусталь (не витрил!) засверкали на белоснежной скатерти, — ваш народ немало выиграл от покровительства Империи. Впрочем, я могу ошибаться. Мои знания в этой области слишком ограничены. Может быть, пока разогрываются

фрикадельки со специями, вы расскажете мне вкратце историю вашей планеты?

Его миниатюрное изумрудное тело ловко пристроилось на полу. Козара присела на скамью, устремила взгляд на свои лежащие на коленях руки и тихо произнесла:

— Не думаю, чтобы детали шестисотлетнего пребывания людей на Деннице могли кого-то заинтересовать. Именно столько времени прошло с тех пор, как Йован Матавули привел первопроходцев на эту планету. Они мало отличались от других эмигрантских групп того времени. Так же надеялись не только найти новую родину и добиться там успеха, но и спасти предания, обычаи, язык, национальное самосознание, свои души, наконец, — все то, что грозила поглотить терранская цивилизация. Их было немного. Им не хватало денег на покупку оборудования. А Денница... Конечно, при заселении новых планет всегда возникают трудности: иная среда обитания, иной биохимический состав почвы и атмосферы, бесчисленное множество смертельных опасностей и сюрпризов. Но Денница выделялась даже из этого ряда: стоял ледниковый период, жизненное пространство было крайне ограничено. Вдобавок в те дни она находилась вдали от торговых путей и ничем не могла привлечь торговцев Лиги.

При мыслях о предках она оживилась. Ее голос стал звучать громче.

— Нет, они не скатились к варварству. Этого не случилось. Но в течение многих поколений они должны были обходиться без сложных машин: не хватало средств. Развилась клановая система, появилась, к нашему стыду, родовая вражда, стремление к локальной независимости. Бароны заботились только о себе. Когда началась индустриализация, прежняя социальная структура не исчезла и сильно повлияла на развитие планеты. — И быстро добавила: — Только не нужно считать нас грубыми мужланами. Наша Школа — университет и исследовательский центр — возникла сразу же после заселения Денницы. Любой неотесанный охотник уважает книжную науку не меньше, чем меткую стрельбу или воинскую доблесть.

— Есть ли среди вас мерсейцы? — спросил Чайвз.

— Да, вернее, потомки мерсейцев, которые прибыли четыреста лет назад. Ты, возможно, знаешь, что в то время Мерсейя начала модернизацию промышленности и освоение космоса. Им пришлось торопиться из-за опасности взрыва соседней сверхновой и из-за постоянной борьбы за власть между вахами, Гетфенну и отдельными нациями. Молодая денницианская промышленность нуждалась в рабочей силе. Мы были рады появлению сильных, работающих и дисциплинированных пришельцев.

— Можно ли сказать, что они составляют значительную часть вашего населения, донна?

— Их десять процентов от тридцати миллионов. Вдвое больше людей-денничан проживает за пределами планеты. Поскольку наша промышленность и торговля переживают сейчас период подъема, мы сильно распространились в своей части Вселенной. Поэтому все разговоры о том, что Денница страдает от засилья мерсейцев, — чистейшая срунда.

«Хотя в Ройдхунате нам бы жилось лучше», — добавила она про себя.

— Мне приходилось слышать о господаре, — перебил ее Чайвз. — Не соблаговолит ли моя госпожа определить его функции. Чем он отличается от короля?

— Хм-м. А что ты подразумеваешь под словом «король»? Господаря выбирают из рода Миятовичей на собрании *племичей* — баронов и вождей кланов. Он наделяется высшей исполнительной властью или до конца своей жизни, или на определенный срок и подчиняется Верховному Суду, который следит за конституционностью его постановлений. Вердикт Суда может быть опротестован Скупщиной — парламентом, по-вашему, хотя у нас он имеет три палаты: палату племичей, палату общин и палату иханов... эмаев... наших негуманойдов. Местное управление осуществляется в *окружах* — районах? префектурах? — которые сильно разнятся один от другого. Глава *окружа* может получить должность по наследству, может быть избран местными кланами или назначен господарем. Это зависит от издревле сложившейся традиции. Он — *начальник*, я имею в виду, — обычно позволяет, чтобы городские и сельские округа возглавлялись местными выборными советниками.

— Ваши... э... иханы, я полагаю, имеют иную организацию?

Козара с уважением взглянула на Чайвза:

— Да. Они объединены в кланы, вернее сказать — вахи, и подчиняются только общепланетным законам, кроме тех случаев, когда заключаются специальные феодальные соглашения. Иханов можно встретить по всей Деннице, но больше всего их на восточном побережье Родны, главного континента в северном полушарии. В отличие от людей, они прекрасно переносят холод и поэтому занимаются рыбной ловлей и другими морскими промыслами.

— Тем не менее, по всей видимости, существует значительное смещение двух культур?

— Конечно.

Внезапно нахлынули воспоминания. Ей привиделся Тродвир, погибший на Диомеде. Отец, скачущий на коне в сторону осеннего леса. Охотничий рог, из которого он извлекал звуки старинной

мерсейской боевой песни. Мать, которая качала ее кроватку и напевала мерсейскую колыбельную: «Двинафор, двинафор, одхал тив», потом смеялась и говорила:

— Но у тебя, моя сонная головушка, нет хвоста, правда ведь?

Она вспомнила их с Михаилом на борту лодки ихана посреди Черного океана. Снегопад. Лыдины. Крик морского животного, подстреленного с правого борта. Ночной полет над залитыми лунным светом лесами. Теплый летний воздух в лицо. Огонек костра. Посадка возле огромных зеленых охотников. Их грубоватые приветствия...

— Я не голодна, — сказала Козара и поспешила прочь из салона, чтобы Чайвз или тем более Флэндри не заметил ее слез.

Глава 5

Рабочий кабинет Флэндри, если так можно было назвать эту каюту, поразил Козару простотой обстановки. После роскоши салона она ожидала увидеть нечто другое. *Интересно, как выглядит его собственная каюта? Не вздумай спрашивать. Он может принять это за приглашение.* Она села с противоположной стороны стола и бесстрашно встретилась взглядом со своим владельцем.

— Я понимаю, что наши беседы причиняют вам боль, — сказал Флэндри. — Но все же у вас было несколько дней отдыха. Теперь мы должны поговорить. Дело в том, что та команда, которая подвергла вас гипнозондированию, умудрилась сделать все мыслимые ошибки и даже часть немислимых. — Козара не смогла сдержать испуга, поэтому Доминик спросил: — Вы знаете, как работает гипнозонд?

— Понятия не имею, — язвительно ответила она. — На Деннице нет этой мерзости.

— Мне она тоже не нравится. Но иногда иного выхода нет.

Флэндри откинулся на спинку стула, зажег сигарету и внимательно посмотрел на свою собеседницу. Его серые глаза приобрели стальной оттенок, но голос по-прежнему оставался мягким.

— Попробую объяснить вам самые основы. Дознание — неизбежная часть работы полиции и военных. Можно допрашивать на нескольких уровнях интенсивности. Во-первых, элементарный допрос. Затем, если возможно, допрос различных обвиняемых и сравнение их показаний. Следом идет разного рода запугивание. Потом — пытки, которые могут состоять в причинении сильной боли или в других средствах, вроде длительного лишения сна. К сожалению, все эти методы не слишком надежны. Объект может выстоять. Он может солгать. При соответствующей психосоматической тренировке он может обмануть детектор лжи. Или

рассказать только часть правды, которая исказит общую картину. Правда, для этого нужно обладать сильным интеллектом. Как бы там ни было, а процедура дознания сильно затягивается, особенно если приходится сверять полученные сведения с информацией из других источников.

Следующий шаг — наркотики, которые подавляют волю к сопротивлению. Однако и здесь возникает несколько проблем. Во-первых, очень часто приходится иметь дело с идиосинкразическими реакциями. Биохимия разных организмов сильно различается, тем более в наше время, когда многие люди веками живут на далеких от Терры планетах. А нетерранские расы — это уж и вовсе особый случай. Во-вторых, объект может иметь иммунитет против всех имеющихся в вашей аптечке препаратов. А при некоторой специальной подготовке он сумеет устоять против любого наркотика.

У Козары заныла спина от напряжения.

— А как насчет телепатии? — резко спросила она.

— Часто полезна, но всегда ограничена. Нервное излучение имеет низкую степень информационной проводимости. Кроме того, тот, кто принимает, должен знать шифр передающего объекта. Допустим, я телепат, а вы стали думать по-сербски. Сербского я не знаю, а без этого мне едва ли удастся понять больше, чем в том случае, когда слова произносятся вслух. А возможно, что и меньше, поскольку структуры мысли сильно разнятся, особенно у таких особей, как мы с вами, которые обычно не пользуются телепатией. Со временем, хоть и медленно и неумело, но все же я смогу научиться читать ваши мысли. Однако при столкновении с другим лицом снова зайду в тупик. А телепатия между представителями различных рас — еще более сложная задача. Существуют также способы защиты мыслей. Например, можно носить экран на голове. Он случайным образом исказит излучение и сделает дешифровку невозможной. Того же результата можно добиться и с помощью тренировок или глубокого кодирования.

Флэндри замолчал. На его подвижном лице отразилась усталость.

— Во всем бывают исключения, — пробормотал он. — Даже в том, о чем я только что рассказал. Вам о чем-нибудь говорит имя Айхарайх?

— Нет, — искренне ответила она. — Почему вы спрашиваете?

— Неважно. Может быть, позже объясню.

— Я ведь действительно ксенолог, — напомнила Козара. — Ничего нового я от вас не услышала.

— Правда? Простите. Никогда нельзя угадать, что ваш собеседник знает, а чего не знает об элементарных вещах: Вселенная, словно большой муравейник, кишит фактами. Подумайте только,

я успел прожить тридцать лет, прежде чем узнал, на что имела обыкновение жаловаться императрица Теодора.

Девушка пропустила шутку мимо ушей.

— Вы собирались объяснить принцип действия гипнозонда.

Доминик посерьезнел:

— Да. Последняя мера. Прямая электронная атака на мозг. Атака на молекулярном уровне, в обход лекарств, кодирования и всего остального. Существует только одно средство защиты: объект может иметь установку на немедленную смерть в случае, если это начнется. Шоковая реакция. Если производящая дознание команда готова к такому обороту дела, она успеет подключить своего подопечного к медаппаратуре, и та будет поддерживать жизнедеятельность организма. Тогда им, возможно, удастся что-нибудь из него выжать. Хотя разрушенный мозг уже никогда не восстановится.

Флэндри смял окурок сигареты о край пепельницы.

— Ясно, что вы не находились в таком состоянии. — Его голос стал жестче. — По правде сказать, у вас нет и иммунитета к наркотикам. Зачем же вас подвергали гипнозондированию? Проще вколоть какой-нибудь препарат. Может быть, так и случилось?

— Не знаю... Откуда вы узнали? Про меня и наркотики? Сама я ничего не помню.

— Каталог торговца рабами. Его медик сделал полный цитологический анализ. Я запустил результаты в компьютер и выяснил, что вы подвергались разносторонней обработке на случай экзотических болезней. Однако никаких следов психоиммунной подготовки обнаружено не было.

Флэндри задумчиво покачал головой:

— Слишком рьяные следователи иногда суют человека под гипнозонд без предварительных допросов. Но зачем было стирать все побочные воспоминания? Конечно, такие вещи временами случаются. Например, объект может иметь низкий порог сопротивляемости. Тогда нормальный уровень мощности станет разрушать молекулы РНК по мере того, как они будут попадать в рабочее поле. Впрочем, длительные психологические эффекты, кроме тех, что оставляют последствия тяжелых переживаний, чрезвычайно редки. Компетентная команда первым делом произвела бы тестирование и определила все основные параметры.

Он вздохнул:

— Конечно, гражданская война и последующие чистки уничтожили хороших специалистов. В том числе и в разведке. На освободившиеся места пролезли медные лбы, которым раньше доверяли только безопасную рутинную работу. Возможно, вам просто не повезло и вы встретились с компанией непрофессионалов.

— Теперь я их забыла и очень рада, что забыла, — пробормотала она.

Доминик провел рукой по усам.

— А... Вы считаете, что в остальном вам не причинили никакого вреда?

— Думаю, нет. Я по-прежнему способна мыслить. Детально помню свою жизнь вплоть до начала истории с Диомедой и могу воспроизвести все, что случилось после того, как меня посадили на терранский корабль.

— Хорошо. — Радость Флэндри казалась неподдельной. — Красивых молодых женщин нужно беречь. В мире и без того хватает бессмысленных смертей.

«Он вытащил меня из выгребной ямы. Он добр ко мне. Он галантен, — думала Козара. — Но кто знает, что будет дальше? Он сам признал: его цель — сохранить Империю».

— Постарайтесь что-нибудь вспомнить, Козара. — Впервые он назвал ее по имени.

Она с силой сцепила пальцы рук. Сердце билось, словно пойманная птица.

Нет, не позволяй им возвращаться. Страх, ярость, смерть возлюбленного.

— Понимаете, — продолжал Флэндри, — для меня по-прежнему остается загадкой, зачем Деннице воевать против нас. Ваш господарь поддержал Ханса и в награду был назначен губернатором всего сектора. Конечно, если он совестливый человек, эта должность накладывает на него тяжелейшую ответственность. Но, с другой стороны, она дает ему, а заодно и его народу, право решающего голоса при определении будущего их региона. Спор об устройстве сил обороны вашей системы и ближайших к ней соседей... ну, это всего лишь спор, не правда ли? И господарь имеет некоторые шансы настоять на своем. Существуют ли более веские причины для того, чтобы поднимать восстание? Может быть, возможен компромисс?

— Только не с Империей, — яростно вскинулась Козара.

— По крайней мере мы с вами могли бы договориться? На интеллектуальном уровне? Расскажите, чем вас не устраивает Империя?

Козара смутилась:

— Я... лично мне война стоила гибели человека, за которого я собиралась замуж. Какой прок в Империи, если она не в состоянии сохранить мира?

— Простите, мне очень жаль. Но разве в истории найдется хоть одно государство, которое работало бы идеально? Ханс пытается навести порядок. Кроме того, подумайте. Зачем господарю —

если он и вправду планировал восстание — зачем ему посылать вас, девушку, свою племянницу, на Диомеду?

Она собрала остатки силы и воли, закрыла глаза и погрузилась в прошлое.

{Бодин Миятович был крупным мужчиной средних лет, стройным и элегантным. У него было широкое симпатичное добродушное лицо, потемневшее и огрубевшее от времени и непогод, нос картошкой, каштановые волосы и коротко стриженная борода. В тот день на нем был красный плащ поверх коричневого кителя и брюк, башмаки из кожи громатца, на расшитом серебром ремне висел традиционный нож и пистолет в кобуре.

Походкой диаво Бодин шагал по террасе Замка. Серые, оживляемые только цветущими вьюнами стены этой старинной крепости, ее ворота, башни с истрепанными флагами мрачно возвышались над крутыми черепичными крышами оштукатуренных в мягкие пастельные тона наполовину деревянных домов Старого Города. Ниже по склону начинался Зоркаград. Узкие кривые улочки вливались в широкие бульвары. Машины сновали вокруг стройных, возведенных позднейшими поколениями зданий из современных материалов. Грузовые суда теснились в доках залива. На западе вплоть до горизонта тянулось озеро Стоян. Сиявшее в безоблачном небе солнце покрыло темную синь его вод тонкой сверкающей пылью. С высоты Замка Козара видела, как за пределами маленького городка вдоль всего побережья тянутся сельскохозяйственные угодья: зеленая трава, живые изгороди, деревья, золотистые колосья терранской пшеницы; голубые и лиловые цвета местных лесов и пастбищ; хлева, амбары, сараи и солнечные силовые установки. С севера бежала река Любиша, словно торопилась принести привет из отчего дома. Чуть ближе Елена катила свои воды на восток, к океану. По ее фарватеру двигались неповоротливые баржи и юркие лодки. Отсюда, из центра Казана, Козара не могла разглядеть стен кратера, сквозь которые пробивали себе путь оба потока, но присутствие этого оплота против опустошительных ледников, этой колыбели тепла и плодородия чувствовалось повсеместно.

Девушку обдувал мягкий ветерок, напоенный запахом цветов и сладкими песнями гусяров. Эти красноватые птички в великом множестве сновали возле своих гнезд в виноградниках. Она сидела в кресле и думала, сама стыдясь подобных мыслей, о том, как жалко тратить такой день на разговоры о политике.

Башмаки дяди Бодина грохотали по доскам пола.

— Молитор почему-то считает, что у нас никогда не будет нового Олафа или Джосипа на троне, — ворчал господарь. — Клоун

или мерзавец... Легко может случиться, что политическое ведомство, военное министерство и гражданские службы в который раз окажутся не у дел, подвергнутся насилию или будут коррумпированы. Если Имперский Флот останется нашей единственной защитой, чем нам защищаться от будущей глупости или тирании? Как только глупость выйдет из-под контроля, мы окажемся безоружны.

— По-моему, его цель — предотвратить гражданские войны, — осмелилась вставить слово Козара.

Бодин фыркнул:

— На межзвездном уровне полная централизация практически невозможна. Любой флотский адмирал является потенциальным узурпатором. Мы имеем право учитывать такую возможность. — Он остановился и стукнул кулаком по парапету. — Молитор никому не доверяет — вот подоплека всего, что происходит. Почему же мы должны ему доверять?

Господарь повернулся, взглянул на племянницу и несколько успокоился.

— Кроме того, — сказал он низким грудным басом, — когда-нибудь наступит время... возможно, оно уже не за горами... когда нам понадобится еще одна гражданская война.}

— Нет, — прошептала она. — Я не помню ничего, кроме... почти всеобщего недовольства. *Народна Войска* — это... основа нашего общества. Так повелось со времен Смуты. Ротная и полковая честь, привилегии, торжественные церемонии и молебны... На заходе солнца нас строили на плацу: рев горнов, залпы орудий, барабанная дробь. Спускали флаг, и в это время звучала литания по тем погибшим товарищам, кого мы поминали в тот день. Часто из моих глаз текли слезы. Даже зимой. Тогда они замерзали на щеках.

Флэндри улыбнулся краешком губ.

— И я когда-то был кадетом. — Он посерьезнел. — Ну хорошо. Нет никакого сомнения, что ваше ополчение выполняет многие гражданские функции и в социальной области, и в экономике. Например, оно наверняка осуществляет полицейский надзор во многих сферах жизни, ответственно за различные общественные работы и так далее. Роспуск ополчения приведет к крушению многих жизней как на практическом, так и на эмоциональном уровне. Его величество, по всей видимости, плохо осведомлен об этом. На Германии живут иначе, и, хотя Хансу доводилось видеть много других обществ, его всегда подводил недостаток воображения.

Тем не менее повторяюсь: путь переговоров пока не закрыт. Чем бы они ни закончились, думаю, вы не станете отрицать, что императором движут благие намерения. На это вам хватит вооб-

ражения. Откуда же тогда взялась ненависть? Сколько деннициан ненавидят Империю?

— Не знаю, — ответила Козара. — Я говорю только за себя. После того, что ваши люди сделали с теми, кого я люблю, и лично со мной...

— Попробуйте все же описать ваши воспоминания, — перебил ее Флэндри. Она ответила негодующим взглядом. — Понимаете, даже если я не узнаю ничего нового, мне, может быть, удастся выяснить и доказать начальству, что те ослы, что вас допрашивали, заслужили наказания за вопиющую глупость.

Он взял со стола стопку бумаг и помахал ею в воздухе.

«Этот рапорт, должно быть, содержит такие подробности, о которых я и сама не знаю, — внезапно осознала она. — Ну ладно, попытаюсь рассказать то немногое, что смогу вспомнить».

{Пещера в горах недалеко от Салменброка. Здесь хранилось то небольшое снаряжение, благодаря которому она и ее товарищи оставались в живых. Все они стояли над обрывом перед входом в пещеру, но ни один не имел теперь, в ее воспоминаниях, ни лица, ни имени. Только облик Тродвира сохранился более-менее ясно. Вокруг нависали мрачные скалы. В пурпурном небе сияло красноватое солнце. Его лучи окрашивали в розовый цвет то шишковатую ветку, то ком снега. Дул постоянный, сильный, ледяной ветер. У него был не только запах, но и вкус металла. Чуть в стороне, на расстоянии полукилометра, громко ревел бело-зеленый водопад. Закутанная в парку, Козара чувствовала, что Диомеда придавливает ее к земле гораздо сильнее, чем Денница. Новая планета добавляла к каждому центнеру почти двадцать килограммов.

В ее памяти довольно отчетливо возник образ Эонана из Ланнаха. С желтыми горящими глазами, с расправленными перед взлетом крыльями, он своим резким голосом произнес на ломаном английском:

— Понимаешь теперь, что эти вещи грозят жизни моего народа. Они разрушают весь наш мир. Мы думали, что войны между Флотом и Стаей давно ушли в прошлое. Но сейчас все начинается сначала...}

{Взошли две почти полные луны. Обе медного цвета, размером с два Месяца (так на Деннице называют луну). Одна еле двигалась, другая быстро пересекала небо, на котором горело всего несколько звезд, да и те из разных созвездий. Холодало. Трещал и рассыпал искры костер. Его свет выхватывал из темноты фигуру Тродвира. Тот сидел у входа в пещеру и жарил мясо — скудный

дневной рацион. Дым разносил острый запах. Тродвир сказал Козаре и ее друзьям-людям:

— Не дело старого змая давать советы. Ваши умные головы сами знают, как управиться с кучкой ксеносов. Я всего лишь слуга и телохранитель своей госпожи. Но если вы хотите сохранить мир среди туземцев, почему бы не привести к ним несколько ифриан? Пусть они объяснят, что Ифри не желает поддерживать мятежные группировки.

Стив Джонсон — нет! Стефан Иванович. — Проклятье, почему она подумала о нем как о Стиве Джонсоне? — лицо которого она никак не могла вспомнить, сказал:

— Такой шаг должен быть утвержден на официальном уровне. Резидент не может взять ответственность на себя. Он обязан связаться с губернатором сектора. А я не уверен, что губернатор позволит, чтобы на Ифри или Терре узнали, как плохи дела на Диомеде.

— Кроме того, — добавил другой человек-тень, — невозможно предсказать последствия. А они будут очень серьезными. Мы имеем дело с полномасштабным культурным кризисом. К тому же среди негуманоидов.

— Тем не менее, — сказал еще один мужчина (или женщина? Действительно ли у него/нее был приплюснутый нос, раскосые глаза и смуглая кожа?), — вне зависимости от того, какие они имеют обычаи и инстинкты, мы не вправе считать их — многих из них — лишеными здравого смысла. Однако нам крайне необходимо найти хотя бы частичное решение проблем Стаи. Иначе внезапное исчезновение надежды на ифриан помощь толкнет их к... самым непредсказуемым поступкам. (Если те черты не являются обманом раздробленной памяти, они могут принадлежать неденницианину, которого нанял дядя Бодин или кто-то из его агентов.)

— Да, — заговорила Козара, — фокус состоит в том, чтобы постоянно держаться на гребне событий.

Кажется, этот разговор происходил в ту ночь, когда на них обрушился имперский десант.}

{Или то была другая ночь? Тродвир закричал:

— Прочь от моей госпожи!

Во мраке блеснул его нож. Разряд электродубинки — и, зашатавшись на краю пропасти, мерсеец рухнул на землю. Через минуту лейтенант морской пехоты аккуратно выпустил ему в живот слабый заряд бластера.

Козара не помнила, как убивали ее товарищей. Она смотрела только на Тродвира, который снова пришел в себя и зашевелился.

Из-под ребер торчали запекшиеся внутренности. Она вырвалась из лап преследователей, упала на колени возле дорожного тела и почувствовала омерзительный запах.

— Тродвир, *драган*!

Он закашлялся и не ответил. Видимо, ослепленный болью, он уже не узнавал ее. Она прижала к себе его голову. Острые зубцы гребня впивались ей в грудь.

— *Двинафор, двинафор, одхал тив*, — словно безумная хрипела она.

Десантник потащил ее прочь:

— Поднимайся.

Девушка повернулась, шипя от ненависти, и напрягла пальцы для приема каратэ. Второй солдат набросился сзади. Первый несколько раз ударил пленницу по лицу, пока у той все не поплыло перед глазами.

— Столько шума из-за жалкого ксеноса, — пожаловался он и пнул Тродвира ногой. Вряд ли ихан почувствовал удар. Его тело дернулось, словно безжизненный манекен.}

{Маленький, тесный кабинет. Спертый воздух. Офицер разведки орет:

— Никто не будет с тобой церемониться, Вимезал! Измена — слишком тяжелое преступление. Предателям не делают поблажек.

— Я не...

— Это мы скоро узнаем. Заберите ее, О'Брайен, и подготовьте к гипнозондированию.}

{Падение в водовороте криков, грохота, вспышек боли и еще раз боли. Вниз, к пустоте... но нет... ей никогда не удастся достичь блаженного прохладного небытия. Она в плену у вечности.

Золотое лицо, глаза цвета киновари, синие перья над ними. Мягкий голос:

— Усни, Козара. Спи. Забудь.

Больше ничего.}

{Когда военно-полевой трибунал приговаривал ее к пожизненному рабству, она по-прежнему оставалась в забытии.}

Флэндри просматривал бумаги на столе. Несколько сухих слов девушки, по всей видимости, не вызвали в нем сочувствия. Ровным, бесцветным тоном он произнес:

— Благодарю. Не много же вам удалось вспомнить. У нас по-прежнему нет объяснения вашей ненависти к Империи.

— Как нет объяснения? — взорвалась она. — После всего, что я рассказала?

— Пожалуйста, успокойтесь. Вы умная, образованная, достаточно беспристрастная женщина. Рассудите сами. Допустим, ваши воспоминания — отражение реально происходивших событий, а не плод болезненного бреда. В таком случае нельзя исключать возможности, что вы и ваши товарищи имели несчастье столкнуться с группой бессердечных тупиц, которые встречаются теперь повсюду. Почему бы не прибегнуть к законным мерам и попытаться опознать этих мерзавцев, найти их и подвергнуть наказанию? Вы же, напротив, считаете этот эпизод вполне типичным. По вашему мнению, он является лишним подтверждением того, что вам и раньше было известно.

Он взглянул на нее поверх стола.

— Вам рассказывали о том, что написано в отчете? Я имею в виду отчет разведки.

— Нет.

— Я так и думал. Он засекречен. Давайте-ка я вкратце перескажу его содержание.

Флэндри бегло просматривал листы, откладывал их в сторону и говорил:

— Официально вы и ваш помощник Тродвир прибыли на планету для проведения ксенологических исследований среди диомедиан в районе озера Ахан. Заказчиком исследований являлась ваша... хм, Школа. О цели экспедиции было сказано, что в недавнем прошлом деннициане наладили торговые отношения с аналогичной расой в своем секторе и хотели бы знать, как влияет на туземцев длительное общение с высокоразвитой технологией. Вполне резонное объяснение. Резидент Империи оказал вам обычное в таких случаях содействие. И он, и его слуги в один голос утверждают, что вы показали себя обворожительными гостями. Никто не заподозрил дурных намерений. Однако вскоре вы отправились к месту назначения. Больше они вас не видели.

Тем временем военная разведка внимательно следила за той частью Вселенной. У них имелись все основания полагать, что в секторе существуют враждебные силы, которые стремятся воспользоваться оставленной последней войной разрухой. Диомеда являлась одной из самых тревожных точек. В главном сообществе этой планеты наблюдался постоянный рост сепаратизма. Революционеры, по всей видимости, надеялись на поддержку ифриан.

Но другие, более достоверные, источники указывали, что Ифри не имеет претензий к Терре. В таком случае откуда появились те люди, которые, согласно показаниям лояльных туземцев, проявляют активность на Диомеде? Если это не авалонцы, которые работают на свою родную Сферу Ифри, тогда кто?

С помощью осведомителей агенты разведки выследили группу диверсантов и отыскивали их тайное убежище в горах. Одного из них они приняли за мерсейца, из чего сделали преждевременные заключения... которые, впрочем, оказались не так уж далеки от истины. Банда оказала сопротивление при аресте. Все ее члены, за исключением вас, погибли в перестрелке. Сами понимаете, что могут сделать бластеры в замкнутом пространстве пещеры. Десантники имели при себе оружие, ваши товарищи — нет. Тот факт, что они вообще приняли бой в столь неравных условиях, доказывает их фанатизм. Психограф утверждает, что и вы не лучше.

Во время гипнозондирования вы показали, что были направлены на Диомеду вашим дядей, господарем, с целью контроля за ходом событий. Господарь намеревался инициировать восстание на Диомеде, маскируя своих агентов под авалонцев. Беспорядки привлекут к себе внимание Центра. Вероятность того, что за спиной заговорщиков стоит Ифри, свяжет значительную часть вооруженных сил Империи. Затем, в нужный момент... Вы утверждали, будто ваш дядя хотел воспользоваться Диомедой как рычагом для достижения уступок. Но в то же время вы признались — и вам необходимо об этом знать, — что, если обстановка сложится благоприятно, он не упустит шанса и поднимет восстание. В зависимости от обстоятельств Бодин попытается или захватить престол, или исполнить план покойного герцога Альфреда: оторвать от Империи значительный кусок и передать его под протекторат Мерсейи. В результате подобной операции, — Флэндри вновь поднял взгляд от бумаг, — Ройдхунат получает великолепный плацдарм на этом отрезке границы. Вы по-прежнему считаете, что с вами обошлись излишне жестоко?

Козара вскочила со стула.

— Вы что, считаете нас сумасшедшими? — завопила она.

— Как раз это мы и собираемся выяснить на Диомеде.

— Почему бы не отправиться сразу на Денницу? Так было бы честнее.

— Другие агенты уже там. Расследование, которое касается целой нации или, по крайней мере, ее лидеров, требует много людей и терпения. Одиночкам вроде меня лучше заниматься маленькими преступлениями, каковым и является, как я полагаю, разговор на Диомеде.

Флэндри сузил глаза.

— Если вы хотите получить свободу, дорогая, вместо того чтобы быть проданной за ненадобностью в бордель, вам следует проявить волю к сотрудничеству. Помните: вы не предаете свой народ. Вы спасаете его от крайне безответственных авантюристов. На борту имеется целая библиотека сведений о Диомеде. Почитайте. Подумайте. Не исключено, что это поможет вашей памяти

Многое из того, что вы забыли, может еще вернуться. В крайнем случае постарайтесь применить логику. Вы же умная девушка. Нас интересует информация о вероятных местах свиданий, где бы мы схватили новых агентов. Или еще лучше: диомедиане, которые были втянуты в заговор и остались на свободе, — они могли бы узнать вас, если вы заявите о себе нужным образом. С вами наладят контакт и тогда... Понимаете?

— Понимаю! — заорала Козара. — Ничего у вас не выйдет.

Она выбежала вон.

Доминик помолчал, а затем, обращаясь к пустому стулу, произнес:

— Что ж, хорошо. Если желаете, Чайвз принесет вам обед в каюту.

Глава 6

Флэндри вел «Хулиган» вручную. Диомеда стремительно выросла на экранах. Из-за сплошной облачности материки и океаны потеряли свои четкие очертания. В лучах тусклого солнца дневная сторона планеты горела янтарно-оранжевым светом. Кое-где виднелись розовые и фиолетовые пятна. Льды и снега ночной стороны возвращали двум лунам и звездам их бледное, белесоватое сияние. Когда Козара в последний раз была на Диомеде, стояли дни осеннего равноденствия. Теперь на половине планеты царила глухая зима.

Флэндри полностью сконцентрировался на пилотировании. Обычно он оставлял управление на долю автоматики или, если на планете отсутствовали наземные системы контроля, поручал Чайвзу. Но на этот раз Доминик должен был пустить в ход весь свой опыт и добытые еще на Терре секретные данные: требовалось ускользнуть от террапских патрулей.

Во-первых, околопланетное пространство кишело маленькими спутниками-детекторами. Такие штуки в великом множестве летали вокруг каждого мира Империи. Они следили за движением, предупреждали о появлении врагов, контрабандистов и бродяг и, кроме того, могли помочь в случае поломки. Флэндри без труда избегал встречи с ними: их орбиты были заранее известны. Однако последние беспорядки на Диомеде и угроза внешнего вторжения заставили местные власти усилить охрану. Просочиться сквозь сеть патрульных кораблей — работа для виртуоза. Доминик получал от нее удовольствие.

Одновременно на заднем плане сознания память повторяла все, что ему удалось узнать о цели своего путешествия. Перед глазами мелькали картинки и отрывки текста:

— Среди всех небесных тел, которым люди дали название Диомеды, среди всех известных нам миров, эта планета во многих отношениях является уникальной.

Несмотря на свой сравнительно небольшой возраст, система бедна металлами. Для объяснения этого факта Монтойя выдвинул гипотезу о химической ректификации первоначального облака пыли и газа под электромагнитным влиянием соседней нейтронной звезды... Как следствие, хотя Диомеда имеет массу, в 4,75 раза превышающую массу Терры, ее сила тяжести, из-за низкой плотности вещества, составляет всего 1,1 g. Однако такое огромное тело не могло не собрать вокруг себя мощной атмосферы. Суммарное действие гравитации, низкой температуры и относительно слабого излучения солнца класса G8 задержали значительное количество газа. С появлением жизни положение изменилось. На сегодняшний день среднее атмосферное давление на уровне моря составляет 6,2 бар. Парциальное давление кислорода, азота и углерода почти не отличается от терранского. Остальная часть воздуха состоит из неона...

В результате давней космической катастрофы ось вращения Диомеды, подобно оси Урана в Солнечной системе, стала лежать в орбитальной плоскости. Арктический и антарктический климатические пояса планеты, таким образом, почти совпали с экватором. В течение года, который длится здесь на 11 процентов дольше, чем на Терре, практически вся поверхность обоих полушарий на период от нескольких недель до нескольких месяцев попадает в зону полярной ночи. Летом здесь холодно, зимой и море, и суша покрываются толстой коркой льда и снега. В таких условиях смогли выжить только высокоспециализированные формы жизни, которые научились или постоянно мигрировать, или впадать в спячку...

Передовые автохтонные культуры довели единственно возможную на планете технологию каменного века до удивительного совершенства. После знакомства с людьми у них появилось желание торговать. Сначала они интересовались только металлами, затем захотели создать собственную промышленность. Диомеда может предложить много полезных органических веществ, которые выгоднее покупать у туземцев, чем синтезировать.

Биохимический состав органики следует отнести к терранскому типу. Он включает водные растворы протеинов, углеводы, липиды и т. п. Однако лишь немногие вещества пригодны в пищу человеку, большинство из них ядовиты. Без полной иммунизации терранин может умереть от единственного глотка воды или воздуха. (Кроме того, необходима адаптация к неону, который в большой концентрации также обладает вредоносным эффектом.) Те, кто приезжает на планету на короткое время, предпочитают

пользоваться антиаллергенами, защитными костюмами, шлемами и собственной пищей.

Диомедиане, в свою очередь, вынуждены с большой осторожностью обращаться с чужеродными материалами. В частности, они сильно страдают от многих металлов. Медь и железо для них так же опасны, как бериллий или плутоний для терран. Тем не менее туземцы научились безопасному использованию этих металлов, что делает честь их интеллектуальным способностям. Однако вынужденные меры предосторожности приводят к изменению древних обычаев. Некоторым культурам удалось довольно безболезненно приспособиться к новым условиям, другие продолжают испытывать сильные пертурбации. Неравенство и отчуждение влекут за собой вражду и насилие...

«И все же, — думал Флэндри, — если мы, имперцы, сложим вещички и уберемся восвояси, дела здесь пойдут еще хуже. Произошло слишком много необратимых изменений.

В этой вселенной волну поднимает даже неподвижно сидящий».

Летом солнце здесь не заходит. За те двенадцать с половиной часов, что Диомеда оборачивается вокруг своей оси, оно совершает полный круг в небе. В это время года из той точки, где сел «Хулиган», солнечный диск нельзя было увидеть: его закрывали громоздящиеся на юге горы.

В салоне было тепло и уютно. Тем не менее, увидев на экране пейзаж за бортом, Флэндри невольно поежился:

— Бр-р! Такой климат должен развивать спартанские добродетели. Здешние жители, вероятно, постоянно тренируются, чтобы в будущем эмигрировать и захватить первую пригласившуюся им планету.

— Вам, наверное, покажется странным, что здесь живут ланнахи, которые желают только одного: сохранить свой мир в неприкосновенности.

Она что, не поняла шутки? Похоже, что нет. После их последнего разговора она держалась отчужденно. Читала то, что было ей сказано, но о выводах не произнесла ни слова.

«Какая жалость, — вздыхал Флэндри. — У нас бы могло получиться великолепное путешествие».

Он окинул девушку долгим взглядом. Комбинезон не мог скрыть налитой зрелости ее высокого и гибкого тела. Глаза цвета морской волны, каштановые, с рыжинкой, волосы, скульптурное лицо — эти черты стали довольно часто посещать его мечты, а в последнее время и сны. Кажется, она говорила тем же хрипловатым контрольтю, что и Кэтрин Мак-Кормак...

Козара почувствовала взгляд, вспыхнула и кинулась в атаку:

— Мы же и вправду в Ланнахе, так ведь? По-моему, некоторые из этих пиков мне знакомы.

Флэндри кивнул и вновь посмотрел на экран:

— Да. К югу от залива Сагна.

Он рассчитывал вызвать ее восхищение той легкостью, с какой ему удалось провести корабль сквозь грозовую атмосферу, отыскать посреди огромного острова посадочную площадку и удачно приземлиться, воспользовавшись только картами и навигационными приборами. Но ярость вытеснила все остальные чувства девушки.

Что ж, сам виноват: столько времени разжигал ее гнев.

Корабль стоял на склоне горы, на полпути к вершине. Сверху нависал скальный выступ. Внизу тянулись многие километры сильно пересеченной местности, которые оканчивались светлой полоской озера. В аметистовом небе застыли облитые бледно-розовым светом громады облаков. В темно-синих просветах между туч то и дело вспыхивали молнии. Сыпучие склоны были покрыты валунами и обломками скал; над ними гремели небольшие водопады. Повсюду виднелась напоминающая траву тщедушная поросль, серый колючий кустарник и низенькие скрюченные деревья. По мере снижения к туманным долинам растительность становилась гуще, пока наконец не превращалась в лес. Высоко в небе парили крылатые создания: то ли наделенные разумом существа, то ли обыкновенные хищные птицы. Сквозь обшивку корабля глухо стонал ветер.

— Ну хорошо, — мрачно произнесла Козара. — Давайте я задам вопрос, который вы желаете услышать. Почему мы здесь? Разве вам не следовало приземлиться на Четверговой Площадке?

— Я воспользовался своим исключительным правом. Здешний резидент пока не знает о нашем прибытии. По правде сказать, об этом никто не знает, если только моя правая рука не потеряла былой сноровки.

По крайней мере я добился от нее человеческих эмоций. Флэндри любовался, как меняется выражение ее лица. словно ветреный весенний день, оно становилось то сумрачным, то светлым.

— Понимаете, — сказал Доминик, — если заговорщики по-прежнему продолжают свою деятельность, за имперскими поселениями обязательно установлена слежка. Известие о вашем возвращении, да еще в сопровождении офицера флота, невозможно будет скрыть. Интересующие нас лица насторожатся.

Напротив, неожиданно появившись в центре мятежа, вы застигнете их врасплох. У них не будет времени заподозрить недоброе, и они встретят вас с распростертыми объятиями...

— Почему? — перебила Козара. — Они заинтересуются, как мне удалось вернуться.

— Исключено. Никто не знает, что вы покидали планету.

Она застыла в недоумении. Флэндри пояснил:

— Все ваши товарищи погибли. Что могли узнать повстанцы? Только то, что вы остались в живых. Конечно, мои коллеги действовали по отношению к вам как идиоты, но правил они не нарушали и утечки информации не допустили. Вы попросту исчезли — вот и все. Вас же везли на корабль в запломбированной машине, так ведь?.. Да, я знал об этом... Разведке ни к чему было объявлять о том, что вас осудили и депортировали. Следовательно, никакого сообщения и не появлялось.

— Поэтому остатки банды — люди, если они еще на Диомеде, и, что гораздо вернее, непокорные туземцы — имеют все основания полагать, что вас заперли в одиночке. В самом деле, разве не логичней держать вас в тюрьме, чем везти на Терру, чтобы продать там первому встречному сплетнику?

Девушка нахмурилась, не столько от неприятных воспоминаний, сколько от того, что ей никак не удавалось справиться с интеллектуальной проблемой, которая содержалась в этом плане преднамеренного обмана.

— Но ведь меня поймала и... и обработала специальная команда. Что, если теперь их уже нет на планете?

— В таком случае скажите, что вас передали в распоряжение тех агентов, которые находятся здесь постоянно. Лучше держаться именно такой версии. Она и убедительна, и безопасна. Нам следует разработать для вас детальную легенду. Черновой набросок у меня уже имеется. Давайте обсудим его вместе. Было бы неплохо, если б вы согласились стать воображаемой любовницей некоего одинокого капитана. Как-то раз вам удалось улучшить момент и угнать аэромобиль. Эту часть истории я беру на себя. У нас в ангаре стоит пара аппаратов, один из них — стандартная гражданская машина, которую легко приспособить к местным условиям. В вашей памяти сохранилась информация, что в этих местах проще всего найти следы подпольной организации.

Козара вновь заподозрила недоброе и настороженно спросила:

— А вы в это время что будете делать?

Флэндри пожал плечами:

— Я не проходил иммунной обработки, а потому ограничен в передвижениях. Давайте подумаем. Во-первых, я бы мог появиться под прикрытием, которое мне уже приходилось использовать: безобидного сумасшедшего коммивояжера, сумевшего добраться до еще одной далекой планеты. Но, возможно, гораздо полезней остаться на корабле и следить за вашими действиями до тех пор, пока обстоятельства не потребуют моего вмешательства.

Ее подозрительность увеличилась.

— Как вы будете за мной следить?

Флэндри достал из кармана кольцо. В золотой оправе поблескивало то, что поначалу казалось сапфиром.

— Наденьте-ка. Если спросят, скажите: подарок любовника. В действительности же это портативный передатчик вроде вашего браслета, только на собственном источнике энергии.

— Такая маленькая штучка? — недоверчиво спросила Козара. — Она что, работает на больших расстояниях без всякой электронной сети? И незаметна для тех, за кем я собираюсь шпионить?

Флэндри кивнул:

— Да, она обладает всеми этими удивительными свойствами.

— Никогда не поверю.

— У меня нет права разглашать принцип ее действия. Кроме того, он мне неизвестен. На досуге я было попытался продраťся сквозь дебри теории модулированного нейтринного излучения, но зашел куда-то не туда. С уверенностью могу сказать только одно: эта штукавина работает. — Он замялся. — Козара, мне очень жаль, но как бы ни сложились обстоятельства... прежде чем я смогу вас отпустить на свободу, даже прежде чем я доставлю вас на одну из больших планет вроде Терры, мне придется уничтожить из вашей памяти тот факт, что подобные устройства существуют в природе. Операция совсем не сложная и совершенно безболезненная.

Он протянул кольцо. Она потянулась к нему, затем отдернула руку, отвела взгляд, снова посмотрела Доминику в глаза и мягко спросила:

— Почему вы уверены, что я соглашусь сотрудничать?

— Вам нужна свобода, — последовал ответ. Каждая фраза причиняла ему боль. — Одна-единственная ошибка — и вас объявят вне закона. Вы потеряете последний шанс добраться до дома. Орбитальные и наземные патрули будут удвоены. Даже если вас не найдут, вы умрете от голода, когда кончится запас пригодной для вас пищи.

Кроме того, вспомните о Деннице. Вспомните родных, друзей, миллионы маленьких детей, прошлое, настоящее и будущее вашего мира. Нельзя позволить, чтобы все это было поставлено на карту в век вооружения, которое способно уничтожать целые планеты. В таких обстоятельствах теряют смысл любые политические цели и уж тем более тщеславные амбиции нескольких аристократов. Подумайте хорошенько, Козара.

Она долго стояла в задумчивости, затем взяла кольцо и надела на безымянный палец.

— Наличие плотной атмосферы, — бубнил текст, — способствовало эволюции крупных летающих организмов. По крайней

мере одна разновидность этих животных стала обладать полноценным интеллектом.

Как и все высшие животные на Диомеде, разумные существа постоянно мигрировали. Будучи теплокровными, двуполыми и живородящими, они с незапамятных времен следовали тому же репродуктивному циклу, что и их менее развитые сородичи. Большинство культур размножаются так и поныне. Осенью стая перемещается в тропики, где проводит зиму. Тяготы столь длительного перелета приводят к гормональным изменениям, которые стимулируют половые железы. Поэтому по прибытии на место начинается брачная оргия. Весной стая возвращается домой. Самки рожают детенышей незадолго до начала следующей миграции. Новорожденные малыши совершают перелет на спинах родителей. Матери, подобно терранским млекопитающим, кормят детенышей молоком. Пока длится кормление, новое зачатие невозможно. На второй год жизни птенцы начинают летать самостоятельно, их отнимают от груди, и самки снова готовы рожать.

Этот цикл формирует базис цивилизации, которая обитает на островах Аханского моря. Туземцы построили города, которые они покидают каждую осень и вновь заселяют каждую весну. Городские жители занимаются оседлыми видами деятельности: каменным строительством, гончарным промыслом, столярными и плотницкими работами, изредка — сельским хозяйством. Но реальной основой их экономики является скотоводство и охота. Если не считать некоторых из ряда вон выходящих всплесков активности, туземцы ведут довольно беззаботный образ жизни. Они ленивы, артистичны, любят церемонии, следят за своим родством по материнской линии (об отцовстве никогда нельзя сказать ничего определенного) и вместе составляют не слишком формализованное сообщество, которое называется Великой Стаей Ланнаха.

Однако в других местах встречается иная практика. Флот Драк'хо поселился в океане на огромных плотках. Он занялся рыбной ловлей и сбором морских растений и, как следствие, перестал мигрировать. Работа с веслами, парусами, сетями, лебедками и строительными конструкциями поддерживает хорошую физическую форму. Брачная жизнь и рождаемость продолжают круглый год. Все это не могло не иметь своих последствий. Возникла патриархальная моногамия. Ежегодно дракхонам приходилось преодолевать не такие большие расстояния, как Стае, их дома постоянно находились поблизости. Каждый получил возможность обзавестись личным хозяйством, сделать запасы, приобрести машины и книги. По мере роста и усложнения цивилизации патриархальная демократия уступила место авторитарной аристократии.

На остальной части планеты история развивалась примерно такими же путями. Но Ланнах и Драк'хо остались наиболее развитыми, многочисленными и материально процветающими представителями двух резко противоположных форм устройства жизни. Впервые столкнувшись друг с другом, оба сообщества испытали настоящий ужас. Со временем в их отношениях возникла некоторая доля терпимости и взаимопонимания. Главная заслуга в этом принадлежит инопланетным торговцам, которые, естественно, предпочитали иметь дело с мирным населением. Однако соперничество между Флотом и Стаей никогда не прекращалось и периодически выливалось в войны. В последнее время трения достигли особенно крупных размеров.

В центре конфликта лежит следующая проблема: Ланнах не в состоянии ассимилировать высокую технологию без того, чтобы не погибнуть как культура.

Народ Драк'хо также имеет свои трудности, но перед ним не стоит неразрешимых дилемм. Немногие живут теперь в океане, но неподвижные жилища на суше мало чем отличаются от домов на блуждающих островах. Труд всегда был в почете среди дракхонов, регулярная работа — их давняя традиция. Каждый новый член общества с молоком матери впитывает стремление к техническому усовершенствованию жизни. Хотя автоматизация избавила большинство дракхонов от тяжелой работы, благодаря которой у них появилось почти человеческое либидо, они поддерживают форму с помощью физических упражнений (или химических препаратов — число таких случаев постоянно растет). Поэтому традиционная семья по-прежнему является основой их цивилизации.

Дракхоны нашли себя в роли заводчиков, торговцев, инженеров, иной раз даже космопилотов и вполне довольны жизнью.

Напротив, вселенная Ланнаха осыпается со всех концов. Существуют только две возможности: либо Великая Стая будет оставаться примитивной, бедной, малосильной и станет добычей голода, непогод, пиратов и болезней, либо примет модернизацию вместе со всем, что отсюда вытекает, включая необходимость зарабатывать деньги на приобретение совершенных машин.

Разве способен народ, который половину жизни проводит в перелетах и любовных играх, который привык существовать за счет благ обильного местного лета, справиться с подобной задачей? Не только общественное устройство покоится на этом бесконечном цикле. На нем держится религия, мораль, традиции, самосознание нации, наконец. Представьте себе группу людей, долгое время обитавших в неразвитой части Терры, истинных ревнителей благочестия, для которых ценой прогресса станет то, что им придется разрушить весь уклад былой жизни, превратиться в атеистов, стать гомосексуалистами и размножаться искусственным

оплодотворением. Для подавляющего большинства ланнахов ситуация складывается не менее остро.

По всей планете в бесконечном множестве вариантов разыгрывается одна и та же драма. Но именно потому, что среди племен этого типа Великая Стая претерпела наибольшие изменения, она сильнее других страдает от внутренних раздоров и крайне озлоблена против остального мира.

Не удивительно, что в такой обстановке возникают попытки революционного разрешения проблемы. Экономический, социальный, духовный сепаратизм, возвращение к традициям предков, протест против «дискриминации», требование «справедливости», помощи, субсидий, всякого рода специальных подходов, политический сепаратизм, отмена налогов в пользу планетарных властей или Империи, захват власти на Диомеде, создание независимой автаркии — вот наименее сумасшедшие из всех витающих в воздухе планеты идей.

Кроме того, на не слишком большом, по меркам современных межзвездных перелетов, расстоянии от Диомеды живут ифриане, которые тоже имеют крылья. Никто не сомневается, что они способны понять чувства своих крылатых собратьев, как ни один двуногий. У них есть собственное государство, не зависимое ни от Империи, ни от Ройдхуната и равно чуждое и той и другому. Разве святой долг Ифри не состоит в том, чтобы принять Диомеду под свое покровительство?

Тот факт, что большинство ифрианских лидеров никогда не слышали о Диомеде и не желают распространять свое влияние в космосе, в расчет не принимается. Вера редко считается с реальной действительностью. Именно поэтому она легко становится инструментом в чужих руках...

Солнце дважды вышло из-за гор и вернулось обратно.

— Ну, прощайте, — сказала Козара.

Флэндри не нашел ничего лучшего, как ответить:

— Прощайте. Удачи вам. — Слова хрипло вылетали из сдавленного горла.

Они стояли у шлюза. Девушка с минуту смотрела на Флэндри и наконец прошептала:

— Я вам верю.

Неожиданно она поцеловала своего спутника: легкое прикосновение губ, которое отозвалось взрывом в его сердце. Она отпрянула раньше, чем Доминик успел ответить. На ее лице застыло изумление собственным поступком.

Козара повернулась и взялась за ручку внутренней двери шлюзовой камеры. Флэндри двинулся следом.

— Нет, — сказала она. — Вам здесь не выжить.

Ее тело было подготовлено еще до отправки с Денницы. Козара закрыла дверь. Доминик остался внутри. Застучали насосы. Датчики показали, что шлюз теперь полон воздуха Диомеды.

Внешний люк открылся. Флэндри наклонился над смотровым экраном. Крохотная фигурка девушки ступила на склон. Снаружи ждал аэромобиль. Она запрыгнула в кабину и захлопнула дверь. Через минуту аппарат поднялся в воздух.

Флэндри отправился к пульту управления, где находился терминал наиболее мощных и чувствительных датчиков. Аэромобиль исчез за облаками.

— Пора, Чайвз, — спокойно произнес Доминик. Створки люка раскрылись. Из ангара выплыл летательный аппарат номер два. Его внешний вид несколько отличался от первого. Двигатель, оружие и специальное оборудование были скрыты за обтекаемым фюзеляжем. Эта машина удалялась более медленно, поскольку пилот-шалмуанин хотел оставаться незамеченным для преследуемой им женщины. Но наконец Флэндри остался один.

Обещала, что поможет. Да, врать она совсем не умеет.

Он нисколько не удивился, когда через несколько минут голос Чайвза сообщил:

— Сэр! Она снижается... Она села в лесу возле реки. Я наблюдаю сквозь дымку с помощью инфраскопа. Хотите посмотреть?

— Только не через инфраскоп, — ответил Флэндри. Слишком далеко и неопределенно. — Дай изображение с ее браслета.

На экране показались ветви деревьев и быстрый коричневый поток. Появилась правая рука девушки. С левой, которую Флэндри не мог видеть, она сняла кольцо. Маленький золотой предмет блеснул в воздухе и пропал на дне реки.

— Она хочет укрыться под деревьями, сэр, — доложил Чайвз.

«Не мудрено, — равнодушно откликнулась пустота внутри разведчика. — Ей кажется, что через кольцо я наблюдаю за всеми ее действиями и вижу, как она сейчас нарушает все свои обещания. Теперь она захочет скрыться в лесу, чтобы, никого не предав, пешком найти заговорщиков или, в случае неудачи, умереть от голода.

В действительности же кольцо — не более чем золотой ободок на ее безымянном пальце. Он был предназначен только для того, чтобы усыпить ее подозрения и заставить думать, что ей удалось ускользнуть от слежки. У Чайвза имеется радиорезонатор для активации браслета — того самого браслета, о котором я сказал, что он слеп и глух за пределами Терры».

— Думаю, мне не следует оставаться в воздухе, сэр, — сказал Чайвз. — Если позволите, сэр, то, как только девушка отойдет на безопасное расстояние, я также спущусь на землю и последую за

ней пешком. На месте посадки я оставляю слабый маяк. Впоследствии вы сможете прибыть сюда на гравилете и отбуксировать аэромобили на корабль. Позвольте напомнить, сэр, что вам необходимо надеть защитный костюм против неблагоприятного воздействия окружающей среды.

— Сам не забудь одеться, старина. — Голос Флэндри стал сух и сдержан: — Повторяю приказание: следи за ней и при каждом удобном случае передавай информацию на корабль. Я оставляю здесь записывающее устройство. Помни: главное — осторожность. Если ей будет угрожать опасность, ты должен либо вызвать меня, либо действовать самостоятельно. Спасти девушку — твоя первоочередная задача. Ясно?

— Так точно, сэр. — Неужели в этом высоком, с нечеловеческим акцентом голосе прозвучала нотка сострадания? — Несмотря на досадную тактическую необходимость, донна Вимезал никак не может рассматриваться как живая приманка.

Миллионы планет и безымянных существ с одной стороны, и мы с тобой с другой. Так ведь, Чайвз?

— Когда вы собираетесь перелететь на Четверговую Площадку, сэр?

— Скоро, — ответил Флэндри. — Как только соберусь.

Глава 7

Четверговая Площадка была расположена там, где экватор пересекает восточное побережье континента, которому люди дали название Централия. Эта плодородная, по меркам Диомеды, страна имела тем не менее совсем немного постоянных поселений. Лишь во время миграций она наполнялась кочевниками, которые держали путь на север или, наоборот, на юг, к своим исконным пастбищам. Поначалу, утолив первый сексуальный голод, туземцы с радостью отправлялись в глухие места за добычей, которая могла бы заинтересовать пришельцев. Взамен они получали небольшие полезные инструменты. Позднее товарообмен приобрел более регулярные и разносторонние формы, особенно с прибытием в эти края значительного контингента дракхонов. Опускаясь, Флэндри увидел изрядных размеров город.

В основном здания представляли собой блочные железобетонные конструкции, возведенные для того, чтобы предохранить людей от местных проливных дождей и неторопливых, но мощных ветров. Флэндри заметил парк под витриловым колпаком: ярко-зеленая растительность была подсвечена лампами, которые имитировали свет Сола. Чуть дальше, редко разбросанные среди ухоженных полей, стояли дома туземцев. Высокие, узкие, с мно-

жеством балконов строения, изящные по форме и приятной окраски, казалось, предназначались не для того, чтобы противостоять погоде, но чтобы впускать ее в себя. К тому же они были способны амортизировать удары, чтобы не быть сметенными бурями. Гавань была заполнена множеством судов, от обыкновенных лодок до целых плавучих деревень. Небо пестрело от сонмов крылатых существ.

Тем не менее Флэндри чувствовал себя неудобно, словно холод за бортом грозил пробраться в кабину. На одной половине планеты Доминик видел смутные в темно-пурпурных сумерках очертания полей, лугов, холмов; другую половину занимал океан, мерцавший кровавым светом, ибо солнце стояло на севере, над самым горизонтом, среди зеленовато-желтых облаков. В эту пору года здесь не было ни настоящего дня, ни полноценной ночи.

«Похоже, к старости ты начинаешь становиться террацентричным, — усмехнулся Флэндри. — А ведь это — прекрасное место для тех, кто здесь родился».

Однако уныние не исчезло.

Тем не менее этот мир кажется каким-то нереальным, словно дурной сон. Само мое задание — дурной сон. Все в нем туманно, запутано, неустойчиво. Ничего, что казалось бы настоящим... Никого, кто не прятал бы за одним секретом другой...

Включая меня. Он выпрямился в кресле пилота. Да, за все приходится расплачиваться. Думаю, моя хандра протекает из чувства вины перед Козарой, из страха за ее судьбу. О Боже, Который тоже нереален, маска на лице пустоты, будь к ней милостив. Ей и без того приходилось много страдать.

Раздались позывные службы наземного контроля. Явно нечеловеческий голос обратился к Флэндри на английском. Тот ответил и посадил «Хулиган» на отведенную ему площадку. Мысль о предстоящей работе подбодрила его. *Раз уж на Всемогущего нельзя положиться, придется самому приниматься за дело.*

Из Ланнаха Флэндри снова выбрался в космос и вернулся на планету в открытую. Диомеда охранялась с тщательностью, редкой для окраинного мира пятой степени важности. Вначале «Хулиган» засекли патрульные роботы, затем офицер военного корабля запросил его данные и только после этого разрешил продолжить путь. Вне всякого сомнения, тревога по поводу возможного восстания и просачивания враждебных элементов заставила власти усилить охрану. Без специальной орбитальной информации ни один корабль, даже такой оснащенный, как «Хулиган», не смог бы приблизиться к Диомеде незаметно.

На экране появилась фигура начальника космопорта.

— Добро пожаловать, сэр. Вы, если не ошибаюсь, летите один? Имперский резидент получил извещение о вашем прибытии и

приглашает вас остановиться в его доме. Если вы сообразовали сказать, где расположен ваш люк, — дело в том, что раньше мне не приходилось видеть подобных кораблей, — машина будет стоять возле него через несколько минут.

Начальник порта, дракхон, был необычайно красив. Ростом с невысокого мужчину, он стоял на длинных когтистых лапах, которые сгибались назад. Изящное, покрытое коричневой шерстью тело плавно переходило в широкий хвост с мясистым рулевым отростком на конце. Верхние конечности находились посередине туловища и удивительно напоминали человеческие руки. Массивная грудь, длинная шея, круглая голова: высокий выпуклый лоб, золотистые глаза с мигательными перепонками, черная тупая мордочка с усами и клыками, напоминающая кошачью. Уши отсутствовали, зато на макушке торчал мускулистый гребень. Из плеч росли гладкие кожистые крылья около шести метров в размахе. В данный момент они были сложены. Начальник порта носил пояс с сумкой, нарукавную повязку — знак власти, и... да, нательный крестик.

Пора начинать входить в свою роль.

— Спасибо, дружище, — как можно более развязно ответил Флэндри. — Слушай, ты бы не мог сказать шоферу, чтоб он зашел на корабль и забрал мой багаж? С этими дальними перелетами приходится таскать с собой чертову уйму барахла. — Гребень на голове начальника встал дыбом, по шерсти пошла рябь: он явно был оскорблен такой грубостью: Флэндри даже не спросил, как его зовут.

Тем не менее водитель исполнил приказание. Это был крепкий парень в штатском. Увидев роскошный военный мундир Флэндри, он поклонился:

— Капитан Ахаб Вейлинг*?

— Точно. — Флэндри любил копаться в старинных книгах. На борту «Хулигана» имелись биографии нескольких вымышленных лиц. Зачем привлекать к себе внимание? Чем меньше людей будут принимать его всерьез, тем лучше. Доминику хотелось прощупать этого малого, поэтому он спросил:

— А ты кто такой?

— Диего Ростовский, сэр, помощник Почетного Гражданина Лагарда. Вы говорили о багаже? Мать честная, так много!.. Да, придется им в Резиденции потесниться.

— Там еще кто-нибудь есть?

— Нет, сейчас никого. С месяц назад было много народу. Да вы сами, наверно, знаете — раз служите в разведке.

* Whaling — китобойный (англ.).

Косой взгляд Ростовского говорил о том, что вышитый на мундире глаз — эмблему разведки — он воспринимал отнюдь не метафорически.

Однако любопытство пересиливало осторожность. Когда шлюзовой люк открылся и автомобиль (а не аэромобиль) покати́лся по дороге в город, Ростовский объяснил:

— Мы стараемся не летать без большой необходимости. Здесьняя атмосфера иногда откалывает странные штуки... Да, в Резиденции вам будут рады. Те офицеры, что уехали месяц назад, они были очень заняты и мало с кем общались, за исключением... — Он оборвал себя на полуслове. — Хм. Да. С тех пор как они уехали, тревога и одиночество... Хозяину и его сотрудникам скучать некогда, а вот донна Лагард, ей приходится все время видеть одних и тех же людей, слуг, охранников, коммерческий персонал с их семьями... А ведь она воспитывалась на Терре. Она будет рада послушать новости и сплетни.

«А ты считаешь меня источником того и другого, — понял Флэндри. — Великолепно. — Он взглянул сквозь занавеску на унылые поля и мрачные небеса. — Так кто же был тем исключением? Похоже, тебе не велено о нем говорить».

— Да, ситуация складывается тревожная, — сказал он. — Хотя лично вам бояться нечего, так ведь? Если некоторые племена и впрямь восстанут, — ужасная неприятность, особенно для торговли, — так вот, если они и впрямь восстанут, то Четверговая Площадка сумеет отбиться от дикарей.

— Не уверен, — последовал ответ. — Туземцы имеют неплохую промышленность и, кроме того, самостоятельно ведут дела с еще более развитыми обществами. Есть все основания полагать, что на планете позапрятано много оружия, в том числе и ядерного. Конечно, мы можем отбить атаку и выдержать осаду. Но вся торговля разлетится в пух и прах. Небольшой отряд повстанцев способен полностью блокировать перевозки. В этом случае пострадает экономика далеко не одной Диомеды. А если те чужаки и вправду были... Э...

— *Agents provocateurs*, — подсказал Флэндри. — Или, проще говоря, подстрекатели. Назови как хочешь. Мне все равно.

Ростовский нахмурился:

— Так-то так, до только что начнут делать их боссы?

Мартин Лагард был маленьким чопорным человечком, из тех, что сидят в огромных чопорных офисах. В его англичке оставило след детство, проведенное на Афине. Когда он говорил, козлиная бородка и кончик его носа мелко подрагивали. Он носил мундир хоть и из дорогой ткани, но старомодного покроя и, кажется, не

желал ничего предпринимать по поводу своей довольно обширной лысины.

Поглядывая через стол на Флэндри, который удобно расположился напротив с сигаретой в зубах, имперский резидент произнес своим скрипучим голосом:

— Я рад познакомиться с вами, капитан Вейлинг, однако природа вашего задания по-прежнему остается для меня загадкой. Никто не удосужился поставить меня в известность о вашем прибытии. — Кажется, он был обижен.

Надо к нему подольститься. Флэндри часто приходилось встречать такого рода администраторов, честных, но педантичных, озабоченных карьерой и самовозвеличиванием. Новаторы или философы, вроде Чандербана Десаи, не уживались на этих должностях. Испытывая ревность коллег, они либо поднимались выше, либо терпели сокрушительное поражение. Лагард избрал путь беспроектного и методичного приближения к пенсии.

Он был суховат, но не глуп, этот одушевленный винтик Империи. Разве может целая планета, населенная непохожими друг на друга варварами, полностью управляться с Терры? Да и нужно ли это кому-нибудь? Лагард сидел здесь для того, чтобы помогать имперским коммерсантам в их делах и проблемах; просматривать непрерывный поток информации о планете, придавать ей приемлемый вид и закладывать в ненасытную базу данных Империи; собирать с туземцев скромную дань и делать положенные взносы в совет Согласия; давать советы местным вождям и посылать пехотинцев для проверки их исполнения только в самых крайних случаях; разговаривать от имени местных жителей со всеми представителями Короны, делать свой маленький бизнес.

Он неплохо со всем этим справлялся. И не его вина в том, что он никак не мог изгнать демонов, которые грозили захватить планету.

— Да, сэр, они не любят сообщать заранее. Ужасные манеры, но ведь это политика, так ведь? — Флэндри кивнул в сторону своих верительных грамот, лежавших на столе. — Боюсь, я также не смогу быть до конца откровенным. Скажем так: специальная поездка с целью инспекции.

Лагард пристально посмотрел на гостя. Флэндри знал, что думает резидент: «Неужели этот нахал и в самом деле кадровый офицер разведки? Нет, должно быть, какой-нибудь пижон со связями, которому дают формальные задания, чтобы побыстрее сделать адмиралом».

— Постараюсь помочь по мере возможности, капитан.

— Отлично. Я так и думал. Ничего, если я отниму у вас еще пару минут? Хочу изложить, как мне видится ситуация в целом.

Если ошибусь — поправьте. Можете добавить что-нибудь от себя. Сами понимаете: ясное понимание проблемы — это не так-то просто. А тут еще такие расстояния. Пока долетишь, все уже сто раз изменится, *n'est-ce pas**?

— Прошу вас, — покорно ответил Лагард.

Флэндри сунул сигарету в пепельницу, перекинул ногу за ногу и сцепил пальцы. Сила тяжести Диомеды ничем не компенсировалась. Он расслабленно осел в кресле, словно уже устал от перегрузки. (В действительности Доминик делал ежедневную гимнастику при двух g. Таким образом он сокращал нудное время, отведенное для физических упражнений.)

— Заговорщики не спят, — сказал он. — Враги только и ждут, как бы воспользоваться беспорядком, оставленным недавними пертурбациями. Врагов много: мерсейцы, ифриане, варвары, внутренние противники, которые хотят свергнуть его величество. Так? Вы получили сведения, что некоторые смутьяны работают здесь. Раздувают пламя недовольства и всякое такое. Как им удалось проскочить через вашу службу безопасности?

— Не мою службу безопасности, капитан, — поправил Лагард. — Я ведь на этом посту меньше пяти лет. Когда я начинал, система слежения находилась в плачевном состоянии. Вся Империя тогда была в плачевном состоянии. Пришлось срочно заделывать дыры. Кроме того, наша гражданская война сильно увеличивала недовольство, особенно среди Великой Стаи Ланнаха. Война мешала межпланетной торговле. Дело в том, что мигрирующие сообщества попали в бóльшую зависимость от привозных товаров, чем оседлые племена, такие, например, как Драк'хо, которое имеет собственную промышленность и может производить ряд предметов самостоятельно. Но вы должны понимать, что новому человеку нужно время, чтобы освоиться на незнакомой планете и выработать программу действий.

— О, конечно, — кивнул Флэндри. — Поначалу вы не поняли необходимости прощупывать прибывающих на планету. Вы скорее были рады всякому гостю. Пришельцы могли помочь наладить торговлю. Вполне естественно. Здесь нет ошибки. Наконец стала появляться тревожная информация. Оказалось, что далеко не всякий приезжий отправляется в глушь с благими намерениями. Правильно?

Вы попросили разведку провести исследование. На это нужно время. Мы тоже не можем, впервые появившись на планете,

* Не так ли? (*фр.*)

немедленно выдать результат. Судя по моим записям, вы обращались в управление сектора. Терра получала только регулярные отчеты.

— Конечно, — ответил Лагард. — На то, чтобы связаться с Террой, ушло бы еще несколько месяцев.

— Правильно, правильно, — успокоил его Флэндри. — Никто не критикует ваши действия, сэр. Просто мы, в Центре, любим держать все под контролем. Вот почему я здесь: выяснить детали, не вошедшие в официальный отчет (который, кстати, был более чем краток). Иными словами, начальству не терпится узнать, как протекает операция.

Лагард лишь пожал плечами.

— Ладно, — продолжил Флэндри. — В рапорте сказано, что на планету прибыла группа наших специалистов под командованием Бруно Маспеса. Они открыли свою лавочку в Четверговой Площадке, допрашивали свидетелей, собирали информацию, засылали агентов к туземцам — рутинная работа разведки. Как долго они здесь жили?

— Около шести месяцев.

— Вы часто с ними встречались?

— Нет. Они постоянно были заняты. Часто покидали город, а иногда — и нашу систему. Их сотрудники то появлялись, то исчезали. Даже те, кто были моими гостями... — Лагард остановился. — Простите, капитан, но я дал подписку о неразглашении секретной информации. Все мои домашние дали подписку. Нам запрещено касаться в разговорах некоторых тем. Ваши полномочия не дают вам право на эти сведения.

Ага. Флэндри насторожился, но его мускулы по-прежнему оставались расслаблены.

— Да-да, понимаю. Вам тут приказали не распространяться о некоторых подробностях... Ну, скажем, высматривать какого-нибудь инопланетянина со странными способностями, — *вы только посмотрите на его лицо; опять попал*, — и не болтать об этом. Не бойтесь. Я не стану пытаться. По существу, они обнаружили, что подстрекали к восстанию и обеспечивали техническую сторону дела отнюдь не союзники ифриан. Это были люди с Денницы.

— Я тоже об этом слышал, — ответил Лагард.

— А... в то время вам не приходилось принимать у себя денничианского ученого?

— Приходилось. Но очень скоро и она, и ее сотрудники уехали к Аханскому морю, несмотря на мои предупреждения. Позднее выяснилось, что они были подрывными элементами. — Лагард вздохнул: — Жаль. Она была замечательной, яркой личностью.

— Что с ней стало?

— Поймали. Наверно, ее до сих пор держат в заключении.

— Здесь?

— Вряд ли. Маспес и его люди уехали несколько недель назад. Зачем им ее оставлять?

«Что бы я стал делать, если б они все еще были здесь? — мельком подумал Флэндри. — Впрочем, я сумел бы разыграть и такую партию».

— Они могли решить, что выгоднее держать это дело пока в секрете, — предположил он.

— Из сотрудников разведки на Диомеде остались только те, кто живет с нами уже многие годы. Я бы почувствовал, если б они что-то скрывали от меня. Вы вправе поговорить с ними, капитан, только не рассчитывайте на многое.

— Хм. — Флэндри пригладил усы. — Так, значит, Маспес решил, что выловил всех предателей?

— Он сказал, что у него появилось другое, более важное задание. Вне всякого сомнения, большинство агентов сумело ускользнуть из его рук, а сочувствующие им туземцы вполне могут прокормить у себя людей. Но Маспес заявил, что если мы будем контролировать межпланетное сообщение, то сможем справиться с любыми беспорядками. Надеюсь, он прав.

— Локальные конфликты, выходит, пресекаете?

— А что нам еще делать? — раздраженно ответил Лагард. — И я, и мои сотрудники, в контакте с лояльными диомедианами, работаем не покладая рук. Добрые отношения с мигрантами — не такая уж несбыточная мечта, если эти проклятые экстремисты оставят нас в покое. Боюсь, я не слишком гостеприимный хозяин, капитан. Через день — терранский день, я имею в виду, — мне придется уехать в Ланнах для переговоров с Вождем Великой Стаи и его советниками. Они считают, что видеоэкран не заменяет личного общения.

Флэндри улынулся:

— Не стоит извиняться, сэр. Я найду чем заняться. Думаю, я и сам пробуду здесь всего несколько дней, а там — на другую планету. Кажется, вы с Маспесом совершенно неожиданно сумели отлично все уладить.

Резидент расцвел. В мечтах он уже предвкушал премии и повышение в чине.

— Благодарю, капитан. Завтра я введу вас в курс дела. Вы сможете переговорить с персоналом и просмотреть документы. Естественно, в пределах, дозволенных правилами секретности. Но первым делом вам нужно отдохнуть. Слуга покажет вашу комнату. Через полчаса жду вас к аперитиву. Моей жене не терпится познакомиться с вами.

Глава 8

За обедом Флэндри, как и рассчитывал, очаровал хозяев своей изысканностью и остроумием. Когда подали ликеры, миссис Сюзетт Калехуа Лагард вздохнула:

— Ах, капитан Вейлинг, какое счастье, что судьба занесла вас в наши края. Здесь уже сто лет не было такого очаровательного человека. Все, кто к нам приезжает, — и из провинции, и из столицы — почему-то ужасно серьезны и необщительны. Единственный приятный собеседник — и тот был нечеловеком... Ох! — Мистер Лагард нахмурился и толкнул супругу локтем. — Боже, как глупо. Прошу вас, забудьте то, что я сейчас сказала.

Флэндри поклонился:

— Бесполезно. Как я могу забыть хоть одно произнесенное вами слово! Но я обещаю не обращать внимания на слова и наслаждаться воспоминаниями о музыке. — Он был словно наэлектризован. Эта теплая, хорошо обставленная, мягко освещенная комната, где тихонько звучала скрипка и откуда дворецкий только что унес тарелки с остатками восхитительного фруктового суфле, напоминала мыльный пузырь, каждую минуту готовый лопнуть. Доминик сделал глоток кюрасао и потянулся за сигаретой.

У Сюзетт задрожали ресницы.

— Вы чудо. — Она уже успела как следует выпить. — Правда, он милый, Мартин? Неужели вы не останетесь даже на неделю?

Флэндри пожал плечами:

— Увы, но, кажется, Почетный Гражданин Лагард не оставил мне повода для задержки.

— Может быть, удастся что-нибудь найти? Вы ведь имеете право самостоятельно принимать решения? Они же не станут посылать такого человека, как вы, чтобы держать его на коротком поводке?

— Увидим, донна. — Он послал ей взгляд, содержавший вполне определенный намек. Она ответила тем же. Вино не мешало ей контролировать свои действия в этом направлении.

Возбуждение, охватившее Флэндри, не мешало ему относиться к предстоящему с известной насмешкой и интересом, хоть и не таким уж горячим. Сюзетт была привлекательной полногрудой женщиной. Блестящее платье с глубоким вырезом подчеркивало эту особенность ее фигуры с откровенностью, которая вызвала бы недоумение у нынешних императорских придворных. Но миссис Лагард никогда не видела этого двора. В ее черных высоко зачесанных волосах, обрамлявших круглое смуглое лицо, блестели драгоценности. Во время обеда она становилась все более и более

оживленной, так что ее слова стали казаться не такими банальными, какими были на самом деле.

Флэндри приходилось видеть тысячи подобных семей: государственный чиновник со своей половиной на отдаленной планете, населенной негуманоидами. Иногда случалось, что такая чета начинала работать тандемом. Но чаще всего оставшаяся не у дел супруга (или, наоборот, супруг) была вынуждена утешать себя сомнительными удовольствиями внутри маленького кружка имперских служащих. Год за годом она (или он) имела дело с одними и теми же домами, телами, словами, играми, мелкими интрижками и замороженными распрями. Иной раз у него (или у нее) просыпался интерес к туземцам, он (она) отправлялся путешествовать, и случалось, одаривал мир новым ксенологическим исследованием или литературным переводом. Леди Сюзетт не обладала талантами для такого рода деятельности. Детей у нее не было. Она не успела ими обзавестись до прибытия на Диомеду, и теперь приходилось ждать, пока закончится десятилетний срок пребывания Лагарда на планете. Дело в том, что иммунизация, которая позволяла человеку спокойно существовать в чуждой ему среде, затрагивала какие-то глубины женского организма, и он отказывался вынашивать эмбрион, а провести обратные процедуры было бы слишком опасно. Что оставалось делать Сюзетт Калехуа Лагард, дочери видного и процветающего терранина, в ожидании отъезда?

Она бы могла развестись. Но муж, который сумел дослужиться до должности резидента, был неплохим уловом. Впоследствии его ожидало назначение на пост торгового уполномоченного в одной из колоний первого ранга, вроде Гермеса, где жизнь полна роскоши и удовольствий. А со временем он мог стать мелким функционером на Терре и даже получить дворянский титул. Миссис Лагард рассчитывала, что будет щедро вознаграждена за свое терпение. Ее глаза сказали Флэндри, что у нее есть хобби.

— Что ж, если времени осталось мало, не будем его терять, — сказала она. — Вы позволите называть вас Ахаб? А вы называйте нас Сюзетт и Мартин.

— Почту за честь. — Флэндри поднял свой бокал в знак приветствия. — В последние годы народ на Терре стал чересчур церемонным. Взять хотя бы его величество и его ближайшее окружение.

— Серьезно? — спросил Лагард. — Мелкие подробности до нас не доходят. Я всегда считал, — несколько не умаляя достоинств его величества, — что наш нынешний император держит себя вполне непринужденно.

— Только не на людях, — ответил Флэндри. — А что вы хотите от старого служаки с задворков Германии? Можете мне поверить:

мы катимся к эпохе пуританизма. — *Которая, если Десаи не ошибается, является не окончанием, а следующей стадией декаданса.* — К счастью, у нас еще осталось достаточно укромных уголков, где можно отлично повеселиться. В сущности, неодобрение делает удовольствие только более пряным, так ведь? Помню, несколько лет назад...

Рассказанная им история приключилась с совсем другим человеком. От себя Флэндри добавил несколько ярких деталей. Подобные мелкие отступления от истины только помогали ему развлекать своих собеседников. Слушая Доминика, Лагард кисло улыбался, зато Сюзетт хохотала до слез и покраснела до самого декольте.

Флэндри разговаривал с чиновниками, ассистентами, клерками, инженерами, матросами и пехотинцами. Все они были раздражены, но с готовностью отвечали на вопросы до известного предела, за которым всегда следовала фраза:

— Извините, сэр. Я не вправе касаться этой темы. Обратитесь к властям сектора. Они обязательно предоставят вам необходимую информацию.

Как же. Они пришлют мне ту же сводку, что отправили на Терру. Вылезу я из кожи вон, мне и тогда не получить из секретных архивов нужные сведения. Не исключено, что их вообще там нет. Можно бы выяснить местонахождение Маспеса и компании, совершить длительное путешествие и отыскать их, или, вернее, его одного, потому что команда давно распущена... А что, если... да, более чем вероятно, отданные им приказы аналогичны тем, что значатся в бумагах капитана Вейлинга. В таком случае ищи ветра в поле... Может быть, со временем они где-нибудь и всплывут, а может быть, и нет. Это зависит от обстоятельств.

Новые иллюзии, новые фантомы.

Флэндри отправился в деловую часть города и вскоре был в самых дружеских отношениях с местными коммерсантами и чиновниками. Большинство любило свою работу, любило диомедиан, но всем им не хватало человеческого общения. Они знали, что на планете работала специальная команда разведки, которая искала корни беспорядков, грозивших разрушить здешний бизнес. Они полностью одобряли ее деятельность и не обижались на то, что для беседы их вызывали только по одному разу. Никто не видел команды в полном составе: в городе разведчики держались обособленно, офицеры в Резиденции, рядовой состав в отдельном бараке. Да, поговаривали, что среди них имеется парочка инопланетян. И что с того?

В остальном колония знала лишь то, что содержалось в коротком заявлении Лагарда, которое он сделал после того, как группа уехала. «...Мне позволено сказать только то, что предатели, которые оказались людьми, подстрекали к мятежу народ Ланнаха. По счастью, подавляющее большинство Великой Стаи не потеряло здравого смысла и осталось лояльным к Империи. На данный момент ключевые фигуры заговора схвачены или убиты. Однако часть заговорщиков могла остаться на свободе. Любая информация касательно их местонахождения должна быть немедленно передана властям. Думаю, в дальнейшем им едва ли удастся причинить нам большой ущерб, поэтому я намереваюсь приступить, с вашим участием, к работе по устранению поводов к недовольству».

На следующий диомедианский день Флэндри напялил комбинезон с подогревом, сферический шлем с очистителем воздуха, прошел через шлюз и оказался в туземной части города. Большинство автохтонов знали англик и охотно соглашались поговорить, но никто не смог сказать ничего нового. Доминик не был удивлен.

Он набрал на телефонную будку и решил позвонить Чайвзу. Благо поблизости не наблюдалось никого из тех, кто мог бы заинтересоваться, что понадобилось в таком месте одинокому офицеру разведки. Он воспользовался стандартным каналом, но говорил на языке, которого в этом мире наверняка никто не знал. Ближайший спутник связи передал его послание через океан в Ланнах, где, как только Доминик заплатил за услугу, они были переданы по радио в открытом эфире. Оставленный под скалой ретранслятор связался с переносной радиостанцией шалмуанина.

— Так точно, сэр. В настоящее время молодая леди питается тем, что захватила с собой из аэромобиля. Она успеет добраться до озера раньше, чем кончится продовольствие, поскольку донна движется очень бодрым шагом, несмотря на густую растительность и сильно пересеченную местность. Должен признаться, что мне доставляет немало труда поспевать за ней, поскольку я посчитал опасным воспользоваться своим гравилетом. Я испытываю некоторое беспокойство относительно ее безопасности. Внезапный обвал или гроза могут иметь крайне неблагоприятные последствия, однако донна слишком спешит, чтобы позаботиться о мерах предосторожности.

— Думаю, она справится, — сказал Флэндри. — В крайнем случае, придешь ей на помощь. Куда больше меня беспокоит то, что может с ней случиться, когда она прибудет к месту своего

назначения. Сколько, ты говоришь, ей осталось идти? Двадцать четыре часа? В таком случае мне необходимо действовать как можно быстрее.

Сюзетт также не желала терять времени.

Флэндри потягивал холодное пиво, а его взгляд тем временем скользил по окружающей обстановке. Резидентша имела собственные отдельные апартаменты, где резидент, по ее словам, был не слишком частым гостем. Ворсистые ковры, драпировки и мебель этой комнаты были выдержаны в бело-розовых тонах. Дым от палочки благовоний смешивался с ароматом ее тела. Туалетный столик был завален духами и косметикой. Ее платье поблескивало на стуле поверх брошенной в спешке одежды Флэндри. Среди всей этой роскоши сувениры из Дома: картины, антикварные безделушки, плюшевая кукла из тех, что бывают у каждого ребенка, — производили удивительно трогательное впечатление, особенно на фоне мрачного вида за окном. Ливень хлестал в витрил с силой, не виданной на Терре. Черно-синий мрак наполненной громовыми разрядами бури иной раз высвечивался красноватым лучом солнца, которому удавалось пробиться сквозь брешь в тучах. Из-за толстых стен, несмотря на звукоизоляцию, доносился слабый вой ветра.

Козара... Да, Чайвз не даром беспокоился о том, как она сумеет пробраться сквозь лесную чащу.

Сюзетт погладила его по щеке:

— Почему ты стал грустным?

— Что? — Он вздрогнул. — Глупости. Не грустным, а задумчивым. Так... Подумал, что мы скоро расстанемся и я тебя больше никогда не увижу.

Она кивнула:

— Мне тоже жаль. Но ты уверен, что никогда? Это точно?

Совершенно точно, по крайней мере до тех пор, пока я в состоянии контролировать обстоятельства. Не стану отрицать, что ты мне нравишься, но, если честно, на людях ты зануда. И что, если Козара узнает?

А почему это тебя волнует?

Положим, она бы могла снисходительно отнестись к обыкновенной интрижке. У меня создалось впечатление, что в ее обществе тоже живут по двойному стандарту. Но наставить рога человеку, который принял тебя в собственном доме, — этого она никогда не простит. Довод о том, что я не один здесь такой шустрый, ни к чему не приведет. Довод о военной необходимости даст тот же результат. Она сразу увидит (о, эти голубые глаза!), что я выполнял

задание с большим удовольствием и наслаждался каждой миллисекундой.

Хм. Вопрос не в том, чтобы спрятать свой грешок под пристойной вуалью лицемерия. Вопрос в том, как быть с тем фактом, что меня и вправду волнует, как ко мне относится Козара Вимезал.

— Это точно? — допытывалась Сюзетт. — Империя велика, но люди не сидят на месте.

Флэндри решил заняться своей близлежащей задачей. Он обнял женщину, улыбкой ответил на ее встревоженный взгляд и сказал:

— Твой вопрос чрезвычайно мне льстит. Я думал, что был мимолетным увлечением.

Она вспыхнула:

— Я тоже так думала. Но... понимаешь... — С вызовом: — Да, у меня много любовников. Думаю, у меня их всегда будет много, пока не постарею. Мартин, должно быть, догадывается, но не слишком переживает. Он по-своему добр ко мне, но у него очень много работы, он не молод и... в общем, сам понимаешь. Диего, Диего Ростовский: он лучше всех. Но, к сожалению, я знаю его как облупленного, если там есть что знать. А ты ворвался как свежий ветер, прямо из Дома. У тебя хорошо подвешен язык, с тобой мне легко и весело, и вдобавок... — Она грузно навалилась на него. Ее свободная рука загуляла по его телу. — Я никогда не думала... Ты сразу понял, что я люблю больше всего. Ты что, телепат?

Нет, всего лишь опытный мужчина с хорошим воображением. Вот Айхарайх — телепат.

— Спасибо за комплимент, — сказал Флэндри и чокнулся с ней бутылками с пивом.

— Тогда, может быть, ты удержишься, Ахаб, или вернешься чуть позже?

— Я должен подчиняться требованиям войны и политики, аморита, а эти требования иногда бывают чертовски неопределенными. — Флэндри приложил к губам бутылку и долго пил пиво, чтобы успеть подготовить свои следующие слова. — К примеру, небезызвестный тебе Маспес устроил так, что я вынужден отправляться в столицу сектора, хотя и знал, что мой диагноз будет обнадеживающим: на Диомеде, кажется, все в порядке. Снова последствия плохой связи: Маспес заткнул вам рты, потому что не знал, что я появлюсь в этих краях, а я не получил необходимых полномочий, потому что в Центре не подумали, что он окажется таким перестраховщиком.

Полномочия-то у меня есть, но не хочется себя раскрывать.

Рука Сюзетт остановилась на груди Флэндри.

— Ого, твое сердце стучит как молот.

— Вот что ты способна сделать с парнем, — ответил он, отставил бутылку и притянул женщину к себе для нежного поцелуя.

— Ты хочешь сказать, что, будь у тебя необходимая информация, тебе не пришлось бы спешить? — задыхаясь, спросила она. — Ты бы смог остаться подольше?

— Наверняка смог бы, — произнес Флэндри и провел рукой по ее волосам. — Но что с того? — усмехнулся он. — Не бери в голову. В твоём присутствии я не расположен говорить о делах.

— Нет, погоди. — Она отстранила его движением, больше похожим на ласку, чем на толчок. — Что тебе нужно знать, Ахаб?

— Ну... — помедлил он, изображая колебания. — Кое-что из того, о чем тебе запрещено говорить.

— Но ты все равно об этом узнаешь в управлении.

— Конечно. Дело упирается в формальности.

— Хорошо, — решила Сюзетт. — Спрашивай.

— Ты... — Флэндри изобразил энтузиазм. — Милая! Клянусь, у тебя не будет никаких неприятностей. Ты только ускоришь дело государственной важности.

Она покачала головой и хихикнула:

— Угу. Помни, что ты мне должен то время, которое я тебе сэкономлю. Обещаешь?

— Даю слово, — *двойного агента*.

Сюзетт снова откинулась назад, поставила бутылку и положила руки на затылок в знак полной покорности.

— Спрашивай, что хочешь. — Ей нравилась эта игра.

Флэндри обнял руками свои колени и произнес:

— Кто был с Маспесом? В первую очередь, из негуманоидов. Я бы не хотел объяснять причин своего интереса, однако подумай: ни один разум не в состоянии охватить, а тем более запомнить всех планет и рас, открытых нами в этом маленьком уголке Галактики, которую мы едва начали исследовать. Диверсии, шпионаж — такие вещи случались и раньше.

— Разве нельзя проверить в базе данных?

Базы данных иногда врут. Ведь раньше мы имели насквозь коррумпированное правительство, позднее наступила неразбериха борьбы за престол, гражданской войны и массовых чисток. Фальшивые данные могут очень долго ждать своего часа, пока кто-нибудь не решит ими воспользоваться. А пока в них нет необходимости, о их ненадежности и не подозревают.

— Скажем так: не бывает совершенных систем, за исключением одной: твоей системы любовных утех. Даже Терра не имеет полной, до конца проверенной базы данных. Местные системы и вовсе ненадежны. А проверка данных через Центр слишком часто не оправдывает затраченного времени и сил.

— Ничего себе. — Миссис Лагард была скорее заинтригована, чем испугана. — Ты думаешь, что у нас жил настоящий шпион?

— Именно это я и собираюсь выяснить, дорогуша.

— Во всей команде был только один ксенос. — Она вздохнула. — Мне бы не хотелось верить, что такая замечательная личность могла быть врагом. Ты знаешь, я даже начала мечтать о том, чтобы лечь с ним в постель, хотя невозможно представить, как это осуществить практически. Впрочем, он был очень похож на человека.

— Кто он такой? Откуда прибыл?

— Ух... Его звали Ай... Айхарайх. — С дифтонгами она справилась лучше, чем с согласными. — Откуда прибыл?.. Он говорил, что его планета называется Херейон. Где-то в районе Бетельгейзе.

«Гораздо дальше, — подумал Флэндри сквозь шум в голове. — На этот раз он даже не потрудился скрыть свое имя или происхождение. А зачем? Никто бы не стал проверять по всем правилам аккредитованного члена имперской разведывательной группы. Да и архивы Четверговой Площадки вряд ли смогли бы здесь помочь. Я уж не говорю о том, что он сразу прочел в их мыслях, что ни один из местных людей никогда не слышал о таинственном мире, лежащем в пределах Ройдхуната. А подписка о неразглашении должна была скрывать его след ровно столько времени, сколько ему нужно, чтобы подстроить нам пакость и улизнуть.

И только потом правда, может быть, и выплывет на свет. Наши люди, те, кто кое-что слышал о Херейоне, сразу поймут, откуда прибыло существо, обладающее такой внешностью. Поэтому совсем не важно, говорил он о своем истинном происхождении или нет. Ему, должно быть, доставляло удовольствие называть свое настоящее имя.

Впрочем, его почерк в этом деле был замечен и раньше: сны, тени, ускользающие призраки...»

— Ростом он с тебя, — продолжала болтать Сюзетт, — костлявый, или, вернее, худой и тонкокостный. Но плечи у него широкие и грудь неплохо развита. На руках шесть пальцев с тремя суставами и красноватыми ногтями, а ноги напоминают птичьи лапы с четырьмя когтями и шпорами. Он говорил, что его раса произошла от... как это... ну, в общем, от аналога нелетающих птиц. О теле мне сказать нечего: он всегда носил длинный балахон, хотя ничего не надевал на ноги. Лицо... с объективной точки зрения он был урод: выпуклый лоб, большой крючковатый нос, тонкие губы, заостренные уши. Все формы, углы, пропорции совершенно не похожи на человеческие. Но в действительности он был прекрасен. Я бы могла целыми днями смотреть в эти огромные красновато-карие глаза без белков, если б, конечно, он мне позволил. Кожа имела теплый золотистый оттенок. Волос я

нигде не видела, зато на голове торчал темно-синий хохолок из перьев, напоминающий акулий плавник. На месте бровей тоже росли маленькие перья. Голос звучал низко и... это была чистая музыка.

— Угу, — кивнул Флэндри. — Он все время оставался в вашем доме?

— Да. И нам, и слугам было строжайше запрещено упоминать о нем за стенами Резиденции. Когда ему приходилось посещать здание, которое занимала его группа, или просто выходить в город, он надевал ботинки, капюшон, человеческую маску и становился похожим на человека, прибывшего из таких мест, где существует обычай полностью скрывать свое тело на людях.

— Как по-твоему, чем он занимался?

— Не знаю. Его называли... консультантом. — Сюзетт села прямо. — Он что, действительно был шпион?

— Я знаю, о ком идет речь, — ответил Флэндри, — и могу ответить вполне определенно: нет, не шпион.

Зачем ему шпионить за своими собственными подчиненными? И прибыли они сюда не для сбора информации, хотя параллельно могли заняться и этим. Я совершенно уверен, что Айхарайх собирается разжечь войну.

— Я рада! — воскликнула Сюзетт. — Он был таким милым гостем. Хотя мне довольно часто не удавалось уследить за ходом его мысли. Мартин понимал гораздо больше, но и он терялся, когда Айхарайх начинал говорить об искусстве и истории... Терры! Он заставлял меня краснеть за то, что я так мало знаю о своей собственной планете. Нет, не краснеть: мне становилось интересно. Хотелось сейчас же узнать о ней еще больше. Только я не понимала, как это сделать. А потом он опускался до моего уровня. Например, учил меня видеть мелочи, которые я раньше не замечала и не ценила. Наш тусклый мир наполнялся тогда чудесами и...

Она остановилась на полуслове.

— Я достаточно наговорила?

— Возможно, позднее у меня появится еще несколько вопросов, — ответил Флэндри, — но на данный момент я закончил.

— Ну нет, дружище. Я тебя знаю. Ты только начал. Иди сюда.

Флэндри так и сделал. Но, обнимая Сюзетт, он мысленно был в прошлом, в тех местах, где в последний раз встретил Айхарайха.

Глава 9

{Это было четыре года назад. На всем Талвине, планете, которая двигалась по удивительно вытянутой орбите, стояла зима. Капитан Доминик Флэндри и *квантриф* Тахвир Темный одновре-

менно сошли со своих военных кораблей. Двое уполномоченных, которые руководили совместной террано-мерсейской научной базой на Талвине и представляли каждую из сотрудничающих рас, встретили офицеров с безупречной корректностью. После надлежащей такому случаю церемонии капитан и кванриф выразили желание отобедать наедине, дабы в приватной обстановке спокойно и откровенно обсудить некоторые интересующие их вопросы.

Обед происходил в маленькой, скромно обставленной комнатке: планета была бедна. Орбита Талвина пролежала в малоисследованных пространствах буферной зоны между Империей и Ройдхунатом. Торговцы неохотно посещали эти места, научная база имела более чем скудный бюджет. Стол, несколько кресел и стульев, бар и телефон — вот и все, что находилось в комнате, если не считать стойки с пультом управления и выдвигаемыми захватами для бутылок ради посетителей, которые хотели бы избежать присутствия живого официанта.

Флэндри вошел легкой от гравитации в 0,88 g походкой. Мерсеец уже ждал. На фоне прозрачной стены, за которой виднелись снежные равнины, замерзшая река и тусклое солнце в кристально чистом небе, его внушительная фигура напоминала динозавра. От этого впечатления не спасал черный, расшитый золотом мундир, который как влитой сидел на Тахвире.

— Здорово, старый негодяй. Что поделяваешь? — Человек протянул руку по терранскому обычаю. Мерсеец сжал ее своими теплыми, сухими пальцами и кожистой ладонью. Это был единственный доступный им приветственный жест, поскольку Флэндри не имел хвоста.

— Да вот, собираюсь выпить, — пророкотал Тахвир. В баре обнаружился неплохой выбор спиртного. Тахвир потянулся за виски, Флэндри — за теллохом. Они посмотрели друг на друга и рассмеялись: громовой гул мерсейца и стаккато терранина. — Давно не виделись, а, *appax*?

Флэндри понял намек: в последние годы работа Тахвира была мало связана или вовсе не связана с терранами. Ничего удивительного. Упрямое желание Империи ограничить расширение Ройдхуната никак не являлось единственной проблемой последнего. Тем не менее Тахвир был и продолжал оставаться экспертом по *Ното сариенс*. Если нашлось более срочное задание, которое оторвало его от основного занятия... Почти наверняка, мерсеец намеренно произнес последнюю фразу, чтобы направить мысли своего собеседника в этом направлении.

— Надеюсь, твои жены и дети пользуются благосклонностью судьбы? — вежливо спросил Флэндри на эрио.

— Да, хвала Господу. — Теперь, когда формальности были выполнены, Тахвир мог продолжить: — Кидван женился, Гелх ушел в армию. А ты, как я понимаю, по-прежнему холостяк? — Он был вынужден задать этот вопрос на английском. На эрио подобная фраза звучала бы как оскорбление. Его глаза испытующе посмотрели на Доминика. — Ты, кажется, по-пижонски одет. Что это за стиль?

Терранин развел руки в стороны, чтобы продемонстрировать цвета и вышивку своего штатского платья. Качнулись перья, торчавшие из изумрудной броши, которая скрепляла его тюрбан.

— Последний крик моды в Дехивале. Это такой город на Рамануджане. Я был там совсем недавно. На Терре теперь одеваются отвратительно. — Он поднял стакан и произнес: — *Тор ихвел.*

— Твое здоровье, — ответил мерсеец на английском. Друзья выпили. Густой теллох обжигал внутренности.

Флэндри взглянул на вид за прозрачной стеной.

— Бр-р, — сказал он. — Как хорошо, что на этот раз мне не придется шагать по здешним местам.

— *Крайх?* А я-то надеялся, что мы сходим на охоту.

— Отправляйся без меня. К тому же мое время крайне ограничено. Нужно возвращаться. Если б не твое специальное приглашение, я бы и вовсе не приехал.

Тахвир пристально взглянул на Флэндри:

— Я догадывался, что в последнее время у тебя дел невпроворот.

— Да, ношусь по Галактике, как функция распределения при сильном ветре.

— Кажется, ты не очень огорчен этим фактом.

— Н-нет. — Флэндри глотнул теллоха, внезапно отвел взгляд и произнес: — Смута подходит к концу. У оппозиции не осталось реальных шансов на успех.

— Теперь Ханс Молитор станет полноправным императором. — Благодушие Тахвира мигом испарилось. Флэндри знал мерсейца еще с тех времен, когда оба они, зелеными юнцами, только начинали работать. Они были наполовину противниками, наполовину друзьями. Поэтому Доминик ожидал подобной реакции. Мощная чешуйчатая рука сдавила стакан с виски. — Вот почему мне понадобилось тебя увидеть.

— Тебе понадобилось? — Флэндри удивленно поднял брови, не считаясь с тем фактом, что мерсейцу такое выражение лица кажется особенно гротескным.

— Да. Я убедил начальство послать вашему правительству — правительству Молитора — предложение и поручить мне ведение переговоров. Но если б ты не приехал лично, боюсь, мой *датолк* оказался бы прав. А он, когда я впервые подбросил ему эту идею, заявил, что все наши разговоры закончатся впустую.

«Не могу не посочувствовать доброму датолку, — думал Флэндри. — Со стороны это и вправду выглядит комичным: два офицера разведки, которые имеют звания ниже адмирала и фодайха и потому не вправе принимать серьезные решения, обсуждают вопрос о том, как “избежать взаимных трений” и дать Империи понять, что Ройдхунат отнюдь не стремится вмешиваться в ее внутренние дела. И подобные разговоры ведутся в то время, когда мерсейские агенты бодро шныряют по лагерям наших враждующих армий и с дьявольским упорством делают все возможное, чтобы наша родовая вражда никогда не прекращалась.

Конечно, люди Молитора не отказались бы от встречи. Подобное приглашение — явный знак того, что Мерсейя готова признать Ханса как единоличного правителя Империи и позднее будет вести дела с его агентами по более важным, чем этот фарс, вопросам.

Желание мерсейцев никак не назовешь странным: ведь Моли-тор выигрывает. Но почему они сделали свой первый шаг в такой странной форме? И что это за непонятная записка Тахвира? Обычно мерсейцы так не поступают.

Вот почему я должен был приехать».

— Попробую догадаться, — сказал Флэндри. — Вы знали, что я близок к его величеству и выполняю для него некоторые шекотливые поручения. Ты и твоя команда рассчитываете получить через меня кое-какую информацию о нем.

Тахвир кивнул:

— Если он станет вашим новым лидером, более сильным, чем несколько его предшественников, мы должны знать, чего от него можно ожидать.

— Да вы наверняка собрали о нем больше фактов, чем звезд в Галактике. А ведь он не слишком сложный человек. Кроме того, отдельный индивидуум способен добавить лишь один-два небольших вектора к миллионам различных сил, которые тащат эту неуклюжую громадину под названием Империя к предуготовленному ей концу.

— Он может инициировать действия с далеко идущими последствиями. От него зависит, будут ли наши народы воевать или жить в мире.

— Да брось ты, приятель! Ваша раса полностью лишена таланта к благочестивой болтовне. Морализирующий мерсеец выглядит глупо. Говоря строго между нами, дипломатия есть не что иное, как продолжение войны иными средствами. — Флэндри осушил свой стакан и снова его наполнил.

— Многие терране не согласятся с тобой, — медленно возразил Тахвир.

— Да, мои сородичи очень хорошо умеют выдавать желаемое за действительное, — признал Флэндри. Он махнул рукой в сторону

заснеженного пейзажа за стеной: — Взять хотя бы эту базу. Уже два десятилетия ее называют маяком нашего сотрудничества, который горит вопреки всем разногласиям и кризисам. Точно? — Он ухмыльнулся: — Тебе лучше знать. Конечно, большинство ученых прибыло сюда с совершенно искренним желанием посвятить себя изучению необычного ксенологического феномена. Без сомнения, они хорошо ладят друг с другом. Но база получает субсидии и продолжает оставаться тихим уютным местечком только потому, что обе стороны сочли целесообразным использовать это место для секретных randevu. Нейтральные территории, вроде Бетельгейзе, слишком многолюдны, а их владельцы вечно норовят сунуть нос не в свое дело.

Доминик похлопал мерсейца по спине:

— Давай-ка лучше закусим, а потом хорошенько выпьем, как и подобает старым закадычным врагам. По ходу дела я тебе расскажу несколько анекдотов для твоего отчета. Иногда я даже буду говорить правду.

Зеленое лицо Тахвира пожелтело от гнева.

— Ты хочешь сказать, что наши попытки — пусть не к окончательному урегулированию, согласен, но к некоторым практическим шагам в сторону взаимовыгодного сотрудничества — ты хочешь сказать, что все они глупы или, чего доброго, фальшивы?

Флэндри вздохнул:

— Ты меня разочаровываешь, Тахвир. Возраст сделал тебя обидчивым. Вместо того чтобы загадывать мне загадки, ты бы лучше позвонил своему херейониту и пригласил его присоединиться к нам. Бьюсь об заклад, мы с ним тоже знакомы.}

{Солнце опустилось за горизонт, и на небо высыпали мириады звезд, которые заставили зимний Талвин засиять так, словно бы он имел луну.

— Вы позволите выключить свет? — спросил Айхарайх. — Не хочется портить столь величественное зрелище.

Флэндри согласился. Орлиный профиль на противоположном конце стола потерял четкие очертания. Только огромные глаза светились во мраке, отражая свет звезд. Мелодичный голос снова запел на своем мурлыкающем англике, мягком, как коньяк, который они пили. Акцент херейонита казался скорее архаичным, чем инопланетным.

— Как бы мне хотелось, мой друг, чтобы ваш тюрбан не скрывал в себе защитного экрана и генератора. Кроме того, что силовое поле вносит дискомфорт в мою душу, умиротворенную этим застывшим миром, оно мешает нам вступить в истинное общение, которого я страстно желаю. — Айхарайх грустно усмех-

нулся. — Впрочем, вряд ли это возможно до тех пор, пока вы не перешли на мою сторону.

— Или вы на мою, — ответил Флэндри.

— И все ваши люди защищены экранами. А ведь они могут знать столько интересного. Как вы спите с такими приборами на головах? В любом случае постарайтесь не носить эти штуки слишком долго. Длительная изоляция мозга от тех энергий, которые одухотворяют Вселенную, вредна даже для такой расы, как люди. Тем более что экраны выпускают на свободу силы, возмущающие ваши сны.

— Кажется, нам незачем задерживаться.

Айхарайх вдохнул аромат коньяка. Он пока не притрагивался к своему напитку.

— Я был бы счастлив побыть еще немного, но понимаю: сознание того, что через несколько десятилетий смерть лишит вас ярко раскрашенной шахматной доски, по которой вы скачете в поисках добычи, заставляет вас торопиться.

Он откинулся на спинку кресла, перевел взгляд на покрытое инеем дерево, сверкавшее, словно драгоценная безделушка, и замолчал. Флэндри потянулся было за сигаретой, но вспомнил, что херейонит не выносит табачного дыма, и утешил себя глотком коньяка.

— Возможно, здесь и скрыт корень величия вашей расы, — задумчиво произнес Айхарайх. — Разве вечно живущий Бах сумел бы создать «Страсти по Матфею»? Если б Рембрандт не знал скорбей и не имел нужды с мужеством переносить лишения, разве бы он смог рождать жизнь с помощью нескольких мазков кисти? А Ду Фу, не познавший горечь утраты? Стал бы он певцом облетевших листьев на белом снегу, покидающих гнезда журавлей или старого облезлого попугая в клетке? Что за глубины открывает в вашей любви мысль о смерти?

Он снова повернулся к человеку и более веселым тоном произнес:

— Ну хорошо. Теперь, когда наш бедный обиженный Тахвир ушел — а с каким злорадством он предвкушал ваше поражение, — мы можем поговорить спокойно. Как вы открыли истину?

— По большей части интуитивно, — признался Флэндри. — Чем больше я думал о приглашении, тем ясней в нем угадывался ваш стиль. А логика все расставила по местам. Легко видеть, что у мерсейцев имелся некоторый скрытый мотив для участия в подобных переговорах, которые сами по себе совершенно бесполезны. Переговоры можно рассматривать как сигнал и попытку прощупать перспективы режима Молитора. Но с этой точки зрения наша с Тахвиром встреча выглядела странно и нелепо. И к чему такая суматоха вокруг моей скромной персоны?

Идем дальше. Меня нельзя назвать человеком, причастным к высшим стратегическим секретам, но я достаточно близок к избранному кругу и владею достаточным количеством критической информации — информации того рода, что теряет свое значение на больших промежутках времени, но при немедленном использовании может помочь мерсейцам подбросить дровишек в наш костер. Кроме того, из всех обладающих такими сведениями людей я имею наибольшую свободу передвижения. Если б я решил приехать, ничто не помешало бы мне это сделать. И последний штрих — приглашение от Тахвира: оно явно было рассчитано на то, чтобы вызвать у меня по крайней мере любопытство.

Это была ваша затея, так ведь?

— Да, — кивнул Айхарайх. Гребень на его голове ятаганом рассек Млечный Путь. — Поскольку дела привели меня в эти края — *negotium perambulante in tenebris**, если хотите, — я подумал, что ничего не теряю, если попытаюсь вызвать вас сюда. По крайней мере я получил возможность провести с вами несколько приятных часов.

— Спасибо. Хотя... — Флэндри с трудом подыскивал слова. — Понимаете, я всегда ставил скромность в один ряд с целомудрием: прекрасные сами по себе качества, но от них следует отказаться, как только наступит период зрелости. Однако... почему я, Айхарайх? Неужели вы находите удовольствие в мысли, что при первом же удобном случае я твердой рукой, хоть и не без сожаления, убью вас? В таком случае на моем месте могли оказаться сотни других. Конечно, пару раз мне удавалось подобраться к вам совсем близко. Кроме того, я способен более изящно трепать языком, чем подавляющее большинство флотских офицеров. Но я не ученый, не эстет — всего лишь дилетант. Вы бы могли найти собеседника получше.

— Скажем так: мне нравится склад вашего характера. — Своей улыбкой Айхарайх напоминал древних каменных богов Греции. — Я восхищен вашими подвигами. А поскольку дела сталкивают нас снова и снова, между нами образовалась некая связь. Не отрицайте, что чувствуете ее.

— Чувствую. Вы единственный херейонит, которого мне приходилось встречать... — Флэндри запнулся.

Секунду спустя он продолжил:

— Скажите, вы единственный херейонит, которого когда-либо встречал представитель другой расы?

— Мерсейцы иногда посещают нашу планету, — напомнил Айхарайх, — и даже остаются там на время для обучения.

* Дела свершаются во мраке (лат.).

Да. Доминик вспомнил одного из таких учеников, который чуть не угробил его здесь, на Талвине. Как давно это было, а кажется, что только сейчас! Понятно, почему координаты вашего мира — один из самых страшных секретов в Ройдхунате. Сомневаюсь, наберется ли тысяча разумных существ, которым они известны. И в большинстве случаев заветные цифры спрятаны глубоко в подсознании существа, дожидаясь момента, когда их вызовет на поверхность сигнал, который также является секретом.

Секреты, секреты... Есть ли в наших знаниях о тебе хоть что-то определенное?

Перед глазами Флэндри побежали известные ему сведения.

Солнце на Херейоне было тусклым. Доминик открыл этот факт, когда заметил, что Айхарайх подслеповат в ультрафиолетовой части спектра и видит дальше человека в инфракрасной. Планета была маленькой, холодной и сухой, что следовало из строения тела херейонита, его походки, физических данных и пристрастий. Возможно, она чем-то напоминала заселенный людьми Эней, где Айхарайх мог спокойно перемещаться и девятнадцать лет назад едва не развязал священную войну, которая грозила расколоть Империю надвое.

В те дни он утверждал, что таинственные руины, встречающиеся на подобных Энею планетах, есть не что иное, как останки цивилизации его собственного народа, который в незапамятные времена селился и правил по всей Вселенной. Он утверждал...

Он такой же большой лжец, как и я, когда нам это нужно. Если они действительно когда-то там жили, а затем убрались в другое место, то почему? Куда они отправились? Где они сейчас?

Загадки в сторону. Имперская разведка на собственной шкуре испытала, что Айхарайх был телепатом экстраординарной силы. В радиусе x метров он читал мысли любого существа, независимо от его биологического вида, места жительства и языка. Теоретически это было невозможно. Поэтому теорию пришлось в корне изменить (умирающие цивилизации всегда страдали от недостатка творческой силы) и ввести допущение о существовании мозга, который со скоростью хорошего компьютера анализирует импульсы, получаемые в стандартных единицах (бинарных?), сравнивает образец с тем, что предоставляют разум и чувства, а затем в считанные секунды, с помощью какого-то немыслимого процесса проб и ошибок, синтезирует код, который очень близко имитирует оригинал.

По теории выходило, что он в состоянии читать только лежащие на поверхности мысли. Выводы теории ничего не стоили. Айхарайх мог спокойно ждать, мог активно влиять на сознание, мог вызывать необходимые ему воспоминания. Неудивительно, что высшее мерсейское командование уделяло ему особое внимание.

Империи никогда не приходилось иметь дело с более опасным врагом-одиночкой.

Одиночкой...

Флэндри заметил горящий взгляд своего собеседника.

— Простите, — сказал он. — Задумался. Дурная привычка.

— Догадываюсь, что вас тревожит, — продолжал улыбаться Айхарайх. — Вы размышляли о том, единственный ли я ваш коллега-херейонит.

— Да, и не в первый раз. — Доминик снова выпил. — И как, единственный? Те немногие фотографии и свидетельства очевидцев, которые нам удалось получить, утверждают, что херейониты всегда появляются в одиночку. Может быть, все они имеют в виду вас?

— Вы же не думаете, что я отвечу на этот вопрос. Могу только подтвердить общеизвестный факт: немногие представители моей расы интересуются мелкими эфемерными делами вроде тех, которыми занимаюсь я. Они оставили эти игрушки задолго до того, как ваши предки стали отличаться от обезьян.

— Почему же вы не поступили так же?

— Я вижу в действии искусство. А всякое искусство — философский инструмент, с помощью которого мы можем еще на один микроскопический шаг проникнуть в глубины тайны.

Флэндри молча взглянул на Айхарайху, а затем прошептал:

— В моей памяти застряло стихотворение, вернее, перевод с написанного более тысячи лет назад оригинала, которое рассказывает о том, как Пан — вы же знаете наши классические мифы — сидит на берегу реки, болтает ногами и своими козлиными копытами мнет и ломает лилии. Затем он срывает стебель тростника и делает из него дудку, нимало не заботясь о страдании растения. Зато потом звуки музыки очаровывают весь лес. Может быть, вы именно так и представляете свою деятельность?

— Ах да, — ответил Айхарайх. — Вы, наверное, имеете в виду последнюю строфу. — И он прочел низким голосом:

*Наполовину зверь великий Пан,
Смеется он у берега реки,
Из человека делая поэта:
И боги плачут о цене блаженства.
Ведь флейте не вернуться в тростники
И смерть — цена такого совершенства.*

«Проклятье, — подумал Флэндри. — Нельзя ему позволять себя пугать».

— Друг мой, — продолжал херейонит. — Вы тоже играете дьявольскую роль. Сколько жизней вы сломали и искалечили? Сколько

сломаете в будущем? Разве можно винить меня только за то, что каприз истории поместил мою планету в пределах Ройдхуната, а не Империи. Что бы произошло, родился вы среди тех людей, что служат Мерсейе? Поверьте, в этом случае вы бы жили гораздо более цельной жизнью.

Вспышка гнева.

— Знаю, — отрезал Флэндри. — Сто раз слышал: Терра стара, истощена, испорчена; Мерсейя молода, чиста и полна свежих сил. Благодарю покорно, даже если это и правда, я предпочитаю проводить дни в распушенности, цинизме и экзистенциальном отчаянии, чем маршировать в ногу и в искреннем восторге кричать ура, когда Славный Лидер проезжает мимо. Кроме того... любой завоеватель, да, любой бескорыстный освободитель обязан поместить на своем щите герб, на котором нарисованы маленькая девочка и котенок.

Он залпом выпил свой коньяк и снова налил. Гнев постепенно утих.

— Подозреваю, — закончил он, — что в глубине души вы думаете то же самое.

— Только не в тех же выражениях, — ответил Айхарайх. — Мы оба больны сентиментальностью. Или состраданием. Простите, не слишком ли много вы пьете?

— Возможно.

— Поскольку вы все равно не допьетесь до того состояния, когда я смогу беспрепятственно снять с вас защитный экран, мне бы хотелось, чтобы ваша голова оставалась ясной. Мне уже долгое время не приходилось наслаждаться беседой о славных делах прошлого Терры или хотя бы об удовольствиях ее настоящего. Давайте поговорим, пока еще светят звезды.}

Наутро Флэндри сказал Сюзетт, что должен несколько дней помотаться вокруг шарика с разведкой, используя кое-какие сверхчувствительные инструменты, но потом вернется.

В чем он сильно сомневался.

Глава 10

Продравшись сквозь лес, Козара вышла к холмистой, покрытой рыжевато-коричневой растительностью долине. Внезапно девушку накрыла тень. Раздалось громкое хлопанье крыльев. Она подняла взгляд и увидела, как на фоне лилового неба к ней спускается диомедианин. Козара остановилась. От усталости у нее дрожали ноги. Лицо обдувало ветром. Пахло влажной землей и, как это ни странно, камнем.

Конец поисков. Сердце Козары гулко бухало в груди. Но что же я нашла? Друзей и кров или возвращение к прежним ужасам?

Туземец достиг земли и оказался мужчиной в португее, с ружьем и ножом. Он, должно быть, охотился, но поразительное зрелище одинокой, затерянной в глуши человеческой фигуры, заляпанной грязью, со сбитыми ногами, без карты и компаса, заставило его прервать это занятие. Раздались гортанные звуки местного языка.

— Нет, не понимаю, — сказала Козара. В последний раз она встречала воду задолго до того, как выбралась из леса. В горле першило от жажды. — Ты знаешь англик?

— Немного, — ответил туземец. — Как ты? Помочь?

— Да... Но...

Нельзя принимать помощь от первого встречного. Он может навести обо мне справки в Четверговой Площадке. Во время пути она снова и снова пыталась собрать воедино обрывки воспоминаний. Сложилось нечеловеческое лицо и имя — Эонан.

— Приведи Эонана. — Она несколько раз повторила это имя с разным произношением, надеясь, что в конце концов слово будет узнано.

— *Гайрат мохра.* Эонан? К-какой Эонан? Много Эонанов.

Конечно, много. С тем же успехом на Деннице можно разыскивать какого-нибудь Андрея. Но Козара и не рассчитывала на немедленный успех.

— Эонан, который знает Козару Вимезал. Найди и передай ему это. — Девушка нацарапала записку и протянула ее туземцу. — Деньги. — Из туго набитого кошелька, который Флэндри положил вместе с другим снаряжением, она достала банкноту в десять кредитов. — Приведи Эонана — получишь еще денег.

После нескольких неудачных попыток ей наконец удалось добиться, чтобы туземец понял, что от него требуется, и более или менее правильно произнес ее имя. Охотник взял курс на север. Если будет на то Божья воля, он обшарит прибрежные городки и отыщет нужного диомедианина. Если будет на то Божья воля, местные жители хоть и удивятся странному происшествию, но решат, что незачем сообщать в имперское поселение. Если будет на то Божья воля. Она слишком устала, чтобы встать на колени и помолиться. Мария на пути в Египет смогла бы ее понять. Козара уселась на то, что отдаленно напоминало поблекшую траву, но на деле таковой не являлось, съежилась от холодного ветра и погрузилась в созерцание безлесной равнины под тусклым солнцем.

Неужели я и вправду дошла?

Если Эонан жив и остается на свободе, он, возможно, остыл к революции. Да и неизвестно, был ли он когда-нибудь революционером: она могла опираться только на смутное воспоминание о

разговоре возле пещеры. Если же он попрежнему стремится к освобождению своего народа из-под ига Империи, не исключено, что кроме него никого не осталось в живых. А если партизанские отряды все же существуют, Эонан может не знать, где они скрываются. Но даже если она и доберется до них, что тогда? На что ей надеяться?

Козара помотала головой.

Шанс продолжить борьбу. А в конце или возвращение домой, или, что более вероятно, смерть — достойная смерть: с оружием в руках и на свободе.

Усталость давала о себе знать. Козара легла на землю и свернулась клубком. Теплая одежда смягчала неровности почвы, но издавала отвратительный запах. Вот бы вымыться... Флэндри спас ее от такой грязи, которую никогда нельзя было бы смыть. В нем столько благородства и... да, у него золотое сердце. Если б она выполнила обещание, привела бы его к своим товарищам, он бы обязательно освободил ее от рабства. Доминик — достаточно влиятельная фигура, чтобы получить такое разрешение. Она бы поехала домой, в целости и сохранности... Нет! Чести она бы не уберегла! Это была бы злая шутка: оказаться свободной на Деннице, которая стонет под властью Империи.

Отдыхай, пока есть время, Козара. Сон не принесет тьмы, нет, он будет голубым, как летнее небо над Казаном, как плащ Марии... Помолись за нас, Мария, и теперь, и в час нашей смерти.

Ее растолкала маленькая мозолистая рука. Голод лучше всяких часов известил о том, как долго она проспала, пока солнце без отдыха бродило по летнему небу. Девушка взглянула в желтые глаза на тупой мордочке с дрожащими усами. Наполовину раскрытые кожистые крылья грозовой тучей нависали за спиной. Туземец имел при себе бластер.

Его лицо... Козара села и сразу почувствовала боль и ломоту во всем теле.

— Эонан?

— Торка отыскал меня. — За исключением резкого акцента, возникавшего по большей части из-за особенностей строения его речевого аппарата, англик туземца звучал безупречно. — Но ты не знаешь его, так ведь?

Она с трудом поднялась на ноги и еле выдавила:

— Я и тебя не знаю. Совершенно. Они лишили меня памяти.

— *Унгн-н-н.* — Он коснулся ручки бластера. Хохолок на голове встал дыбом. В остальном туземец стоял совершенно неподвижно. Козара заметила, что он прибыл на грависанях: видимо, собирался забрать ее с собой.

Наконец он принял решение и заговорил:

— Меня зовут Эонан Гунтрассон из клана Вендру Великой Стаи Ланнаха. А ты Козара Вимезал с далекой планеты Денница.

Волна радости накрыла ее с головой. Все следы усталости мгновенно исчезли.

— Я знаю об этом, *барем!* И ты осмелился встретиться со мной? Значит, мы еще повоюем!

Перепонки прикрыли глаза Эонана.

— Мы?

— Революция. Твой народ вместе с моим. — Она наклонилась и положила руки ему на плечи. Под теплой шерстью обнаружили стальные бугры мускулов.

— Я должен быть осторожен, — произнес туземец не менее твердым голосом. — Торка сказал, что ты обещала ему вознаграждение. Я заплатил сам, чтобы не тащить его с собой. Нам нужно найти укромное место и... поговорить. Но сначала, в знак твоей доброй воли, позволь мне тебя обыскать.

Выбранное им место находилось далеко в горах. Они летели вдоль глубокого ущелья. Журчала река. Туман большими каплями оседал на одежде. Очень быстро девушка вымокла и замерзла. В моменты, когда серая пелена расступалась, Козаре удавалось заметить черный пик горы Оброх.

По дороге Эонан отыскал тайный склад с терранской пищей, накормил попутчицу и объяснил, что работает торговым агентом фирмы «Накамура и Малайзия». Эта должность позволяет ему заводить широкие связи, беспрепятственно встречаться с информаторами и в любой момент исчезать в горах или перелетать через озеро. В Четверговой Площадке даже не подозревают о его подрывной деятельности. Но о своих революционных делах он отказывался говорить до тех пор, пока полностью не услышал ее историю.

Затем он вздохнул, глубоко задумался и наконец резко произнес:

— Да, похоже, твой терранин решил, что ты удрала к небесным странникам... к подпольщикам. Не так давно поблизости видели улетающий корабль. Я тогда еще удивился, что бы это могло значить.

— Он, по-видимому, отправился предупредить резидента и организовать поиски, — сказала Козара. — Он угрожал, что так и поступит в случае, если я убегу. — Ее охватило волнение. — И еще обещал усилить космическое наблюдение. Я, наверно, сильно навредила нашему делу?

— Посмотрим. Уже то неплохо, что мы узнали об этом предательском замысле. Нам понадобится описание места, где ты вы-

бросила кольцо. Быть может, удастся его отыскать и посмотреть, как оно устроено.

— Он скорее всего сам его забрал. Но Эонан! — Козара повернулась к своему провожатому. — Как вы здесь живете? Сколько осталось в живых? Какие у вас силы, какие планы? Могу я чем-нибудь помочь?

Глаза туземца вновь спрятались за мигательными перепонками.

— Не будем торопиться. Я ведь только связной. В том гнезде, куда я тебя отведу, ты получишь ответы на все вопросы.

Оказалось, что тайное убежище спрятано высоко в склоне горы. Они приближались к месту назначения. От перепада давления у Козары начали болеть уши. Сильно похолодало. Внизу плотный облачный покров скрыл под собой основание гор. В ясном небе, чью пустоту только усугубляло тусклое солнце, застыло жуткое нагромождение снежных пиков, ледников, скал и высокогорных перевалов. Здесь царствовала тишина. Только шум ветра до бормотание туземного языка, когда Эонан переговаривался по радио, нарушали всеобщее безмолвие.

«Почему мне не весело? — спрашивала себя Козара. — Скоро я вновь присоединюсь к своим товарищам, снова обрету прошлое. Я ведь только этого и хотела. Отчего же мне страшно?»

Эонан выключил рацию.

— Все готово, — сказал он. Он и вправду напряжен, или ей только так кажется? Она ведь достаточно долго прожила рядом с диомедианами, чтобы уметь отвечать на подобные вопросы. Но у нее украли накопленный опыт. Чего же боится он?

— По всей видимости, — осмелилась она заговорить, — здесь находится база всей миссии. В этих местах ее никто не найдет.

— Да, они расширили пещеру.

Козара вспомнила другую пещеру, ту, где они прятались вместе с Тродвиром.

— Как ты думаешь, может быть, мы — те, кто погиб, когда меня схватили, — осуществляли связь с теми бойцами, что селились ниже по склону, в лесах? Не исключено, что нас предал один из них, — она поморщилась. — Его, наверно, схватили за саботажи или еще что-нибудь в этом роде и допросили.

— Звучит логично.

— Но в таком случае никто кроме нас не пострадал! Правда ведь? Освободительное движение по-прежнему обладает силой?

— Да.

Удивление:

— Почему же я не сказала о нашей главной базе, когда меня подвергли гипнозондированию?

— Не знаю, — раздраженно ответил Эонан. — Пожалуйста, помолчи. Я должен провести корабль по точному курсу, иначе они будут стрелять.

Когда грависани подлетели поближе, Козара заметила энергетическую пушку. Грозное оружие было тщательно замаскировано, но военная подготовка научила девушку подмечать такие вещи. В отвесную скалу была вделана огромная стальная дверь. Если бы кто-то и решил полетать над этими пустынными местами, он бы не смог заметить входа в пещеру. Точные приборы: инфракрасные датчики, нейтринные детекторы, магнитометры, гравитометры, атмосферные резонаторы и еще сотни других видов электронных ищек — мгновенно обнаружили бы тайник. Но кому придет в голову искать в такой глуши?

Дверь отъехала в сторону. Сани влетели в открытый проем и сели в гараже возле нескольких аэромобилей. Здесь было тепло, раздавалось гулкое эхо, неожиданно яркий свет больше подходил для глаз человека или мерсейца, чем диомедианина. Прежде чем выйти наружу, Козара сняла свою парку. Ее сердце бешено билось.

Их ждали четверо. Трое из них были людьми. Четвертый являл собою огромную зеленую фигуру с тяжелым хвостом. «О, Трод-вир», — скорбно прозвучало в сердце. Глаза на короткое мгновение застлало слезами.

Она овладела собой и зашагала вперед. Ее башмаки грохотали по полу, когти Эонана звенели. Ожидавшие были одеты просто: рубахи, брюки и ботинки на людях, балахон на змае. Она не сомневалась, что они имели при себе оружие. Так и случилось.

Мелькнула мысль: «Почему я думаю о нем как о змае, а не о ихане? — И еще одна: — Это не деннициане!»

Она четко, по-военному остановилась. Люди сильно разнились друг от друга. Гены разных человеческих наций случайным образом смешались в каждом из них. Следовательно, они могли прибыть с Терры, или из внутренней колонии Империи, или...

Эонан отскочил в сторону. Мерсеец навел на нее пистолет.

— Не двигаться, — приказал он. — Вы арестованы.

Он назвался Глидом из ваха Руэт по прозвищу Бродяга. У него было звание *афала* военной разведки. Старший помощник мерсейца, высокий худой мужчина с бледным лицом и длинным носом, представился как Мухаммад Снелл, но начальник именовал его не иначе как Клувих. Несмотря на полученный шок, Козара успела подумать, что мерсейское имя он, по всей видимости, получил от своих родителей при рождении где-нибудь в Ройдхунате.

Ее отвели в офис. Идти пришлось долго. По дороге Козара насчитала около двадцати сотрудников. Двое или трое из них были мерсейцами, остальные — люди. Возможно, этим количеством мерсейское присутствие на Диомеде и ограничивалось. Несколько десятков простаков, вроде Эонана, проходили здесь обработку, а затем вели за собой тысячи одураченных диомедиан.

«Почему одураченных? Не исключено, — подумала она, — что Мерсейя сможет освободить их от Империи.

Нет. Это неправда. Мерсейе на них наплевать. Они лишь жалкие марионетки в ее игре».

Они вошли в тесный, скудно обставленный кабинет.

— Садись, — приказал Глид, указывая на стул. Сам он сел за стол. Снелл устроился с левой стороны. Его глаза пожирали каждый сантиметр тела девушки.

— *Храйх*, — Глид положил руку на край стола — широкую, мощную руку профессионального душителя. — Невероятный поворот событий. Что нам теперь с тобой делать?

Его англик был безупречен.

— Может быть, нам следует заняться этим... как его?.. капитаном Флэндри, сэз? — спросил помощник.

— Не думаю, — ответил мерсеец. — Конечно, судя по тому что Вимезал рассказала Эонану, этот парень неплохо соображает. Но что он может узнать? Что она сбежала, присоединилась к остаткам подпольной организации или погибла в дороге. — Глид помолчал и добавил: — Впрочем, не так уж он и умен, раз позволил ей уйти, надеясь на простой словесный договор.

Ого! Чайвз говорил, что Флэндри знаменит... Нет. Слава способна покрывать огромные расстояния, покорять миллионы умов, но и она в конце концов иссякает.

— Мы, естественно, поручим нашим агентам в Четверговой Площадке держать его под наблюдением, а затем оповестим о нем и глобальную сеть, — продолжал Глид. — Но вряд ли он больше чем простое орудие в руках кого-то из оппозиции, кто действует вслепую. Не думаю, что нам стоит идти на риск и убирать его.

— Не исключено, что, после того как мы допросим Вимезал, откроются новые факты.

— Возможно. Займись этим. Подбери себе помощников и действуй.

— Хм... Как прикажете с ней обращаться?

— Нет! — услышала Козара собственный крик. Ее словно пружиной подбросило со стула. Это все сон. Такого не может быть. Господь не допустит, чтобы с ней так поступали. — Я не терранский агент! Я пришла сюда... По крайней мере, считайте меня военнопленной!

— *Сидеть!* — Крик мерсейца и громоподобный удар ладони по столу усадили девушку на место не хуже удара в солнечное сплетение. Сквозь шум в голове она услышала низкий рокот: — Кончай болтать о международных конвенциях. Ты рабыня, наша законно приобретенная собственность. Если будешь послушной, обойдемся без боли. Если заартачишься, будем пытаться, пока не сломаем. Понятно?

Снелл потирал руки и тяжело дышал.

— Сэр, — сказал он, — пройдет много времени, прежде чем нам удастся послать донесение о поимке Вимезал и потребовать на этот счет инструкций. Поэтому мы имеем право действовать по своему усмотрению. Я прав?

— Да, — ответил Глид.

— Принимая во внимание наш первоначальный замысел относительно ее участи и тот факт, что... Сэр, во всем здешнем регионе нет ни одной женщины...

Глид пожал плечами. В его голосе послышалось легкое презрение.

— Допроси ее под наркотиками, а там делай, что хочешь. Только без телесных повреждений. Помни, она может нам еще понадобиться, а ближайшая косметическая лаборатория находится за несколько парсеков отсюда.

Нужно их заставить убить меня! Можно броситься на Снелла и попытаться выдавить ему глаза. Но Глид успеет меня перехватить и не даст мне умереть.

Взрыв отбросил девушку к стене. В голове загудело. Пол покрылся буграми и треснул. Снелл рухнул навзничь. Глид размазывал руками, чтобы удержать равновесие.

На короткое время она оглохла. Затем стала различать отдаленные крики, топот бегущих ног, взрывы и выстрелы. Ноздрей коснулся едкий запах озона, дыма и горелого мяса.

Козара выбежала из офиса и очутилась в центральном холле. Сквозь коридор, который соединял холл с гаражом, она увидела раскаленные обломки стальной двери. Снаружи торчал искореженный скелет пушки. Вокруг бегали люди, часть из них неподвижно лежала на полу.

Появилась огромная фигура в боевых доспехах. Пули, ударяясь о мощную броню, со звоном отскакивали, а разряды бластера рассыпали фонтаны искр. Владелец доспехов застыл на месте и достал бластер.

Она бросилась навстречу... «Козара!» Усиленный через громкоговоритель голос прогремел словно глас Божий. Незнакомец сунул свободную руку под пластину, которая защищала пульт гравилета, поднялся в воздух и медленно поплыл в сторону девушки. Противник бросился рассыпную.

Кто-то схватил ее за руку. Она обернулась и увидела Глида. Тот прикрыл себя телом девушки.

— Как некрасиво, — проревел незнакомец. Он поставил минимальный диаметр луча, прицелился и выстрелил.

Череп Глида раскололся. Козару обдало паром. Полетели осколки кости и брызги крови и мозга. Она знала этот восторг охотника, чья судьба зависит от единственного точного выстрела. Тяжелое тело потащило ее вниз. Она ударилась головой о пол. Из глаз посыпались искры.

Фигура в доспехах подплыла к девушке, накрыла и защитила ее.

В дверном проеме показался нос космического корабля. Корабельное орудие обстреляло каждый закоулок, где только мог таиться враг. Козара потеряла сознание.

Глава 11

Прохладный воздух пахнул хвоей. Шум больше не резал слуха. Ощущалось присутствие слабого энергетического поля. Тело потеряло часть своего веса. Козара открыла глаза. Она лежала в постели, в собственной каюте на борту «Хулигана». Рядом сидел Флэндри. В простом комбинезоне, с изможденным лицом и встревоженным взглядом, он казался измученным. Тем не менее ему удалось улыбнуться и пробормотать:

— Привет. Как ты себя чувствуешь?

Она спросила сонным и совершенно безмятежным голосом:

— Мы улетели с Диомеды?

— Да. Направляемся к Деннице. — Он сжал ее руку между своих ладоней. — Теперь послушай. С тобой все в порядке. Ты не получила серьезных повреждений, но после осмотра мы решили, что будет полезно погрузить тебя в глубокий сон. Питание и лекарства ты получала внутривенно. Взгляни на левое запястье. — Она взглянула. На нем ничего не было. — Да, браслета больше нет. Можешь считать себя свободной. Формальности я улажу при первом же удобном случае. Ты отправляешься домой, Козара!

После осмотра. Она посмотрела вниз. На ней была надета полупрозрачная ночная рубашка.

— Извини, — сказал Флэндри. — Мне не удалось найти ничего более пристойного. — Он, кажется, чувствовал себя смущенным. — Тобой занимался Чайвз. Он проводил осмотр, лечил, купал и т. д. Он один. — Его губы скривились. — Ты, конечно, можешь мне не верить, но это правда. Хотя в последнее время я чертовски много тебе лгал.

«Так же, как и я тебе, — подумала она.

Флэндри сел прямо и отпустил ее руку.

— Как насчет того, чтобы выпить чашку чая и закусить? — спросил он. — Тебе следует оставаться в постели как минимум пару дней. Ты еще очень слаба.

— Что случилось с... нами?

— Оставим эту историю до другого случая. Первым делом ты должна отдохнуть. — Флэндри поднялся и почти робко погладил девушку по голове. — Я ухажу. Чайвз принесет чай.

Козара снова почувствовала себя бодрой. Когда шалмуанин вернулся за подносом, она сидела, опершись на подушки, перед пустой чашкой.

— Надеюсь, вы нашли завтрак удовлетворительным, донна? — спросил Чайвз. — Желаете что-нибудь еще?

— Да, — последовал ответ, — информацию.

Худошавый малый замялся в нерешительности:

— Сэр Доминик...

— Я не сэр Доминик. — Она протянула к нему руки: — Как я могу чувствовать себя спокойно посреди этой головоломки? Расскажи мне или попроси его рассказать, что происходило в той пещере? Как вы нашли меня? Что случилось после того, как я потеряла сознание?

Наконец Чайвз решился:

— Хорошо, донна. Мы надеемся, что в свете достигнутых результатов вы сможете простить некоторые прежние отклонения от истины, которые сэр Доминик считал существенными. То кольцо, что он вам дал, было обыкновенным кольцом. Таких устройств, как он описывал, не существует, — по крайней мере в пределах технической цивилизации. — Она окаменела. Он продолжил: — Сэр Доминик известен своей любовью к тому, что он сам называет смутными фантазиями на темы, касающиеся его занятий. В то же время браслет, который вы носили, был задействован с помощью внешнего ведущего луча.

— Был задействован. Очень точно сказано. — Однако Козара не чувствовала гнева. Она сердилась словно по обязанности. Возможно, они дали ей транквилизатор, действие которого еще не кончилось?

— Ваше возмущение вполне оправдано, донна. — Хвост Чайвза обвился вокруг его щиколоток. — Однако позвольте мне настаивать на том, чтобы ситуация была рассмотрена в целом, включая тот факт, что встреченные вами заговорщики являлись не благородными освободителями, а агентами Мерсейи. Сэр Доминик считал, что, если вы вновь появитесь на планете, они обязательно вступят с вами в контакт, хотя бы из желания выяснить, что произошло. Ему не удалось найти способ, как, не прибегая к

обману, привлечь вас на свою сторону. Более того, восхищаясь вашей честностью, он сомневался, что вы способны сознательно играть двойную роль. Поэтому я следовал за вами, держась на безопасном расстоянии, а сэр Доминик отправился на Четверговую Площадку, чтобы исследовать другие аспекты дела. Хотя мое задание не было лишено некоторых трудностей, я засек то место, куда вас отвели, и сообщил хозяину, который к тому времени вернулся в Ланнах. Под землей, в окружении металлических предметов ваш браслет перестал передавать нам сведения. Мы решили, что наиболее разумно будет провести немедленную атаку, — особенно принимая во внимание грозящую вам опасность, донна. Пока сэр Доминик в боевых доспехах спускался вниз, я выстрелом бластера уничтожил пушку и разрушил дверь. Чуть позднее я ввел корабль в пещеру и, прошу прощения за нескромность, захватил единственного нашего пленника. Остальные или были убиты, или настолько хорошо попрятались, что мы решили ограничиться запуском ядерной ракеты через дверной проем. Последовавший вслед за этим обвал стоило бы увидеть. Возможно, позднее вы захотите посмотреть снятый мной видеофильм. Э... проанализировав полученную информацию, сэр Доминик пришел к выводу, что мы должны немедленно отправиться на Денницу. Тем не менее я могу вас уверить, что он в любом случае позаботился бы о вашей репатриации в самые кратчайшие сроки.

Чайвз поднял поднос.

— Вот, пожалуй, все, что я могу рассказать вам на данной стадии, донна. Думаю, что на экране вы можете получить любой интересующий вас ролик из области литературы, театра или музыки. Если вам что-нибудь понадобится, сообщите по внутренней связи. Я вернусь через два часа с тарелкой куриного бульона. Вы удовлетворены?

Звезды заполнили экран на стене салона за головой Флэндри. Корабль летел бесшумно, совершая путешествие, которое даже при псевдоскорости займет не менее терранского месяца. Виски, которое Доминик налил для них обоих, обжигало язык и нёбо.

— Это грязная история, — предупредил он.

— Разве зло исчезнет, если мы будем о нем молчать? — спросила Козара и подумала: «Сколько в тебе зла, рука Империи?» Но подумала без прежнего жара, по необходимости.

В конце концов, его худое лицо на противоположной стороне стола выглядело таким мрачным и несчастным. Напрасно он так много курит. Существуют, конечно, антираковые инъекции, обработка сердечно-сосудистой системы, прочистка легких, но

отвратительная привычка-то остается. Чтобы служить злым целям, человеку совсем не обязательно быть злым. Так ведь?

Флэндри вздохнул и выпил.

— Ну хорошо. Изложу в общих чертах. После допроса под наркозом я получил от нашего пленника много подробностей, но это именно подробности, необходимые для поиска оставшихся на Диомеде мерсейцев в случае, если появится такая необходимость. Однако он подтвердил и уточнил кое-что гораздо более серьезное.

Вспоминания коснулись ее своими холодными пальцами.

— Где он?

— Я сделал ему укол и вытолкнул через люк. — Флэндри заметил испуг девушки. Из беззаботного его тон сменился на извиняющийся. — Мы были уже в космосе, а это дело не терпит отлагательства. Что же касается того, чтобы по прибытии передать его властям, то может оказаться, что никаких властей уже не существует или они перекинулись на сторону мерсейцев. В любом случае тот факт, что мы захватили живого пленника, может просочиться к вражеской разведке и даст ей ценную информацию о том, что нам известно. В эти игры играют только так, Козара. — Он выпустил струю дыма и добавил: — Кстати, его звали Мухаммад Снелл.

Кровь бросилась ей в лицо.

— У него не было шанса... И за меня не нужно мстить.

— Может быть, мстители понадобятся твоему народу, — тихо проговорил Флэндри.

Секунду спустя он наклонился вперед, встретился с ней глазами и продолжил:

— Давай-ка я объясню происшедшее со своей точки зрения. Я бы хотел, чтобы ты проследила за моими посылками и рассуждениями. Я надеюсь, что в конце концов тебе придется согласиться с моими выводами. По многим причинам, некоторые из которых тебе самой не известны, ты озлобленная женщина. Но все же ты достаточно умна, справедлива и беспристрастна, чтобы распознать истину, в какие бы одежды она ни рядилась.

Козара сказала себе, что ей необходимо быть спокойной и бдительной как кошка — как Белоножка в далеком детстве... Она выпила.

— Продолжай.

Флэндри затянулся.

— Господарь и все деннициане в целом возмущены намерением Ханса распустить милицию и поставить их в полную зависимость от Космофлота, — сказал он. — Задумать такое, после того как они поддерживали его в гражданской войне! Есть у нас и другие трения — это неизбежно. Мысли об отделении или о насильственном свержении правящего императора больше не кажутся

невозможными. Денница имеет свою собственную культуру, мужественную, с глубокими корнями, чуждую Terre и даже с долей презрения к ней — культуру, находящуюся под влиянием Мерсейи, как напрямую, так и через... э... змаев. Да, конечно, долгое время вы являлись форпостом в борьбе с Ройдхунатом. Однако такие вещи могут меняться почти мгновенно. История изобилует подобными случаями. Взять, к примеру, мятежные североамериканские колонии Англии, обратившиеся за помощью к Франции, с которой они воевали всего за два десятилетия до того. Или Америку два века спустя, которая сначала воевала с Германией в союзе с Россией, а затем развернулась ровно на сто восемьдесят градусов и... — Он запнулся. — Ты ничего в этом не понимаешь, так ведь? Ничего. Можно проследить ту же самую механику на современном материале. Я уверен, что только Деннице принадлежит твоя преданность. Что делать, кого поддерживать, зависит от того, что, по твоему мнению, будет лучше для Денницы. Правильно? Да, совершенно правильно и здраво. Но приводит к дурацким результатам.

— А ты, значит, предан Terre?

— Цивилизации. Хотя это чертовски туманный и абстрактный термин. Я не перестаю задавать себе вопрос, сможем ли мы сохранить цивилизацию и нужно ли нам это делать. Дальше. Столкновение интересов — нормальная вещь. Так же как и компромисс, особенно с таким существенным источником дохода, как Денница, — при условии, что она останется источником дохода. И вдруг мы получаем достоверные сведения, что деннициане затевают мятеж на Диомеде с целью подготовки чего-то подобного у себя дома. Имперское правительство не спешит принимать решительные меры. Это обязательно вызвало бы волнения, а это риск, на который мы можем пойти только в крайнем случае. Но проблему необходимо исследовать. И вот я. Я узнаю, что денницианская девушка, дочь высокопоставленных родителей, схвачена на Диомеде за подрывную деятельность. Обрывки ее воспоминаний, нескрываемая ненависть к Империи, кажется, подтверждают обвинение. Получив задание разобраться с этими вопросами, что я мог еще сделать? Только привести тебя на Диомеду. Ужасная ошибка. Нам следовало сразу же лететь на Денницу. Конечно, задним умом всякий крепок, а когда человек смотрит вперед, у него тут же появляется близорукость, астигматизм и косоглазие. Но у меня нет даже этого извинения. Я с самого начала догадывался об истине. Вместо того чтобы лететь проверять свои подозрения, я... — Он ударил кулаком по столу. — Я ни в коем случае не должен был так рисковать тобой, Козара!

Пораженная, она подумала: «Он расстроен. Он и вправду расстроен».

— А-а-а, — продолжал Флэндри. — Я жестокий ублюдок. Лучше быть охотником, чем добычей, и разве в наше время существует что-нибудь третье? Так, или примерно так, я тогда думал. Ты... ты была лишь еще одной жизнью.

Доминик отбросил сигарету, вскочил с дивана и принялся ходить вдоль салона. Иной раз он сцеплял руки за спиной, иной раз совал их в карманы. Его голос стал быстрым и невыразительным.

— Ты, однако, не казалась мелкой фигурой. Зачем на тебя ввалили такую запутанную работу? Зачем отправили в рабство на Терру? Рано или поздно я бы все равно о тебе услышал. Но то, что я успел тебя перехватить до того, как ты попала в публичный дом, — чистейшей воды совпадение. И как бы отреагировал твой дядя, господарь, если б услышал эту новость?

— Может быть, кто-то хотел, чтобы он об этом услышал?

— Наши противники не могли в точности предсказать последствия, но ты склонила чашу весов в их пользу. Они, должно быть, потратили уйму времени и усилий, прежде чем сумели тебя обнаружить. Существует закон Флэндри: «При достаточно большом количестве населения найдется хотя бы один индивид, который будет отвечать заранее заданному набору характеристик». Фокус состоит в том, чтобы найти этого индивида.

— Что? — воскликнула Козара. — Ты считаешь, что, поскольку я есть то, что я есть, и занимаю то положение, которое занимаю, Денница... — Дальше она не могла говорить.

— Скажем так: ты была существенным фактором, — ответил Доминик. — Я не в состоянии точно определить твоей роли, но могу догадываться. На основании своих смутных предположений я сделал из тебя приманку. Каким образом — ты уже слышала. Для этой цели требовалось, во-первых, разжечь в тебе антагонизм во время полета, а во-вторых, хладнокровно поставить на карту твою жизнь, здоровье и здравый рассудок...

Он резко остановился, ссутулился и произнес так тихо, что она едва могла слышать, хотя его взгляд по-прежнему оставался тверд:

— С каждой минутой я все больше страдаю от того, что сделал.

Она хотела сказать, что он прощен, — да, подойти, взять его за руки и сказать. Но нет, слишком уж часто он лгал. Превозмогая себя, она произнесла:

— Я удивлена.

Доминик криво усмехнулся:

— Я удивлен не меньше.

Он вернулся к столу, сел на диван, скрестил ноги, сделал большой глоток из стакана, взял пачку сигарет и, когда в воздухе завис сигаретный дым, продолжил:

— Теперь посмотрим на ситуацию с точки зрения противника. Они — или по крайней мере тот, кто занимает ключевую пози-

цию, — он понимает, что Терранская Империя переживает эру, когда периоды гражданской войны так же вероятны, как приступы бреда у больных лихорадкой. Сам я лишь недавно ясно осознал этот факт. Одна беседа заставила меня задуматься и начать исследования. Но он, мой оппонент, знал об этом всегда. В конце концов я догадался, на чем он базирует свою стратегию на протяжении последних двух десятилетий. Зная его, зная его веру в теории, я, кажется, понял. В наши дни, Козара, мы легко идем на братоубийство. А что может быть лучше для Мерсейи — тем более если конфликт разжечь в нужном месте и в нужное время. Среди нас полно шпионов. Мерсейя имеет агентов, законсервированных в течение всей их жизни, — особенно в моей области, где они могут прикрывать друг друга... и особенно в последнее время, когда хаос сначала режима Джосипа, а затем борьбы за престол значительно облегчил проникновение вражеских элементов под видом добровольцев из колоний.

Те люди, что затевали революцию на Диомеде с помощью умно сработанной сказочки о родстве с ифрианами и пытались перевести наше внимание в сторону Ифри, — они не были денницианами. Это были агенты Ройдхуната, которые играли роль деннициан. О, отнюдь не вульгарно: это означало бы поражение. Они совершенно искренне желали начать мятеж, поскольку любое наше затруднение идет им на пользу. Но главная задача заключалась в том, чтобы вбить еще один клин между твоим и моим народами, Козара.

У девушки мороз побежал по коже. Она пристально посмотрела на Доминика и прошептала:

— Те, кто поймал меня, кто убил Тродвира, кто пытал меня и приговорил к рабству, они тоже были мерсейцами?

— Они были людьми, — прямо ответил Флэндри и принял более нормальное положение. — Они были сотрудниками терранской имперской военной разведки и приносили присягу, но служили Мерсейе. Они прибыли, чтобы «провести расследование» и таким образом добавить достоверности слухам о Деннице, которые их сообщники уже разносили по всей Вселенной. Им нужно, чтобы Империя почувствовала сильное недоверие к господарю, понимаешь? Тогда она будет вынуждена действовать. Ей нельзя ждать слишком долго. Но эти действия вызовут ответную реакцию господаря. Тем более что он уже имеет основания сомневаться в доброй воле Терры.

Флэндри затушил сигарету, выпил, положил локти на стол и, приблизив свое лицо к лицу девушки, тихо добавил:

— Господарь услышит о слухах и пошлет свое доверенное лицо, чтобы их проверить. Айхарайх — позже я расскажу о нем — Айхарайх из Ройдхуната знал, что этим лицом будешь ты. Он

хорошо подготовился. Твое вымышленное преступление возмутит Терру, вынесенный тебе приговор — Денницу. Этого недостаточно, чтобы начать войну, но напомни мне когда-нибудь, чтобы я рассказал тебе об Ухе Дженкинса. Когда нации стоят на краю обрыва, достаточно небольшого толчка, чтобы они покатались вниз. Некоторые факты о том, как тебя заманили в ловушку на Диомеде, мне известны. Остальное ты можешь рассказать сама, если захочешь. Потому что Айхарайх если и не создает миражей, то воздействует на мозг. Он стер твои воспоминания, а вместо них насадил смутные фальшивые образы и ту ненависть к Империи, которую ты не пыталась скрывать. С его сверхъестественными телепатическими способностями, которые позволяют ему воздействовать на мозг так же, как наркотики, электроника и гипноз, он способен сделать то, что не под силу никому другому. Но я не думаю, что он полностью уничтожил реальные воспоминания. В этом случае подделка стала бы слишком очевидной. Скорее всего большая часть истины осталась в твоей памяти, замаскированная или погребенная под спудом.

Воздух с шумом проходил сквозь ее сжатые зубы. Лежавшие на столе руки сжались в кулаки. Флэндри накрыл их своей большой и ласковой рукой.

— Надеюсь, мне удастся вернуть то, что ты потеряла, Козара, — казалось, что ему трудно говорить, — и... и освободить тебя от тех эмоций, что связаны с условными рефлексам. Это легко сделать с помощью психотерапии. Я не настаиваю. Спроси себя: можешь ли ты настолько мне доверять?

Глава 12

Корабельный лазарет состоял из единственного помещения, однако на удивление хорошо оборудованного. Козара вошла в него с комом в горле и сухостью на языке. Флэндри и Чайвз стояли позади хирургического стола. Закрепленный над подушкой электронный шлем напоминал отвратительную паутину. Слабый гул двигателя, вентиляции, вспомогательных устройств и систем жизнеобеспечения, казалось, стал звучать гораздо резче.

На сей раз Флэндри обошелся без витиеватых фраз. Одетый в простой зеленый комбинезон, который делал его выше, Доминик произнес:

— Ты еще можешь изменить свое решение. Прежде чем мы приступим к работе, позволь мне объяснить следующее: Чайвз и я проводили подобные операции и раньше, но, хотя из нас и получилась неплохая команда, мы не профессионалы.

Подобные операции... Совсем недавно на этом матрасе лежал Мухаммад Снелл, беспомощный, погруженный в наркотический бред, а вон тот человек выкачал из него информацию и вколол быстродействующий яд.

Разве я не должна бояться имперцев? Не слишком ли я рисковую, становясь союзником человека, который обращается с разумным существом как с бессмысленной скотиной?

Мне следует возмущаться, но я не чувствую гнева. И я не чувствую себя из-за этого виноватой.

Нет во мне и желания мстить. По крайней мере, большого желания. Я помню, как погиб Тродвир из-за того, что стал кому-то помехой. Я помню, как погиб Михаил Светич, в войне, которую, как говорит Флэндри, наши враги снова пытаются развязать.

Как говорит Флэндри... До нее донесся его быстрый и педантичный голос. Он что, выучил свою речь наизусть?

— Конечно, это не гипнозод. Наш аппарат погружает человека сразу в квазисон и, после того как наркотик подавит эмоции и механизмы торможения, стимулирует деятельность памяти. В результате все, что записывает человеческий организм, становится доступным тому, кто задает вопросы — при условии, что опрашиваемый не защищен глубоким кодированием. Этот процесс требует большего времени и умения, чем обыкновенный допрос, где требуется получить информацию, которую объект знает, но отказывается сообщить. Психиатры используют данную процедуру для извлечения подавленных воспоминаний из сознания серьезно больных пациентов. Я применял ее главным образом для того, чтобы получить полный отчет от готовых к сотрудничеству свидетелей и выяснить некоторые существенные детали, которые они заметили, но забыли. В твоем случае лучше провести несколько коротких сеансов, отделенных друг от друга промежутками в три-четыре дня. Таким образом ты сможешь усвоить полученные знания и избежать кризиса. Сеансы не причинят тебе никакой боли и сами по себе не оставят никаких воспоминаний.

Козара сконцентрировала внимание на словах Флэндри.

— Ты дашь мне прослушать записи, после того как я проснусь?

— Если захочешь, — ответил он. — Но, может быть, ты предпочтешь, чтобы я их стер? Видишь ли, когда наши вопросы выявят связный каркас того, что было забыто, одна простая команда закрепит его в твоей нормальной памяти. Все остальное восстановится по ассоциации. В итоге ты получишь полное знание того эпизода, на котором мы сконцентрировались.

Доминик серьезно посмотрел на девушку:

— Ты должна понимать, что нам будет открыта вся твоя жизнь. Мы очень постараемся направлять вопросы таким образом, чтобы

не лезть куда не следует, но полностью избежать этого не удастся. Ты выболтаешь много лишнего. Кроме того, нам придется двигаться на ощупь. Как понять, принадлежит ли данный обрывок информации недавнему дурному прошлому или он более ранний и к делу не относится? Иной раз нам придется продолжить выбранную линию исследований достаточно долго, прежде чем мы сможем получить твердый ответ.

Поневоле откроются вещи, которые ты бы хотела скрыть. Тебе останется только положиться на наше слово, что в будущем мы будем хранить молчание... и, конечно, мы не посмеем тебя осуждать: не суди, да не судим будешь.

Ты действительно этого хочешь, Козара?

Она решительно кивнула:

— Мне нужна правда.

— Вне всякого сомнения, ты сможешь узнать много полезного из разговоров с господарем, если только он будет жив и на свободе, к тому времени когда мы прилетим на Денницу. Не стану лукавить: я думаю также и о благе Империи. У меня есть надежда проникнуть в стиль работы мерсейской разведки и получить несколько точных портретов их агентов среди нас.

Я не настаиваю, — закончил Флэндри. — Подумай еще раз, прежде чем дашь ответ.

Девушка расправила плечи:

— Я уже подумала. — И, протянув руку, добавила: — Делай укол.

В первый вечер ноги принесли ее в салон. На фоне звездного неба Флэндри увидел растрепанную, неряшливо одетую фигуру со следами слез на щеках. Весь день Козара просидела в своей каюте, запершись на ключ.

— Тебе не обязательно есть здесь, ты же знаешь, — сказал он как можно мягче.

— Спасибо, но я останусь, — ответила она.

— Мне не хватает слов, чтобы выразить, как я восхищен твоим мужеством, дорогая. Иди присядь и выпей стаканчик перед ужином. — Испугавшись, как бы она не отказалась из страха, что это может выглядеть как побег от собственных переживаний, Флэндри добавил: — Тродвир с радостью поднял бы тост за своих товарищей, правда ведь?

Девушка молча повиновалась.

— Что, дальше будет так же плохо? — спросила она.

— Нет. — Доминик решил присоединиться к спутнице и разлил по стаканам мерсейский теллох, хотя в действительности ему хотелось выпить сухого мартини.

— Я подозревал, что дело обернется таким образом, но не видел способа, как этого избежать. Ты и вправду присутствовала при убийстве Тродвира, видела его жуткие мучения. А ведь он был твоим любимым учителем с самого раннего детства. Боль не могла исчезнуть только потому, что кто-то подверг анестезии твой зрительный бугор. Поскольку гибель Тродвира была самым сильным из потерянных воспоминаний и наполовину уже содержалась в сознании, она выплыла на поверхность раньше всего остального. К тому же она настолько изолирована, что воспринимается так, как будто все случилось вчера.

Козара устало откинулась на спинку дивана:

— Да, раньше все было как в тумане, даже Тродвир. Теперь... лица, предательство...

{Никто не погиб в пещере, за исключением Тродвира. Остальные стояли в стороне, когда всего-навсего два десантника пришли, чтобы арестовать ее.

— Это ты предал нас! — крикнула она тому, кто носил имя Стив Джонсон, наверняка не свое собственное. Тот ухмыльнулся. Тродвир ринулся вперед, пытаясь вырвать хозяйку из рук солдат и дать ей шанс скатиться по склону и исчезнуть. Лейтенант выстрелил в него из бластера. Жизнь в его старом жилистом теле еще не угасла, а Козару уже оттаскивали от ихана.

Чуть позже она услышала голос Джонсона:

— Зачем ты убил слугу? Надо было взять его с собой.

А голос лейтенанта отвечал:

— Он бы только мешал. А так, когда диомедиане найдут тело, у них не будет подозрений насчет вашего исчезновения. Они решат, что вас схватили терране, и от этого станут еще более податливым материалом. Например, если мы захотим, чтобы кто-нибудь из встречавшихся с тобой туземцев ушел в партизаны, наш связной может предупредить его, что о нем стало известно по тем данным, которые терране выкачали из своих пленных.

— Хм. А что станет с нашей четверкой?

— Решим на базе. Думаю, вас отправят в другой регион. А теперь давай-ка перетащим тушу. — Башмак лейтенанта ткнул Козару, которая лежала со связанными руками возле холодной стены пещеры. — Поднимайся, сука!}

— Он погиб много недель назад, — сказал Флэндри. — Как только к тебе вернутся воспоминания, ты увидишь и почувствуешь происшедшее в перспективе — в том числе и во временной перспективе. Ты оплачешь потерю... которую уже пережила там, в

подсознании, а затем... Ты слишком здорова, чтобы горевать вечно.

— Мне всегда будет его не хватать, — прошептала Козара.

Флэндри вспомнил о своих собственных призраках:

— Да, я знаю.

Девушка выпрямилась. Черты ее лица отвердели, словно кости отдали свою силу плоти. Сине-зеленые глаза стали ледяными.

— Сэр Доминик, вы были правы в том, что сделали со Снеллом. Никто из этой банды не был... не был достоин жизни.

— Да, мы ведем войну, Империя и Ройдхунат, и эта война тем более отвратительна, что официально не объявлена, — медленно сказал он. — Единственное, что ты и я по мере наших сил должны делать, — это ограждать твою планету от страшной болезни. А если, продолжая метафору, заражение уже произошло, нам следует найти антибиотик раньше, чем поднимется высокая температура и начнется бред.

Его грубая практичность сработала так, как он и ожидал, — отвлекла девушку и от печали, и от ярости.

— Что ты задумал? — Вопрос содержал в себе привычную для Козары резкость.

— Прежде чем отбыть с Диомеды, я наведался в местный офис резидента в Ланнахе, связался с Лагардом, предъявил ему свои полномочия и приказал немедленно отправить курьера с шифрованным посланием. Послание предназначено непосредственно императору. Шифр обеспечит беспрепятственное прохождение через инстанции. В самых общих чертах в нем говорится следующее: «Что бы вы ни услышали, не трогайте Денницу. Дождитесь, пока я не соберу полную информацию». Далее следует отчет обо всем, что мне удалось на тот момент узнать.

Несмотря на крайнее истощение, в девушке вспыхнула слабая радость:

— Как здорово.

— Хм. Боюсь, что не совсем. — Флэндри глотнул обжигающего теллоха. — Не забывай, что его величество сейчас умирят варваров на границе сектора Слика. Он много перемещается в пространстве. Курьеру далеко не сразу удастся его отыскать. А тем временем Адмиралтейство на Терре может получить сообщение, которое вынудит его к экстренным действиям без консультаций с императором и Политическим ведомством. Адмиралтейство имеет такое право, хотя впоследствии будет обязано ответить на вопросы суда. У меня нет туда прямого хода. Впрочем, если б и был, это не повлияло бы на дело. Возможно, что и мой совет Хансу также ни к чему не приведет. Я всего лишь агент-одиночка. Они запросто могут решить, что я ошибаюсь.

Он хладнокровно взглянул ей в глаза.

— Не исключено также, что взорвется Денница, не оставив Адмиралтейству и императору никакого выбора. Мерсейцы, без сомнения, работают на обеих сторонах улицы.

— Ты надеешься, что мне... что нам удастся убедить дядю и Скупшину сохранять спокойствие? — спросила Козара.

— Да, — ответил Флэндри. — У нас быстрый корабль. Однако... дорога займет не меньше месяца, а Айхарайх и компания имеют громадную фору.

{Резидент с женой были рады Козаре. Они отговаривали ее от исследований в районе Аханского моря. В тех местах было особенно беспокояно.

— Поверьте, — говорили они, — вам и вашему мерсейцу — простите, вашему негуманоидному сотруднику — лучше вовсе не встречаться с мигрирующими сообществами. Разве нельзя собрать необходимых данных среди оседлых диомедян? Они лучше знакомы с современной цивилизацией, более привычны к общению с представителями других планет и поэтому гораздо лучше отвечают той цели, ради которой вас прислало денницианское правительство.

Стараясь скрыть нервозность, она встретила с Маспесом и несколькими младшими офицерами имперской разведывательной группы, которая расследовала причины беспорядков. Маспес был вежлив, но немногословен. Поведение начальника несомненно повлияло и на подчиненных, которые должны были отделяться скупыми фразами и уклончивыми взглядами. Да, — говорил Маспес, — общеизвестно, что часть ответственности за революционную деятельность и агитацию на планете лежит на людях. Большинство диомедян считают, что люди эти прибыли с Авалона и работают на Ифри. Несколько схваченных повстанцев на допросе показали, что слышали об этом от самих агентов. И в самом деле мистическая вера в родство с крылатыми ифрианами — мощный вербовщик... Но разве способны наивные туземцы отличить одну человеческую нацию от другой? Не исключено, что кто-то попытается скомпрометировать Ифри... Вот и все, что он может сказать на данной стадии. Благополучно ли донна Вимезал добралась до Диомеды? Что нового на Деннице?

Лагард извинился, что вынужден лишить ее крова под крышей Резиденции.

— Тут есть один сотрудник... его работа строго секретна... да, а вы, гражданское лицо, собираетесь ехать в глухие районы, а тот сотрудник, он инопланетянин, у него запоминающаяся внешность...

— Мне бы очень хотелось выведать, что это за сотрудник, — улыбнувшись, сказала Козара, — но раз вы настаиваете, я сдержу свое любопытство.

Среди общей суматохи она мало задумывалась о происшедшем.}

Флэндри поздоровался с ней за завтраком:

— *Добар утро, дама.*

Удивившись, она спросила:

— Ты учишь сербский?

— Настолько быстро, насколько операционному кодированию, электронике и фармакопее удастся впахнуть его в меня.

Они сели за стол. В бокалах желтел апельсиновый сок. В воздухе витал запах кофе. Доминик быстро все выпил. Козара заметила, что он устал.

— Почему ты так редко появляешься здесь в свободное от дежурств время? — спросила она.

— Учю сербский.

Он устремил взор на звезды. Девушка пристально смотрела на него. Некоторое время спустя, в течение которого ее пульс бился все чаще и чаще, она проговорила:

— Нет. То есть я хочу сказать, что в твоих занятиях нет никакой необходимости. Ты же знаешь, что большинство из нас говорит на английском. Просто тебе нужен предлог, чтобы не встречаться со мной.

Настала очередь удивляться Доминику:

— Как? Зачем мне это нужно?

Она задержала дыхание, ощущая, как краснеют щеки, шея и грудь.

— Ты думаешь, что я смущена тем, что ты обо мне узнал.

— Нет... — Он перевел взгляд на Козару. — Да. Не то чтобы я... Ну, я пытаюсь не лезть куда не следует, но случайно всплывающие факты показывают, что ты чиста как... лезвие ножа. И тем не менее ты полна жизни, была влюблена и... — Внезапно Флэндри откинул голову назад и рассмеялся. — Проклятье! Так и знал, что ты заставишь меня смущаться, словно школьника.

— Я не сержусь. Ведь ты же спас меня. Вылечил. — Она собралась с духом и сказала: — Я должна была серьезно подумать, прежде чем поняла, как мало из того, что ты узнал, может тебя удивить.

— Ошибаешься. Много может. — Их глаза встретились.

— Почему бы тебе не уравнивать нас, — произнесла Козара сквозь шум в голове. — Расскажи мне о своем прошлом. Что в действительности скрыто под этой эластичной оболочкой, которую ты

всегда носишь? — Улыбнувшись, она добавила: — А взамен я помогу тебе учить сербский и расскажу несколько историй о Деннице, которых ты нигде больше не найдешь. В последнее время мне было так одиноко, Доминик.

— Нам было одиноко, — поправил ее ошеломленный Флэндри. Чайвз внес омлет и поджаренные хлебцы.

{У торговца на Четверговой Площадке Козара наняла летательный аппарат и походное снаряжение, закупила провизии и путеводителей и попросила совета. Ей требовалась информация как для собственных нужд, так и в целях прикрытия. Во время своего долгого путешествия — на грузовых судах с тремя пересадками — она тщательно изучила весь материал, какой только могла предоставить Школа в Зоркаграде. Сведений было немного. Они бы и вовсе отсутствовали, если б планета не была достаточно необычной, чтобы представлять собой любопытный экземпляр для изучения в некоторых классах. Девушка нашла несколько фактов из области астрономии, физики, химии, топологии, метеорологии, биологии, этнографии, истории, экономики и политологии и заучила набор стандартных фраз на различных языках, не получив никакого понятия об их грамматике и семантике. Эти знания служили веткой, за которую она цеплялась, повиснув над пропастью своего невежества в отношении новой планеты.

После нескольких дней адаптации к новым условиям они с Тродвиром вылетели в Ланнах. Резидент не чинил серьезных препятствий. Они ходили среди высоких мрачных строений городков на побережье Сагна Бэй и искали тех, кто понимал англик и мог решиться им хоть что-нибудь рассказать.

— Мы прилетели с планеты Денница. Мы желаем узнать, как познакомиться и стать друзьями с крылатым народом, похожим на вас.

Эонан, торговый агент, оказался бесполезным. Козара настойчиво пыталась прощупать туземца и чувствовала, что тот делает то же самое. Даже и не имея никакого отношения к подрывной деятельности, он мог испытывать вполне естественный страх, что девушку прислала имперская разведка с целью заманить в ловушку его товарищей. Тем не менее слово «Денница» недвусмысленно волновало многих местных индивидуумов, хотя диомедиане и старались побыстрее скрыть свою реакцию.

Как же далеко оставалась Денница, спрятанная за незнакомыми созвездиями! По ночам в лагере они с Тродвиром долго-долго разговаривали о старых временах и о новых временах, ихан пел

свои грубоватые песни, а она читала стихи Симича, которые старик очень любил. Так продолжалось до тех пор, пока на них не сходил мир, который приносил с собой сон.}

Флэндри всегда специально одевался к ужину. Он любил хорошо выглядеть. Это помогало создать атмосферу, которая улучшала восприятие еды и вина. К тому же Чайвз устроил бы тихий вежливый скандал, забудь хозяин переодеться. Козара уплетала кушанья шалмуанина в той одежде, которую она налевала на себя, встав с постели. На сей раз, чтобы не оскорбить траура девушки, Доминик ограничился синим кителем с красным поясом, белыми брюками и мягкими полуботинками — обычной парадной формой терранского офицера.

Когда она вошла в салон, одетая в вечернее платье, Доминик чуть не уронил графин с коктейлем. Стоя посреди неяркой роскоши салона, девушка затмила своей красотой огромную голубую звезду и ажурную туманность на экране. Темно-красный велвил облегал каждый изгиб высокого тела денницианки от груди до серебристых туфелек. На матовой коже сверкало ожерелье из бирюзы и гагата и золотой браслет. Рыжеватые волосы украшала усыпанная алмазами тиара и хрустальные серьги. Но несколько веснушек на вздернутом носике Козары спасали это скуластое лицо с полными губами и огромными глазами от царственного выражения.

*Nom de Dieu!** — задохнулся Флэндри, а внутри запело: «Да, благодарю тебя, Господи, Который, по словам верующих, сотворил всю эту победоносную красоту. Она обрушилась и захватила меня словно волна залитого солнечным светом прибоя».

— Женщина, это нечестно! Ты должна была послать вперед герольда, чтобы он возвестил о тебе.

Она хихикнула:

— Я решила, что давно пора воздать почести Чайвзу за его кулинарные чудеса. Он согласился со мной и пообещал, что сегодня превзойдет самого себя.

Флэндри покачал головой и прищелкнул языком:

— Жаль, что я не смогу уделить большого внимания его блюдам. — У него екнуло сердце от радости.

— Сможешь. Я тебя знаю, Доминик. Я тоже смогу. — Она сделала пируэт. — Миленькое платье, правда? Снова став женщиной... — В воздухе, наполненном звуками скрипок, распространился слабый запах ее духов.

— Значит, ты поправилась?

* Проклятье! (фр.)

— Да. — Она успокоилась. — Я чувствую, как ко мне возвращаются силы. Я снова могу радоваться жизни — с каждым днем все больше и больше.

Козара подошла к Флэндри. Тот поставил графин. Девушка взяла обе руки Доминика — прикосновение прошло сквозь него словно электрический разряд — и серьезно произнесла:

— Нет, я не забыла того, что случилось и в скором времени еще может случиться. Но жизнь великолепна. Я хочу отпраздновать ее великолепие... с тем, кто вернул мне эту радость. Я никогда не смогу достойно тебя отблагодарить, Доминик.

И я никогда не смогу отблагодарить тебя, Козара, за то, что ты существуешь. Несмотря на то что девушка согласилась пройти курс лечения, она по-прежнему оставалась слишком загадочной, чтобы Флэндри осмелился ее поцеловать. Он пошел на хитрость:

— Есть один способ. Ты можешь отбросить свое провинциальное упрямство, предусмотрительность, здравый смысл, приверженность принципам и тому подобную чепуху и стать легкомысленной. Если не знаешь, как это сделать, учись у меня. Позже презирай меня до глубины души, но сегодня вечером давай выбросим на ветер все предосторожности, прокричим «ура» три целых четырнадцать сотых раза и будем неуважительно говорить о Малом Магеллановом Облаке.

Рассмеявшись, она отпустила его руки:

— Ты и вправду думаешь, что деннициане такие сухари? На самом деле мы довольно веселые люди. Погоди, вот попадешь на фестиваль и я покажу тебе, как танцуют люку.

— Покажи сейчас. Это полезно для аппетита.

Она покачала головой. Сверкнула тиара, но из-за яркого сияния глаз девушки Доминик едва заметил этот блеск.

— Нет, я разорву платье или выскочу из него как пробка из бутылки. Наши танцы очень энергичны. Некоторые говорят, что так и должно быть.

— Перспектива увидеть тебя в роли демонстратора заставляет признать, что существует множество доводов в пользу ледникового периода.

В действительности там, где жила Козара, летом было тепло. Дальше к югу, в пустыне, часто бывало жарко. Денница слишком огромна, слишком многогранна, чтобы подпадать под какое-либо одно понятие вроде «ледникового периода».

В голове Флэндри стали возникать факты, о которых ему доводилось читать, — сухое приложение к стоявшему перед ним живому чуду. Он не мог по-настоящему узнать девушку, пока не познакомится с землей, морем и небом, которые породили ее. Но факты служили началом.

Зоря была солнцем типа F8 и светила в 1,3 раза ярче, чем Сол. Деннице, которая чуть уступала Terre в размерах, а двигалась примерно на одинаковом с ней расстоянии от своего светила, следовало быть чуть теплее. Так оно и было почти на всем протяжении ее существования. Потеря воды вследствие ультрафиолетового расщепления привела к тому, что только половина планеты оказалась покрытой океаном. Этот факт вкупе с осевым наклоном в 31,5 градуса и периодом обращения 18,8 часа послужил причиной крайностей погоды и климата. Живые организмы, которые в своей основе принадлежат к терранскому типу, в процессе развития приспособились к разнообразию условий существования.

Это сослужило им хорошую службу, когда разразилась катастрофа. Менее миллиона лет назад то ли метеоритный ливень обрушился на Денницу, то ли астероид разорвался в ее атмосфере. Гигантские силы раскручивали камни вокруг планеты, и те врезались в землю, которая опустошалась следовавшими за столкновением сотрясением, пожаром и радиацией. Поднимавшаяся в воздух пыль на долгие годы затмила солнце. Еще хуже обстояло дело со взрывами в океане. Вызванные ими цунами разрушили все побережья планет. Жизнь вскоре вернулась, но тысячи кубических километров испарившейся воды образовали облако, которое не рассеивалось в течение десятков веков. Энергетическое равновесие было нарушено. Образовавшиеся на полюсах снежные шапки стали расти и породили ледники, которые покрыли собой половину каждого полушария. Исчезли многие типы, классы и семейства животных. Окаменевшие останки показывают, что среди них существовал вид, который уже начал делать орудия труда. Возникли новые формы, морозоустойчивые в умеренных зонах и теплолюбивые в тропиках.

Затем понемногу небо стало проясняться, снова засияло солнце, растаяли ледники. Остатки льда, которые люди обнаружили по прибытии на Денницу, за шесть веков превратились в ничто. Великая Весна принесла новые беды: шторма, наводнения, массовые вымирания и миграции нарушили экологию. За свою недолгую жизнь Козара много раз видела, как прибрежные города пустеют перед надвигающимся океаном.

Ее родная страна лежала недалеко от побережья, но была защищена и от северных ветров, и от восточных потоков: Казан, огромная астроблема внутри континента Родна, наполненная лесами, полями и реками чаша, в центре которой находилось озеро Стоян и столица Зоркаград. Отец Козары занимал пост воеводы провинции Дубина Долина, получившей свое название из-за ущелья, которое река Любиша пробивала сквозь горную цепь на пути к югу. Дочь владельца, близкого к своему народу, она росла

как дитя диких земель, хотя и часто бывала в городе, и знала о звездах только то, что они и другие светила — друзья-эльфы, показывающие дорогу домой после наступления темноты...

Флэндри взял ее за руку:

— Прошу вас, леди. Садитесь. Сегодня мы не едим — мы ужи-
наем.

{В конце концов Эонан рассказал Козаре об одном человеке в горном сообществе Салменброк, который мог сообщить ей некоторую полезную информацию. Если она не против, он отвезет ее и Тродвира на своем гравилете — диомедианин не доверял летательным аппаратам — и представит их друг другу. Больше он ничего не стал говорить. Деннициане с радостью согласились.

На полпути туземец изменил курс.

— Я говорил о Салменбroke, потому что боялся шпионов, — объяснил он. — В действительности мы направляемся к пещере, где находятся четверо людей. Я спрашивал их, и они согласились принять вас в качестве гостей, пока не поймут ваших намерений.

Козара с беспокойством подумала, что, когда диомедианин вернется домой, они с Тродвиром останутся без средств к передвижению, поскольку у них не было гравипоясов. Ихан понял то же самое и стал ворчать. Девушка подавила нервозность, чтобы успокоить старика и произнести:

— Прекрасно.

Двое мужчин и две женщины не принадлежали к ее нации. Расовые признаки, акцент, манеры и даже походка выдавали подделку. Эонан говорил с ними страстно, словно они и впрямь были денницианами, которые прибыли на планету, чтобы подготовить освобождение его народа. Козара держалась холодно и отчужденно, говорила мало и ничему не противоречила, ожидая, пока не улетит туземец. Затем она повернулась к людям и закрычала:

— Что это значит?

Ее рука легла на кобуру. Громоздкая фигура Тродвира стояла рядом; старый охотник готов был кинуться в атаку с ножом и пистолетом, орудовать хвостом и когтями на ногах, как только хозяйке будет угрожать опасность.

Стив Джонсон улыбнулся, показал пустые ладони и ответил:

— Вы, конечно, озадачены. Пожалуйста, пройдите в пещеру, там теплее. Мы сейчас все расскажем. — Остальные вели себя столь же дружелюбно.

В общих чертах их история звучала просто. Они тоже были подданными Империи, с Эсперансы. Эта планета находилась сравнительно недалеко отсюда. Верная своим пацифистским

традициям, она оставалась нейтральной во время борьбы за престол, заявляя, что принесет присягу на верность любому, кто вернет Империи мир и законность (Козара кивнула: она слышала об Эсперансе). Но подобная политика требует немалой военной мощи и значительного количества политических интриг, направленных на то, чтобы предотвратить насильственную вербовку со стороны того или иного претендента. В результате эсперансиане приобрели привычку брать на себя более активную роль, чем прежде. Поскольку после воцарения Ханса обстановка продолжала быть беспокойной, эта привычка оставалась в силе.

Как только до их разведки дошли слухи, что ифриане пытаются разжечь революцию на Диомеде, эсперансианское правительство немедленно почувствовало беспокойство. Эсперанса находилась вблизи границы между Империей и Ифри. На Диомеду были тайно посланы агенты с заданием выяснить истину — выяснить аккуратно, ибо только Бог мог предсказать последствия преждевременного разоблачения. Команда Джонса являлась одной из таких групп.

— Наши предшественники получили сведения, что ответственность лежит на денницианах, — сказал он. — Здесь замешаны не люди с Авалона, которые служат Ифри, а люди с Денницы, которые служат своему воинственному царьку!

— Нет! — в ужасе прервала его Козара. — Это неправда. И наш правитель не воинственный царек.

— Но именно это утверждают туземцы, мадемуазель Вимезал, — мягко произнесла азиатского вида женщина. — Мы решили попытаться выдать себя за деннициан. Наша организация достаточно узнала о подполье — например, нам известны имена некоторых его членов, — чтобы этот план стал осуществимым, тем более что автохтоны не в состоянии заметить различий. Их реакция на нас и вправду показывает, что они... ну, скажем, они имеют основания верить в поддержку Денницы. Мы руководим ими, собираем информацию, но вместе с тем не помогаем увеличивать их военные возможности. Когда Эонан рассказал о прибытии важной денницианки, которая не скрывалась, но намекала, что она, возможно, нечто большее, чем просто ученый, мы, естественно, заинтересовались.

— Вас надули, — взорвалась Козара. — Я здесь для того, чтобы опровергнуть именно эти обвинения. Господарь, глава нашего государства, — мой дядя, он послал меня в качестве своего личного агента. Уж мне-то должно быть известно, что происходит на самом деле, так ведь? И я утверждаю, что он лоялен. *Мы лояльны!*

— Почему же он не заявит об этом открыто? — спросил Джонсон.

— О, он посылает официальные протесты. Но чего они стоят? На расстоянии четырех сотен световых лет... Нам нужны доказательства. Нам нужно узнать, кто нас чернит и с какой целью. — Козара сделала паузу, чтобы грустно улыбнуться. — Я не рассчитываю узнать слишком много. Я здесь как... как гонец, разведчик. Может быть, та разведывательная группа, что работает на Четверговой Площадке — вы слышали о ней? — может быть, она оправдывает нас без нашего вмешательства. Не исключено, что она уже это сделала. Ее начальник относился ко мне без всякого подозрения.

Джонсон потрепал девушку по руке.

— Я верю в вашу честность, мадемуазель, — сказал он, — Возможно, вы правы. Давайте обменяемся сведениями, которые нам удалось получить. А между делом постарайтесь побольше гулять. Вы выглядите страшно уставшей.

Следующие три сумеречных весенних дня прошли как нельзя лучше. Козара и Тродвир перестали держать оружие наготове в пещере).

Флэндри вздохнул:

— Айхарайх. — Он рассказывал ей кое-что о своем старом противнике. — Кто же еще? Маски поверх масок, тени, отбрасывающие тени... Мерсейские агенты, которые изображают эсперансиан, которые изображают деннициан, чьи товарищи чуть раньше изображали авалонцев, а в это время другие мерсейцы заявляют, что они терранские сотрудники, и в самом деле ими являются... Да, пусть я не умру мирно в своей постели, если не Айхарайх затеял эту дьявольскую игру.

Доминик затанулся сигаретой, покатав едкий дым по языку и выпустил его через ноздри, словно надеясь, это острое ощущение не позволит ускользнуть реальности. Он и она сидели бок о бок на диване. Перед ними находился стол, на котором стояли бокалы и бутылка демерарского рома. Чуть дальше располагался экран, заполненный звездами и тьмой. Светящаяся туманность осталась позади; тусклая масса космической пыли заслонила собой Млечный Путь. Корабельные часы показывали, что час уже поздний. О том же напоминала тишина, поглотившая все звуки, кроме гула машин, который давно впитался в кровь, так что его никто не замечал.

На Козаре было надето домашнее платье, настолько короткое, что Флэндри с трудом отводил взгляд от ее длинных ног, высокой груди и синеватой жилки во впадине у основания шеи. Девушка едва заметно вздрогнула и легонько прислонилась к своему

спутнику. Тот не почувствовал никакого запаха, кроме солнечного аромата женщины.

— Отвратительно, — пробормотала она.

— Н-нет... я бы не сказал.

«Почему я его защищаю? — спросил себя Флэндри и дал ответ: — Я вижу в моем зеркале его призрак. Впрочем, кто из нас плоть, а кто мираж?»

— Я признаю, что не в состоянии ненавидеть его, даже за то, что он сделал с тобой и еще сделает с твоим народом, а если сможет, то и с моим. Я убью его при первой возможности, но... Хм, думаю, ты никогда не слышала о коралловой змейке. Она ядовита, но очень красива и убивает без всякой злобы... Конечно, мне неизвестно, что движет Айхарайхом. Возможно, он художник, непризнанный гений. От этого он не перестает быть монстром, так ведь?

Козара потянулась за бокалом, отдернула руку — она легко пьянела — и вместо этого сжала край стола с такой силой, что ее ногти побелели.

— Разве возможно, чтобы такая запутанная схема сработала? Всегда остается много шансов на то, что что-нибудь пойдет не так.

Флэндри с облегчением вернулся к практическим вопросам, вне зависимости от того, сколько горечи лежало за ними.

— Если дело провалится, Мерсей почти ничего не теряет. Ни Ханс, ни любой другой император не сможет заставить терранских аристократов отказаться от роскоши — а в первую очередь от веры в то, что всегда можно найти временный компромисс, — и попытаться устранить корень угрозы. Самое большее, ему удастся заявить ноту протеста или прервать несколько переговоров по поводу торговли и тому подобных вещей. Имперские бюрократы скорее сместят своего императора, чем согласятся начать серьезный разговор о том, чтобы подпалить ройдхуну бороду, которой тот не имеет.

Сигаретный окуроч обжег Флэндри пальцы. Он выбросил его прочь и глотнул из стакана. Едкость пиратского напитка настолько взбудрило его, что он смог говорить с бесстрастием, почти легкомысленно:

— Каждый изобретатель должен делать допущение, что его машина время от времени будет терять болты и детали. Ты как раз такой пример. Предуготованное тебе рабство было рассчитано на то, чтобы вызвать ярость у всех мужчин на Деннице, когда новость об этом достигнет их слуха. Совершенно случайно я услышал о тебе в тот самый хорошо всем известный и заслуженно популярный критический момент. Я, а не кто-нибудь менее осторож-

— Менее благородный, — поправила она и погладила его по руке. Внутри у него все вспыхнуло.

Тем не менее он усмехнулся и сказал:

— Да, возможно, мне недостает шепетильности, но не горячей крови. Я неисправимый романтик. Тайна, красивая девушка, экзотическая планета... Разве мог я устоять против того, чтобы не броситься...

Неожиданно возникла мысль:

...броситься в ловушку, расставленную кем-то, кто хорошо меня знает.

Но язык летел вперед:

— Однако благоразумие, а не добродетель заставило меня быть осторожным и не совершать непоправимых поступков...

...по отношению к тебе, дорогая. Я благодарен Пустоте за то, что с тобой не случилось ничего непоправимого.

— И нам действительно повезло: мы уничтожили главную мерсескую бородавку на теле Диомеды.

Была ли удачей встреча с бедной глупенькой Сюжетт и весьма уместное отсутствие ее мужа? Иначе мне бы пришлось еще долго оставаться на Четверговой Площадке, разыгрывая из себя ищейку... достаточно долго, чтобы дать удобный шанс убийце, который ждал именно меня...

Нет! Слишком фантастично. Забудь об этом.

— Станет ли то, что случилось, катастрофой для врага? — спросила Козара.

— Боюсь, что нет. Вряд ли им теперь удастся поднять мятеж на Диомеде. Но это не слишком большая потеря. Уверен, что вся операция была задумана для того, чтобы подтолкнуть Терру к действиям, которые заставят взбунтоваться Денницу. Ложная информация давно посылалась в Центр и дала свои плоды. Там получили фальшивый рапорт. Короче говоря, были сделаны все возможные шаги, чтобы причинить твоей планете вред.

Козара прошептала с тоской:

— Ты думаешь... начнется гражданская война?

Флэндри обнял девушку за плечи. Она прижалась к нему.

— Империя редко торопится с решением, — успокоил он Козару. — Не забывай, сам Ханс не хотел начинать действовать без дополнительной информации. У него не было оснований не доверять отчету Маспеса о том, что на планете орудуют деннициане, но он понимал, что эти деннициане не обязательно посланы господарем. Именно поэтому я и был вызван — проверить полученную информацию. Да, если дело идет только о проблемах, созданных на Диомеде, я уверен, что мы успеем прибыть на твою планету вовремя.

— Благодаря тебе, Доминик, — прозвучал ее шепот. — Только тебе и никому другому.

Он не стал напоминать ей, что Диомеда не являлась и не могла являться единственной планетой, на которой работал враг, и что ход событий на Деннице нельзя просто остановить. Разве уместны напоминания в тот момент, когда тебя целует прекрасная девушка?

Чувствуя ее смущение, он побоялся двигаться дальше. Но они посидели немного вместе, молчаливо взирая на звезды, пока Козара не пожелала ему доброй ночи.

{Далеко к северу от Казана, в тундре, Бодин Миятович держал охотничий домик. Он выезжал туда на лошади, в сопровождении лающих борзых, чтобы охотиться на громатцев, егупок или ледяных троллей. В остальное время он и его гости плавали по бурным рекам, катались на лыжах по ледяным склонам или сидели в доме возле гигантского камина и разговаривали, пили, играли в шахматы, устраивали концерты и слушали, как воет вьюга за дверью. С тех пор как отец впервые перенес ее колыбель от аэромобиля к двери домика, Козара полюбила бывать здесь.

Хотя этот визит был исключительно деловым, она получала удовольствие от того, что ее окружало. Они с дядей стояли на черно-синей каменной террасе, которая выступала из гранитной стены дома. В безоблачном небе плыла ослепительная Зоря в окружении ложных солнц. Вправо, влево и назад простирались бесконечные равнины: пурпурный покров моховины, обширные заросли тростника, то там то здесь поблескивало озерцо. Впереди растительность терялась под нагромождением огромных камней, между которых бежала вода. В этих краях каменная пустошь занимала лишь узкую полоску. За ней Козара видела ледник. Его двухкилометровый пик, возвышавшийся на горизонте, на таком расстоянии казался не матово-белым, а блестящим, с голубыми полосами расселин. Река, которая питалась водами тающего льда, пробегая мимо домика, оставалась быстрой: глубокое журчанье на фоне монотонного воя ветра и отдаленных криков птичьей стаи. Воздух был холодным, сухим и совершенно чистым. меховая подкладка капюшона ее парки была мягкой и щекотала щеки.

Огромный мужчина рядом с ней рокотал:

— Да, слишком много лет в Зоркаграде. Проклятье! Я думал, что, когда мы посадим Молитора на трон, снова будет понятно, кто друг, а кто враг. Но дела только все больше запутываются. Сколько осталось из тех, кому можно доверять? Трудно сказать. И это еще отвратительней, чем когда люди становятся явными перебежчиками.

— Но мне-то ты доверяешь? — гордо спросила Козара.

— Да, — ответил Миятович. — Я доверяю тебе больше, чем кому бы то ни было. Ты сильна и сообразительна. А твоё ксенологическое образование... поможет тебе и даст хорошее прикрытие... для миссии, которую, я надеюсь, ты согласишься выполнить.

— На Диомеде? Мой отец говорил мне о слухах.

— Хуже. Обвинения. Пока не для общественности. Я только что проделал чертовски трудную работу, выясняя, почему агенты имперской разведки шныряют здесь в таком количестве. Я послал людей, чтобы они поспрашивали в других местах... Вот что они выяснили: в Центре узнали, что на Диомеде замешивают заговор, и решили, что для закваски там деннициане. Из этого они сделали естественное заключение, что я и мое окружение послали туда своих агентов, чтобы развлечь Империю, пока мы готовим собственное восстание.

— Ты, конечно, опроверг это.

— В некотором смысле. Никто не обвинял меня открыто. Я послал императору меморандум, в котором выразил сожаление по поводу происходящего и предложил помощь в проведении полномасштабного расследования. Но, вне зависимости от моей вины, я бы все равно это сделал. Как доказать свою невиновность? Поскольку у разведки не хватает людей, чтобы покрыть все пространство Империи, мы можем собирать свои силы на пустынных планетах, и никто об этом не будет знать.

Господарь шумно вздохнул.

— Обстоятельства складываются не в нашу пользу. На Деннице и вправду много говорят о независимости, о превращении сектора в конфедерацию, свободную от Империи, поскольку та обманывает нас и пытается уничтожить силу, благодаря которой мы выжили. Те люди, они *могут* быть денницианами, работающими на фракцию, которая желает нас скомпрометировать... которая скинет меня, если понадобится...

— Я должна отправиться туда и, если смогу, выяснить истину, — догадалась Козара. — Это большая честь для меня, дядя. Но почему я одна? Посылать меня одну — все равно что черпать воду ситом.

— Не исключено. Но даже в самом худшем случае ты сможешь лучше, чем другие, передать... хм... ощущение того, что происходит. Вполне вероятно, тебе удастся сделать и что-то большее. Я наблюдал за тобой с детства. Ты более способная, чем думаешь, Козара.

Миятович взял ее за плечи. Когда он говорил, из его рта вырывался белый пар, оседавший инеем на бороде.

— У меня никогда не было более трудной задачи: просить тебя поставить на карту свою жизнь. Ты дорога мне как дочь. Когда

погиб Михаил, я скорбел о нем почти так же, как ты. Но тогда я говорил себе, что ты найдешь другого достойного мужчину, который даст тебе здоровых детей. Теперь я могу сказать только одно: отправляйся во имя Михаила, чтобы твой следующий мужчина не погиб в новой войне.

— Значит, ты считаешь, нам следует оставаться в Империи?

— Да. Я произносил фразы, которые говорят об обратном. Но ты же знаешь меня: я могу вспылить на словах, но действовать стараюсь спокойно. Прежде чем я выйду из Империи, она должна стать настолько плохой, что хаос покажется лучше. Терра, Смута или тирания Мерсей — а те расисты не будут нас покорять, они нас приручат — четвертого варианта у нас, кажется, нет. И я выбираю Терру.

Она чувствовала, что дядя прав.}

Часть трюма «Хулигана» была переоборудована в гимнастический зал. Во время полета с Терры на Диомеду и в начале пути с Диомеды Флэндри и Козара использовали его в разные часы. Но вскоре после начала сеансов терапии девушка предложила, чтобы они занимались вместе.

— Несомненно! — возопил Доминик. — Это сделает гимнастические упражнения развлечением, независимо от того, нарушается второй закон термодинамики или не нарушается.

По правде сказать, это не было развлечением. Когда она была в зале, в шортах и короткой маечке, потная, смеющаяся, — это было чудом.

На полпути к Деннице Доминик сказал:

— Пора прекратить наши психосеансы. Ты вспомнила все, что необходимо. Остались незначительные детали, которые не стоят того, чтобы вторгаться в твою личную жизнь.

— Нет никакого вторжения, — тихо сказала она. Девушка опустила глаза, на щеках выступила краска. — Добро пожаловать.

— Чайвз! — взревел Флэндри. — Займись делом! Сегодня вечером мы не ужинаем — мы пируем.

— Слушаюсь, сэр, — ответил шалмуанин, появляясь в салоне, словно джинн из волшебной лампы. — Осмелюсь предложить, чтобы завтрак состоял из небольшого салата и чая.

— Действуй, — сказал Флэндри. — Что до меня, я не могу усидеть на месте. Не сыграть ли нам партию в теннис, Козара? А после нашего кроличьего завтрака мы можем соснуть, чтобы затем просидеть целую ночь за бутылкой шампанского.

Девушка с радостью согласилась. Они переоделись в спортивные костюмы и встретились внизу. Помещение было покрыто эластичными матами, освещено флюоресцентными лампами, ме-

таллические стены были окрашены в серый цвет. В этой пустой комнате Козара казалась вспышкой пламени.

Мяч летал с одного конца корта на другой, гудел, подпрыгивал, не позволяя игрокам стоять на месте. Так продолжалось с полчаса. Наконец, задыхаясь, они объявили тайм-аут и отправились к крану с водой.

— Ты в порядке? — Козара, казалось, была обеспокоена. — Ты проиграл ужасно много подач. — И он, и она играли примерно одинаково: ее молодость уравнивала силу его мускулов.

— Если б я чувствовал себя чуть лучше, ты бы могла выключить корабельную энергостанцию, а вместо нее засунуть меня, — ответил он.

— Тогда почему...

— Я был рассеян. — Флэндри провел тыльной стороной ладони по влажным соленым усам, взъерошил пальцами волосы и вспомнил, что начинает сесть. Пришло решение. Он заставил себя принять легкий тон и произнес: — Козара, ты прекрасная женщина, и не только потому, что ты единственная женщина в радиусе нескольких световых лет. Не бойся, я не забуду о хороших манерах. Но надеюсь, ты не слишком рассердишься, если я позволю себе немножко за тобой приударить?

Некоторое время она стояла без движения. Только грудь поднималась и опускалась. Ее кожа блеснула. К правой щеке прилип рыжий локон. Берилловые глаза смотрели за спину Доминика. Внезапно ее взгляд вернулся и сфокусировался на Флэндри. Их глаза встретились, как встречаются сабли в фехтовальном матче между друзьями. Хрипловатый голос девушки стал сильным. Сама того не замечая, она пробормотала на сербском:

— Ты хочешь сказать... Доминик, ты хочешь сказать, что не узнал во время наших сеансов, что... я тебя люблю?

Словно сраженный ударом метеорита, он услышал свой сдавленный хрип:

— Нет. Я и вправду пытался избегать... насколько было возможно, я оставлял Чайвза опрашивать тебя, а сам уходил.

— Я молчала, — с удивлением произнесла она, — потому что знала, что ты будешь добр ко мне. Но я не осмеливалась предположить, что ты будешь настолько добр.

— Я уже потерял надежду встретить кого-то, кто бы хотел, чтобы я был добрым.

Козара подошла к нему.

Чуть позднее:

— Доминик, милый, пожалуйста, нет. Подожди.

— Ты хочешь, чтобы мы сначала поженились?

— Да, если ты не против. Я понимаю, что тебе все равно, но я... ты знаешь, я ведь до сих пор читаю молитвы на ночь. Ты, наверно, будешь смеяться.

— Никогда. Договорились, мы поженимся и устроим пышную свадьбу.

— Неужели это возможно? В соборе святого Клемента? А венчать нас будет отец Смед, который меня крестил?..

— Если ты хочешь, то я — за. Ждать будет нелегко, но разве я могу не исполнить твоего желания? Прости эти руки. Они не привыкли держать священные предметы.

— Доминик, звездный глупец, брось трепаться. Ты думаешь, мне будет легко ждать?

Глава 13

Первые признаки того, что не все ладно, они заметили издалека. В пятидесяти астрономических единицах от Зори и вне плоскости эклиптики «Хулиган» вышел из гиперпространства в обычный космос. С выключенными двигателями корабль дрейфовал с небольшой скоростью; цель их путешествия отсюда представлялась всего лишь самой яркой из звезд. Приборы обнаружения были включены.

Флэндри снял показания датчиков и произвел вычисления. Губы его сжались.

— Там немалый космический флот, включающий что-то, сильно похожее на дреднот класса «Нова», — сказал он Козаре и Чайвзу. — Часть кораблей на орбитах, часть движется с ускорением — в соответствии с боевым расписанием.

Девушка сжала кулаки:

— Что могло случиться?

— Мы незаметно подкрадемся и подслушаем.

Псевдоскорость могла скрыть их от детекторов (их шредингеров след должны были уже обнаружить, но ни один командир не станет отдавать приказа о перехвате какого-то маленького кораблика, который и так рано или поздно не минует проверки сторожевыми кораблями). К тому же в этих отдаленных областях они могли развивать какую угодно скорость в обычном пространстве и никто бы не обратил на это внимания. Вокруг же системы, где было множество кораблей и детекторов, Флэндри предпочел лететь на порядочном расстоянии. Следуя этому курсу, они оказались за юпитероподобной планетой Сварог, гравитационные, магнитные и радиационные поля которой экранировали излучения «Хулигана». Несмотря на все свои страхи за дом и родню, Козара восхитилась величественным видом планеты с расстояния в три

миллиона километров — янтарно светящегося диска в сопровождении свиты лун. Планета аккуратно развернула корабль — все еще с выключенными двигателями, — направив между собой и Перуном к солнцу, на орбиту, на которую и хотел выйти Флэндри.

— Когда у нас мощность всех систем на нуле или сведена до минимума, мы можем сойти за скалу, если нас засечет радар или еще что, — объяснил Флэндри. — И здесь мы можем перехватывать передачи с Денницы — может быть, да и радиообмен между кораблями, хотя, полагаю, это будет весьма скучно.

— Как я надеюсь на то, что ты прав, — сказала Козара с унылым смехом.

Он взглянул на сидящую рядом с ним в рубке девушку. Внутреннее освещение было притушено, как и обогрев и генератор гравитации — все системы, которые могли бы выдать их присутствие. Они свободно парили над своими креслами, лишь слегка ограниченные в движениях ремнями безопасности, наслаждаясь — если не мысленно, то телесно — ощущением свободного полета. Тем не менее было не особенно холодно — Чайвз поддерживал циркуляцию воздуха при помощи скрипучего ручного вентилятора. Голову Козары на фоне прозрачного купола венчала корона из звезд. С другой стороны между простертыми крыльями зодиакального свечения сверкала Зоря — все еще маленькая на таком расстоянии.

— Это определенно военные суда Торгово-технической Лиги, — сказал Флэндри, хотя ему гораздо больше хотелось бы сейчас говорить комплименты девушке. — Достаточно взглянуть на нейтринные паттерны. Судя по тому, что нам сейчас известно об их числе и типах судов, они подходят под твоё описание денницианского флота, хотя некоторые корабли, я думаю, должны принадлежать Империи. Я полагаю, что господарь собрал весь флот Денницы плюс те корабли регулярного Космофлота, на которые, по его мнению, можно положиться. Короче говоря, он подошел к опасному рубежу, хотя мне не верится, что уже произошло нечто катастрофическое.

— Выходит, мы успели вовремя? — радостно спросила Козара.

Он не удержался и поцеловал ее.

— Счастливое выполнение желаний. Но нам нужно запастись терпением, пока мы не будем в этом уверены.

Удача им сопутствовала. В течение часа они получили основную информацию. Передающие станции Денницы вели передачу в широком спектре, используя дешевую энергию, вместо того чтобы посылать точно нацеленный луч от ретранслятора к ретранслятору и тратиться на сооружение и эксплуатацию более совершенной системы. К тому времени как импульсы доходили до «Хулигана», их дисперсия была такой, что его приборы легко

ловили сигналы, не настолько еще ослабленные расстоянием, чтобы хороший приемник с усилителем и анализатором не мог принять передачу. Программа, на которую настроился Флэндри, оказалась сжатым обзором причин нынешнего кризиса.

Все началось две недели назад. («Может быть, именно тогда, когда мы с Козарой обрели друг друга? — размышлял Флэндри. — Нет, это бессмыслица, для межзвездных расстояний не существует одновременности».) Перед бурлящим парламентом Бодин Миятович объявил о всеобщей мобилизации Народного Войска и об отзыве частей из-за пределов системы, переводе командования Имперским Космофлотом в сектор Тельца для поддержания мира в этом регионе, приказ специальным кораблям и флотилиям, принадлежащим Флоту, выполнять задания Денницы; это означало, что все население Денницы переводится на военное положение.

Последовала запись этого выступления: Бодина Миятовича показали на деревянной трибуне, украшенной резьбой — ветви и листья под расставленными в стороны рогами елени, с которой господарь обращался к Скупшине со времен основателей. В серой гимнастерке и алом плаще офицера милиции, с кинжалом и пистолетом за поясом, он казался еще крупнее, чем был на самом деле. Его слова грохотали над переполненными рядами под серыми каменными сводами, и казалось, что дрожат цветные стекла в оконных переплетах.

— ...Последние несколько месяцев донесения разведки становятся все тревожнее и тревожнее. Я немного могу сообщить вам помимо этого — вы поймете, что не стоит раскрывать источники информации, — но наш генеральный штаб так же пессимистично смотрит на ситуацию, как и я. Разведчики, отправленные в Ройдхунат, вернулись с данными о передвижениях мерсейского военного флота, которые показывают, что он приведен в боевую готовность. В ответ на дипломатические запросы, как официальные, так и неофициальные, получены только уверения в поддержке, ничем не подтвержденные и туманно сформулированные. За многие столетия мы убедились, чего стоят уверения Мерсей...

До сих пор я не получил ответа на свое последнее послание императору и даже не могу сказать, догнал ли мой курьер его на границах сектора Спики... Высокопоставленные чиновники на Терре, с которыми я смог связаться, утверждают, что в настоящее время нет никакой опасности со стороны Мерсей. Они усомнились в достоверности информации, которую я получил, и настаивают на том, что у них совершенно другие данные и верны именно они...

Они сомневаются в наших мотивах. Адмирал Флота Сандберг сказал мне в лицо, когда я посетил его, что уверен в использова-

нии нами внешней угрозы просто как предлога для мобилизации войск, которые мы собираемся направить не против врагов, а против Империи. Он сослался на обвинения против деннициан в изменнических действиях в другом конце Империи. Он запретил мне действовать. Когда я напомнил ему, что я губернатор сектора, он объявил, что предпримет шаги для моего смещения. Я думаю, он арестовал бы меня там же на месте... — слабая полуулыбка мелькнула на лице Миятовича, — если бы я в качестве предосторожности не захватил с собой эскорт более мощный, чем то, чем он располагал.

Он сообщил, что моя племянница, Козара Вимезал, которую я послал на Денницу выявить истоки этих ложных сведений, была схвачена при попытке свержения власти, призналась во всем на этом их проклятом допросе, выжимаящем мозги. Я спросил, почему мне не сообщили об этом сразу же, я потребовал, чтобы ее доставили домой, и узнал... — Он ударил кулаком по трибуне. Слезы брызнули у него из глаз. — ...Что ее продали в рабство на Терре.

Собрание взревело.

— Дядя Бодин, дядя Бодин. — Козара и сама заплакала. Она протянула руки к экрану, словно пытаюсь дотянуться до него.

— Ш-ш-ш, — сказал Флэндри. — Помни — это прошлое. Нам нужно выяснить, что происходит сегодня и чем оно вызвано.

Она сдержалась, подавив рыдания, и стала спокойно ему помогать. Флэндри вполне уже овладел сербским, а комментатор, излагавший новости, был компетентен, но, как всегда, о многом, как обо всем известном, он не говорил, и Флэндри, чужак, ничего бы не понял без помощи Козары.

По всей видимости, сложности с Мерсейей проистекали из инцидентов, постоянно случавшихся в Пограничье. Споры между торговцами, старателями и переселенцами двух государств постоянно приводили к вооруженным стычкам. Деннициане реагировали на насилие не так кротко; как повели бы себя граждане внутренних областей Империи. Они отвечали ударом на удар либо с самого начала перехватывали инициативу. Некоторые инциденты были, несомненно, легальным пиратством как с одной стороны, так и с другой. Отношения обострились в период гражданской войны, когда над людьми не было эффективного контроля со стороны Империи.

Флэндри знал об этом и знал также, что Ройдхунат предложил переговоры, направленные на разрешение этой проблемы, а император Ханс согласился на них, исходя из того принципа, что ради установления законности и порядка стоит пойти на сотрудничество даже с врагом. Делегаты спорили многие месяцы.

В последние недели Мерсейя круто изменила курс и выставила совершенно неприемлемые требования — например, чтобы гражданские суда досматривались их инспекторами, прежде чем двинуться в Пограничье.

— Они прекрасно знают, что это просто смешно, — заметил Флэндри. — Не боясь ошибиться, скажу, что такие требования имеют скрытую цель. Это может быть и такая мелочь, как пропагандистская уловка для домашнего потребления, и искра, которая взорвет бомбу.

— Повод для демонстрации силы, пока большая часть имперских сил стянута к Спике, — и, возможно, денонсации Альфзарского договора, а также оккупации ключевой системы в Пограничье? — предположила Козара.

— Может быть... *если* Мерсейя посылает военные корабли в этом направлении, — сказал Флэндри. — В Империи думают, что нет — что Денница все это состряпала, чтобы оправдать мобилизацию. Мерсейцы были бы счастливы принять участие в подобном заговоре, заключить закулисное соглашение с твоим дядей, пока они играют в непреклонность на конференции. Любой раскол среди нас — для них чистый выигрыш. С имперской точки зрения, Денница делает это или для того, чтобы оказать давление на Империю — чтобы аннулировать распоряжение о роспуске военных формирований и получить другие привилегии — или чтобы начать всеобщее восстание.

Он раскурил сигарету от предыдущей.

— С точки зрения твоего дяди — я допускаю, что он был честен с тобой относительно своих взглядов и желаний, — раз Мерсейя может начать боевые действия, рискованно никак не реагировать. Терра может думать об урегулировании пограничных споров путем переговоров даже после нескольких сражений. Денница, однако, подвергнется нападению. Суровые, гордые люди не будут сидеть смирно, пока ими играют как пешками. А все эти обвинения в их адрес, ужасные новости о тебе — какими же оскорбленными они себя почувствуют!

Комментатор сказал:

— Возможен ли сговор между императором и ройдхуном? Может ли быть частью секретной сделки то, что Мерсейя освободит Империю от беспокойных и независимых подданных? Империя хотела бы с нами разделаться. Для Империи мы хуже, чем помеха, мы — потенциальные поджигатели, носители новой идеи, к которой может перейти в будущем лидерство в Империи. Подобный шок может заставить терран объединиться вокруг нынешнего правителя ради сохранения короны для него и его потомства...

Флэндри сказал:

— Я совершенно уверен, что сейчас по всей сфере влияния Денницы большинство расположено к революции. Господарь медлил, тянул время, выжидая в надежде, что кризис утаснет прежде, чем начнется война. Тебе так не кажется, любимая? Тем не менее мне кажется, что, если ему не придется сопротивляться Мерсейе, он использует собранную силу для попытки выжать из Терры уступки. Его граждане не позволят ему иного — и я не сомневаюсь, что он сам захочет этого. И... любой неверный шаг со стороны Империи или Космофлота, как и бездействие, вызовет восстание.

— Мы отправимся прямо к нему... — начала Козара.

Флэндри покачал головой:

— Э нет. Это был бы самый безрассудный шаг с нашей стороны. Кто снабдил их теми разведанными, которые испугали Миятовича и его команду, — данными, противоречащими обнаруженному моей службой в разных местах? Если мерсейский флот производит зловещие перемещения, не есть ли это всего лишь спектакль для денницианских разведчиков, которые, как мерсейцам известно, проникают в их пространство? Как известия о тебе дошли сюда так быстро, если продажа одной незаметной рабыни ни единым словом не упоминалась в терранских передачах новостей? Может ли деятельность варваров в секторе Спики быть подогрета снаружи, чтобы отвлечь туда императора и заставить его офицеров на этой границе реагировать так неуклюже, как они это делают?

Он вздохнул:

— Опять маски и миражи, Козара. Программа, которую мы слушали, показала нам ситуацию очень поверхностно. Мы не можем сказать, что скрывается в глубине, кроме того, что все это явно взрывоопасно и ядовито. Зоркаград, должно быть, кишит тайными агентами Мерсейи. Я буду удивлен, если некоторые из них, находясь на высоких постах и облеченные доверием господаря, не отсеивают ту информацию, которую они предпочитают от него скрыть. Айхараих уже давно не бездельничает.

— Что нам делать? — спросила она ровным голосом.

Флэндри искал взглядом Денницу. Она должна была быть видна отсюда, голубая на черном фоне. Но слишком много было ярких светящихся точек.

— Полагаю, мы с тобой нанесем тайный визит твоим родителям, — сказал он. — Оттуда мы можем послать слугу с обыкновенным с виду поручением, чтобы тот передал словечко твоему дяде. Тем временем Чайвз садится в зоркаградском порту, чтобы обеспечить нам связи в городе. Космонавты-шалмуане — редкость, но они есть, да и вряд ли средний местный житель слышал о Шалму, так что я заполню для него комплект поддельных

документов, который удостоверит, что он вполне невинный предприниматель, возвращающийся из дальней разведки, откуда-то из Пограничья.

— Это кажется ужасно окольным путем, — сказала Козара.

— Как и все в этой миссии.

Она улыбнулась:

— Ну что ж, Доминик, опыт у тебя есть. И это даст нам немного времени, чтобы побыть вдвоем.

Глава 14

Сначала планета нависала над ними своей громадой, ее облака и ледовые шапки сверкали ярче, чем на Terre, и по контрасту с этой белизной лазурь океанов казалась удивительно яркой. Потом планета перестала быть вверху, она стала землей и морем далеко внизу. Когда Флэндри и Козара покинули корабль, вокруг ревел ночной ветер.

На своих гравипоясах они понеслись вниз настолько быстро, насколько осмелились, а «Хулиган» исчез в южном направлении. Вероятность их обнаружения была, может, и очень маленькой, но все же была. Им не нужно было бояться, что по ним станут стрелять — все поголовно имеющие оружие, деннициане не были слишком скоры на стрельбу. Тем не менее два человека, прибывшие подобным образом, да еще во время критической ситуации, могли быть арестованы, и об этом доложили бы по военным каналам. А потому Козара предложила спуститься в безлюдной тайге к северу от Казана. Воевода Дубиной Долины наверняка разослал повсюду патрули.

Даже на таком расстоянии Козара и Флэндри не могли бы скрытно покинуть корабль на аэрокаре. Капитан дозорного корабля, который связался с Чайвзом, удовлетворился проверкой его бумаг по телекому, не поднимаясь на борт, и разрешил ему двигаться по траектории, соответствующей направлению движения корабля. Однако орбитальная оптика и электроника должны были пристально следить за ним, пока его не перехватят наземные станции слежения.

Седые в лунном свете, навстречу рванулись вершины деревьев. Лес, однако, был не очень густым, и они скоро ощутили толчок от приземления. Флэндри и Козара сразу же освободились от своих космических костюмов, задержавшись лишь для того, чтобы поцеловаться, едва сняв шлемы. Флэндри воспользовался лопаткой, чтобы закопать снаряжение, пока Козара распаковывала вещи. В теплых комбинезонах и походных ботинках они походили на парочку, которая проводит отпуск в пешем путешествии. Прежде

чем разбить лагерь, где они собирались провести остаток ночи, им предстояло пройти несколько километров, чтобы не вызвать никаких подозрений.

Флэндри поклонился.

— Теперь, когда мы спустились, я в твоих руках, — сказал он. — Я не могу представить себе места приятнее.

Козара огляделась вокруг, набрала полную грудь свежего сладкого воздуха и выдохнула:

— *Домовина*, — дом.

И зашагала.

Земля была мягкой и пружинила под ногами. Гравитация здесь была на семь процентов меньше, чем на Terre, и это облегчало тяжесть их рюкзаков. Деревья росли в трех-четырех метрах друг от друга, низкие, изогнутые, с иссиня-черной листвой — местный эквивалент вечнозеленых растений. Между ними попадались кусты, но настоящего подлеска не было. Лунный свет и тени пятнами ложились на голую землю. Полный Месяц окружало огромное гало, делавшее небо почти фиолетовым, сквозь сияние которого пробивались только несколько звезд. Месяц был меньше, чем земная Луна, но располагался ближе к планете и выглядел почти таким же ярким и большим. Невзирая на бесчисленные отличия, весь ландшафт был проникнут чем-то знакомым и печальным, словно призраки охотников на мамонтов вспоминали здесь о той эпохе, когда Terra была столь же чиста и невинна.

— Суровая, но прекрасная планета, — нарушил молчание Флэндри. Его дыхание вырывалось в виде облачка пара, хотя стояло позднее лето и не было особенно холодно. — Похожая на тебя. Скажи, что деннициане видят на луне? Терране обычно ищут на своей лице.

— Ну... люди говорят, что пятна похожи на орлика. Это крылатый ящер, ведь на планете нет птиц, — печальная улыбка скользнула по губам Козары. — Но я чаще видела в нем Ри. Это герой множества странных сказок иханов, который поселился на Месяце. Когда я была ребенком, я всегда просила Тродвира рассказать сказку о Ри. А почему ты спрашиваешь?

— Надеюсь узнать больше о тебе и твоём народе. Мы много говорили в полете, но нам нужно рассказать друг другу все о себе и о предшествующих шестистах годах, если удастся.

— Ну, для этого у нас еще вся жизнь. — Козара перекрестилась. — Бог даст.

Больше они почти не разговаривали, пока не нашли места для ночлега и не распаковали спальные мешки. К этому времени стена кратера на юге стала бледно-голубой, а короткая ночь планеты подошла к концу. Засверкал иней. Флэндри отошел

переодеться за дерево. Когда он вернулся, Козара еще переодевалась.

— Извини, — сказал он, отворачиваясь. — Я забыл, что ты будешь молиться.

Последовало молчание, потом она засмеялась, неуверенно, но честно.

— Я тоже забыла. Ну, дорогой, смотри, если хочешь. Что в этом такого? Ты ведь должен был видеть голограммы... — Она подняла руки и медленно повернулась перед ним. — Тебе нравится то, что ты получил?

— Солнце и звезды...

Она остановилась, разглядывая его, словно холод ей был ни почем. Он едва расслышал ее слова:

— Что в этом плохого? Здесь, в этом чистом месте, под небесами?

Он сделал шаг к ней, остановился и с сожалением усмехнулся:

— Боюсь, это будет не очень-то удобно. Ты заслуживаешь лучшего.

Она вздохнула.

— Ты так заботлив со мной, Доминик. — Она натянула пижаму.

Они поцеловались куда сдержанней, чем это вошло у них в привычку в последнее время, и забрались в спальные мешки, лежавшие бок о бок в тени фурбаркового дерева.

— Не спится, — сказала Козара спустя несколько минут.

— А уж мне и подавно! — отозвался Флэндри.

— Я распутница? Или нечестна? Это было бы куда хуже.

— На этот раз я был ханжой, а не ты.

— Кем?.. Не имеет значения. — Она лежала, глядя на меркнущие звезды и первые серебристые проблески зари. Ее голос дрожал. — Ладно, я должна объяснить. Ты мог взять меня, если бы прикоснулся ко мне пальцем. Ты можешь это сделать, как только захочешь, любимый. Целомудрие куда тяжелее, чем я думала.

— Но это ведь много для тебя значит, правда? Ты молода и нетерпелива. Я могу еще немного подождать.

— Да... Мне кажется, что это лишь часть того, что я чувствую — желание узнать... узнать тебя. У тебя было много женщин, ведь так? Я боюсь, что на мою долю не осталось никакой тайны, которую я могла бы предложить тебе.

— Напротив, — сказал он. — Ты владеешь величайшей из тайн. Что это такое — на самом деле быть мужем и женой? Я думаю, что в этом ты научишь меня куда большему, чем я могу научить тебя в чем бы то ни было.

Она помолчала и наконец нерешительно спросила:

— Доминик, почему ты никогда не женился?

— Никого не попало, без кого я не был бы счастлив — если понимать под этим то, что считается счастьем в Терранской Империи.

— Никого? Ты никого не выбрал среди сотен женщин?

— Ты преувеличиваешь... Разве что однажды, много лет назад. Но она принадлежала другому и осталась с ним, когда он бежал из Империи. Я могу только надеяться, что они нашли себе дом у какой-нибудь звезды, слишком далекой, чтобы мы могли ее увидеть.

— И ты тоскуешь по ней с тех пор?

— Нет, не могу сказать, что тоскую в каком-то романтическом смысле, хотя ты во многом похожа на нее. — Флэндри запнулся. — Еще раньше я навлек на себя гнев другой женщины. Она обладала странным психическим могуществом — не телепатией, но... обычно живые существа делали то, что она хотела. Она пожелала, чтобы я никогда не нашел ту, к которой стремлюсь всем сердцем. Я не суверен и обращаю на проклятия или привидения не больше внимания, чем на правительственные благословения. И все же бессознательный запрет — и раз! Если такие вещи и существуют, чего я на самом деле не думаю, то ты сняла его с меня, Козара, и я отказываюсь обсуждать эту нездоровую тему, когда можно поговорить о твоей красоте.

В ледовый период язык льда проломил дыру в стене Казана. Потом порожденная тающими снегами река Любиша расширила ее, превратив в каньон. Из-за выветривания мягких пород кратера горы стали ниже и более мягких очертаний, но Флэндри нашел место их третьей стоянки очаровательным.

Он разбил лагерь на узком пляже. Перед ним струился широкий коричневатый поток, довольно спокойный, кроме тех мест, где он пенился вокруг валунов или песчаных намывов вблизи берега. Позади, за его спиной, поднимался крутой склон с обрывами и расселинами, в которых журчали ручьи. По склонам росли деревья с сине-зеленой и сливового цвета листвой, более высокие, чем в тайге. Там и сям они обступали скалы и заросшие полевыми цветами поляны. Мягкий ветерок, напоенный запахами трав и земли, веял в лесу среди танцующих пятен света и тени. Здесь солнце давало всего треть того света, что лил Сол на Терру, его лучи были скорее горячими, чем обжигающими, и играли бесчисленными оттенками.

Гусляры на ветках выводили свои трели, кругом порхали сотни других крылатых созданий, стадо еленей под предводительством самца с удивительно ветвистыми рогами бродило по противоположному берегу, выловленная в реке «риба» скворчала на

сковородке, а кучка облачных яблок была приготовлена на десерт — никакого сравнения с уныло однообразным походным рационом.

— Как хороша планета, предоставленная самой себе, — сказал Флэндри.

— У природы в распоряжении несколько миллионов лет для научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, — заметила Козара. — Это мы, смертные, всегда торопимся.

Он покосился на нее.

— Что-то не так? — спросила она.

— Н-нет. Просто это переключается с одной идеей, с которой я уже встречался — совпадение, конечно же. — Он расслабился, подобросил в костер пару веток и перевернул куски на сковородке. — Я удивляюсь, что вы не вытоптали намертво эти места. Такая сдержанность кажется не вполне человеческой.

— Ну, с давних времен Долина принадлежит Вимезалам, а мы никогда не потворствовали незванным посетителям. Ты ведь заметил, что здесь не самые благоприятные условия, а передвигаться на машинах мы запрещаем. Кроме того, сюда труднее добраться, чем до других необитаемых мест — хотя большинство из них контролируются куда лучше.

Козара обхватила руками колени. Она говорила медленно и задумчиво.

— Мы, деннициане, традиционно консервативны. Наши предки на протяжении многих поколений после основания проявляли большую осторожность в отношении природы. Они не могли жить за счет только имевшихся форм, но то, что они принесли сюда, могло слишком легко разрушить всю малопонятную экологию. *Землерадник*... землевладелец научился чтить свою землю, иначе он не мог выжить. Теперь мы можем больше себе позволить, как в тех местах, где сосредоточена современная промышленность. Но даже там закон и общественное мнение принуждают к осторожности — да, даже те деннициане, которые живут в соседних системах и которых теперь большинство, даже они неодобрительно смотрят на нарушения экологии. А что до Казана, колыбели здешнего человечества, — то разве редки в истории случаи, когда в центре сохранялись старые обычаи, забытые во внешних владениях?

Флэндри кивнул:

— Думаю, этому способствует приток богатств извне, что помогает вашим баронам и йоменам следовать обычаям, к которым они привыкли. — Он похлопал ее по руке. — Не обижайся, милая. Они столь же прогрессивны, сколь и консервативны, и куда менее склонны к беспорядку, чем большинство людей. Я не верю в аркадские утопии — только потому, что стоит таковой появиться, как ее очень скоро кто-то проглатывает. Но я думаю, что вы

сохранили равновесие, своего рода внутреннюю чистоту — или нашли ее снова — много времени спустя после того, как Терра ее потеряла.

Козара улыбнулась:

— Я ожидала, что ты будешь предубежден.

— Разумеется. Здравый смысл подсказывает, что надо быть сильно предубежденным в пользу того народа, среди которого собираешься жить.

Ее глаза широко раскрылись. Она привстала, опершись на руки, подалась к нему и воскликнула:

— То есть ты здесь останешься?

— Разве тебе это не нравится?

— Да, конечно. Но я считала, что само собой разумеется — ты же терранин, и куда ты пойдешь, туда и я.

Флэндри посмотрел в ее вспыхнувшее от волнения лицо:

— В самом крайнем случае я рассчитывал, что мы будем проводить на Деннице довольно много времени. Так почему бы не все или хотя бы не большую его часть? Я могу получить постоянную должность, если дела пойдут хорошо. А если нет, то я могу подать в отставку.

— Но может ли на самом деле буревестник вроде тебя осесть и привыкнуть к жизни обычного помещика?

Он рассмеялся и потрепал ее по подбородку:

— Не бойся. Я не представляю себе, что ты стремишься вставать каждое утро на рассвете, месить грязь и с волнением обсуждать с соседями скандальное поведение дяди Вани, когда он шатается по деревне, выпив лишку. Нет, мы создадим хорошую ксенологическую команду и будем работать на разведку, если понадобится. А ведь понадобится, — отрезвляюще добавил он.

Козаре тоже передалась эта мрачность:

— Представь самое худшее, Доминик. Опять гражданская война и Денница против Терры.

— Я думаю, что в таком случае мы двое окажемся лучшими посредниками между императором и господарем. И если Денница разорвет отношения... она все равно не станет врагом. Она по-прежнему будет стоять всего того, что мы можем сделать, чтобы помочь ей спастись. Я не возлагаю на Терру слишком больших надежд. Здесь надежды больше. Ну довольно, — прервал он себя. — Мы уже получили свой ежедневный минимум видений апокалипсиса, а обед-то ждет.

Поместье Вимезалов находилось достаточно близко от края кратера, чтобы кольцевая стена заслоняла кусочек неба, — но в то же время достаточно высоко, чтобы отсюда открывался вид на

реку и широкие просторы леса. Приближаясь от внешних ворот по изогнутой дороге, которая шла через сады и парки, Флэндри увидел сначала крытую черепицей крышу дома, выглядывающую из-за деревьев, затем показались бревенчатые стены, и наконец стало видно все строение целиком. Это было целое поселение — дома слуг, гаражи, сараи, стойла, собачьи конуры, мастерские, пекарня, пивоварня, оружейная, школа, церковь. Здесь столетиями кипела жизнь.

Сегодня поместье казалось тише и безлюдней, чем было на самом деле. Хотя молодежь была призвана в свои милицейские части, оставались и другие обитатели. Большинство из них, однако, занималось своими делами молча: болтовня, шутки, смех, пение и свист были так редки, что звучали странно в этих стенах — вся энергия была обращена внутрь и превратилась в напряжение. Псы нюхали воздух и готовы были зарычать.

У крыльца привратник, сопровождавший Флэндри, сказал часовому:

— Мы встретили этого человека на дороге у реки. С нами он говорить не захотел и настаивал, что должен поговорить с воеводой наедине. Откуда он здесь взялся незванный, ума не приложу. *И уверяет*, что он друг.

Солдат включил интерком. Флэндри предложил всем по сигарете. Оба — солдат и привратник — поборолы искушение и отказались.

— Но почему? — спросил Флэндри. — Это не наркотик. Ведь не произошло же ничего страшного после мобилизации?

Новости, которые он слышал по своему миникому, за семь дней путешествия устарели — в окрестностях населенных мест они с Козарой избегали местных жителей.

— Нам ничего не говорили, — сказал рейнджер. — Никто нам ничего не сказал. Они, должно быть, ждут, но чего?

— Я недавно вернулся из города, — добавил часовой, — и я слышал там много раз... Ну, можем ли мы доверять этим имперцам, которых призвал господарь вместе с нашими кораблями? А почему он доверяет? Если мы собрались воевать с Террой, что помешает им обратиться против нас прямо здесь, в системе Зори? Они уже и теперь обладают влиянием в городе. А ты здесь зачем, а, имперец?

Голос из динамика прервал разговор. Данило Вимезал примет пришельца, как тот и просил. Пусть его приведут с вооруженной охраной в Серую Комнату.

Выдержанная в темных тонах, с тяжелой мебелью, эта комната была, вероятно, названа так за цвет занавесей. Через открытое окно вливался холодный воздух, и золотой отблеск играл на крыльях парящего хироптера. Отец Козары стоял у окна, сложив

руки на груди, — рослый человек в вышитой рубашке с высоким воротом и широких штанах, обычной здесь одежде. Козара была больше похожа на своего дядю, унаследовав его черты от матери, но и в этом резком, потемневшем от загара лице Флэндри видел сходство с ней. У нее бывал такой же суровый взгляд.

— *Здраво, странак*, — вежливо произнес формальное приветствие Вимезал. — Я — тот, кого ты хотел видеть, воевода и начальник.

Местный аристократ по рождению, губернатор провинции по вбору господаря и народного собрания.

— Кто ты и что у тебя за дело?

— Сэр, мы можем не опасаться подслушивания? — отозвался Флэндри.

— Здесь нет предателей, — ответил Вимезал и добавил с издевкой: — Здесь не Зоркаград, а всего лишь Аркополис.

— Тем не менее вы же не захотите, чтобы кое-кто с самыми лучшими намерениями раззвонил то, что я скажу? Поверьте, это не в ваших интересах.

Несколько секунд Вимезал изучающе рассматривал Флэндри. Настороженность немного уступила место любопытству.

— Да, мы в безопасности. Третий этаж, двойные двери — все для полной конфиденциальности. — Он усмехнулся. — Кухарка, которая хочет, чтобы я заставил отца ее ребенка жениться на ней, имеет такое же право на тайну, как адмирал, обсуждающий планы обороны. Говорите.

Терранин назвал свое имя и звание.

— Первая новость: ваша дочь Козара невинна. Я привез ее обратно.

Вимезал пробормотал что-то, что могло быть и ругательством, и молитвой, и оперся о стол.

Он быстро овладел собой. Следующие полчаса они говорили, не присев ни на минуту.

Сообщение о намерениях Флэндри было простым. Им с Козарой нужно точно знать положение дел, знать, что может случиться, если о ее возвращении будет объявлено. Она ждет в лесу, чтобы он пришел за ней или привел к ней Вимезала — в зависимости от того, что они решат. Флэндри склонялся к последнему — один воевода пойдет с ним, а потом отправит тайное сообщение для господаря.

Ему пришлось долго объяснять причины своего решения. Наконец денницианин кивнул.

— Ладно, — проворчал он. — Я не хочу скрывать новость от ее матери... да и ото всех, кто ее любит... но если она и в самом деле свидетель интриги галактического масштаба, задевающей нас, —

нам нужно быть осторожными, очень осторожными, пока мы не будем готовы истребить этих паразитов.

— Так вы согласны с тем, что Зоркаград, планетарное правительство и армия наводнены ими?

— Да. — Вимезал закусил ус. — Если все так, как вы говорите — вы же понимаете, что я сначала повидаюсь с Козарой и поговорю с ней наедине, капитан, — но я почти не сомневаюсь в вашей честности. Это слишком запутанная история и затрагивает слишком многое. Почему наш кризис раздувают? Почему... ладно, довольно болтать. Завтра утром я пошлю... да, его, Милоша Тезара, он человек верный, сообразительный и не болтливый... так я пошлю его «по семейным делам», как вы и предложили. Посмотрим... в приданое моей жены входит собственность, в которой ее брат тоже заинтересован — что-нибудь в этом роде.

— Козара должна спрятаться, — напомнил Флэндри. — Я тоже. Вы можете представить меня имперским офицером, который доставил вам незначительное послание. Никто ничего не заподозрит и не станет много говорить об этом. Но лучше бы вам перебросить меня отсюда.

— Перебросить? — не понял Вимезал. — А, понимаю. У меня есть хижина на севере, оснащенная всем необходимым на тот случай, когда я хочу побыть в покое. Там и машина есть. Я отвезу вас туда и скажу своим людям, что предоставил ее вам. Никто нас не увидит, когда мы отправимся к укрытию Козары, верно?

— Да. Мы предвидели... — Флэндри остановился, осознав, как пристально его разглядывают. — Сэр, я говорил вам, что мы с Козарой собираемся пожениться.

— Но еще не сделали этого — и никто не хочет подпольной свадьбы, а я сам ведь не знаю вас. — Воевода усмехнулся. — Спасибо, капитан. Но если вы сказали мне правду, ей куда больше нужен меткий стрелок-охранник, чем компаньонка. Ну, что бы там между вами было или не было, дело ваше. Идем.

Глава 15

Времена года на Деннице сменялись быстро. Наутро после того, как Данило Вимезал пожал руку Флэндри, поцеловал Козару в лоб и оставил их, они увидели по пробуждении ледяные узоры на окнах и морозную ясность за окном. Большую часть дня они провели, карабкаясь по лесистым склонам, которые напоминали о древней Колыбели Человечества. В небе гомонили стаи улетающих на юг егупок. Однажды они услышали крик вильи — несмотря на всю ее свирепость, голос ее звучал удивительно приятно. Огнецвет, внезапно взрывающийся, чтобы разбросать

семена, распространял вокруг острый запах. У водопада, брызги которого охладили кожу, они собирали дикие орехи. Забыв обо всем, что нависает над миром, они часто смеялись как дети.

В сумерках они вернулись в домик, вместе приготовили обед, утолили изрядный голод и пили кофе перед очагом, усевшись на мохнатом ковре. Языки пламени потрескивали, распространяя волны тепла, отгоняя тени. Люди смотрели друг на друга, в огонь и опять друг на друга и говорили о том, что ждет их завтра.

— ...Нам будет лучше остаться здесь, — сказал Флэндри. — Посыльный твоего отца вряд ли сегодня получит аудиенцию, но это случится скоро. Не могут же все помощники твоего дяди быть предателями, даже если признать, что относительно некоторых я прав. Самое большее, как мне кажется, — двое или трое, на ключевых постах. У них не будет причины вступать в личные дела его зятя. В самом деле — это выглядело бы слишком странно. Полагаю, что мы вскоре получим ответ, а Миятович может пожелать, чтобы мы действовали быстро.

Отблески огня заиграли на лице Козары, отразились в ее глазах.

— Доминик, как ты думаешь — что он сделает?

— Ну, он упрям, хитер и опытен, у него могут найтись идеи получше, чем у меня. Но на его месте я нашел бы оправдание для того, чтобы отправиться в какое-нибудь более или менее неприступное место. Скажем, на корабль класса «Нова» — он самый большой из здешних имперских и денницианских, и потом, гордость вашего флота имеет скорее всего весьма лояльную команду. Я прихватил бы с собой большинство значительных персон, включая нас с тобой. И, конечно же, копии микрофайлов на всех, кто может быть причастен к заговору, имперских офицеров и местных, которые работали рука об руку с господаром последние несколько лет. Сметливый опытный капитан из флотской разведки вроде — хм! — мог бы помочь мне понять, кого подозревать. Я приказал бы флоту соответствующим образом изменить диспозицию, опять же под безобидным предлогом. После этого я арестовал бы вышеназванных лиц, потом призвал бы народ «соблюдать спокойствие», а потом стал ждать, что же раскопают следователи.

Козара содрогнулась от воспоминаний. Флэндри обнял ее за плечи.

— Нам предстоит еще долгий путь, — сказал он. — Но ко времени цветения мы будем дома и в безопасности.

В его объятиях она оттаяла и прошептала:

— Благодаря тебе.

— Нет, тебе. Если бы тебе не хватило духу посетить Диомеду, не хватило силы, чтобы остаться в здравом уме и сражаться... К чему тут увертки? Мы оба хороши. Расе нужны наши хромосомы.

— Куча упитанных детишек, — согласилась она. — Но ты хотел отложить до весны... а мы сможем ждать так долго?

— Надеюсь, что нет. Скрип, который ты слышишь, издает моя благовоспитанность. Я сижу на ее предохранительном клапане, который порядком перегрелся.

Он слегка улыбнулся. Она же выглядела совершенно серьезной.

— Ты всегда прикрываешься шутками? — Голос ее дрожал. — Доминик, мы можем не дожидаться весны.

— Мы не упустим шанса, сердце мое. Ни одного. В мои планы входит шокировать наших уважаемых внуков.

— Нам придется рискнуть, — выдохнула она. — Я не могу забеременеть, пока моя иммунная система не будет возвращена к норме. Сегодня... мы не обманем отца с матерью. Первый же священник, которого мы встретим, может обвенчать нас.

— Но как же твоё венчание в соборе...

— Я поняла, как мало это значит, как мало значит вся Вселенная по сравнению с тем, чтобы быть с тобой, пока это возможно. Сегодня, Доминик. Сейчас.

Он привлек ее к себе.

За окном сверкнула бело-голубая вспышка.

Они вскочили. Сияние не было ослепительным, но этот цвет им был знаком.

Флэндри широко распахнул дверь и выскочил на крыльцо. На холоде его дыхание закружилось паром. В небе сияли бесчисленные звезды. Между темными громадами деревьев он различил уступы стены кратера, спускающиеся вниз, в темноту, скрывающую впадину. Огненный шар взмыл вдалеке и угас. В том месте поднялся облачный столб, заслонивший узор созвездий, и в голове гулко отдался гром.

— Там ведь дом, — вышла из оцепенения Козара.

— Тактическая ядерная ракета выпущена, несомненно, с летательного аппарата, — определила машина, включившаяся где-то в мозгу Флэндри.

Опасность, угрожавшая Козаре, подхлестнула его. Он схватил ее за руку.

— Внутрь! — Она повиновалась. Он захлопнул дверь и прижал Козару к груди. Ее начало трясти.

— Любимая моя, дорогая, нам нужно уходить отсюда, — нараспев заговорил он. — Они, должно быть, охотятся за нами.

— За тобой... — Она напряглась, высвободилась из его объятий. Глаза ее блеснули сталью. — Да. Но нам нужно несколько минут, чтобы собраться. Еда, одежда, оружие.

Флэндри попытался связаться с поместьем. В трубке гудела пустота. Они направились к гаражу, в котором стояла машина, загрузили в нее снаряжение, вернулись в дом и принесли еще.

Домик растворился в темноте. Флэндри обшарил радаром окружающую тьму. Ничего. Устройство, установленное для обеспечения безопасного движения по дороге, мало чем могло быть здесь полезно, но по крайней мере их машина могла уползти в безопасное место прежде, чем военное судно, совершившее нападение, найдет их.

Если только...

— Погоди-ка, — сказал Флэндри.

— Что такое? — спросила Козара.

Он взглянул на ее лицо, едва различимое в слабых отсветах контрольной панели. Она сидела, ссутулясь в своей парке, глядя вперед. Нагреватель еще не прогрел кабину, и в ней было хоть не так холодно, как снаружи, но зато сыро. Снаружи гудел ветер.

Флэндри снизился до верхушек деревьев и включил оптический усилитель. На его экране окружающий лес выглядел серой путаницей теней, над которой зигзагами летела машина в поисках безопасного укрытия. Хотя вполне возможно, что оно им не требовалось так уж неотложно...

— Я буду исходить из того, что главная цель — это мы, — ровным голосом сказал Флэндри. — Похитить нас из поместья было бы слишком опрометчиво. Но если убийцы знали, где мы находимся, то почему они не явились напрямик к нашему укрытию? Если они хотя бы подозревали, что мы можем быть здесь, так почему бы не начать с этого домика? Я полагаю, что они не знают о его существовании. Тем не менее нам безопаснее всего находиться в движении.

Козара до крови прокусила палец, прежде чем смогла выговорить:

— И все умерли из-за нас?

— Нет, не думаю. От твоего отца, конечно, им нужно было избавиться, поскольку он знал правду. И нет никакой уверенности в том, что он не сказал кому-то еще. Я надеюсь, что враг думает, будто мы погибли вместе с твоим отцом.

— Но как они узнали, Доминик? — Сквозь суровость в ее голосе он почувствовал страх. — Неужели Айхарайх в Зоркаграде?

— Возможно, — слова падали одно за другим. — Но маловероятно. Помнишь, мы говорили о вероятностях? Мы высадились в тайге, но Чайвз должен был сесть в космопорте, просто чтобы поддержать нашу легенду. Со своим мысленным экраном он

должен был быть весьма заметным. Так или иначе Айхарайх не может не проверять всех новоприбывших и он видел и Чайвза, и «Хулиган». Я рассчитывал на то, что он может с Диомеды отправиться на Денницу, но, уверившись, что несчастья, которые он породил, развиваются так, как он и хотел, задерживаться не станет. Он не трус, но знает, что слишком ценен, чтобы рисковать собой в незначительных стычках — к которым непременно приведут его затей, — и тем самым свести к нулю результат своих усилий. Я так полагаю, что он болтается поблизости от Зори на отдаленной орбите, известной весьма немногим особо доверенным пешкам.

— Да, теперь я вспомнила. Продолжай. Пожалуйста, Доминик. Я должна сейчас занимать мысли практическими вопросами, иначе я развалюсь на части.

— Я тоже. Ну что ж, я все-таки думаю, что мой расчет оказался подтвержден тем, как легко нам удалось связаться с твоим отцом. Чайвз находился в Зоркаграде уже несколько дней. Айхарайх должен был обнаружить его, прочесть его мысли и приготовить ловушку, чтобы изловить нас, как только мы появимся. Все остальное — ненужные спекуляции. — Тон его сделался мягче. — Знаешь, я прошел в ваше поместье, используя все известные мне психотрюки, чтобы скрыть свое знание о том, где ты находишься, убрать его из сознания, и был готов проглотить яд при первом подозрении.

— Что? — Она повернулась к нему: — Зачем... зачем... ты же сказал мне, чтобы я ушла с назначенного места, если ты не появишься до заката, но... Боже, Доминик, не может быть!

И она заплакала. Он утешал ее, как мог. Тем временем он нашел место для стоянки — рошу на краю обрыва, под скальный козырек которого он мог загнать машину, чтобы скрыться от наблюдения сверху.

Козара взяла себя в руки и велела ему сообщить все остальные его предположения.

— Я уверен, что причиной для нападения была поимка курьера твоего отца, — сказал он. — Его должны были допрашивать в спешке. Айхарайх узнал бы насчет нашего домика, независимо от того, сказал твой отец об этом своему посланцу или нет. Но быстрый допрос под наркотиками, проведенный нетелепатами... — Он нахмурился. — Проблема в том, что же вызвало у врага подозрения на его счет? Письменного послания у него не было, а прикрытие было очень правдоподобным. Разве что...

Он наклонился вперед и щелкнул переключателем:

— Попробуем послушать новости.

— Следующий выпуск через полчаса, — сказала Козара очень тихо. — Если в этом ничего не изменилось.

Флэндри настроился на станцию, которую она назвала. Передавали балет — безжалостно радостную музыку. Флэндри обнял Козару.

Программу прервало появление женщины с искаженным от страха лицом.

— Внимание! — хрипло проговорила она. — Срочно! Чрезвычайное сообщение! Мы только что получили сообщение от спикера Замка — офицеры Имперского Космофлота арестовали господаря Миятовича по обвинению в государственной измене. От граждан требуются спокойствие и порядок. Те, кто не подчинится, будут расстреляны. И... и метеоспутники передают о ядерном взрыве в районе Дубиной Долины — по соседству с резиденцией воеводы, — попытки связаться с ней по телефону безуспешны. Воевода был... он зять господаря... Никаких сообщений о том, готовил ли он мятеж... Спокойно! Не предпринимайте ничего, пока мы не узнаем больше! Кроме... кроме... Сообщение городского управления полиции... Бомбоубежища будут открыты для всех, кто пожелает укрыться. Я повторяю, бомбоубежища будут открыты...

Повтор шел несколько минут. Флэндри прорычал:

— Если у них есть надежда спровоцировать войну, они сочли, что это их последний и наилучший шанс.

Студия новостей исчезла.

— Важное записанное сообщение, — объявил офицер в денничианской форме. — Опасный агент Мерсейи действует в Зоркаграде или его окрестностях.

На экране возникло изображение, взятое, видимо, из какого-нибудь ксенологического архива, потому что это не был портрет Чайвза.

— Он приземлился восемь дней назад, представившись мирным путешественником. Четыре дня тому назад он был опознан, но избежал ареста и скрылся. Преступник принадлежит к расе, известной под именем шалмуан. Когда его видели в последний раз, он был одет в белый килт и имел при себе бластер, который забрал у патрульного, после того как перебил целый взвод. Повторяю, ваше правительство опознало в нем мерсейского секретного агента, крайне опасного как из-за его задания, так и его личных качеств. Если вы увидите его, не подвергайте себя риску. Более того, даже не пытайтесь говорить с ним. Если его нельзя убить без потерь, сообщите о его появлении ближайшему военному посту. За информацию, которая поможет его уничтожению или поимке, предлагается награда в 10 000 золотых динаров. За живого или мертвого — 50 000...

Козара втянула воздух сквозь сжатые зубы. Флэндри замер неподвижно, потом мрачно сказал:

— Вот как. Кто-то каким-то образом опознал Чайвза. Это значило, что я поблизости и, возможно, ты тоже. Это значило... любой контакт между твоей семьей и господарем... да.

Козара опять заплакала от горя и гнева.

Но потом она подняла голову и сказала — хрипло, но ровно:

— Я придумала, куда мы можем направиться, Доминик, и что мы можем попытаться сделать.

Глава 16

Сильный промозглый ветер гнал тучи над океаном. Утро в окрестностях Обалы, на восточном побережье Родны, было почти зимним: небо свинцового цвета, море — стального. Но ни небо, ни море не были спокойны. Над морем кипела облачная битва, прибой грохотал канонадой, обрушиваясь на скалы и песок.

Все лодки Нантейвона были у берега, стояли за молом или были пришвартованы к причалу. В дюнах затаилась рыбацья деревенька. Дома в ней были длинными и широкими, как раз впору для иханской семьи, бревенчатые стены выкрашены в черный, колонны, поддерживающие галерею, украшены резьбой и ярко расписаны древними символами, дерновые крыши укреплены растаяшками на случай урагана, и выглядело все это крепким и просторным. Но домов было немного. За ними простирались возделываемые здешними обитателями земли, убранные поля, облетевшие деревья вдоль дороги, а на горизонте вырисовывалась стена Казана. В воздухе пахло солью и холодом.

В доме Ивода было тепло, его освещало флюоресцентное подобие солнца, витал запах мускуса от тел, ветер завывал за окнами. Почти сорок мужчин собрались в украшенной фресками общей комнате, остальные бродили по дому тут и там. Все они были одеты в обычную свою одежду — яркие туники, свободно окутывающие мускулистые зеленые тела. На поясах висели ножи с рукоятью-кастетом. Но обстановка была необычной. Они сидели, опираясь на хвосты, и неотрывно смотрели на троих на почетном возвышении.

Двое из этих трех были людьми. Одну они знали хорошо — это была Козара Вимезал. Она часто приходила сюда вместе с Трод-виром, братом Квента, Иффала и утонувшего Квитви... Она выглядела очень усталой. Другой был высоким человеком с усами, тронутыми сединой каштановыми волосами и глазами цвета неба, каким оно было сегодня.

Ивод, Рука ваха Анохрин, местоблюститель Нантейвона, воздел руки.

— Тишина! — воззвал он. — Слушайте.

Достигнув желаемого эффекта, он наклонил вперед свою сухую, покрытую шрамами голову и сказал собравшимся:

— Ныне вы слышали о надругательстве и лжи. Между рассветом, когда я просил вас остаться сегодня на берегу, и этой нашей встречей я переговорил по телефону со всей Обалой. Все вожди иханов клянутся поддержать нас. Мы знаем, что несет с собой правление Мерсейи.

И пусть мы знаем, как безнадежен мятеж против мятежа, у нас есть лодки, гражданские аэрокары, спортивные ружья. У революционного правительства будут военные флайеры и бронированные машины, космические корабли, ракеты, энергетическое оружие, газы, боевые щиты. Заговорщики игнорируют нас, поскольку они считают само собой разумеющимся, что нас мало заботит смена людских правителей и что мы с радостью примем мерсейцев — а это не так, — но главным образом потому, что они считают, что мы почти бессильны противостоять им — и это правда.

Можем ли мы сделать что-нибудь? Эти двое заставили меня поверить, что можем. Мятеж можно опередить. Однако мы поймали в сети рыбу-молот. Осторожность нужна нам не менее, чем отвага.

Для большинства из вас то, что произошло в Зоркаграде и в космосе, было странно, тревожно и непонятно, как дурной сон. И потому мы занимались своими делами, доверив господарю Миятовичу и его советникам делать то, что они считают нужным для Денницы. Вчера ночью весть о его аресте по обвинению в предательстве ошеломила нас. Мы метались, сбитые с толку, пока не стало поздно что-либо делать — как и было задумано, — пока Козара Вимезал и Доминик Флэндри не пришли к нам в нашей темноте.

Должно быть, вся планета пребывает в таком же ошеломлении и ее боевые силы — тоже. Что делать? Где правда? Кто друг, а кто враг? Все будут думать, что лучше подождать несколько дней, чтобы узнать больше.

И за этот короткий срок кучка высокопоставленных злоумышленников, которые точно знают, что им делать, могут направить нас на такой путь, на какой хотят, с которого будет потом слишком трудно свернуть. И тем не менее за тот же самый срок мы поднимаемся против них, зная, что *нам* делать.

Сегодня вожди соберутся в Новом Аферохе и определят наш путь. Этим утром по всей Обале все сходки слышат то, что я говорю вам: крепко держите оружие, не говорите с чужаками, будьте готовы выступить.

Отец. Мать. Иван. Георгий. Малышка Натали.

Михаил. Тродвир. И все души умерших из нашего дома, и всякая живая тварь.

Да примет их Творец. Да простит их Иисус. Да утешит их Дева Мария. Да воссияет над ними Дух Святой во веки веков.

О большем же не дерзаю просить. Аминь.

Козара перекрестилась и встала. Валун, за которым она преклоняла колени, больше не закрывал от нее Нантейвон. Поселок казался крохотным, съезжившимся на берегу между серым морем и серым небом. Кукла Лютка и кошка Белоножка могли бы укрыться в этих домах от ветра, который был слишком холодным. Очень холодным.

Странно, что она могла думать о них, хотя эти утраты принадлежали ее детству, а большинство ее мертвых — дням недавним. Она отвернулась от поселка и пошла по берегу. Песок скрипел под ее ногами. Под ногами хрустели ракушки, попадались высохшие ленты водорослей. По правую сторону заросли камыша заслоняли осенние поля, шумели и шуршали. Волны грохотали, обрушивались на берег и снова бессильно откатывались назад. Пронзительный ветер охлаждал лицо и горчил на губах.

Понимаю ли я, куда они ушли?

Только бы все началось. Впереди еще несколько часов ожидания и безопасности, прежде чем вожди иханов смогут собраться. Флэндри предложил ей принять снотворное из аптечки, чтобы уснуть, успокоиться и забыть о боли, но когда она отказалась, сказал:

— Я знал, что ты откажешься. Ты всегда делаешь по-своему.

А когда она сказала ему, что хочет побродить вокруг, он понял, что ей нужно побыть одной. Он смотрел куда глубже, чем большинство людей, ее Доминик, и скрывал боль от этого за шуткой. Если бы он только научился видеть Бога.

Когда-нибудь? Я никогда не буду проповедовать ему и не признаюся прямо, что молюсь за него. Но если у нас будет время...

Их планам не было конца. Дом в Дубиной Долине, квартира в Зоркаграде — они могут позволить себе и то и другое, и детям их хватит места — и для тела, и для духа. Странствия среди звезд, красота дикой природы, возвышающий сердце миг открытия новой истины — а потом возвращение к дорогим и любимым. Служба — о, больше ничего слишком опасного, скорее работа в штабе разведки, а не оперативные задания. Сражение умов за радость познания — вот их будущее. Не бедная потрепанная Империя, а мир, в который он тоже может поверить, их собственный мир. Идеи, инвестиции, предприятия, которые стоит начать, которыми они смогут заниматься — все это вспыхивало перед ними фейерверком...

Все это было смутным, туманным, не совсем реальным. Что она еще могла удержать целиком в нынешнем своем состоянии — так это надежды на мелкие радости. Она показывает ему вид,

открывающийся с вершины Высочины: Она вслух читает ему стихи Симича, а он ей — из «Гэндзи». Они посещают оперу в Зоркаграде. Они танцуют на празднике. Плывут на лодке по озеру Стоян к кафе под цветущими вишневыми деревьями на острове Плетущих Венки. Водят детей по зоопарку и катают на каруселях.

Если мы победим.

Она остановилась. Все ее тело болело, но она выпрямилась навстречу ветру и сказала:

— Мы победим. Мы победим. Я могу позаимствовать силы и ясность мысли у него. И расплата будет всего лишь долгим сном, успокоением.

Она развернулась на каблуках и пошла обратно. И шагалось ей все легче.

Новый Аферох поднимался от доков в устье реки Елены, карабкался на холм, с вершины которого можно было высмотреть руины Старого Афероха, когда они выступали из-под воды в отлив. Здесь находился Зал Совета, крытый шифером, из массивных бревен, с колоннами, на которых были вырезаны подводные чудища. В главной комнате стоял стол, сделанный три сотни лет назад из досок корабля Гвита. Вокруг него расположились местоблюстители Обалы. Во главе стола стоял глава сходки Кирведин, Рука ваха Маннох, а рядом с ним — два человека.

Шторм ревел и лупил по окнам потоками дождя. Здесь, внутри, воздух был синим и едким от дыма из трубок, которые курили многие из собравшихся. В обсидиановых глазах разгорался гнев, но жесткие лица были неподвижны и кончики хвостов не подергивались. Эти мужчины выслушали то, что сказала им дочь воеводы, и прорычали свои проклятия. Пришло время решать.

Кирведин обратился к ним с короткой и четкой речью. Для ихана он был невысок, хотя, когда он был моложе, было очень неосмотрительно ввязываться с ним в бой. Он был богатым владельцем рыболовного и торгового флота. И... он имел ученую степень Школы, место в Скупшине и был участником великих предприятий.

— От себя я скажу только вот что, — заявил он на эрио. (Прилетев из Зоркаграда после получения спешного иносказательного вызова Ивода, он был рад узнать, что Флэндри бегло говорит на этом языке, по крайней мере на его современной мерсейской версии. Его собственный сербский был превосходен, англик — весьма неплох, но обо всех остальных этого нельзя было сказать.) — Идеи нашего терранского гостя кажутся верными. Мы в Палате Змаев, вне всякого сомнения, слишком местнически

подходим к проблемам Империи, слишком узко сосредоточены на денницианских делах — как и Народная Палата. Тем не менее мы всегда питали особый интерес к нашей родной планете, многие из нас посещали ее, некоторые учились там, — она населена существами нашей расы. Так что мы можем понять, что Ройдхунат может делать, а что — нет. И хотя я никогда не сомневался в том, что его вожди желают нам вреда, те вести и намеки, которые доходили до меня, не вызывали подозрений в том, что идет подготовка к открытой войне. Например, я многие годы состою в переписке с Корвахом, который недавно стал там Рукой ваха Руэт. Если бы готовилось скорое нападение на нас, он бы знал, и он должен был бы быть куда более хитер, чем он есть, чтобы тон его писем остался неизменным.

Никаких доказательств — с этим я согласен. Что скажешь по единственному обломку, выловленному в водовороте? Я представлю вам еще один из множества, данный мне Лазарем Ристиком, воеводой Ком Кучки. Как большинство членов Палаты Лордов, он имеет свои интересы в имперском бизнесе и знаком со многими во внутренних частях Империи. У него есть друзья на самой Терре, где он проводит довольно много времени. Он сказал мне, что история, которую мы услышали о Козаре Вимезал, не может быть правдой. Было ли обвинение истинно, потому что она принадлежала к кучке радикалов, было ли оно ложно — вызвано какими-то извилистыми политическими причинами — персону ее ранга нельзя предать позору, как обычного преступника. Такое могло случиться только из-за вопиющей некомпетентности — на что, по его мнению, не похоже, — или это обдуманная провокация — а такого, он уверен, сама нынешняя Империя не допустит, а вот группа заговорщиков — может. Он хотел обсудить это все с дядей Козары. Его не пустили в Замок, заявив, что господарь слишком занят делами, связанными с кризисом.

Итак, и Ристик, и я знаем Бодина Миятовича с давних времен. Он так бы не поступил. Должно быть, это дело рук его приближенных. Ожидая, что мы все равно с ним скоро увидимся — он никогда не был затворником, — мы не стали проявлять настойчивости. А должны были. Потому что теперь он пленник.

Кирведин сделал паузу. Слышался посвист ветра. Потом Козара очень неуверенно сказала:

— Я не могу выяснить, что же случилось с ним на самом деле. Вы знаете?

— Никто не знает, кроме тех, кто это сделал, — ответил Кирведин. — Там были кругом имперские офицеры связи и их люди. Бодин публично объяснил, почему он, как губернатор сектора, посетил этот корабль, который подчиняется непосредственно им-

ператору, как и корабли Войска. Помимо желания использовать мощь их орудий в случае нападения Мерсейи, он хотел продемонстрировать наше нежелание отделяться от Терры. Спикер Замка, — он пояснил значение этого слова для Флэндри, — глава исполнительной власти — и его сотрудники... так вот, представители Замка сказали, что они ни в чем не уверены. По-видимому, группа имперцев застала Бодина одного, захватила его в плен и доставила на свой корабль. Который именно — неизвестно. На запросы никто не отвечает.

— Они и не станут, — заметил Флэндри.

Кирведин кивнул своей гребенчатой головой:

— И в самом деле не станут. Имперский персонал, находящийся на планете, все отрицает. Таким образом, мы ничем не располагаем, кроме заявления, что высокопоставленный терранский офицер связался с Милютином Протичем и информировал его, что Бодин Миятович арестован по обвинению в измене, и потребовал, чтобы Денница и ее вооруженные силы подчинились непосредственно адмиралу да Коста. Сейчас он самый высокопоставленный имперец в системе Зори и потому может считаться представителем императора.

— А кто такой... э-э... Милютин Протич?

— Специальный помощник господаря. Согласно тому же сообщению, он был первым высокопоставленным лицом в Замке, с которым терране вступили в контакт. — Кирведин задумался. — Да-а-а. Он родился не на Деннице — он из ближней системы, в которой поселились многие семьи отсюда. Несколько лет назад он вернулся, поступил на административную службу, блестяще зарекомендовал себя и быстро продвинулся. Бодин очень доверял ему.

Флэндри полез за сигаретой:

— Как я понимаю, сегодня весь день все были словно парализованы.

— Именно. Мы должны решить, что делать. И у нас чертовски мало информации, причем одна ее половина противоречит другой. Правы ли имперцы в том, что арестовали господаря? Или это их следующий шаг на пути нашего порабощения? Или даже уничтожения? Должны ли мы провозгласить независимость, когда на заднем плане рыщет Мерсейя? Имперцы не могут предотвратить этого — у нас здесь гораздо больше кораблей, чем у них. Но если начнется сражение, они заставят нас дорого заплатить за это.

— Вы, деннициане, люди и змаи — иханы — не произвели на меня впечатление нерешительного народа, — заметил Флэндри. — Как мы говорим, «кто колеблется, того и надувают». Программы новостей во вполне простительном смятении. Но, как мне кажется, завтра собирается ваш парламент — Скупщина?

— Да. В отсутствие господаря председательствовать будет Верховный Судья.

— Как вы думаете, они проголосуют за отделение?

— Я в этом не сомневался... пока не выслушал даму Вимезал и вас.

Местоблюстителю сжали в руках свои трубки, рукояти ножей, доски столов. У них будет что сказать потом, но то, что они услышали за последние несколько минут, станет решающим.

— Если вы встанете и скажете им... — начал Флэндри.

Козара прервала его:

— Нет, дорогой. Это невозможно.

— Что? — Он уставился на нее.

Она говорила осторожно и четко. Ее глаза блестели, лицо было бледным от стимулятора, который она приняла для храбрости.

— Скупщина — это не ручной конгресс внутренних частей Империи. Это около пяти сотен разных гордых индивидуальностей, говорящих от имени такого же количества не менее гордых земель или профессий. Оно часто бывает буйным — случались драки, да и несколько убийств, а завтра там будет просто буря. Ты думаешь, наш враг не приготовился к этому ответственному моменту? Я знаю Верховного Судью — это честный человек, но он стар. Его можно поколебать в его лояльности. И если кто-нибудь выйдет на трибуну и начнет говорить всю правду — ты что же, воображаешь, что он доживет до конца своей речи?

— Она права, — сказал Кирведин.

Флэндри затянулся сигаретой и ответил:

— Да, я думаю, что нечто подобное и должно случиться. Убивать легко. Несколько спрятанных иглометов, стрелки — и на заднем плане, возможно, несколько тяжеловооруженных здоровенных парней, спрятавшихся в здании возле Капитолия. Если необходимо, они захватят Скупщину, объявят себя революционным комитетом... и, учитывая, какую подготовительную работу они уже проделали, они могут получить достаточную поддержку народа, чтобы заставить депутатов принять такое решение, после которого уже ничего нельзя будет исправить.

— Если ты обдумал это и не отчаялся, — сказал Кирведин, — то у тебя должен быть план.

Флэндри нахмурился:

— Сначала я выслушал бы вас. Вы знаете свое правительство.

— Я знаю, — послышался голос Козары. — Если мы с тобой, Доминик, — особенно я — если мы предстанем перед ними, внезапно, лично, — тогда убивать нас будет более чем бесполезно.

Хвост Кирведина стукнул по полу.

— Да! — воскликнул он. — Мои мысли двигались в том же направлении. Хотя ты не сможешь просто войти с площади Кон-

ституции. Ты не сможешь пройти через Железные Врата и остаться в живых. Что нам нужно — так это эскорт, тела, которые и защитят, и скроют тебя по дороге до Зала Союза.

— Как? — спросил кто-то из деревенских вождей.

Козара знала ответ:

— Иханы всегда были Станным Народом Денницы. Палата Змаев никогда не говорила от имени их всех — это людское изобретение. Если в час отчаяния несколько сотен рыбаков из Обалы придут в Зоркаград, пройдут по площади и войдут через ворота в Зал Союза, требуя, чтобы выслушали их лидеров, — это будет не первый такой случай в истории. Враги не найдут никаких политических способов остановить демонстрацию такого рода. Они могут предположить, что это будет им даже выгодно — чужаки должны подумывать, будто деннициане мерсейского происхождения настроены против Терры, верно? А потом будет слишком поздно... — она воздела руки и возвысила голос: — Слишком поздно они увидят, кто пришел!

Под одобрительный гомон Флэндри шепнул ей:

— У меня та же идея. Я надеялся, что кто-нибудь придумает лучше.

Глава 17

Уже перед посадкой аэрокара Флэндри запротестовал:

— Черт все поberi, *зачем* вашим парламентариям собираться лично? У вас же есть система голографической связи. Ваши политики могут посылать и принимать изображения... а мы могли бы воспользоваться неотслеживаемыми способами, чтобы обратиться к ним и пересказать все, что случилось прошлой ночью.

— Тише, дорогой, — она накрыла его руку своей. — Ты знаешь зачем. Электроника годится только для политической показухи. Скупщина — живая, она обсуждает и решает реальные дела, ее члены нужны близость, тонкости, неожиданности.

— Но ведь тебе придется пройти через строй убийц, чтобы добраться до них.

— Я тоже боюсь за тебя, — тихо сказала она. — Давай прекратим это.

Он посмотрел на нее, а она — на него. Изумрудные глаза, высокий лоб, бронзовые волосы, резкие чистые черты — хотя улыбающиеся губы дрожат. Тепло ее пожатия и летний аромат. Была ли она когда-нибудь прекрасней, чем сейчас? Энергия, которая переполняла ее, и скрытая за ней безмятежность не были результатом действия лекарств. Просто лекарства помогли ей

оправиться от потрясения, усталости и горя и стать снова прежней Козарой.

— Если сегодня мне и угрожает опасность, — сказала она, — я благодарю Бога за то, что Он позволил мне пережить ее рядом с тобой.

Он удержался и не сказал ей, что не чувствует никакой благодарности. Они поцеловались, очень коротко и легко, потому что машина была набита иханами.

Иханы высадились на окраине Зоркаграда — ни на одной стоянке ближе к центру не хватило бы места для скопища прибывающих машин. Кроме того, внезапное их появление в деловой части города могло вызвать тревогу и ответную реакцию врага. Шествие должно было оказать успокаивающее воздействие. Флэндри и Козара надели плащи с гребнями и хвостами, которые должны были замаскировать их среди мерсейцев-полуантрополов, и вышли наружу.

Дул западный ветер. В небе сияло солнце, которое казалось бледным на бледном небе. Облака были ярче. Они летели ключьями, ослепительно белые, и их зыбкие тени скользили по земле. Слышались крики крылатых животных. Деревья вокруг площадки и вдоль улицы, которая начиналась от нее — большей частью терранские: дуб, вяз, бук, клен, — раскачивали ветвями, шумели, шелестели дельфийскими предсказаниями, и листья огненными языками падали и вылизывали мостовую. Временами налетал дождь. Вся природа говорила: «Прощай!»

Иханы сомкнулись вокруг людей. Их набралось добрых четыре сотни, — выбранные местоблюстителями отважные, хладнокровные, умело обращающиеся с ножом, трезубцем, гарпуном и огнестрельным оружием, которое они несли с собой. Ивод из Нантей-вона, назначенный вождем до возвращения парламентариев, выстроил их в боевые порядки. Они говорили мало и почти не проявляли волнения — по крайней мере оно было незаметно для людского зрения и обоняния. Таков был обычай Обалы. Они не знали пружин и причин происходящего, и это их не особенно заботило. Было довольно того, что их господарь был предан врагами их предков, что его племянница вернулась домой, чтобы рассказать правду и что они были ее солдатами. Впереди ветер трепал два штандарта: белая звезда на синем фоне — Йована Матавули, красный топор на золотом фоне — Гвита.

— Все готово, — доложил Ивод. — Вперед!

Он пошел впереди. Флэндри и Козара охотно взялись за руки, но даже в таком окружении им приходилось придерживаться плащи от этого предательского ветра. Стук их башмаков терялся среди звука слаженных шагов и команд.

Сначала, как и предполагалось, они никого не встретили. Это был новый район частных домов и кондоминиумов, расположенных за пределами генераторов защитного поля, которые обеспечивали некоторую защиту центральным районам города. Жители устремились в более безопасные кварталы. Случайный милицкий взвод, патрулирующий округу ради предотвращения грабежей, наблюдал за процессией издалека, но не вмешивался.

Дальше здания становились старше, выше, стояли теснее, улицы сужались и карабкались вверх, красные черепичные крыши, оштукатуренные стены, знаки и эмблемы над входными дверями, многоквартирные дома, офисы, заводики, увенчанная куполом приходская церковь, несколько больших и маленьких магазинов — в таком месте должно быть оживленное движение, толпы народу, оживленная торговля... Несколько прохожих отошли в сторону, несколько человек виднелось в окнах и дверных проемах — они настороженно смотрели на шествие. Поодаль остановилась машина. Полицейский в коричневой форме и высокой шляпе подошел к Иводу, они переговаривали. Полицейский связался с начальством по миникому и оставался на месте, пока над ними не пролетел дозорный аэрокар, затем уехал.

— От этого прямо в дрожь бросает, — шепнул Флэндри Козаре. — Здесь что, всех эвакуировали?

Она переадресовала вопрос. Неподготовленные люди не могут получать точную информацию таким способом, но вскоре она рассказала Флэндри со слов Ивода:

— Сегодня рано утром — организаторы должны были работать всю ночь напролет — началась *исправка* против имперского персонала. Это когда обычные граждане предпринимают прямые действия. Не бунт или самосуд. Народ действует сплоченно, дисциплинированно, часто собравшись по своим армейским подразделениям... понимаешь, ведь все здоровые взрослые — это резервисты. Такие действия редко выходят из-под контроля, и насилия может вообще не случиться. Преступников могут просто изгнать или арестовать, а представители народа потребуют от властей покарать их. Некоторые исправки свергали правительство. В нашем случае произошло вот что: терране и прочие имперские служащие были интернированы в некоторых зданиях как заложники освобождения господаря и лояльного поведения кораблей Космофлота. Замок осудил акцию как незаконную и связанную с повышением напряжения, потребовал, чтобы толпа разошлась, и выслал полицию. Люди заняли позиции вокруг тех зданий, где содержатся арестованные. Полиция не атаковала их, пока не раздалось ни единого выстрела ни с той, ни с другой стороны.

— Я слышал и о худших обычаях, — сказал Флэндри.

Козара озадаченно спросила:

— Интересно, заговорщики довольны этим?

Флэндри пожал плечами:

— Рискну предположить, что да. Однако не забывай, что большинство ваших должностных лиц — патриоты, и независимо от того, стоят они за независимость или нет, считают, что гражданская война — последнее средство. — Он нахмурился. — Но, знаешь ли, это даст нам множество помощников — как простых граждан, так и полицейских. Враг не ожидает нас. Тем не менее если слишком многие из членов парламента откажутся ступить на путь раскола, у него будет возможность для нанесения последнего удара. Возможно, что искрой, из которой вспыхнула эта... э-э... *исправка*, была сама Мерсейя в людском обличье.

В переулках завывал ветер.

Где-то на краю шествия произошло движение, стали передаваться команды.

— Чайвз! — выдохнула Козара.

Иханы пропустили его. Он тоже был закутан в плащ, который скрывал его расовые отличия от случайного взгляда. Изумрудно-лицо было уже не просто усталым, а истощенным, глаза и янтарных стали бледными, но, когда Флэндри радостно вскрикнул и обнял его за плечи, Чайвз бодро сказал:

— Благодарю вас, сэр. Донна Вимезал, вы позволите мне выразить свои соболезнования?

— Ах ты несносный клоун! — Она крепко обняла его. Ее ресницы намокли. Чайвз смутился. Флэндри чувствовал, что Чайвз чем-то сильно расстроен.

Они продолжили свой путь по пустынным улицам. Едва на задевая трубы, над ними пронеслась боевая машина.

— Что ты делал? — спросил Флэндри Чайвза. — Как ты нашел нас?

— Если у вас нет никаких срочных поручений для меня, сэр, — ответил ясный голос, — я доложу все по порядку. Согласно инструкции, я сел в космопорту и прошел проверку. Моя легенда себя оправдала, и я получил лицензию, зарегистрированную в полиции, которая позволяла мне остаться здесь на определенный период для устройства своих дел. Привлеченные экзотикой, многие горожане на протяжении нескольких последующих дней общались со мной, когда я расхаживал среди них. Притворившись что я куда менее знаком с *Homo sapiens*, чем на самом деле, я собирал сведения об их личных чувствах в отношении происходящей путаницы. При более подходящих обстоятельствах, сэр, я представлю вам краткий обзор, если захотите. Должен признаться, я был совершенно изумлен, когда флотский патруль явился к моим апартаментам и объявил о намерении задержать меня. В сложившихся обстоятельствах, сэр, я почувствовал, что подчиниться

будет весьма неблагодарно. Я приложил все усилия, чтобы не причинить вреда людям в форме его величества, и в свое время верну позаимствованный у них бластер, который вы видите. Затем я укрылся у джентльмена, которого я подозревал в антитерранных настроениях. Могу ли я почтительно просить, чтобы его имя и имена его товарищей были исключены из вашего официального расследования? Помимо их гостеприимства и помощи мне, они выказали не более чем неверно направленное рвение на благо их планеты, и то, что они помогли мне, было на самом деле их первым незаконным действием. Они приютили меня только после того, как я убедил их в том, что являюсь революционером в своем собственном сообществе и то, что меня объявили мерсерским агентом, — сущая клевета, которую имперцы собираются использовать и против них самих. Они легко мне поверили. Я не рекомендовал бы их для службы в разведке. Я получил от них одежду, принадлежности для маскировки, приспособления, пригодные для того, чтобы вести наблюдения, и отправился собирать нужные данные. У них существует зачаточная организация. Благодаря ей посредством телефонного звонка мой квартирохозяин узнал, что к Капитолию движется большая делегация змаев. Вспомнив рассказы донны Вимезал о ее прошлом и надеясь, что вы с ней не сгинули совсем, я подумал, что вы можете быть здесь. Обнаружить подтверждение этого вывода было... большим удовольствием, сэр.

Флэндри пожевал губу.

— Кто были те имперцы, которые приходили арестовать тебя? Не деннициане?

— Нет, сэр, не деннициане. Здесь сомнений быть не может. — Чайвз говорил приглушенным голосом. Его тонкие зеленые пальцы стянули капюшон вокруг лица.

— Ты ходил невозбранно несколько дней, а потом в один миг... — Флэндри резко оборвал фразу. Они были у цели.

Войдя в Старый Город, процессия прошла между двумя зданиями со множеством балконов и вышла на вершину Королевского Холма. Впереди открылась площадь Конституции, широкая, мощенная плитами, украшенная скамейками, клумбами и деревьями — и пустая, пустая. Посреди площади бил большой фонтан, облицованный гранитом, с застывшей в бронзе схваткой Томана Обилича и Владимира. Шума воды не было слышно из-за ветра. С западного края дома стояли довольно редко, открывая вид поверх крыш на озеро Стоян, сверкающее металлическим блеском у горизонта. Прямо напротив был Капитолий — с многоколонным портиком и золоченым куполом, на вершине которого сияла серебряная звезда. Двумя километрами дальше почти отвесно вздымалась скала, увенчанная зубчатыми стенами и стягами Замка.

Флэндри моргнул. Он выделил среди зданий большой отель, офисы, кафе, фешенебельные магазины — старые, но величественные, из потемневшего от непогоды камня. Сколько же таких площадей Конституции он повидал? Но эта была пуста, над ней свистел холодный ветер. Шесть полицейских стояли на лестнице Капитолия, еще шесть стояли по сторонам. Их накидки хлопали на ветру, оружие блестело, когда на него падал солнечный луч, и снова становилось тусклым. В небе кружил аэрокар. Больше ничего видно не было. Однако наверняка на них смотрели исподтишка — домовладельцы, зрители, может, и полицейские, — которых было немного, потому что всюду в городе было неспокойно, а здесь ничего особенного не ожидалось. А кто еще? Флэндри словно бы шел сквозь лабиринт миражей. Не было ничего реального и надежного, кроме рукояти бластера под рукой и непокорного медного локона Козары.

Козара ничего подобного не ощущала. Когда они ступили на площадь, Флэндри услышал ее шепот: «Сюда мы идем, о мой отважный возлюбленный. О нас будут петь тысячелетие спустя».

Он выбросил все сомнения из головы и приготовился к бою.

Но столкновения не произошло. Несмотря на то что ему говорили во время подготовки этого шествия, он так или иначе ждал чего-то такого же, как бывает при вторжении толпы на заседание парламента известных ему человеческих планет — запреты, сопротивление, затем беспорядки или уступка одной из сторон. Если официальные инстанции давали разрешение на шествие, чтобы предотвратить беспорядки, то это делалось довольно неохотно, после долгой торговли, и куда бы ни были допущены демонстранты, там была охрана, державшая их под неусыпным наблюдением.

Однако на Деннице существовала почти легальная и узаконенная *исправка*. Через встреченного ими по пути офицера Ивод объяснил намерения своего отряда. Эта новость быстро дошла до Верховного Судьи. Четыре сотни змаев не явились бы в Зоркаград от имени всей Обалы просто так, по незначительному поводу. По требованию Кирведина большинство членов третьей палаты Скупщины поддержало их требования. Так что их встретили без оружия, если не считать того, которое было у охранников на входе, и змаи прошли в здание, не разоружаясь.

Вверх по лестницам — мимо бронированных дверей — через гулкий вестибюль — в центральный зал, где собирались сессии парламента — Флэндри огляделся по сторонам, ища угрожавшие его женщине опасности и укрытие для нее.

Зал был овальной формы. В дальнем конце на возвышении стояли трибуна господаря, длинный стол и несколько кресел, которые были заняты. Справа и слева тянулись ряды кресел

парламентариев. Дневной свет блеснул на мраморном полу. На золоченых стенных панелях были изображены святые и герои Денницы. Законодатели сидели каждый в своей группе: лорды — в разноцветных одеяниях, представители палаты общин — в туниках и брюках или мантиях, змай — в одежде из кожи с металлическими украшениями. Войдя, Флэндри ощутил витающий в зале запах страха и ярости.

Знамена отсалютовали старику в черном, который сидел позади трибуны. Рыбаки медленно продвигались вперед под немигающим взором невидимых телесканнеров. Посреди зала иханы остановились. Сердце Флэндри замерло.

— *Здраво*, — приветствовал их Верховный Судья и вежливо повторил на эрио: — *Хидреф*.

Его рука погладила белую бороду.

— Мы... разрешили вам прийти... ради сохранения единства. Насколько я понимаю, ваша делегация желает сказать нечто относительно нынешнего кризиса — что иначе могло бы остаться не услышанным. В свою очередь вы поймете, почему мы должны ограничить ваше время пятнадцатью минутами.

Ивод поклонился, раскрыв ладони и изогнув хвост. Выпрямившись, он заговорил раскатистым басом:

— Мы благодарим собрание. Мне понадобится куда меньше времени, но я полагаю, что после этого вы захотите узнать больше.

Взгляд Флэндри не отрывался от Кирведина. Как ни странно, но единственный денницианин здесь, которому он может доверять, по происхождению мерсеец.

— Достойные господа и весь мир! — говорил Ивод. — В последнее время вы слышали множество новостей: что император хочет сокрушить нас, что из-за его безумия или ради плана выбросить нас вон нам угрожает новая война, что его агенты правдами и неправдами обвинили племянницу господаря Козару Вимезал в измене и — абсолютно несправедливо — продали ее в рабство, что они арестовали господаря по тому же обвинению, что им пришлось уничтожить все поместье его зятя, воеводы Дубиной Долины, чтобы затоптать малейшую искру духа свободы, что единственный выбор, который стоит перед нами, — уничтожение или революция. Это вы все слышали. А я говорю, что все это до последнего слова ложь!

Он подал сигнал. С четкостью, которой люди добиваются долгими тренировками, змай разомкнули ряды.

— И вот, чтобы разоблачить ложь, перед вами Козара Вимезал, дочь сестры Бодина Миятовича, нашего господаря!

Она взбежала на возвышение и заняла место на трибуне. С людских скамей донесся слитный стон, как будто в зал во-

рвался ветер. Со стороны змаев раздался гул, подобный гулу прибоя.

— Что, что такое? — Голос Верховного Судьи дрожал. Никто его не услышал.

Козара вскинула голову, и ее голос отразился от свода:

— Слушай меня, народ! Я не восстала из мертвых, но вернулась из ада и свидетельствую. И дьяволы — не терране, а мерсейцы и их агенты. Мой спаситель не денницианин, а терранин. Те, кто кричит: «Независимость!», и есть предатели, но не Империи, а Денницы. Их единственное желание — чтобы люди перегрызли друг другу глотки, а потом пришел ройдхун и закопал наши косточки. Выслушайте мой рассказ и судите сами.

Флэндри направился к ней, следом двинулся Чайвз. Даже Ника Самофракийская не являла собой гордости более высокой и более беззащитной, чем Козара. Они заняли позицию за ее спиной, обратившись к внешней двери. Ее голос победно звенел:

— ...Я избежала позора, предуготованного мне, благодаря милости Господней и порядочности человека, которого вы видите перед собой — Доминика Флэндри, капитана на службе его величества. Позвольте мне рассказать все с самого начала. Дозволяете ли вы мне это, достойные?

— Да!

В ответ загремели выстрелы. Раздались крики. Засверкали молнии бластеров.

Флэндри схватился за оружие. Скупщина превратилась в вопящую свалку. В дверь ворвалось примерно полсотни человек. Одетые по-деннициански, они все выглядели совершенными чужаками. Все были вооружены.

— Козара, ложись! — крикнул Флэндри. В голове билась мысль: *Да, у врага был отряд быстрого реагирования, спрятанный в здании возле площади, и кто-то в этом зале воспользовался миникомом, чтобы вызвать его. Революционный Комитет — они схватят ее и объявят самозванкой...*

Они с Чайвзом были на возвышении. Козара не упала на пол, под прикрытые трибуны. Она опустилась за ней на одно колено, с оружием в руках, готовая стрелять. Нападающие рассыпались по залу. Двое бросились в обход растерявшихся, сбившихся в кучу рыбаков.

Их бластеры выстрелили по возвышению. Деревянная трибуна вспыхнула, охваченная пламенем. Козара выронила пистолет и упала.

Чайвз метнулся зигзагом. Молния чиркнула в каком-то сантиметре от него. Он не обратил на это внимания — он выбирал цель. Голова одного из убийц взорвалась огненным шаром. Второй рухнул, хватаясь за обрубок ноги. Чайвз был уже рядом со

следующим — его он зацепил хвостом за шею и дернул, ухватив за локти, и, используя его в качестве щита, открыл огонь.

— Послушайте! — крикнул он сквозь шум Иводу. — Вы, ребята, тоже могли бы поучаствовать, знаете ли.

Местоблюститель взревел. Его праща зажуужала. Ихан рядом с ним метнул гарпун в живот врага. И, не обращая внимания на стрельбу, четыре сотни моряков ринулись в бой.

Флэндри опустился на одно колено рядом с Козарой. От груди до талии протянулась кровавая рана. Он приподнял девушку. Она искала его руками и взглядом.

— Доминик, любимый... — едва различимо прошептала она. — Я хочу...

И умолкла.

Он подумал о реанимации, поддерживающем жизнь оборудовании, клонировании... Нет. Нет, он не сумеет доставить ее в госпиталь прежде, чем изменения в мозгу станут необратимыми. Никогда не сможет.

Он опустил ее.

Я не хочу пока думать об этом. Нет времени. Лучше я приму участие в бою. Иханы не понимают, что нам нужны пленные.

Стемнело рано. Над озером гасли последние отблески заката. Темно-синий сумрак укрывал землю. Над головой мерцали звезды, и, глядя через окно своего кабинета на Замок, Флэндри видел городские огни, слившиеся в паутину вдоль улиц, и отдельные светящиеся окна домов. В стены бился ветер.

Наконец получив возможность отдохнуть, он оторвался от клавиатуры и экрана, чувствуя, как его кресло подстраивается под контуры его тела. Несмотря на лекарства, которые заглушали горе, стимулировали обмен веществ и удерживали в работоспособном состоянии, усталость навалилась тяжким грузом. Он приглушил флюороламп. На кончике сигареты тлел огонек. Он не чувствовал вкуса дыма — может быть, из-за темноты, а может — потому, что язык и небо были обожжены.

«Ну что ж, — механически отметил он, — главное сделано». Он только что говорил напрямую с адмиралом да Костой. Терранский командир, кажется, был вполне убежден в лояльности правительства провинции, главой которого практически во всем всю вторую половину дня был Флэндри. Завтра они обсудят освобождение господаря. И, насколько он мог оценить, народ Денницы осознал, что его предали. Они, разумеется, хотели получить полный отчет, подтвержденный свидетелями. Они не то чтобы стали энтузиастами-имперцами, но опасность революции и последующей гражданской войны, кажется, миновала.

Так, может, завтра я смогу отказаться от лекарств, смогу осознать потерю и горевать о ней. Нынче вечером знание о том, что Козары больше нет, доходило до него лишь как ветер, как несмолкающее завывание за окном. Она избавилась от страха и горечи прошлого, ее защитила поспешность, необходимость действовать, юность и надежда, его присутствие рядом с ней. *А я... что ж, я переживу. Она хотела бы этого.*

Скрипнула дверь. *Что за черт?* Его одиночество среди электронных привидений охраняли часовые. Кто бы ни прошел через них, это должен быть кто-то властный и настойчивый. Флэндри включил освещение и зажмурил глаза от яркого света.

Некто стройный, зеленокожий, в белом килте вошел, неся поднос с чайником, чашкой и полной тарелкой.

— Ваш обед, сэр, — объявил Чайвз.

— Я не голоден, — ответил за него кто-то механический. — Я не просил...

— Нет, сэр. Я взял на себя такую смелость. — Чайвз поставил поднос на стол. — Позвольте напомнить вам, что вы должны быть в форме.

Ради ее планеты.

— Очень хорошо, Чайвз. — Флэндри взялся за суп и черный хлеб. Шалмуанин невозмутимо ждал.

— Это в самом деле помогло, — согласился Флэндри. — Знаешь, дай-ка мне снотворное.

— Вы... не может быть, чтобы вы захотели этого из-за пустяков, сэр.

— Что? — Флэндри уставился на него. Чайвз потерял самообладание. Он опустил голову, уронил хвост и сжимал и разжимал кулаки.

— Давай, — сказал Флэндри. — Что ты со мной нянчишься? Говори.

— Относительно тех служащих, которых вы велели задержать горожанам...

— Да. Я приказал их задержать, хорошо с ними обращаться, установить личности. Что там с ними?

— Я обнаружил, что среди них есть человек, которого я узнал, скрываясь в Зоркаграде после побега несколько дней назад. Говоря откровенно, сэр, это лишь подтвердило мои подозрения. Обвинение в мой адрес должно было исходить от кого-то, кто опознал ваш корабль в порту и имел доступ к данным обо мне. Это должно было навести его на размышления и заставить рекомендовать акцию в отношении воеводы Вимезала.

— Ну?

— Сэр, нет необходимости говорить о том, что я никого не обвиняю. Вина может лежать и на ком-то другом.

Несмотря на вызванную лекарствами бесчувственность, Флэндри замер.

— Кто?

Он редко видел лицо Чайвза столь искаженным.

— Лейтенант-коммандер Доминик Хээелтайн, сэр. Ваш сын.

Глава 18

Двое милиционеров доставили пленника в офис.

— Можете идти, — сказал им Флэндри.

Они замерли в неуверенности, переводя глаза с Флэндри, тяжело привалившегося к раме окна, за которым была ночь, на сильного молодого человека, которого они привели.

— Идите, — повторил Флэндри. — Подождите снаружи вместе с моим слугой. Когда вы понадобится, я вызову вас по интересу.

Они отдали честь и повиновались. Флэндри и Хээелтайн рассматривали друг друга, пока не захлопнулась дверь за милиционерами. Старший видел повседневную имперскую униформу, прекрасно сидящую на стройном теле, и лицо, в котором половина черт была от Перси и на котором гордость боролась со страхом. Младший видел измученного человека в заляпанном комбинезоне.

— Ну что ж, — нарушил молчание Флэндри. Хээелтайн протянул ему руку. Флэндри ее не заметил. — Садись. Хочешь выпить? — Он указал на стол, где стояли бутылка и стаканы. — Помнится, ты любишь скотч.

— Спасибо, отец, — тихо сказал Хээелтайн, хотя, в отличие от собеседника, не имел нужды проглатывать застрявший к горле комок. Он улыбнулся и еще раз улыбнулся после того, как они оба сели со стаканами в руках. Подняв свой, он предложил тост: — За нас. Таких, как мы, чертовски мало, и все они мертвы.

Раньше они часто пили за это. На этот раз Флэндри не принял тоста. Хээелтайн мгновение смотрел на него, сделал гримасу и отхлебнул глоток. Флэндри тоже выпил.

Хээелтайн подался вперед. То, что он сказал, ошеломляло:

— Отец, ты же не веришь в эти выдумки насчет меня? Правда?

Флэндри достал свой портсигар.

— Я не знаю, чему еще верить. — Он открыл крышку. — Кто-то, кто знал Чайвза и «Хулиган», выдал его. Совпадает со временем твоего появления. — Он выбрал сигарету. — И, возвращаясь мысленно назад, я нахожу странным то совпадение, что ты привлек мое внимание к Козаре Вимезал именно тогда, когда она оказалась на Терре. Можно было биться об заклад, что я заберу ее

на Диомеду, где с ней, как с нежелательным свидетелем, и со мной, как с нежелательным следователем, можно разделаться таким образом, который усилит кризис.

Флэндри поднес к сигарете зажигалку, закурил, пуская дым, потом вздохнул:

— Ты был слишком уж ретив. Ты должен был подождать несколько дней, чтобы она побыла в пользовании какое-то время и чтобы некоторые уважаемые деннициане узнали об этом.

— Я не... Нет, что ты такое говоришь? — вскричал Хэзелтайн.

Флэндри играл портсигаром.

— Таким образом, — продолжал он ровным голосом, — единственной весточкой, которую можно было послать, поскольку господарь не дурак и потребовал бы подтверждений... единственным известием было всего лишь то, что ее продали в рабство. Ладно, для провокации этого достаточно. Где ты был между отлетом с Терры и прибытием сюда? Может, ты докладывал лично Айхарайху?

Хэзелтайн со стуком опустил свой бокал на подлокотник кресла.

— Вранье! — закричал он. На лице у него проступили красные пятна. — Послушай, я же твой сын. Клянусь тебе...

— Не имеет значения. И не переводи добрую выпивку. Если бы я высадился на Деннице так, как собирался, цена этому скотчу была бы... Как они тебя завербовали? Я имею в виду — мерсейцы. Промывания мозгов быть не может. Я слишком хорошо знаю симптомы. Шантаж? Неправдоподобно. Ты умный парень и не позволил бы им подтолкнуть себя к совершению той первой ошибки — ты храбрый парень, смеющийся над угрозами. Но однажды, когда ты по обязанности вошел с ними в контакт...

Хэзелтайн прервал его:

— Я этого не делал! Как мне доказать, что я не делал этого, отец?

— Просто, — ответил Флэндри. — Ты, конечно, получил обычную иммунизацию от наркотиков. Но мы можем подвергнуть тебя гипнозондированию.

Хэзелтайн отпрянул назад. Его стакан покатился по полу.

— У имперского подразделения имеются аппаратура и специалисты, как тебе известно, — продолжал Флэндри. — Я обратился к ним, так что они могут заняться тобой завтра с утра. Все, что касается личных дел, останется в тайне.

Хэзелтайн поднял дрожащую руку:

— Ты не знаешь... я... мне сделали глубокое кодирование...

— Терране?

— Да, конечно, конечно же. Мне нельзя... нельзя сделать гипнозондирование, не уничтожив... не уничтожив разум.

Флэндри снова вздохнул:

— Тогда пойдем дальше. Мы не делаем глубокого кодирования своим агентам, которое не позволяет им делиться информацией со своими же людьми, за исключением тех, кто имеет отношение к некоторым суперсекретам. Ведь зондирование может выявить полезную информацию, забытую на сознательном уровне. Если ты честен, сын, не бойся. Самое легкое исследование оправдает тебя, а дальше медики не пойдут.

— Но... но...

Внезапно Хэзелтайн упал перед Флэндри на колени. Слова полились из него потоком:

— Ну да, да, я работал на Мерсейю. Не потому, что меня купили, нет, ничего подобного, я думал, что будущее за ними, должно принадлежать им, а не этому ходячему трупу Империи... Ангелы милосердные, да разве ты не видишь, что их путь — это надежда и для человечества тоже?..

Флэндри выпустил клуб дыма, чтобы перебить запах страха.

— Я буду, буду сотрудничать. Я ведь не злодей, отец. Да, у меня были приказы насчет тебя, но я ненавидел то, что делал, а Айхарайх сомневался в том, что тебя на самом деле убьют, и я знал, что предполагалось — эту девушку купит кто-то другой, а потом я скажу тебе о ней, но, когда мы прибыли вовремя, я не мог заставить себя подождать... — Он обнял колени Флэндри. — Отец, ради моей матери, оставь мне разум!

Флэндри высвободился из его хватки, встал, отошел на пару метров и ответил:

— Прости. Я не могу доверять тому, что ты не скрываешь нечто, что может привести к убийству или обращению в рабство еще многих молоденьких девушек. — Несколько секунд он смотрел на скорчившуюся на полу фигуру. — Я принял стимулятор и сильное успокоительное. Сейчас я машина. Я понятия не имею, как это отзовется потом, — сейчас это для меня абстракция. Тем не менее... у тебя есть время до утра, сын. Чего бы тебе хотелось, пока ждешь? Я сделаю все возможное.

Хэзелтайн поднялся на ноги.

— Ты хладнокровный дьявол, но сначала я убью тебя! А потом и себя!

Он ударил. Ярость, удваивавшая его силы, не была безумием — это был удар мастера каратэ, способного проломить грудную клетку и вырвать сердце.

Флэндри увернулся и сделал ответный выпад. Острая как бритва кромка портсигара прочертила на правой щеке молодого человека красную полосу. Хэзелтайн пошел в новую атаку. Флэндри отступил. Хэзелтайн оттеснил его в угол. И тут подействовал

наркотик на лезвии. Юноша пошатнулся, взмахнул руками и осел на пол.

Флэндри отыскал свой интерком.

— Заберите арестованного, — сказал он.

Начинался безветренный холодный день. Солнце вставало в радужном кольце и играло в ледяных нагромождениях по берегам озера Стоян. Зоркаград был тих, как будто вымер. Время от времени над ним проносился раскат грома — это садились и взлетали космические корабли. Они вспыхивали в небе, как метеоры. Иногда слышался свист аэромобилей, громыхали бронемашин, грохотали сапоги по мостовой. Ближе к полудню один такой корабль доставил на родную планету Бодина Миятовича.

Он предпочел бы вернуться без объявления. Слишком много работы ждало его, чтобы отвлекаться на церемонии, — его и Доминика Флэндри. Но радио и телевидение уже разнесли новости, а это было все равно что объявить о Празднике Солнцестояния. Народ высыпал из домов, заполнил улицы, люди палили в воздух, танцевали, плакали, пели, обнимались с незнакомцами, и во всех церквах звонили в колокола.

С балкона Замка были видны зажженные в городе огни, костры на площадях, доносился гул и шум. Дыхание клубилось паром и оседало инеем на бороду господаря.

— Это не может продолжаться, — пробормотал он и вернулся в свой кабинет.

Когда за ним закрылась балконная дверь, наступила тишина, нарушаемая только приглушенными теперь звуками колокольного звона. В комнате было холодно. Поникший в кресле Флэндри, казалось, не замечал этого.

Миятович внимательно посмотрел на терранина.

— И вы тоже не можете так продолжать, — сказал он. — Если вы не прекратите травить себя лекарствами и позволите вашим нервам и железам функционировать нормально, они заставят вас остановиться.

Флэндри кивнул:

— Скоро прекращу. — Его глубоко запавшие глаза смотрели на экран связи.

Рослый человек с седеющими светлыми волосами повесил свой плащ.

— Признаюсь, я не смог бы сделать то, что было сделано сегодня, и за неделю, а может, не управился бы никогда, если бы не вы, — сказал он. — Вы знаете верные слова и нужные каналы, у вас есть идеи. Но теперь мы в основном закончили. С остальным я могу управиться.

Он встал за спиной Флэндри и положил руки ему на плечи:

— Я сам предпочел бы спрятаться от факта ее смерти. Впрочем, мне легче. Я думал, что утратил ее в бесчестье и страхе, а узнал, что она ушла с честью. И если вы с ней... послушайте, Доминик. Я улучил минуту позвонить жене. Она сейчас в нашем доме, — не в городском, а в сельском, там тишина, леса и исцеление. Мы приглашаем вас туда. — Он помолчал. — Вы очень сдержанный человек, не так ли? Ну так никто не помешает там вашему совету.

— Я не прячусь, — ровно ответил Флэндри. — Я жду. В скором времени я должен получить послание. После этого я последую вашему совету.

— Какое послание?

— Результаты допроса одного агента Мер... Ройдхуната, которого мы взяли в плен. У меня есть причины полагать, что он владеет некоей очень важной информацией.

— Да? — Миятович оживился. Он опустился в кресло напротив Флэндри. Под его весом оно скрипнуло.

— Я смогу оценить ее лучше, чем кто-либо другой, — продолжал терранин. — Сколько еще да Коста намерен держать свой корабль здесь «на случай, если нам понадобится его помощь»?.. О, пять стандартных дней, я вспомнил. Отлично, столько мне и будет нужно оставаться в вашем доме. Сейчас я ничего не чувствую, а потом... Возьму с собой распечатку, чтобы заняться ею, когда смогу. Ваша работа, однако, должна заключаться в том, чтобы не дать спустить дело на тормозах. Да это, наверное, и невозможно. Кроме того, Империи нужна каждая кроха информации, которую мы можем добыть от вражеских агентов, которых захватили. С другой стороны, не давайте команде да Косты пронохать об особом значении результатов именно этого зондирования.

Господарь полез за трубкой и кисетом.

— Почему?

— Я не могу сказать точно, что мы узнаем, но у меня есть логически обоснованные подозрения... Вы уверены, что сможете держать денницианский флот в бездействии еще пару недель?

— Да. — Миятович был терпелив. — Возможно, вы не вполне учитываете психологию, Доминик. Да Коста хочет удостовериться в том, что мы не восстанем. Тот факт, что мы не разошлись по домам немедленно, заставляет его коситься в нашу сторону. У него нет сил, чтобы помешать нам поступить так, как нам заблагорассудится. Но он думает, что его присутствие удержит нас от восстания. Ну да ладно, через пять терранских дней его разведслужба выяснит, что гоняется за призраком; тогда он примет мои объяснения насчет того, что флот находится в готовности на

случай нападения Мерсейи. Он сочтет нас параноиками, но вернется на базу с чистой совестью.

— Своим людям вы должны привести те же резоны, не так ли?

— Верно. Они их поймут. На самом деле они воспротивились бы, если бы я не отдал такого приказа. Денница прожила на краю бездны слишком много столетий, и сейчас мы в нее чуть не свалились.

Миятович чересчур резко выколотил свою трубку.

— Я успел достаточно хорошо узнать вас, как мне кажется, за это короткое время, чтобы рассказать вам всю правду. Вы думали, что помогаете мне уладить все с Империей. Да, да, так и было. Но главная причина быстрого примирения... выдворить имперцев из системы Зори, пока все наши силы находятся в готовности.

— И вы нанесете ответный удар Мерсейе, — сказал Флэндри.

Господарь удивился:

— Как вы догадались?

— Я не догадывался. Я знал — от Козары. Она мне много рассказала.

Миятович собрался с духом.

— Только не думайте, что я сошел с ума, — предупредил он. — Скорее мне приходится вертеться, чтобы удержать народ и Скупщину от слишком громогласных призывов к действию до отлета терран. Но когда терране улетят... — Он прищурился. — Мы хотим не просто мести. На деле только немногие из нас, как я, испытали то, что в прежние времена послужило бы основанием для кровной мести. Но я говорил вам, что мы живем на краю пропасти. Мы должны показать недругам, что трогать нас небезопасно. Иначе что может последовать?

— *Nemo me impune lacessit**, — пробормотал Флэндри.

— М-м?

— Нет, ничего. Древнее высказывание. Слишком древнее — неужели ничего не меняется? — Флэндри покачал головой. Химические барьеры становились тоньше. — Итак, в отсутствие да Косты или другого имперского чиновника — который уверен, что такой атавизм, как ответ на агрессию, противоречит имперской политике и должен быть сначала представлен на рассмотрение властей, в письменном виде и в трех эземплирах, — в отсутствие такового вы, как губернатор сектора, прикажете флоту Денницы нанести ответный удар.

Миятович кивнул:

— Да.

— Вы обдумали последствия?

* Никто не оскорбит меня безнаказанно (лат.).

— У меня будет время обдумать их дополнительно, прежде чем мы начнем атаку. Но... если мы правильно выберем цель, я не думаю, что Мерсейя отважится на что-то большее, чем протест. Кажется, сейчас они не готовы к войне с Террой. Они рассчитывают на гражданскую войну внутри Империи. Если вместо этого они получают удар, потрясение должно сделать их более осторожными по отношению к Империи в целом.

— И какую цель вы имеете в виду?

Миятович нахмурился и стал раскуривать трубку. Наконец он сказал:

— Я еще не знаю. Наша цель — не вызвать войну, а наказать за то, что они чуть не спровоцировали ее. Ройдхунат не может оставить без последствий уничтожение густонаселенной планеты. Тем более я не желаю заниматься геноцидом. Но нечто ценное, может быть, промышленный центр на пустынном, богатом металлами шарике... Я прикажу Военной Коллегии подобрать подходящий объект.

— Если вы преуспеете, — предостерег Флэндри, — вам скажут, что вы превысили полномочия.

— Об этом еще можно поспорить. Эти полномочия не слишком хорошо определены, верно? Хотелось бы думать, что Ханс Молитор отнесется к ситуации с пониманием. А если нет, то мне безразлично, что будет со мной. Я ведь думаю о внуках и правнуках.

— Угу. Итак, вы подтверждаете, что... Подождите.

Зазвонил телефон. Флэндри потянулся к клавише приема. Ему пришлось дважды повторить попытку.

На экране появилось почти такое же застывшее лицо, как и его собственное.

— Докладывает лейтенант Митчелл, сэр. Гипнозондирование пленного Доминика Хэзелтайна закончено.

— Результаты?

— Как вы и предвидели, сэр. У него было глубокое кодирование. — Митчелл поморщился при неприятных воспоминаниях. — Я никогда не видел и не слышал о таком полном и жестоком блоке. Он почти сразу же впал в шоковое состояние. На последующих стадиях стимулирование неизбежно привело... ну, можно сказать, что от переднего мозга ничего не осталось.

— Я хочу получить полную запись, — сказал Флэндри. — Кроме того, запечатайте запись, поставьте гриф «совершенно секретно», и чтобы вся ваша команда молчала. Я дам вам соответствующий письменный приказ, подкрепленный подписью губернатора Миятовича.

— Есть, сэр. — Митчелл выглядел озадаченным. Он не мог понять, к чему все это. Разведка не имела обыкновения разбалты-

вать то, что узнала. Разве что... — Сэр, вы понимаете, что это все сырой материал? Более несвязный, чем обычно, из-за повреждения мозга. Мы отсортировали его основную биографию, подробности его наиболее значительных заданий и все такое. Остальное — это то, что показалось нам многообещающим. Но чтобы восстановить разорванные и перепутанные ассоциативные цепочки, истолковать символы и найти их значение...

— Об этом я позабочусь. Ваша роль выполнена.

— Да, сэр, — потупился Митчелл. — Я... прошу прощения... насчет личных отношений. Он на самом деле обожал вас. Что нам с ним теперь делать?

Флэндри молчал. Миятович выпускал облака табачного дыма. Из-за стен доносился колокольный звон.

— Сэр?

— Позвольте мне увидеть его, — сказал Флэндри.

Экран моргнул. На экране возникло изображение молодого человека — раздетого, на койке, руки распростерты в стороны, к венам подсоединены какие-то трубки, грудь и живот вскрыты, чтобы можно было подключить приборы, поддерживающие жизнь. Его немигающий неподвижный взгляд был устремлен в потолок, изо рта текла струйка слюны. И что-то там тикало — *клик-клак, клик-клак*.

У Флэндри вырвался невнятный возглас. Миятович сжал его руку.

— Спасибо, — сказал Флэндри немного погодя. — Выключите это.

Тело Козары Вимезал лежало в холодильнике до отлета имперцев — по приказу господаря, и народ одобрял это, считая, что Козара принадлежит исключительно Деннице и никому больше. На ее похороны намеревались прийти все, кто только сможет.

Накануне ее перенесли в собор святого Клементя, хотя быть рядом с ней не позволили никому, кроме родственников. Когда в собор пришел Доминик Флэндри, там было только четыре человека — почетный караул.

Солдаты в форме Народного Войска, опустив головы, держа оружие прикладом вверх, стояли рядом с катафалком. Флэндри обращал на них внимания не больше, чем на горящие в высоких подсвечниках свечи, на лилии, розы и вьенцы, на их аромат или на приглушенное бормотание священника за иконостасом. Он шел к ней в одиночестве. Вечерний свет лился через окна, освещал купол, выхватывая из сумерек смутные золотые и синие тона изображений двенадцати апостолов и Господа нашего Иисуса Христа.

Сначала он боялся посмотреть, страхась увидеть не столько отвратительное зрелище, как в прошлый раз — естественное следствие насильственной смерти, — сколько раскрашенную куклу, во что было принято превращать тела умерших на Терре. Пересилив себя, он взглянул и обнаружил, что ее всего лишь обмыли, закрыли глаза, подвязали подбородок, обрядили и украсили венком. Двойная крышка гроба позволяла видеть тело до груди. Лицо, которое Флэндри видел, было ее лицом, ее собственным, хотя краски жизни сошли с него и оно сделалось нечеловечески умиротворенным.

«Это делает меня чуть-чуть счастливей, дорогая моя, — подумал он. — Мне не кажется, что тебе подобает насыпать курган на Холме Основателей, как они собираются. Я хотел бы, чтобы твой пепел развеяли над землей и морем, отдали солнцу и ветру. И тогда, если я вернусь еще сюда, я мог бы представлять себе, что любой проблеск света — это ты. Но они знают, что делают, они — твой народ. Это я — сентиментальный старый дурак. Если бы ты могла знать, ты бы посмеялась?»

Он подошел поближе.

Ты верила, что будешь знать, Козара. И если так, то разве не сможешь ты мне тоже поверить — поверить в то, что ты по-прежнему есть?

Единственным ответом ему был голос священника, произносивший древние слова. Флэндри кивнул. Большого он и не ожидал. Он не мог удержаться и не сказать ей: *Прости меня, милая.*

Я не могу целовать то, что осталось — я ведь целовал тебя. Он пытался отыскать самые лучшие слова для прощания на всех языках, которые знал. *Сайонара.* Потому что так и должно быть. Отступив на шаг, он трижды низко поклонился, повернулся и вышел.

Бодин Миятович с женой ждали его снаружи. Погода улучшилась, как будто в преддверии зимы их посетил призрак весны. Прохожие оглядывались на трех человек, стоявших на лестнице, говорили что-то спутникам, но не останавливались — на Деннице учили хорошим манерам.

Драга Миятович взяла Флэндри под руку.

— Что с вами, Доминик? — встревоженно спросила она. — Вы так побледнели.

— Нет, ничего. Я быстро поправляюсь — благодаря вашей доброте.

— Вам нужно отдохнуть. Я заметила, что вы час за часом проводите над тем отчетом... — Выражение его лица заставило ее умолкнуть.

Чуть погодя он вздохнул, разжал кулаки и заставил мысли о том, что предстоит сделать, вытеснить то, другое воспоминание.

— У меня не было выбора, — сказал он. И повернулся к ее мужу: — Бодин, я готов к работе. С вами. Видите ли, я нашел вам цель.

Господарь огляделся по сторонам.

— Что? Подождите с этим, — предостерег он.

— Верно, мы не можем обсуждать это прямо здесь, — согласился Флэндри. — Тем более на святой земле... хотя она и не возражала бы.

Она никогда не была злопамятна. Но она понимала, как это важно для ее мира, чтобы в бессвязном бормотании моего сына я нашел то, что, как я надеялся, можно было там найти — координаты Херейона, родной планеты Айхарайха.

Глава 19

Рейдеры деннициан встретили стражей красного солнца, и засверкали молнии.

В командной рубке «Ватре Звезды» Бодин Миятович не отрывался от дисплея. Цветные мотыльки вокруг звезды показывали, где находится каждый из кораблей его флота, и отображали всю информацию, которую могли добыть разведчики и приборы. Но их огненный танец, много говорящий взгляду профессионала, смущал непривычных к нему — это была всего лишь картинка, созданная компьютером. Миятович выругался и огляделся в поисках более вещественных данных.

Его окружал металл, приборы, сложные инструменты управления, вспышки сигнальных ламп, одетые в темную форму люди, исполнявшие свои обязанности. Внизу были двигатели, вентиляторы, тысячи систем корабля. Люди обменивались короткими репликами. Чтобы помочь им побороть усталость, температура воздуха, пахнувшего озоном, поддерживалась невысокой.

Взгляд господара скользнул дальше — по экранам, потолку, палубе — приборы всего лишь заменяли людям органы чувств, которыми, в отличие от корабля, они не обладали, — чтобы не дать им почувствовать себя в ловушке. Тьму наполняло сияние звездных скоплений и Млечного Пути, волшебное свёркание туманностей и нескольких ближних галактик. Здесь, у внешних границ системы, солнце, бывшее целью похода, светило не особенно ярко, уступая сиянию Воина. Иногда вспыхивали и гасли искры ядерных взрывов, достаточно близких, чтобы их можно было увидеть. Но большинство их происходило в отдалении, и ни разу не показался другой корабль, свой или вражеский. Таков был масштаб битвы.

И все же она была незначительной по космическим меркам. Выйдя из гиперпространства, денницианский флот — достаточно сильный, но все же не армия вторжения — повстречался с мерсейскими кораблями, которые преградили ему путь в глубь системы. Они попытались уравнять скорости и лечь на тот же курс, что и нападающие, и сражение растянулось на миллионы километров. Прошли часы, прежде чем два или три корабля сблизились настолько и так уменьшили скорости относительно друг друга, что могли надеяться поразить противника. И зачастую их встреча была очень краткой, а после нее опять тянулись часы маневров. Это давало время на ремонт, заботу о раненых, молитвы за погибших.

— Они основательно защищены, — прорычал Миятович. — Кто же ждал, что их будет так много?

Разведчики не сумели его предупредить. Успех атаки зависел исключительно от быстроты. Мерсейские наблюдатели по соседству с Зорей наверняка засекли отлет флота. Одни должны были доложить своим хозяевам, другие — пересчитать корабли и попытаться выяснить их цель. (Некоторые из них были изобличены и уничтожены, но не похоже, что все.) Как ни тщательно прокладывался курс, как ни пустынна была та часть космоса, куда направлялись корабли деннициан, за три недели полета след, оставленный их двигателями в гиперпространстве, был обнаружен кораблями, оказавшимися в пределах досягаемости. Такое количество чужих кораблей, прорывающихся через владения Мерсейи, не могло не вызвать появления флота.

Если Миятович хотел что-то сделать с Херейоном, он должен был добраться туда, завершить свою работу и удрать прежде, чем сможет прибыть подкрепление. Если бы его разведчики подобрались слишком близко к солнцу, местонахождение которого было, кажется, самым большим секретом Ройдхуната, они могли бы раскрыть его намерения. Он должен был попросту обрушиться во всеоружии и надеяться на лучшее.

— Мы можем их одолеть, не так ли? — спросил он.

— О да. Мы превосходим их численностью и огневой мощью. Удивительно, что они еще не отступают.

— Мерсейцы не трусы, — заметил капитан Йулинац, штурман дредноута. — Разве вы на их месте не выполнили бы приказ?

— Если бы полученные мной инструкции включали в себя разумную оговорку, что не следует сражаться в заведомо проигрышной ситуации, — да, не выполнил, — сказал Райх. — Мерсейцы ведь тоже не идиоты.

— Может, они ждут подкреплений? — предположил Миятович. Он покусывал ус и хмурился.

— Сомневаюсь, — ответил Райх. — Мы знаем, что никакие значительные силы не могут добраться до нас в ближайшее время. — Он разослал разведчиков достаточно далеко от этой звездной системы, а ведь их собственные силы уже прибыли на место. — У них должна быть та же самая информация, на основе которой они придут к такому же выводу.

Флэндри, стоявший рядом, выделяясь на их фоне своей терранской формой — бело-сине-красное рядом с индиго и серым, — откашлялся.

— Ну что же, — сказал он. — Ответ ясен. У них приказ стоять насмерть. Они ни при каких обстоятельствах не могут отступить от Херейона. В крайнем случае они должны попытаться свести к минимуму наши возможности нанести ущерб планете.

— Тупоголовая доктрина, — проворчал Райх.

— Вовсе нет — если они охраняют нечто жизненно важное, — сказал Миятович. — Что бы это могло быть?

— Мы можем попытаться взять пленных, — предложил Йулинац. Это было сказано без энтузиазма, поскольку увеличивало степень риска для его людей.

Флэндри покачал головой:

— Бесполезно. Вы разве не слышали, что я сообщил вам по дороге сюда? Никто не садился на Херейоне, кроме как по специальному разрешению, которое чертовски тяжело получить — необходимо разрешение как регионального трибуна, так и властей планеты, и перемещения строго ограничены. Я не думаю, что хотя бы один из тех, с кем мы сейчас сражаемся, приближался к планете ближе чем на расстояние астрономической единицы.

— Да, да, я слышал об этом, — сказал Йулинац. — Какое же влияние должны иметь эти существа!

— Вот почему мы напали на них, — проворчал себе в бороду господарь.

Йулинац стал смотреть на обзорный экран. Зеленая точка мигнула — крейсер еле держался против трех вражеских кораблей. Желтая точка угасла, за ней — еще одна: два корвета потеряны.

— Стоит ли это все наших потерь? — резко спросил он.

— Пока мы не можем этого сказать. — Миятович пожал плечами. — Мы можем отступить и направиться домой, зная, что нанесли урон врагу. Но тогда мы никогда не узнаем, что за возможность у нас была и чего мы навеки лишились. Мы будем продолжать.

В конце концов, главная обязанность вождя — сказать: «Да падет это на мою голову».

— Джентльмены!

Все взгляды обратились к Флэндри.

— Я предвидел подобные затруднения. Что нам нужно, так это быстрая разведка, чтобы выяснить, что же такое там, на Херейоне, и доложить. Тогда мы сможем решать.

Райх фыркнул:

— Нам нужно еще право накладывать вето на законы статистики.

— Если охрана на таком расстоянии настолько плотна, — добавил Йулинац, — каковы шансы у лучшего скоростного корабля любого военного флота подобраться поближе?

Миятович понимающе вздохнул.

— У нас есть мой корабль, — сказал Флэндри. — Он был построен не для военного флота.

— Нет, Доминик, — возразил Миятович.

— Да, Бодин, — отозвался Флэндри.

«Ватре Звезда» произвела залп. Поблизости не было ни одного врага. Никто не мог сравниться с кораблем класса «нова». Он был огромен, нес тяжелое вооружение, его двигатели были невообразимо мощными, как и его защитные поля, — корабль был предназначен скорее не для того, чтобы сражаться, а чтобы обеспечить безопасность скрытого в сердцевине корабля командного пункта. При сложившихся обстоятельствах то, что корабль дал залп с расстояния более миллиона километров, было необъяснимо. У врагов было время проследить эти ракеты и уклониться или расстрелять их на подходе.

А объяснение было таково: залп прикрывал старт «Хулигана».

Кораблик выскользнул из дока, проскочил в открывшуюся на мгновение в защитных полях дыру, похожий на посторонний взгляд на большую торпеду. На его обзорных экранах промелькнул дредноут, огромная туша с орудиями, дюзами, прожекторами, сенсорами, генераторами, люками, смотровыми куполами на фоне звезд. Ускорение заставило дредноут так быстро уменьшиться в размерах, что Йован Вимезал задохнулся, словно в рубке не было постоянной денницианской гравитации и на него навалилась перегрузка.

Флэндри, сидевший в пилотском кресле, посмотрел на показания приборов, проделал какие-то вычисления, кивнул и откинулся назад.

— Мы не приблизимся к ней раньше, чем через три четверти часа, — сказал он. — А между нами и целью ничего нет. Отдыхай пока.

Вимезал — молодой кадровый военный, лейтенант морской пехоты, двоюродный брат Козары, невыносимо похожий на нее — отстегнул ремни безопасности. Он был приглашен в рубку из

вежливости. Вообще-то сейчас, при прохождении рядом с тем вражеским кораблем, по которому был выпущен залп, он должен был быть внизу со своими людьми, ободряя их, насколько это возможно в ситуации полной беспомощности, а здесь в качестве второго пилота должен находиться Чайвз.

Он спросил без боязни, скорее смущенно:

— Сэр, вы в самом деле думаете, что мы сможем пройти мимо? Они очень скоро поймут, что это не торпеда, а управляемый корабль. Я не думаю, что они ограничатся предупреждением, они попытаются уничтожить нас.

— Ты вызвался добровольно, не так ли? После предупреждения о том, что это опасная миссия.

Вимезал вспыхнул:

— Да, сэр. Я не иду на попятный. Я просто удивляюсь. Вы ведь говорили, что наша затея не обязательно самоубийственна.

Шансы у нас есть, мой мальчик.

— Вы сказали, — лейтенант запнулся, — что ваши осцилляторы так хорошо настроены, что вы можете войти на гипердвигателе глубоко в гравитационное поле и подойти достаточно близко к солнцу. Вы так и планировали наш полет. Но почему не сразу? Зачем сначала идти напрямиком на вражеские орудия? Я просто интересуюсь, сэр.

Флэндри улыбнулся:

— Я так и понял. Извини, если заставил тебя подумать, будто я предположил совсем другое. Причина проста. У нас сейчас большая кинетическая скорость относительно Херейона. Не нужно тратить энергию на релятивистское движение на околосветовых скоростях. Где-то впереди мы должны уравнивать наш вектор движения с планетным. Это лучше сделать здесь, где у нас есть пространство для маневра, чем вблизи от планеты, где должно быть полно защитных приспособлений. Мы выигрываем время — чтобы в конце концов преподнести сюрприз, выпустив ракету, пока мы уравниваем скорости. Но ракета должна иметь цель. Этот корабль подходит как нельзя лучше.

Вимезал с облегчением вздохнул:

— Спасибо, сэр. Я играю в кости и знаю, когда нужно сдаться.

— Я предпочитаю покер. — Флэндри предложил ему сигарету, которую тот взял, и закурил сам. Это навело его на мысль о другом. Как странно, что он будет продолжать пользоваться портсигаром — вещью, которой он ударил собственного сына, — и не испытывать при этом никаких чувств.

А зачем выбрасывать вещь, которая мне снова понадобится? Я научился отказываться от романтических жестов, исключая случаи, когда они служат целям практической демагогии.

Вимезал смотрел вперед, на рубиновое солнце. Да, его профиль на фоне звездных облаков Стрельца так же напоминал Козару, как Доминик-младший — Перси.

Что я смогу написать Перси? Да и смогу ли?

Может быть, ответ в данном случае — носить этот портсигар в кармане всю оставшуюся жизнь.

— Какая информация у нас есть? — спросил лейтенант почти шепотом.

— Очень мало, и большую часть ее мы собрали по ходу дела, — ответил Флэндри. — Звезда — красный карлик, на миллиарды лет старше Сола или Зори, но переживет их. Планета бедна металлами, — как Диомеда, куда я затащил ее ради этой проклятой Империи, — Система вполне обычная для этого типа, что бы это ни означало; семь планет, Херейон предположительно единственная обитаемая. Больше мы ничего сказать не можем — жизнь никаким правилам не подчиняется. Я ожидаю, что Херейон окажется... э-э... интересным.

И не таким уж неподходящим местом для моих костей.

Флэндри вдыхал табачный дым и смотрел наружу. Он не искал смерти. За последние несколько недель его раны зарубцевались. Но шрамы — это не живая ткань. Мысль о смерти его больше не страшила.

Однако он хотел бы оставить в тылу Чайвза и кузена Козары.

Экран заслонил мерсейский корабль, похожий на наконечник копья среди звезд.

— Торпеда, сэр, — сказал Чайвз. — Расстрелять ее?

Его пальцы пробежались по пультам управления. Метнулся сноп огня. Компьютерная система обнаружения сообщила, что цель поражена. Ракета прекратила ускорение. Не то двигатель отказал, не то это был запланированный трюк. Во втором случае, если «Хулиган» продолжит движение по тому же вектору, они окажутся достаточно близко, чтобы излучение взорвавшейся боеголовки ослепило электронику, оставив корабльк беспомощным и убив его команду.

— Стреляй, пока мы не будем уверены, — приказал Флэндри.

Это требовало быстрого изменения курса. Двигатели взвыли, сталь содрогалась от напряжения, созвездия закрутились. Флэндри чувствовал, как закипает кровь, и знал, что он остается охотником.

Фонтан пламени. Удар сотряс корпус и все внутри. Палуба вздыбилась. Откуда-то сзади донесли приглушенные крики.

Силовые поля стабилизировались.

— У ракеты явно был запасной детонатор, — сказал Чайвз. — Он сработал в безопасном отдалении от нас, и наши силовые

экраны отразили случайные осколки. Эти крокохвосты зачастую неумелые механики, вы согласны, сэр?

Его собственный хвост изящно свернулся.

— Может быть. Но не стоит недооценивать херейонитов. — Флэндри изучал показания приборов.

Его пульс участился. Они приближались к цели. Несколько минут сверхсветовой скорости — и они будут там, и...

— Приготовиться, — скомандовал он.

Глава 20

Самое странное было то, что ничего не случилось. Планета одиноко вращалась вокруг своего тлеющего солнца. Атмосфера окружала ее тонким покрывалом, переливающимся от голубого до пурпурного в холодном космосе. Оттенки — ржавое железо и коричнево-желтый, покрытый сине-зелеными пятнами, яркие полярные шапки, яростный блеск немногих морей, которые еще оставались на планете. Рядом висела небольшая луна.

Это должен был быть тот мир, который искал Флэндри. Других возможностей не было. Но кто стоял здесь на страже? Война бушевала снаружи — а здесь его детекторы зарегистрировали лишь несколько автоматических станций на орбите, которые было легко миновать. Тишина заполнила корабль и пилотскую кабину.

Чайвз нарушил молчание:

— Анализ показывает, сэр, что условия жизни для нас там пограничные. Биотипы того сорта, который, кажется, там попадает — очень редко, — приспособились к условиям существования, но не могут происходить отсюда. Учитывая слабую освещенность, для таких огромных потерь атмосферы и гидросферы требуется невообразимо много времени. — Он сделал паузу. — Древность и безжизненность планеты просто подавляют, сэр.

Флэндри пробормотал, уткнувшись в окуляры сканнера:

— Там есть города. В хорошем состоянии, и термоядерные станции работают... хотя выдают слишком мало энергии для построек таких размеров... Пустыни безжизненны, а занятые растительностью районы не выглядят ухоженными — слишком засоленные, я полагаю. Может быть, жители употребляют синтетическую пищу. Но почему не видно никакого движения? Почему нет ни спутниковых, ни наземных оборонительных систем?

— Что касается последнего, сэр, — предположил Чайвз, — то обитатели могли целиком предпочесть созерцательное, аскетическое существование. Разве Айхарайх не намекал вам на это? А что до первого вопроса, то мерсейские корабли создали заслон, кото-

рый не пропускает никого, кроме немногих имеющих на это разрешение.

— То есть, — оживился Флэндри, — если пришельцы вроде нас когда-нибудь подберутся так близко, это сразу станет очевидным?

— Я не предполагаю, что у них нет никаких хитростей в резерве, сэр.

— Да-а-а. Ройдхунат не стал бы приглядывать за простыми философами. — Решение пришло к Флэндри, как меч входит в ножны. — Мы не можем узнать больше, находясь здесь, и каждая секунда промедления дает им лишний шанс заметить нас и приготовить ловушку. Мы садимся!

Он дал на двигатели полную мощность.

Тем не менее приближался к планете он с осторожностью. Кроме всего прочего, нужно было уравнивать давление воздуха. (Звуки стали тише, пульс ускорился, дыхательные мышцы заработали так, что скоро стали болеть. Флэндри быстро перестал замечать это, поскольку всегда заботился о том, чтобы его организм был приспособлен к разреженному воздуху. Но он был рад тому, что гравитация снаружи не превышала половины g.) Разворачиваясь над ночным полушарием, он рассмотрел сверкающие башни, разбросанные среди скал и песчаных пустошей, удивляясь тому, что видит, и придумывая план.

— Мы найдем освещенное солнцем местечко и сядем поблизости от башни, — объявил он по интеркому. — Если они не захотят говорить с нами, мы пойдем и поговорим с ними сами. — Пока что приемник не мог поймать ничего ни на каких волнах.

Нет! Экран вспыхнул. Он взглянул в лицо первого херейонита, которое, он уверен, не было лицом Айхарайха. Оно было столь же прекрасно, столь же спокойно, но так же отличалось от лица Айхарайха, как различаются лица двух разных людей. И с самого начала, еще прежде, чем тот заговорил, он ощутил... тяжесть — ни сардонического юмора, ни вспышек сожаления.

— Поговори с ним, Чайвз, — приказал он. Послышался свист, и пустыня уже не висела впереди, а переместилась вниз. «Хулиган» был сейчас куда более легкой целью, чем в космосе.

— У вас нет разрешения на посадку, — донеслось с экрана на эрио. Голос был мягким, но не певучим, как у Айхарайха. — Ваши действия запрещены под страхом наказания по личному приказу ройдхуна, возобновляемому при каждом новом царствовании. Можете ли вы предложить оправдание своим действиям?

«Ого! — пронеслось в голове Флэндри. — Неужели он принял нас за мерсейский корабль, а меня — за человека-мерсейца?»

— Чрезвычайные обстоятельства, — решил попытаться он, слишком удивившись, чтобы выдумать гладкую историю. Он ожидал, что ему придется представиться почти что тем, кем он был, и

действовать с позиции силы, угрожая ближайшему городу своими пушками и ракетами. Удалась бы или нет такая попытка, Флэндри не имел ни малейшего представления. В лучшем случае, как он думал, он мог добыть намеки на то, что за существа обитают здесь.

— Ваш корабль не потерял управления? — спросил голос.

— Нет. Дайте мне поговорить с высокопоставленным офицером.

— Переместитесь примерно на пятьсот километров к северо-западу от нынешнего вашего положения. Приготовьтесь записать карту. — Изображение исчезло, и появилась карта с двумя треугольниками на ней. — Красная отметка показывает, где вы находитесь в данный момент, синяя — отведенную вам посадочную площадку. Вы останетесь на борту и будете ждать инструкций. Понятно?

— Мы попробуем. Мы... э-э... у нас слишком высокая скорость. Для корабля резкое торможение небезопасно. Вы можете дать нам примерно полчаса?

Айхарайху не понадобилось бы потратить несколько секунд на то, чтобы принять решение.

— Хорошо. Помните, в случае отклонения от курса вы можете подвергнуться обстрелу. Отправляйтесь.

И Айхарайх не прервал бы разговор, не задав больше ни одного вопроса.

Снаружи была уже не чернота, а пурпур. Корабль грохотал над пустыней.

— Что за *черт*, сэр! — вырвалось у Чайвза.

— Согласен, — отозвался Флэндри. Они оба перешли на малоизвестный язык, понятный обоим. — Говори на этом языке, пока этот канал связи включен.

— Что мы будем делать?

— Сначала посмотрим снимки того места, куда, как предполагается, мы должны направиться. — Пальцы Флэндри пробежались по консоли. На встроенном экране появилось изображение поверхности, — сильно увеличенный, сделанный из космоса снимок. Его натренированный взгляд сразу выделил существенные детали. — Космопорт, да, стандартное для мерсейцев расположение: терминал, подсобные строения. Скромных размеров, никаких кораблей на стоянке. И затерян в глуши. — Флэндри покрутил ус. — Держу пари, именно там и должны приземляться все вновь прибывшие. А потом их везут в закрытой машине в строго ограниченный район, который они только и видят.

— Мы подчинимся, сэр?

— М-м, было бы жалко миновать тот прекрасный город, который мы имели в виду. Кроме того, в космопорту у них тяжелое вооружение, это видно по нашим снимкам. Так что там мы будем

в их власти. И в то же время, как я подозреваю, угроза подстрелить нас — блеф. Представь себе, что чужак ворвался в запретную зону на нормальной планете — когда вся Солнечная система подверглась вторжению! Почему нас по крайней мере немедленно не окружили военные суда?

— Очень хорошо, сэр. Мы сядем через пять минут. — Чайвз просительно посмотрел на своего хозяина. — Сэр, я и в самом деле должен остаться в тылу, когда вы высадитесь?

— Кто-то должен прикрывать нас, готовый ввязаться в драку, если понадобится. Мы — разведчики, а не герои. Если я вызову тебя и скажу: «Беги», Чайвз, ты дашь деру.

— Да, сэр, — выдал из себя шалмуанин. — И все же, пожалуйста, позвольте мне опротестовать ваше решение не надевать брони, в отличие от ваших людей.

— Я хочу иметь возможность пользоваться всеми органами чувств. — Флэндри криво усмехнулся и потрепал его по теплomu зеленому плечу. — Боюсь, я частенько злоупотреблял твоей преданностью, старина. Но до сих пор ты меня не подводил.

— Благодарю вас, сэр. — Чайвз смотрел на свои руки. — Я... постараюсь... соответствовать.

Время летело.

— Внимание! — раздалось с экрана. — Вы сошли с курса! Вы на совершенно запретной территории!

— Говори, говори, — усмехнулся Флэндри. Он наполовину надеялся спровоцировать реальный отпор. Голос только порицал.

Раздался глухой удар, корабль содрогнулся. Завывания ветра и двигателей стихли. Они сели.

Флэндри рывком поднялся из своего кресла, схватил боевой шлем и на бегу надел его. Под шлемом он уже носил экран от телепатического воздействия, как и все остальные на борту корабля. Кроме этого, на нем не было ничего, кроме серого комбинезона и прочных кожаных башмаков. На груди и спине висели силовые батареи и панель управления гравипояса. В поясных сумках были полевые рационы, аптечка, фляжка воды, боеприпасы, бластер, пистолет и мерсейский боевой нож.

Во главе дюжины денницианских морских пехотинцев Флэндри промчался по выдвинувшемуся из корабля пандусу и прыгнул на поверхность Херейона. Под прикрытием корпуса «Хулигана» он огляделся по сторонам, держа оружие наготове.

Посвист ветра — режущего, холодного и сухого. Он нес железный привкус нескончаемых песчаных пространств. В фиолетовом безоблачном небе горело полуденное красное солнце: большего диаметра, чем видимый с Терры Сол, менее яркое, чем солнце Диомеды. Прищурясь, он мог смотреть на него несколько секунд, не боясь ослепнуть, а сквозь ресницы различал чудовищные тем-

ные пятна и полосы. Светило не зайдет еще много часов — древняя планета вращалась так устало...

Дюны цвета киновари и охры, простиравшиеся до горизонта, были перечеркнуты длинными лиловыми тенями. Тут и там возвышались изъеденные обломки скал, синевато-багровые от минеральных осадков, утесы, которые когда-то были горами. Вдалеке пустыня казалась совершенно мертвой. Вокруг города росли редкие кусты, листья которых радужно переливались, как кристаллы. Сам город стоял на основании, уходящем глубоко в землю; за истекшие века почва вокруг выветрилась, сделав необходимым регулярный ремонт.

Город не был огромным муравейником, как на Terre или Мерсейе, — на Херейоне вообще ничего такого не было. Это был овал примерно десяти километров шириной в самой широкой части, совершенство пропорций которого Флэндри распознал издалека, хотя и сам не знал, каким образом. Здания по периметру были одноэтажными, со стройными колоннами. За ними, поднимаясь все выше и выше, дома росли, пока не превращались в башни. Гармония цветов и оттенков нарушалась немногочисленными окнами, взаимодействие геометрических фигур вызывало иллюзию бесконечности. Дух возносился вслед за этими линиями и изгибами, внимая их беззвучной музыке.

И тишина... только слышалось бормотание ветра.

Прошло бесконечно долгое время.

— Боже милостивый, — вздохнул лейтенант Вимезал. — Неужели мы видим Небеса?

— Так что, Небеса пусты? — тихо отозвался кто-то еще.

Флэндри встряхнулся, направив все внимание на знакомые и привычные фигуры людей в защитной броне, их оружие и гранаты, чтобы напомнить себе о поставленной цели.

— Нужно это выяснить, — слова прозвучали резко и громко. — Это просто большой населенный пункт, вполне типичный для планеты, насколько я могу судить. — *Не то чтобы они были похожи. Каждый — отдельная песня.* — Если он пуст, мы можем предположить, что все они таковы.

— Зачем мерсейцам охранять такую... древность? — спросил Вимезал.

— Может быть, они и не охраняют. — Флэндри включил свой миником. — Чайвз, взлетай при первом признаке неприятностей. Сражаться или нет — решай сам. Я думаю, мы сможем поддерживать радиосвязь из города. Если же нет, я могу попросить тебя подняться. Ты получал еще сообщения?

— Нет, сэр, — донесся слабый голос. — Передача прекратилась, как только мы сели.

— Свяжись со мной, как только она возобновится... Джентльмены, за мной — в боевом порядке. Если со мной что-то случится, помните, что ваша обязанность — вернуться к флоту, если это возможно, или прикрыть отступление нашего корабля, если понадобится. Вперед.

Флэндри кинулся вперед — длинными прыжками. Тело ощущало чудесную легкость, оно было таким же легким, как тени впереди, а воздух был алмазно-прозрачным. Однако за спиной он слышал гудение гравигенераторов десантников. Он напомнил себе, что нужно лететь как можно ближе к поверхности, чтобы оказаться трудно поражаемой мишенью, что пространство, которое им предстоит пересечь, совершенно открыто, что эта невероятная ясность и чистота может быть смертоносной. За несколько минут он покрыл пару километров. Одна его половина оставалась настороже, а другая желала, чтобы Козара могла как-нибудь из своего далека увидеть это чудо.

Основание города все больше и больше закрывало небо, пока наконец Флэндри не оказался под его отвесными стенами. Лазурный материал, из которого они были сделаны, выстоял и против удара, и против лазерного луча бластера так же, как выстоял против промчавшихся эпох. Флэндри взлетел вверх и оказался в городе.

Широкие улицы такой же синевы простерлись перед ним, окаймленные танцующими рядами колонн и фризами зданий, которые могли бы быть храмами. Чем дальше он смотрел, тем выше вздымались стены, колонны, шпили, купола, спирали, и каждый шаг раскрывал перед ним новую перспективу, так что все это становилось живым, загадочным, простым, могущественным, успокаивающим, необыкновенным. Но звук шагов отдавался эхом в пустоте.

Они продвинулись примерно на километр, когда неожиданное явление заставило их нервы напрячься и изготовить оружие к бою.

— Отставить, — приказал Флэндри. Предмет яйцеобразной формы размером примерно с человека выплыл из боковой улицы, выставив шупальца, каждое из которых оканчивалось инструментом или датчиком. Его очертания были прекрасны. Он проплыл мимо и исчез, удалившись по своим невообразимым для человека делам.

— Это робот, — предположил Флэндри. — Полная автоматизация, чтобы город мог существовать и функционировать — сколько миллионов лет?

Собственная прозаичность показалась ему оскорбительной, словно он плюнул на освященную землю.

Нет, черт побери! Я охочусь на убийц моей женщины.

Он вступил на мозаичную площадь и увидел их.

Через арку на дальней стороне площади шли высокие фигуры, облаченные в белое, с непокрытыми головами, чтобы перья могли свободно реять над сверкающими глазами и царственными лбами. Их было около дюжины. Некоторые несли что-то вроде книг и свитков, какие-то тонкие загадочные предметы, другие, казалось, были погружены в беседу — разум с разумом, или медитировали. При виде людей большинство из них повернуло головы в их сторону, но тут же, словно восприняв всю информацию, содержащуюся в факте их появления, вернулось к размышлениям, к своим обычным делам — делам мудрости?

— Что делать, сэр? — шепнул Вимезал на ухо Флэндри.

— Поговорить с ними, если они ответят, — сказал терранин. — Или даже взять их в плен, если обстоятельства позволят.

— А можно? И нужно ли? Я пришел сюда из мести, но... Боже, какие же мы отвратительные обезьяны!

Где-то тренькнул предупредительный звоночек.

— А не думаешь ли ты, — пробормотал Флэндри, — что именно этого они и хотят: чтобы и мы, и все, кому удастся проникнуть так далеко в их святая святых, казались себе отвратительными животными?

Он быстро зашагал по чудесному узору. Под стрельчатой аркой один из херейонитов остановился, повернулся, поманил и стал ждть. Вид вынутого из кобуры бластера и воинственных фигур за спиной Флэндри не смутил спокойствия этого золотистого лица.

— Приветствую, — раздалось слово на эрио.

Флэндри протянул руку. Тот отстранился от грубоватого жеста.

— Мне нужен кто-нибудь, кто может говорить от имени вашего мира, — сказал человек.

— Каждый из нас может, — раздался напевный ответ. — Зови меня Лианнатан, если хочешь. У тебя есть имя, которым можно воспользоваться?

— Да. Капитан сэр Доминик Флэндри, Имперский Космофлот Терры. Ваш Айхарайх знает меня. Он есть поблизости?

Лианнатан оставил вопрос без внимания.

— Зачем ты возмущаешь наше спокойствие?

По спине Флэндри пробежал холодок.

— Разве вы не можете читать мои мысли? — спросил он.

— Как же это? — удивились за спиной.

— Тихо, — предупредил Вимезал напряженным голосом. Не должно быть и намека на экраны, защищающие от телепатии.

— Мы оказываем вам милость отстраненности. — Лианнатан улыбнулся.

Позади него рассказывали философы.

— Я... полагаю, вам известно... что нами предпринята карательная экспедиция, — сказал Флэндри. — Моя группа прибыла для переговоров.

Спокойствие не дрогнуло.

— Подумайте, почему вы враждебны.

— Разве вы нам не враги?

— Мы никому не враги. Мы ищем, мы придаем форму.

— Дайте мне поговорить с Айхарайхом. Я уверен, он где-то на Херейоне. Он покинул систему Зори после того, как его известили, или он услышал в передаче новостей, что его план провалился. Куда еще он мог направиться?

Лианнатан нахмурил брови-перья:

— Вам следует объяснить свои мотивы самому себе, капитан, если не нам.

Флэндри резким щелчком кнопки выключил свой противотелепатический экран.

— Считайте ответ, — бросил он вызывающе.

Лианнатан грациозно всплеснул руками:

— Я сказал вам, что, зная, в какой темноте вы должны обитать, из милосердия мы оставим твои мысли в покое, разве что ты вынудишь нас. Говори.

Уверенность Флэндри росла:

— Нет, ты говори. Что вы такое на своем Херейоне? Что вы говорите мерсейцам? Я уже знаю, или мне кажется, что знаю, но скажи мне.

Ответ прозвучал сурово:

— Мы — не последние из древней расы, другие ушли прежде. Мы — те, кто еще не достиг Цели, и крайняя нужда Вселенной в нашей помощи еще связывает нас. Мы немногочисленны, ибо не в количестве сила. Мы очень близки к тем стремлениям, что лежат за любым стремлением, к тем силам, что превыше сил. — Сострадание смягчило слова Лианнатана. — Терранин, мы оплакиваем твои муки и муки твоих людей. Мы сожалеем, что ты никогда не сможешь почувствовать конечную истину, приобщиться к духу, рожденному страданием. У нас нет желания обращать тебя в ничто. Иди с миром, пока не поздно.

Флэндри почти поверил. Его спасли не чувства, а память.

— Ага! — крикнул он. — Ты, фантом, не морочь мне голову!

Он ринулся вперед. Лианнатана там не было. Он выстрелил из бластера по философам. Они исчезли. Он ворвался в красные тени под аркой и огляделся в поисках проекторов звука и изображения. Повсюду царил бесконечная задумчивая тишина долгого полудня.

В поле зрения возникло изображение одинокого херейонита в короткой белой тунике, вооруженного, но с бластером в кобуре.

Он был изможден — казалось, кости вот-вот прорвут кожу, — однако его плоть и огромные рубиновые глаза были полны такой жизни, какую и представить себе было невозможно в исчезнувших призраках. Флэндри замер.

— Айхарайх!

Он снова включил свой экран. Айхарайх улыбнулся.

— Нет нужды беспокоиться, Доминик, — сказал он на английском. — Это тоже всего лишь голограмма.

— Лейтенант, — бросил Флэндри через плечо. — Будьте готовы к отражению атаки.

— Зачем? — сказал Айхарайх. Вооруженные люди не обратили на него внимания. Его облик мерцал в сумраке под сводом, куда не проникал солнечный свет. — Вы же обнаружили, что у нас нет ничего, чтобы оказать вам сопротивление.

У тебя наверняка есть что-то за пазухой. Флэндри не ответил. *Несколько ракет или что-нибудь еще в том же духе. Ты просто не хочешь использовать их в этом городе. А где же ты сам, и что ты делал, пока нас морочили твои призраки?*

Словно со стороны он услышал свой голос:

— Те, другие, не были с нами на прямой аудиовизуальной связи, в отличие от тебя, не так ли? Не было никакой причины устраивать представление, прикидываться настоящими, если бы они действительно существовали. Это компьютерные подобию, которые нужны, чтобы уводить союзников и врагов в сторону от правды. Ну что же, жизнь сделала меня недоверчивым. Айхарайх, ты в самом деле последний живой херейонит. Самый последний. Не так ли?

Внезапно такая мука исказила лицо Айхарайха, что Флэндри отвел взгляд.

— Отчего они умерли? Как давно?

Ответа он не получил. Вместо этого раздалось:

— Доминик, у нас одна душа, у тебя и у меня. Мы оба всегда были одиноки.

Короткое время я не был одинок, а теперь она — она там, в одиночестве, в вечном одиночестве. Флэндри овладела ярость.

— Ты должен был столетиями играть в свои игры. Зачем? И... по какой бы причине ты ни скрывал, что твой народ вымер... зачем обманывать живых? Ты, ты мог бы просветить их, показать то, что сделало вас, херейонитов... эллинами Галактики — но ты сидел в гробнице или появлялся среди живых как вампир... Ты безумен, Айхарайх? Безумие движет тобой?

— Нет!

Флэндри однажды уже слышал скорбь в мелодичном голосе. Но ему не доводилось слышать стоны:

— Нет! Оглянись. Кто может сойти с ума от этого? Искусство, музыка, книги, мечты — и более того, возвышенный дух миллионолетий — все это, записанное сканнерами, рекордерами... если бы у тебя была возможность повстречаться, с кем хочешь... С Гаутамой Буддой, Конфуцием, рабби Гилелем, Иисусом Христом, Руми... Сократом, Ньютоном, Хокусаи, Джефферсоном, Гауссом, Бетховеном, Эйнштейном, Ульфгейром, Мануэлем Великим, Мануэлем Мудрым — позволил бы ты своим военачальникам обратить все это в орудие для достижения их гнусных целей? Нет!

И Флэндри понял.

Понял ли Айхарайх, наполовину ослепленный воспоминаниями о своих умерших соплеменниках, что он выдал?

— Доминик, — торопливо шептал он. — Я воспользовался тобой, как и многими другими. Это произошло не по моей воле. Ну да, правда, это было искусство, спорт — и для тебя тоже, — но мы служили: ты — цивилизации, которая, как ты знаешь, умирает, я — наследию, которое, я знаю, может существовать, пока существует это солнце. Кто из нас больше вправе? — Он протянул вперед нематериальные руки. — Доминик, остановись. Мы подумаем, как увести твои корабли и спасти Херейон...

Флэндри снова стал той же машиной, которая приговорила его сына.

— Я должен буду заманить свой отряд в какую-то ловушку. Мерсейя получит обратно планету и все, что она дает. Твой танец теней будет продолжаться. Верно?

— Да. Что значат для тебя несколько жизней? Что значит для тебя Терра? Кто вспомнит об империях через десять тысяч лет? Но могут вспомнить тебя, спасшего Херейон.

Огоньки свечей вокруг гроба. Флэндри покачал головой:

— Слишком много предательств ради слишком многих идеалов. — Он повернулся. — Возвращаемся.

— Есть, сэр, — прозвучало с облегчением.

Призрак Айхарайха сложил руки вместе, словно просил о чем-то. Флэндри коснулся переключателя гравипояса. Толчок — и он взмыл над городом в угасающий сумрачный день. За ним следом летели похожие на роботов люди.

— *Бригайте!* — крикнул Вимезал. — Берегись!

Из самой высокой башни рванулась дюжина копьевидных предметов. От них потянулись огненные лучи. «Дистанционно управляемые флайеры, — понял Флэндри. — Неужели Айхарайх все еще на что-то надеется, или он хочет только мести?»

— Чайвз, — сказал он в микрофон. — Подбери нас!

С брони Вимезала посыпались искры. Он перевернулся в воздухе быстрее, чем это казалось возможным для человека в броне. Его энергетическое оружие, почти такое же мощное, как

примененное против них, выстрелило в ответ. Грохот и сияние. Воздух тоненько зазвенел. Вражеский флайер рухнул и взорвался. Осколки повредили изящный фасад.

— Защищайте капитана, — приказал Вимезал.

Бойцы сомкнулись вокруг Флэндри. Залпы преследовали их. В голове шумело, было жарко. Защищая его, десантники не могли маневрировать. Флайеры приближались.

И тут на них упала тень от корпуса, закрывшего солнце. Полыхнул огонь. Эхо отдалось и смолкло в дымящихся руинах внизу. Вимезал радостно закричал и жестом приказал своим бойцам расступиться, чтобы Флэндри мог первым войти в открытый люк «Хулигана».

Израненный, потрепанный, победоносный денницианский флот вышел на орбиту вокруг Херейона. В рубке Бодин Миятович и его военачальники долго стояли, глядя на обзорные экраны. Там среди звезд мягко сверкала планета, как знак мира. Но виденные ими раньше снимки, услышанные рассказы заставляли этих суровых людей колебаться.

Миятович спросил в тишине:

— Должны ли мы открыть огонь?

— Да, — сказал Флэндри. — Мне тоже ненавистна эта мысль.

Квоу из Нового Афероха вострепнулся. Его сняли с разбитого легкого крейсера, он опоздал и знал меньше остальных.

— А разве саперы не могут сделать того, что необходимо? — возразил он.

— Хотел бы я, чтобы смогли, — вздохнул Флэндри. — У нас нет времени. Я не знаю, на сколько миллионов лет истории мы смотрим. Как можем мы прочесть их прежде, чем прибудет мерсейский флот?

— Так вы уверены, что сиюминутный выигрыш может оправдать деяние, которое однажды заставит любителей прекрасного, искателей знаний проклинать наши имена? — требовательно спросил змай. — Может ли на самом деле здесь быть центр разведки противника?

— Я никогда так не говорил. Это явно не так. Но планета должна быть чертовски важна сама по себе. Мы не можем причинить им худшего урона, чем вырвать ее у них.

— Ваши логические выводы весьма шатки.

— Ничего подобного! Разве смертные были когда-нибудь уверены в чем-то? Но послушайте, Квоу. Когда мерсейцы открыли Херейон, они уже стремились к завоеваниям. Айхарайх, сидевший среди призраков, которые оживляли для него великолепные компьютеры — эти компьютеры и программы мы сегодня не можем даже представить себе, так вот, он понял, что они стремятся применить всю эту технику для своих воинственных целей. Они

нагнали бы туда своих инженеров, расташили бы все, разобрали на части, не оставив ничего, кроме нескольких обломков в музее. Он не мог вынести этой мысли. Он остановил их своими фантомами. Он заставил их думать, будто несколько миллионов его соотечественников еще живы и способны оказать Ройдхунату ошутимую помощь, а он сам может стать уникальным агентом — если они оставят их в покое. Мы не узнаем, как он произвел впечатление на них, как дурачил этих тугодумных военных правителей. Он это сделал, вот и все. Они поверили, что у них есть союзный мир, населенный суперинтеллектами, к которым лучше относиться с почтением. Он владел компьютерами, базами данных, невообразимыми хранилищами знаний, чтобы давать им советы... превосходные советы. Но мерсейцы так и не заподозрили, сколько всего они смогут получить и что для этого нужно сделать. Может быть, он хотел как-то повлиять на них, сделать их учениками Херейона. Или, может быть, он просто тянул время, ожидая, пока они тоже исчезнут с его планеты.

Флэндри помолчал и закончил:

— Нужно ли нам выяснять это, когда в опасности живые люди?

Господарь выпрямился, подошел к интеркому и отдал приказ.

Затем корабли выбрали цели. Флэндри и господарь встали перед экраном, который показывал звезды, лежавшие за пределами, известными Империи.

— Признаюсь, мною движет месть, — признался Миятович. — Иначе мое суждение могло бы быть иным.

Флэндри кивнул:

— Мое тоже. Таковы уж мы. Разве что... Нет, ничего.

— Ты думаешь, мы можем уничтожить все?

— Не знаю. Я считаю, что то, что мы хотим уничтожить, находится под городами — некоторыми из них, — и мегатонны взрывов хотя бы обрушат своды над ним. — Флэндри ударил кулаком по стене. — Я сказал Квоу, что у нас нет ничего, кроме предположений!

— Однако нужно надеяться, что мы разрушим достаточно — а вот доберемся мы до самого Айхарайха или нет...

— Ради него самого будем надеяться, что доберемся.

— Ты склонен к прощению, Доминик? Ну что ж, разведка — мозг военных операций. Мерсейская разведка должна будет... не то чтобы распасться, но растеряться... Император Ханс будет нам благодарен?

— Да, я полагаю, что он будет до конца защищать нас от аристократов, возжелавших наших скальпов. — Флэндри по-волчьему усмехнулся. — На самом деле он должен приветствовать такое решение. Раздор может отпугнуть его влиятельных приверженцев.

И еще... ему придется согласиться с тем, что вы правы, сохраняя свои собственные вооруженные силы.

— Итак, Денница остается в Империи... — Миятович положил руку на плечо Флэндри. — Между нами, друг мой, — я дерзаю надеяться, что то, о чем я забочусь, переживет Империю. Но это мы уже вряд ли увидим. А что ты собираешься делать?

— Продолжать в том же духе, — сказал Флэндри.

— Вернешься на Терру? — Глаза, так похожие на глаза Козары, внимательно изучали его. — Но, Бога ради, зачем?

Флэндри не ответил. Коротко взвыли сирены, и разговор прервался. Началась бомбардировка.

Ракета стартовала с корабля. Она летела среди звезд, похожая на стрелу, а войдя в атмосферу, взвихрила за собой хвост ураганных ветров. Под луной от горизонта до горизонта прокатился грохот, источенные ветром скалы начали рушиться, и обломки покатались на дно каньонов. Когда первые лучи рассвета коснулись ракеты, она превратилась в серебряную комету. Через несколько минут она нашла свою цель — башни и сокровищницы — и нырнула вниз. Город был готов защитить себя от опасности наземной, но в небо были устремлены только сверкающие шпильи.

Огненный шар затмил солнце. Он встал так высоко, что верхний его край достиг границы атмосферы и растекся куполом. Он держался несколько минут, а потом поблек. И тогда поднятая пыль накрыла толстым непроницаемым слоем кратер, полный расплавленного камня. Гнев отмерил время этого мира.

Послышался еще один взрыв, потом еще и еще.

Флэндри смотрел. Прошел час, и он ответил Миятовичу:

— У меня есть мой народ.

Со славой вернулся домой господарь Бодин.

Девыцы пляшут, венчают его цветами. Радостно песни их разливаются от истока Любиши до волн Черна океана, от гор высоких до долин глубоких. Звонят колокола в Зоркаграде, над Стояновым озером разливаются.

Весна настала, и расцвели цветы над курганом, что воздвиг господарь Бодин для святой Козары. Часто молился он там, покуда правил нами. И пока жил он, не смели враги потревожить мир, который она принесла нам — через доблесть господареву. Пойте, пойте славу ему! Да будут милостью Господней рождаться среди нас подобные ему!

И да ободрают они каждого из нас. Ибо на них надежда наша.

Аминь.

Содержание

От издательства	7
День, когда они возвратились, <i>перевод с английского А. Александровой</i>	9
Рыцарь призраков и теней, <i>перевод с английского К. Слепяна, Е. Дрибинской</i>	193

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Собрание фантастических произведений в 30 томах

Том семнадцатый

Составитель *А. Новиков*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редактор *А. Александрова*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Н. Дундина, И. Лаздина*
Операторы компьютерной верстки
Н. Амосова, Е. Глуховская
Оформление шмуцтитолов: *В. Ковалев*

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 22.05.97. Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура Таймс. Печать высокая.

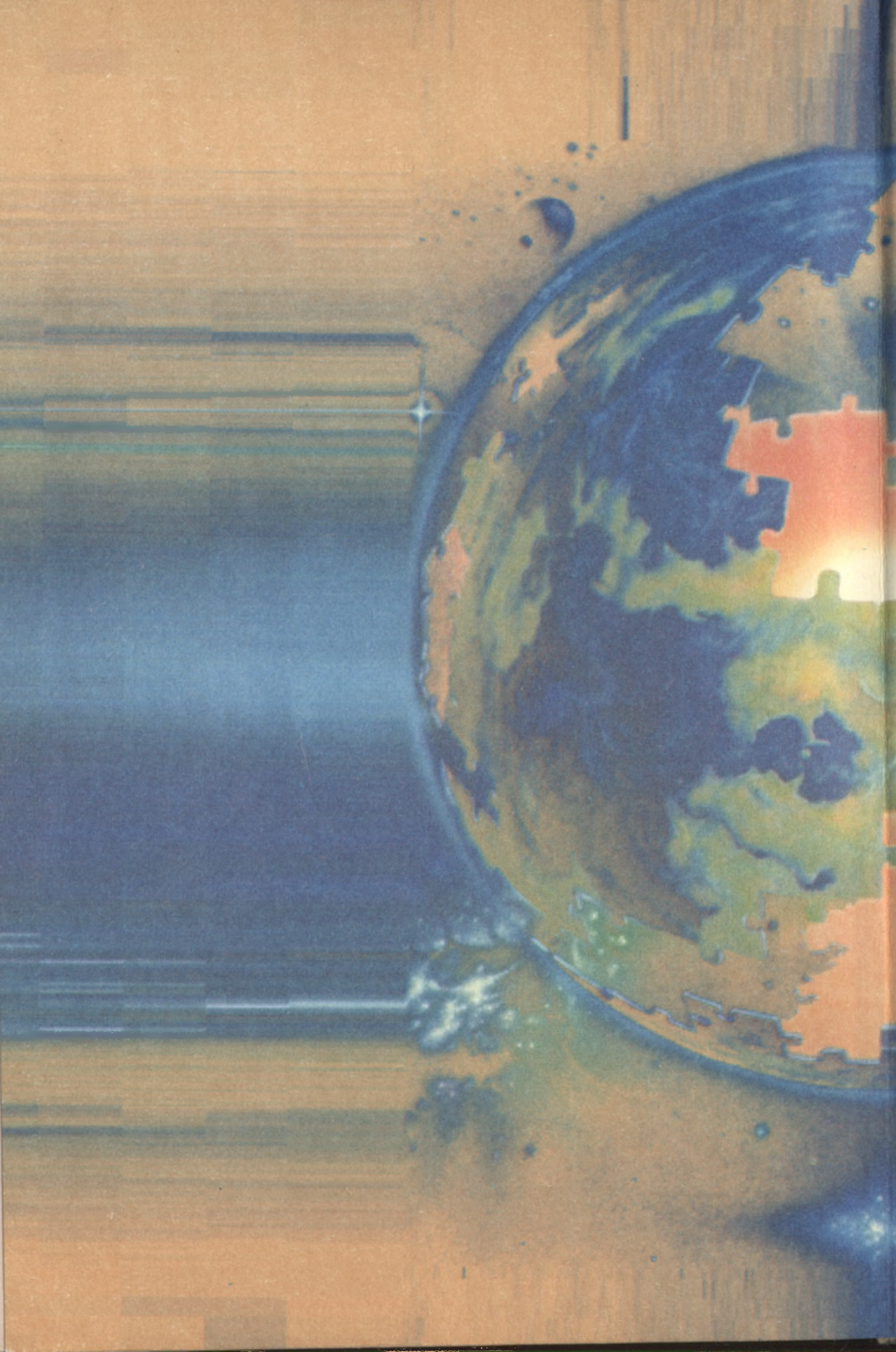
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 8 000 экз.

Заказ № 702.

Издательство «Полярис»
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской Федерации по печати
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

День, когда они возвратились

Разоренный гражданской войной Эней бурлит в ожидании нового взрыва. Комиссар Десаи поклялся установить мир на мятежной планете. Но удастся ли ему это, когда наследник Архонта скрывается среди недовольных, а в далекой Орке возникает странный мистический культ Древних?..

Рыцарь призраков и теней

Любимец и советник нового императора Доминик Флэндри по-прежнему стоит на страже, охраняя Терранскую Империю от происков Мерсейи. Но прошлое уже готово настичь его, и давний спор вот-вот разрешится...

